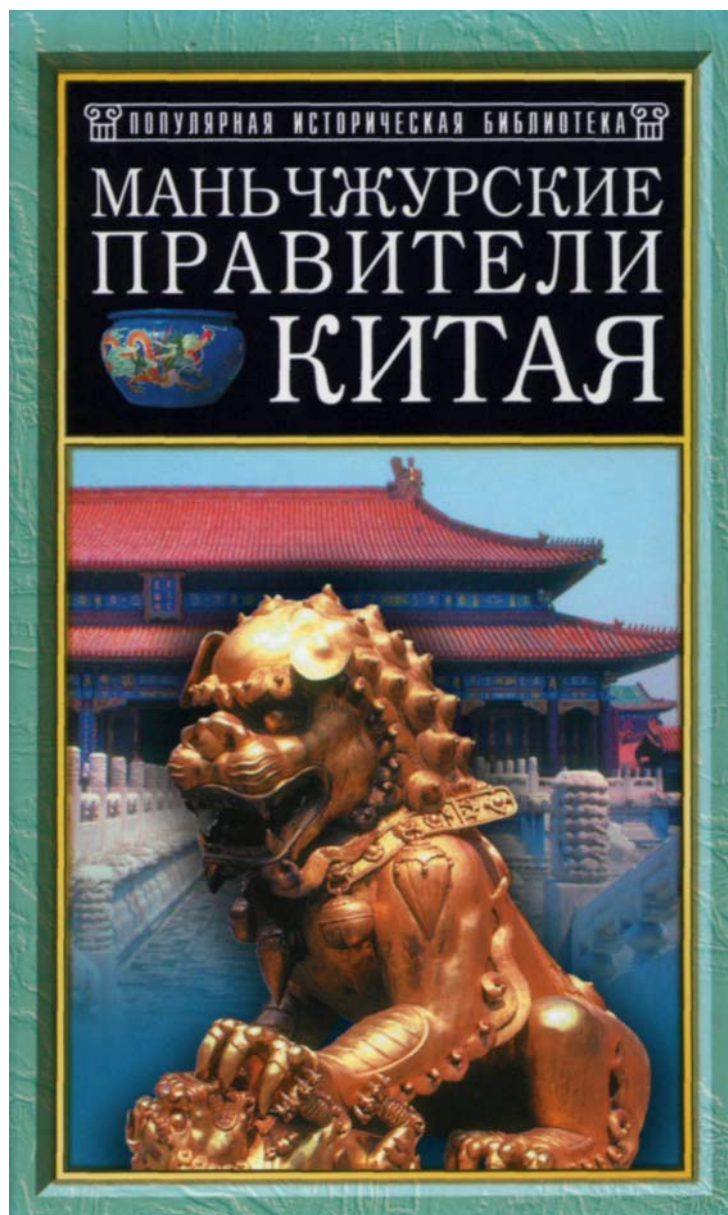




УДК 94/99(100-87) ББК 63.3(5Кит)5 С34

Серия основана в 2000 году

Сидихменов В. Я.

С34 Маньчжурские правители Китая. — Минск: Миринда, 2004. — 448 с, ил. — (Популярная историческая библиотека). ISBN 985-6511-52-6

Издание рассказывает о политической, общественной и культурной жизни Китая в период господства маньчжурской династии, пришедшей к власти в 1644 г. и свергнутой в 1911 г. В книге, иллюстрированной портретами исторических лиц, даются не только характеристики маньчжурских правителей, но и описывается их личная жизнь, интересы и увлечения. Написанное ярким живым языком, произведение рассчитано на широкий круг читателей.

УДК 94/99(100-87) ББК 63.3(5Кит)5

Текст печатается по изданию: В. Я. Сидихменов. Маньчжурские правители Китая. — М., 1985.

ISBN 985-6511-52-6

© В. Я. Сидихменов

© Издательство «Миринда», 2004

Оглавление

ОТ АВТОРА	2
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ КИТАЙСКОЙ ДИНАСТИИ МИН	3
О КУЛЬТЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ	11
ИМПЕРАТОРСКИЕ ДВОРЦЫ.....	80
НАСЛЕДНИК ТРОНА ТУНЧЖИ.....	127
МОЛОДЫЕ ГОДЫ ГУАНСЮЯ	142
СОРЕГЕНТШИ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ГУН.....	164
ГУАНСЮЙ И РЕФОРМАТОРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ	192
ВОССТАНИЕ ИХЭТУАНЕЙ И МАНЬЧЖУРСКИЙ ДВОР.....	232
ВОЗВРАЩЕНИЕ ЦЫСИ И ГУАНСЮЯ ИЗ «САМОИЗГНАНИЯ».....	294
НАСЛАЖДЕНИЕ ВЛАСТЬЮ И БОГАТСТВОМ.....	315
УГАСАНИЕ.....	340
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	382

ОТ АВТОРА

Писать о жизни и деяниях правителей феодального Китая — дело трудное и сложное: их личная жизнь отгораживалась глухой стеной от постороннего взора и китайская официальная история не оставила об этом достоверных данных. Такие сведения не подлежали общественной огласке.

Тысячелетние традиции, поддерживаемые беспощадной расправой над их нарушителями, соблюдались неукоснительно: никто со стороны не смел наблюдать за личной жизнью императора и вслух произносить его имя, а во время выезда императорского кортежа за пределы дворцов простолюдину запрещалось под угрозой суровой кары даже взглянуть на лик Сына неба.

Проще воссоздать связанные с именем правителя исторические события в Китае: их не упрячешь за массивные стены дворцов. Но потомков интересует не только описание самих исторических событий. Они хотят знать и частную жизнь правителей: их мироощущение, характер, внешний вид, вкусы, интересы, поведение, наклонности, отношение к окружающим. Отобразить же это с полной достоверностью не представляется возможным.

Воспроизводя далекое прошлое, историки обращаются не только к письменным памятникам, но и к передаваемым из поколения в поколение

версиям, навеянными в основном субъективным восприятием, а следовательно, не во всем достоверным. Такую оговорку хотелось бы сделать, прежде чем приступить к изложению названной темы.

В предлагаемой книге мы попытались на основе уже опубликованной исторической и мемуарной литературы воспроизвести некоторые стороны личной и общественной жизни маньчжурских правителей Китая во второй половине XIX в. и начале XX в. и сделать это достоянием массового читателя.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ КИТАЙСКОЙ ДИНАСТИИ МИН

В Пекине, к северу от бывших императорских дворцов, протянулся невысокий искусственно созданный горный хребет. Когда-то здесь на случай осады города неприятелем ссыпали уголь, поэтому это место называли Мэйшань (Угольная гора). Сюда же переносили большое количество земли, из которой и образовалась гора с пятью вершинами. На ее склонах посадили много деревьев, особенно сосен и кипарисов, что придало этому месту красивый вид. Отсюда и произошло его новое наименование Цзиншань (Гора прекрасного вида). Эта тихая обитель некогда стала свидетельницей трагического события.

Китайскую династию Мин, господствовавшую около 300 лет (1368—1644), потрясала ожесточенная классовая борьба крестьян против помещиков-феодалов, которая переросла в крестьянскую войну.

Минская империя переживала серьезный политический и экономический кризис. Высокая рента, непосильные налоги и всевозможные поборы тяжелым бременем ложились на плечи крестьян, приводили их к обнищанию и разорению. В ряде провинций свирепствовал голод. Распри между феодалами, их междоусобные столкновения еще более накаляли обстановку. Чтобы поддержать расшатавшийся феодальный строй, минские

правители не останавливались перед кровавой расправой над теми, кто открыто выступал против тирании.

Чаша терпения крестьян переполнилась, и они стали повсеместно поднимать восстания. К ним присоединялись правительственные солдаты, которые обращали оружие против своих военачальников, взламывали помещичьи зернохранилища и раздавали зерно беднякам.

В ходе этой борьбы вырос и возмужал выдающийся вождь крестьянской революции Ли Цзычэн (1606—1645). Его повстанческий отряд, ведя ожесточенные схватки со сторонниками феодального режима, к концу династии Мин стал самой крупной военной силой восставших крестьян. Повстанцы расправлялись с наместниками, императорскими родственниками, крупными чиновниками и помещиками, отбирали у них землю и распределяли ее между крестьянами.

Весной 1644 г. руководимая Ли Цзычэном армия восставших переправилась через реку Хуанхэ, а затем из провинции Шаньси приблизилась к столице династии Мин — Пекину. Подойдя к его главным воротам, повстанцы стали громко кричать императорским солдатам, находившимся на городских стенах: «Открывайте ворота, иначе не ждите пощады!» Не получив ответа, восставшие поднесли лестницы и решили взять штурмом городские ворота. Их усилия увенчались успехом: вскоре они оказались во Внешнем городе.

Эта весть дошла до императора Чун Чжэня. Растерявшись от внезапного вторжения восставших крестьян в Пекин, он спешно собрал своих приближенных и осведомился:

— Известно ли вам, что Внешний город находится в руках мятежников?

— Мы не знаем, — последовал ответ.

Когда император спросил, какой план защиты города от мятежников предлагают сановники, один из них самоуверенно сказал:

— Не беспокойтесь, Ваше величество. Мы будем сражаться даже на

улицах и никогда не предадим родины.

Между тем восставшие крестьяне, преодолевая заслоны императорских войск, медленно, но неотступно приближались к Запретному городу.

Император нервничал и не мог заснуть: его не покидала тревога за свою судьбу. И вот с наступлением рассвета к нему пришел евнух и принес страшную весть — мятежники проникли во Внутренний город.

— Где же мои преданные войска? — с отчаянием спросил император.

— Они бежали, и вам, Ваше величество, следует спасаться бегством, — сказав это, евнух тут же удалился.

Ранним утром во дворце зазвонил колокол, который повелевал министрам прибыть на аудиенцию к императору. Но никто не явился на прием. Тогда император Чун Чжэнь снял с себя все украшения и богатые императорские одеяния, надел простой желтый халат и в сопровождении преданного евнуха Ван Чэньэня покинул дворец и направился на гору Цзиншань, где с самого возвышенного места стал наблюдать, что происходит вокруг. Его взору предстала мрачная картина: всюду пылали пожары, дым окутал многие районы, где продвигались повстанцы, разрозненные императорские войска в беспорядке отступали и разбегались.

Зрелище было не из приятных. Вернувшись во дворец, император выпил несколько чашечек вина и повелел позвать свою семью и любимых наложниц. Положение становилось безвыходным: мятежники скоро ворвутся во дворец и тогда — позорный плен и насилие над его семьей. Выход мог быть только один — покончить с собой и со своими близкими. Но как быть



Ритуальный костюм минских императоров
(XV—XVII вв.)

с тремя сыновьями? Им было велено спасаться бегством.

Повернувшись к императрице, он тихо и безнадежно произнес:

— Все кончено.

Присутствующие стали громко рыдать. Императрица со слезами на глазах обратилась к супругу со словами:

— Восемнадцать лет я преданно служила Вашему величеству, но вы ни разу не хотели меня выслушать. Вот теперь и пожинайте плоды своего невнимания.

Продолжая всхлипывать, она обняла сыновей, велела им удалиться, а когда они ушли, покончила с собой, повесившись на собственном поясе.

Император послал за своей пятнадцатилетней дочерью. Она явилась с испуганным лицом. Обращаясь к ней, отец сказал:

— Почему ты родилась в таком несчастном отчем доме?

Прикрыв рукавом халата глаза, он нанес дочери удар мечом, предпочитая ее смерть позору. Но удар оказался не смертельным! Девушка упала и медленно в судорогах умирала от потери крови. Видя, как растекается кровавая лужа вокруг ее тела, император почувствовал дрожь и был уже не в силах нанести второй удар. По императорскому повелению

наложница Юань должна была лишиться себя жизни. Она решила повеситься, но не смогла этого сделать. Тогда император убил ее мечом. Затем он поразил мечом еще нескольких наложниц.

Так было покончено с императорской семьей и наложницами. Настал черед самому императору. Стараясь спасти себя, он направился к воротам Аньдин, которые еще не подвергались штурму повстанцев: через них покинули Запретный город его три сына. Но теперь эти ворота были так завалены камнями и землей, что открыть их не представлялось никакой возможности.

Тогда Чун Чжэнь, выйдя из дворца, у подножия горы Цзиншань сделал из пояса петлю и повесился на кривом стволе ясеня. Вместе с ним повесился евнух Ван Чэньзэнь, оставшийся верным своему повелителю до конца жизни. Это произошло утром 26 апреля (19 марта по лунному календарю) 1644 г.

В одной из версий утверждается, что к халату императора был пришит кусок шелка, исписанный иероглифами такого содержания:

«Прошло 17 лет с тех пор, как я взошел на трон, а теперь мятежники вторглись в мою столицу. Так как мои добродетели были незначительными и сам я был негодным человеком, я навлек на себя гнев неба. К тому же я был обманут своими приближенными. И вот после своей земной жизни я, пристыженный, направляюсь к своим предкам в мир теней. Возьмите мою корону, обмотайте мое лицо моими волосами, разрубите тело на куски, если пожелаете этого, но не делайте зла народу. Пусть мои подданные вновь объединятся вокруг наследника». Император Чун Чжэнь оставил письмо вождю повстанцев Ли Цзычэну. В нем говорилось:

«Чиновники стали изменниками своему императору. Они служили своему повелителю слишком недобросовестно. Все они достойны смерти, и выполнить этот приговор — было бы только актом справедливости. Всех их нужно казнить, для того чтобы научить лучше служить своим государям — тем, которые будут после них. Народ не заслуживает наказания, потому что он ни в чем не виноват, и дурное обращение с ним было бы полнейшей

несправедливостью. Я потерял государство, наследие моих предков. Со мной заканчивается императорский род, который продолжили столько предков-императоров до меня. Хочу закрыть глаза, чтобы не видеть разрушенной империи или страну под властью тирана. Я отказываюсь от жизни, потому что не хочу быть ею обязанным последнему и самому презренному из моих подданных. Не могу более показывать свое лицо перед теми, которые, будучи моими детьми и моими подданными, являются теперь моими недругами и изменниками».

Императору Чун Чжэню было всего 36 лет, когда он покончил жизнь самоубийством. В феодальном Китае одним из проявлений преданности правителю считалось добровольное умерщвление главы семьи со всеми родственниками: так выражалась верность государю, который погибал или умирал своей смертью. Согласно китайским источникам, со смертью Чун Чжэня покончило с собой около 80 тысяч человек.

Через несколько часов после гибели императора Чун Чжэня войска Ли Цзычэна заняли Пекин: Тело императора было снято с дерева и положено в гроб для нищих, под его голову положили камень, а сверху накрыли его простой циновкой — так восставшие выразили свою ненависть к тирану. Со смертью императора Чун Чжэня закончилось существование китайской династии Мин.

Восставшие крестьяне во главе с Ли Цзычэном не смогли воспользоваться плодами своей победы. На северо-востоке от Пекина, на территории, называемой Маньчжурией, проживала воинственная народность маньчжуры, правители которой вынашивали планы завоевания Китая. Основатель маньчжурского государства Нурхацзи в XVI в. путем военных завоеваний присоединил различные племена к своим владениям и стал их верховным правителем.

В середине XVII в. маньчжуры, используя внутренние распри между китайскими феодалами, завоевали Китай. Китайскому военачальнику У Саньгую было поручено охранять Шаньхайгуань (проход из Маньчжурии в

Китай). Если бы этот проход был в руках китайцев, то маньчжурские войска не смогли бы проникнуть в Китай. Однако У Саньгуй капитулировал перед маньчжурами, позволил им пройти через горный проход Шаньхайгуань и таким образом оказаться в Китае. Разбив повстанческую армию Ли Цзычэна, маньчжуры захватили Пекин.

Ли Цзычэн вынужден был оставить Пекин, в котором находился более 40 дней. И в 1645 г. он пал смертью храбрых в бою с врагами.

После покорения Китая правители маньчжурской династии поклонялись духу китайского императора Чун Чжэня. Поэтому кривой ясень, на котором он повесился, был сохранен и всячески оберегался как историческая реликвия. Ствол дерева заковали в железную цепь — так был «наказан» ясень за гибель последнего китайского императора династии Мин.

Долгое время на восточном склоне горы Цзиншань сохранялся ясень, закованный в цепи, — немой свидетель гибели китайской династии Мин и восхождения маньчжурской династии Цин, господствовавшей в Китае 267 лет, с 1644 по 1912 г.

Вторжение маньчжуров, писали китайские историки, вызвало коренные изменения во внутренних противоречиях Китая: основным стало национальное противоречие между маньчжурами и китайцами.

Маньчжуры не принимали участия в производительном труде и торговле — это считалось для них унижительным делом. Они в большинстве своем служили чиновниками, офицерами и солдатами. По совершеннолетию сыновья офицеров и солдат маньчжурских войск получали жалованье от государства. За одно и то же преступление китайцы несли более суровое наказание, чем маньчжуры. Их привилегии поддерживались особой юрисдикцией. Китайцы в таких условиях оставались на положении побежденных. В высших сферах общества привилегии маньчжуров были еще более значительными. Они назначались в Верховный императорский совет, занимали должности министров, генералов, наместников и губернаторов в провинциях. Только немногие китайцы, наиболее преданно служившие

маньчжурским правителям, могли занять высокие посты.

Маньчжурские завоеватели, пришельцы с севера, захватившие китайский престол силой и хитростью, естественно, могли вызывать лишь ненависть покоренного народа.

Маньчжуров страшила мысль об ассимиляции их китайцами — так было со многими пришельцами в Китае. В год завоевания Китая, т. е. в 1644 г., маньчжуров насчитывалось 300 тысяч, а китайцев — 300 миллионов! Это заставило маньчжурских завоевателей прибегнуть к кардинальным мерам: маньчжурам запрещалось вступать в брак с китаянками, а китайцам — жениться на маньчжурках.

Китайцев принудили носить косу, которая считалась признаком покорности маньчжурскому императору. Сбрав волосы с передней части головы, китаец оставлял нетронутыми волосы на темени, где отпускалась коса. Китайцу без всякого разбирательства отрубали голову, если он отказывался носить косу.

Коса имела и практическое значение. Если возникала драка между двумя подданными Поднебесной империи, то они обычно старались прежде всего вцепиться друг другу в косу, а затем уже вступали в рукопашную. Коса использовалась и в «воспитательных» целях: отец семейства применял ее вместо розги для наказания детей. Полицейские при аресте преступников связывали их вместе косами, а затем уже отводили в присутственное место. Даже во время казни — отсечения головы — коса находила применение: жертву заставляли стать на колени, один палач за косу оттягивал голову жертве, а другой мечом отсекал ее.

Одной из форм выражения протеста китайцев против маньчжурского господства было отрезание косы. В 1895 г. великий китайский революционер-демократ Сунь Ятсен в японском порту Кобэ в знак непокорности маньчжурским правителям остриг косу и переоделся в европейское платье. В 1902 г., будучи еще молодым, великий китайский писатель Лу Синь выехал в Японию для продолжения образования. Поступив

в Кобунский институт в Токио, он отрезал косу — этот символ порабощения китайцев маньчжурами.

Чтобы ослабить сопротивление китайцев, маньчжуры старались представить себя близкими по культуре и понятиям китайскому народу, имеющими общее духовное наследие. Первым знаком «внимания» к китайцам со стороны маньчжуров было дарование древнему китайскому мыслителю Конфуцию пышного титула — «Кунцзы, древний учитель, великий и славный, совершеннейший мудрец».

Длительное господство в Китае маньчжурских завоевателей вовсе не означало, что они отвергли все китайское и создали нечто новое, не схожее с духовной культурой предшествующих веков: маньчжурские власти стремились использовать культуру и многовековые традиции Китая в интересах своего господства. Они приняли китайский разговорный и письменный язык. И хотя при цинской династии маньчжурский язык считался языком императора, однако последний обычно пользовался китайским. Поэтому жизнь и деяния маньчжурских правителей во времена династии Цин следует рассматривать в тесной связи с духовными традициями древнего Китая.

О КУЛЬТЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ

Слово «Китай» происходит от названия народности киданей. Они проживали в государстве Ляо, существовавшем с 916 по 1125 г. на обширной территории от Маньчжурии до Тяньшаня. В русский язык слово «кидань» перешло от соседних тюркских народов с несколько измененным звучанием — «Китай».

Древние китайские мыслители представляли себе Вселенную в таком виде. Над всем господствовало безграничное круглое небо. Внизу простиралась земля квадратной формы, а ее центром было Срединное

государство — Китай.

Кроме Чжун-го (Срединное государство), Китай называли также Тянь-ся (Поднебесная), Чжун-хуа (Срединное цветущее государство), Чжун-юань (Срединная равнина), Чжэнь-дань (Восточная заря), Тянь-чао (Небесная династия).

Правителей Китая именовали в официальных документах Тянь-цзы (Сын неба), Дан-цзинь фо-е (Будда наших дней), Хуанди (Великий император), Тянь-ван (Небесный император), Шэн-хуан (Святой император), Шэн-чжу (Святой владыка), Ваньсуй-е (Десятитысячелетний властелин), Хуан-ди (Августейший повелитель), Чжэн (Настоящий, Святой), Юань Хоу (Повелитель обширного пространства), Чжицзюнь (Великий, Почитаемый), Богдохан (по-монгольски — Премудрый правитель). В личных беседах с императором его называли «хуаншан» (Ваше величество) или чжуцзы (государь), а подданных империи — «нуцай» (раб).

После того как в 1644 г. маньчжурские завоеватели захватили Китай, все императоры были выходцами из их среды. Они унаследовали почти все священные регалии китайских правителей прошлого. При возведении на трон о маньчжурском императоре говорили: «Император получает власть от неба на правление миром».

Царствовавшие в Китае династии имели символические названия. Например, китайская династия, правившая в 1368-1644 гг., именовалась Мин. Иероглиф «мин» означает «ясный», «блестящий», «разумный». Маньчжурская династия (1644-1911) именовалась Цин («цин» — «чистый», «светлый», «безупречный») или «да-цин» (великая Цин).

Не только династия в целом, но и правление каждого императора также обозначалось специальными иероглифами, символизирующими «счастье», «благополучие», «благоденствие», «мир», «преуспевание» и т. д. Эти девизы, имевшие китайское название «няньхао», призваны были выражать самые лучшие пожелания как всей стране, так и лично монарху.

Во времена маньчжурской династии Цин в Китае пачтвовали

следующие императоры:

Название девиза правления (нянь-хао)	Годы жизни	Годы правления
Шуньчжи (Благоприятное правление)	1638–1661	1644–1661
Канси (Процветающее и лучезарное)	1654–1722	1662–1722
Юнчжэн (Гармоничное и справедливое)	1678–1735	1723–1735
Цяньлун (Непоколебимое и славное)	1711–1799	1736–1795
Цзяцин (Прекрасное и радостное)	1760–1820	1796–1820
Даогуан (Целенаправленное и блестящее)	1782–1850	1821–1850
Сяньфэн (Всеобщее изобилие)	1831–1861	1851–1861
Тунчжи (Совместное правление)	1856–1875	1862–1874
Гуансюй (Блестящее наследие)	1871–1908	1875–1908
Сюаньтун (Всеобщее единение)	1906–1967	1908–1911

Счет лет в китайском календаре до 1911 г. (т. е. до падения маньчжурской династии) велся от года восшествия императора на престол до конца его правления. Приведем годы правления трех маньчжурских императоров для сопоставления с европейским летосчислением. В официальных документах писали: «В первый год правления Сяньфэн» (т. е. 1851 г.); «В первый год правления Тунчжи» (т. е. 1862 г.); «В первый год правления Гуансюй» (т. е. 1875 г.).

После свержения феодальной монархии в Китае было официально принято общеевропейское летосчисление (григорианский календарь), но за начало его был принят не 1-й год н. э., а 1911 г. Годы обозначались так: «10-й год Китайской Республики», т.е. 1921 г. (1911 + 10=1921).

Император обычно имел три имени: личное, династийное и храмовое. В силу «святости» Сына неба имя его запрещалось произносить при разговоре, а в письме оно изображалось иероглифами, отличными от обыкновенных. Если при жизни правителя Китая именовали по названию девиза правления (нянь-хао), то после смерти ему давали храмовое имя (мяо-хао), под которым он и становился известным в китайской истории. Например, с 1851 по 1861 г. страной правил император по имени И Чжу,

однако его именовали по девизу правления — Сяньфэн. В 1875—1908 гг. на престоле находился император по имени Цзай-тянь под девизом правления — Гуансюй.

Название девиза правления	Личное имя	Посмертное, храмовое имя	Название места захоронения в районе Пекина
Шуньчжи	Фу-линь	Ши-цзу Чжан хуанди	Сяо-лин
Канси	Сюань-е	Шэнь-чжу Жэнь хуанди	Цзин-лин
Юнчжэн	Юнь-чжэн	Ши-цзун Сянь хуанди	Тай-лин
Цяньлун	Хун-ли	Гао-цзун Цунь хуанди	Юй-лин
Цзяцин	Юн-янь	Жэнь-цзун Жуй хуанди	Чан-лин
Даогуан	Мянь-нин	Сюань-цзун Чэн хуанди	Му-лин
Сяньфэн	И Чжу	Вэнь-цзун Синь хуанди	Дин-лин
Тунчжи	Цзай Чунь	Му-цзун И хуанди	Хой-лин
Гуансюй	Цзай Тянь	Дэ-цзун И хуанди	Чун-лин
Сюаньтун	Пу И		

Престолонаследие в феодальном Китае шло исключительно по мужской линии: царствующий монарх определял себе преемника из собственных сыновей. Однако наследник трона не объявлялся заранее и необязательно должен был быть старшим сыном. Так, Шуньчжи (1638—1661) был девятым сыном, Канси (1654—1722) — третьим сыном, Юнчжэн (1678—1735) — четвертым сыном, Цзяцин (1760—1820) — пятнадцатым сыном, Даогуан (1782—1850) — вторым сыном.

И хотя наследник престола заранее не объявлялся, не исключались интриги и борьба за трон, о чем свидетельствуют многочисленные факты, зафиксированные в китайской истории. Для иллюстрации приведем один из них.

Император Канси на старости лет все чаще стал задумываться о наследнике престола. Многочисленные наложницы одарили его большим потомством — 24 сыновьями. Кому же из них суждено было стать наследником трона? Император стал внимательно присматриваться к сыновьям и проверять их способности. С этой целью он давал им разнообразные поручения и требовал точного их исполнения.

По наблюдению Канси, его четырнадцатый сын Янь-хуан был наиболее способным из всех, а четвертый сын Янь-чжэн отличался грубостью, упрямством, своеволием, властолюбием и коварством. Отец возненавидел последнего и не мог равнодушно переносить его присутствие.

За год до смерти Канси почувствовал сильную слабость. Недомогание все усиливалось, начались обмороки. Император не покидал постели. Каждый из его сыновей старался угадать: кто же из них будет определен наследником престола? Хитрый и властолюбивый Янь-чжэн понимал, что у него меньше всех надежд на занятие трона, и он решил действовать.

Здоровье императора Канси с каждым днем становилось все хуже. Наконец ему стало настолько плохо, что не оставалось никакого сомнения в наступлении смерти. В спальне императора был полумрак, горел только один фонарь, чтобы не раздражать глаза больного. Все углы и закоулки спальни, образованные мягкими висячими драпировками, тонули во мраке, и только небольшая часть комнаты слегка освещалась рассеянным светом матового фонаря.

Император созвал высших сановников и своих сыновей и дал им последние наставления.

— А теперь, — сказал он, откинувшись в изнеможении на подушки, — исполним обычай. Принесите мне тушь, бумагу и кисть. Я напишу, кому после меня править Поднебесной.

Тотчас же в спальню умирающему принесли с натертой уже тушью нефритовую тушечницу, кисть с рукояткой из слоновой кости и большой лист шелковой бумаги с нарисованными сверху двумя драконами, готовыми проглотить солнце. Все это положили на пододвинутый к изголовью кровати табурет, покрытый желтым шелковым покрывалом.

— Оставьте меня все и не приходите, пока я не позову, — повелел Канси слабым голосом.

Император безмолвно лежал на постели. Его рука приподнялась и стала сбрасывать с груди толстое одеяло. После долгих усилий ему удалось, наконец, сесть на край кровати и спустить вниз ноги. Он протянул руку к кисти — рука дрожала и движения ее были неуверенны. Взяв кисть, Канси обмакнул ее в жидкую тушь, растертую на тушечнице, и, напрягая усилия, написал на шелковой бумаге три крупных иероглифа: «ши-сы-цзы», что

означало «четырнадцатый сын». Ослабевший император выронил кисть из руки, упал на постель и погрузился в забытие.

В это время в императорскую спальню пробрался Лун Кэдо — верный прислужник четвертого сына Янь-чжэна. Он взял лежавшую на ковре оброненную императором кисть и на императорском завещании, которое находилось на табурете, сделал поправку. На китайском языке число «четырнадцать» состоит из двух чисел — десять и четыре. Лун Кэдо цифру «десять» переправил на иероглиф, означающий частицу порядкового числа, и тогда вместо «четырнадцатый сын» получилось «четвертый сын». Сделав такое исправление, он, крадучись, удалился.

Прошло немного времени и находившийся в полузабытии император услышал чьи-то приближающиеся шаги. Это оказался его четвертый сын Янь-чжэн.

Канси меньше всего ожидал четвертого сына, к которому питал неприязнь. Страшная злоба охватила умирающего. Он быстро сел на кровати и задыхающимся от волнения и душившей его злобы голосом мог только проговорить:

— Что тебе здесь надо?

Янь-чжэн, увидев шелковую бумагу на табурете, молниеносно сделал несколько шагов по направлению к кровати и устремил взгляд на написанные иероглифы. Не говоря ни слова, он упал на колени перед отцом. Император поднял подушку и с силой бросил ее в распростертого на полу сына. От сильного волнения умирающий потерял сознание и, бездыханный, упал на постель.

Когда приближенные осмелились войти в спальню, то увидели на кровати холодеющее тело императора. На полу лежали подушка и кисть, а на шелковой бумаге было написано три иероглифа: «ди-сы-цзы», т. е. «четвертый сын».

Императорские сыновья были поражены, узнав о предсмертном завещании отца. Все знали: покойный не любил Янь-чжэна и у него не было

никаких шансов сделаться наследником трона.

Братья собрались на совет, чтобы решить — что же предпринять? Но не успели они разойтись, как были схвачены телохранителями четвертого сына и взяты под стражу. Так Янь-чжэн на сорок четвертом году жизни стал императором Китая под девизом правления Юнчжэн. Стараясь замести следы мошенничества, он обезглавил Лун Кэдо, хотя последний преданно служил ему и способствовал восхождению его на трон.

Возможно, приведенный рассказ не лишен элементов вымысла, однако он присутствует в китайских источниках.



Император Канси

Женщина не имела права занять престол, но могла быть регентшей при несовершеннолетнем императоре и от его имени править государством.

Почти полвека, с 1861 по 1908 г., у кормила государственной власти стояла вдовствующая императрица Цыси, хотя в это время императорами Китая были ее сын Тунчжи и ее племянник Гуансуй.

Полный официальный титул Цыси значился: Милосердная, Счастливая, Главная, Охраняемая, Здоровая, Глубокомысленная, Ясная, Спокойная, Величавая, Верная, Долголетняя, Чтимая, Высочайшая, Мудрая,

Возвышенная, Лучезарная.

В 1925 г. в Нью-Йорке вышла в свет книга «Два года в Запретном городе». Ее автор — Дерлин, прожившая четыре года в Париже с отцом Юй Гэном, послом маньчжурского правительства во Франции, получила европейское образование, хорошо владела французским и английским языками. По возвращении в Пекин из Парижа в 1903 г. она была обласкана Цыси, выступала в роли переводчика во время визитов европейских дипломатов и за особое усердие получила титул принцессы при дворе. Ниже приводится ее рассказ о встрече с Цыси, которая о себе сказала следующее: «Я часто думаю, что я — самая умная женщина, которая когда-либо жила на свете, и никто не может быть сравним со мною. Хотя я много слышала о королеве Виктории и читала кое-что переведенное на китайский язык о ее жизни, однако я не думаю, что ее жизнь была хотя бы наполовину более интересной и содержательной, чем моя. Англия — одна из великих держав мира, но это не давало королеве Виктории абсолютной власти. Она во все времена имела способных людей за своей спиной в парламенте, и, конечно, они подробнейшим образом обсуждали все проблемы, прежде чем добиваться поставленной цели. А королева Виктория всего лишь подписывала необходимые документы и в действительности не могла судить о политике страны.



Император Юнчжэн



Цыси в молодости

Теперь посмотрите на меня. Я имею 400 миллионов подданных, и все зависит от моего решения. Хотя в моем распоряжении находится Верховный императорский совет, призванный давать мне рекомендации, однако он всего лишь занимается различными перемещениями чиновников. Все важные

вопросы я должна решать сама».

Так Цыси оценивала свою персону в управлении страной. Конечно, было бы неверно умалять государственный ум и недюжинные способности этой женщины. Даже тот факт, что в условиях феодального Китая, когда все законы были на стороне мужчин, а женщина рассматривалась как неполноценное существо, Цыси смогла оставаться первым лицом в стране столь длительное время, говорил сам за себя. И тем не менее она преувеличивала свои способности, которые замещались коварством, вероломством и жестокостью.

* * *

Хотя император обладал неограниченными правами распоряжаться своими подданными, он, разумеется, не мог сам, непосредственно управлять страной. С этой целью при императоре были созданы органы исполнительной власти.

Высшим органом, который решал наиболее важные государственные дела, был Верховный императорский совет. В него входили члены императорской фамилии и высшие сановники. Ниже следовали исполнительные органы: Императорский секретариат, Приказ иностранных дел, Чиновничий приказ, Налоговый приказ, Приказ церемоний, Военный приказ, Уголовный приказ, Приказ общественных работ, Коллегия цензоров. На русском языке чаще всего вместо слова «приказ» говорили «палата» или «министерство». Например, начальник Военного приказа, т. е. военный министр, начальник Палаты церемоний, т. е. министр церемоний и т. д.

По установившимся традициям в феодальном Китае все документы заверялись не подписью, а печатью, которая имела квадратную или круглую форму. На нижнем основании императорской печати вырезали иероглифы в старинном стиле, обозначающие различные изречения, вроде: «Вечное житие, процветание и мир», «Воцарение - дар неба, сопровождающийся долголетием и вечным благоденствием». Каждое казенное учреждение имело огромную печать, вручение ее чиновнику при его вступлении в должность

рассматривалось наиболее важной частью церемонии. Получивший назначение чиновник обязан был иметь при себе печать; в случае ее потери он зачастую лишался своей должности.

При правительстве находились так называемые цензоры. Они имели право высказывать порицание членам императорского дома и даже самому императору. Но это не означало, что Сын неба был ответствен перед ними: критика со стороны цензора скорее являлась моральной оценкой действий императора. Если цензор решался подать правителю Китая свои советы или выступить перед ним с какими-то пожеланиями, то он действовал в основном на свой страх, рискуя быть изгнанным или даже казненным.

Право императора на жизнь подданных и их собственность поддерживалось военной силой. Опорой маньчжурского господства были «восемь знамен» — так назывались маньчжурские войска, специально предназначенные для охраны династии. Вначале знаменные войска были объединены в четыре корпуса, обладавших не только военными, но и административными функциями. Корпус состоял из пяти полков, каждый полк - из пяти рот. Каждому корпусу было присвоено знамя определенного цвета: желтое, белое, красное, синее. Затем к этим четырём корпусам было добавлено еще четыре, которые получили знамена тех же цветов, но с каймой.

«Восемь знамен» делились на две группы: «высшие три знамени» и «низшие пять знамен». «Высшие три знамени», куда входили желтое знамя без каймы, желтое знамя с красной каймой и белое знамя без каймы, составляли личную гвардию императора в его непосредственном подчинении. Под командованием назначенных императором военачальников находились «низшие пять знамен»: 1) белое знамя с красной каймой, 2) красное знамя без каймы, 3) красное знамя с синей каймой, 4) голубое знамя без каймы, 5) голубое знамя с красной каймой.

Воинам знаменных войск запрещалось заниматься земледелием, торговлей, ремеслом. Их обязанность состояла в воинской службе. Если же

они владели землей, то ее обрабатывали пленники или наемные работники.

По национальному составу знаменные войска состояли из маньчжуров и зарекомендовавших себя преданностью маньчжурскому трону монголов и китайцев. Все маньчжурское население считалось военным сословием. Маньчжуры пользовались в войсках особыми привилегиями. Маньчжурское правительство предоставляло знаменным войскам значительные льготы, и этим самым поощрялась военная служба.

Но не только военной силой поддерживалось маньчжурское господство. В Китае издавна, со времен династии Сун (960—1279) существовала система круговой поруки и коллективной ответственности, называемая по-китайски «баоцзя». Что означала эта система?

Круговой порукой связывались не только родственники и соседи, но и все жители, живущие в данной местности. Пять семей составляли «пятидворку», а десять семей — «десятидворку». Каждая из семей, входящая в «пятидворку» или «десятидворку», должна была вести наблюдение за другими. При нарушении закона или совершении преступления кем-либо из членов, входящих в баоцзя, остальные должны были сообщить об этом местным властям, в противном случае они подвергались такому же суровому наказанию, как и совершивший преступление.

Система баоцзя была унаследована маньчжурскими завоевателями в целях укрепления своего господства и пресечения антиманьчжурских выступлений. За нарушение установленных маньчжурским правительством порядков отвечали не только лично нарушитель, но и вся его семья и все жители, проживавшие в данном районе.

«Можно с полным правом сказать, — писал в 1909 г. английский китаевед Д. Макгован в книге «Светлые и темные стороны китайской жизни», — что нет ни одного человека в стране, Который бы так или иначе не нес ответственность за другого. В этом отношении китайский народ можно сравнить с очень сложным часовым механизмом, в котором зубчики отдельных колесиков в высшей степени точно приложены друг к другу.

Начиная от императора и кончая последним из подданных все жители страны являются лишь отдельными зубчиками того колоссального механизма, который может быть назван китайской нацией».

Каждое домовладение получало табличку, в которой было написано количество взрослых мужчин. В случае отъезда или прибытия кого-либо из них все фиксировалось в табличке. Запрещалось принимать незнакомцев или подозрительных лиц до тех пор, пока не будет произведен их подробный опрос.

Все население по системе баоцзя подразделялось на единицы: десять дворов составляли пай во главе со старшим — пайфу, десять пай — цзя во главе со старшим — цзянчжан, десять цзя — бао во главе со старшим — баочжан. Выше бао стояли волостные власти, т. е. волостной староста — сянчжан. На основании дворовых табличек (мэньпай), прикрепленных к воротам дворов, начальник бао составлял десятидворные списки жителей (пайцэ), которые направлялись затем в вышестоящие инстанции.

Каждый житель был обязан сообщать своему старосте о наличии преступников, о нарушении закона, а староста бао, в свою очередь, нес ответственность за своевременное сообщение об этом вышестоящему начальству.

Система баоцзя позволяла маньчжурским властям осуществлять свой полицейский надзор за самыми отдаленными местами без увеличения полиции и чиновников, держать всех жителей в постоянном страхе, знать и пресекать антиманьчжурские выступления на самом низком уровне как в деревне, так и в городе.

Вот как один из наблюдателей оценивал в начале XX в. систему баоцзя: «Взаимная ответственность связывает правящий класс и все группы населения наподобие сети, отдельные нити которой так хитро переплетены между собой, что не видно ни начала, ни конца нитей».

В 1873 г. один китаец в Пекине был признан виновным в том, что осквернил могилу родственника императора и украл оттуда драгоценные

украшения. Хотя не было ни малейших подозрений на то, что родные его знали об этом, тем не менее все они рассматривались как соучастники преступления. Все 13 членов семьи, принадлежавшие к пяти поколениям, в том числе девяностолетний старик и двухмесячный ребенок, были приговорены к смертной казни. Сам преступник и его отец были четвертованы, остальные мужчины обезглавлены, а женщины и дети - удушены. Китайская пословица гласила: «Когда один человек привлекается к суду — десять семей делаются несчастными».

Кроме семейной круговой поруки, в феодальном Китае существовала так называемая соседская круговая порука. В случае какого-либо преступления живущие поблизости считались за него ответственными, так как признавалось, что они могли заблаговременно знать о преступлении и донести об этом властям.

Большое значение в жизни императорского двора имели евнухи, которые набирались только из китайцев. Институт евнухов существовал в Китае еще во времена династии Хань (III в. до н. э. - III в. н. э.) и оказывал сильное влияние на все стороны дворцовой жизни. В последние годы династии Мин от имени императора страной фактически управлял евнух Вэй Чжунсянь.

Бедные родители, не имевшие средств к существованию, продавали своих детей — их кастрировали для службы при дворе. Если в Персии и Турции евнухи могли поступить на службу ко всякому, кто мог им платить, то в Китае только император и члены его семьи имели право пользоваться услугами евнухов. По некоторым источникам, император мог иметь до 3 тысяч евнухов, князья императорской крови и принцессы имели по 30 евнухов, младшие дети императора — до 20, их двоюродные братья — до 10 евнухов.

Во времена китайской династии Мин при императоре находилось до 10 тысяч евнухов. После установления в Китае в 1644 г. власти маньчжуров влияние евнухов значительно ослабло. Однако при царствовании

вдовствующей императрицы Цыси институт евнухов при дворе вновь стал играть большую роль. Когда Цыси переступила порог императорских дворцов, в них насчитывалось 4 тысячи евнухов.

Евнухи делились на две категории. Принадлежавшие к первой категории обслуживали императора, императрицу, мать императора и императорских наложниц; принадлежавшие ко второй категории — составляли низший слой евнухов. И если подавляющая масса евнухов влачила жалкое существование, то верхушка евнухов жила в полном довольстве. О своем приближенном евнухе Юань Цзиньшоу последний маньчжурский император Пу И в своей книге «Первая половина моей жизни» писал: «С наступлением зимы он каждый день менял шубу. Он никогда не надевал дважды одну и ту же соболью куртку. Одной только шубы из морской выдры, которую он однажды надел на Новый год, было достаточно для того, чтобы мелкому чиновнику прокормиться всю жизнь. Почти все управляющие придворными евнухами и некоторые начальники отделений имели в своем распоряжении собственную кухню и младших евнухов, обслуживавших их. Некоторые из них имели даже свой «штат» горничных и служанок. Жизнь же евнухов низших рангов была горька. Они всегда недоедали, терпели побои и наказания, а в старости им не на кого и не на что было опереться. Жить им приходилось лишь на крайне ограниченные «подачки», и если их выгоняли за какой-нибудь проступок, то их ждало нищенство и голодная смерть».

Обязанности евнухов были чрезвычайно разнообразными. Помимо присутствия при пробуждении императора и его еде, постоянного сопровождения, несения зонтов и других императорских атрибутов, в их обязанности входило: распространение высочайших указов, проводы чиновников на аудиенцию к императору и прием прошений, ознакомление с документами и бумагами различных отделов Департамента двора, получение денег и зерна от казначеев вне двора, обеспечение средств от пожаров. Евнухам вменялось также в обязанность следить за хранением книг в

библиотеках, антикварных изделий, надписей, картин, одежды, оружия (ружей и луков), древних бронзовых сосудов, домашней утвари, желтых лент для отличившихся воинов. Евнухи должны были сопровождать всех императорских докторов по различным палатам дворца. В их обязанность входило сжигание ароматных свечей перед табличками духов императоров-предков, проверка прихода и ухода чиновников всех отделов, хранение императорских драгоценностей, уборка дворцовых палат, садов, парков, стрижка императора, приготовление лекарств, исполнение опер, чтение молитв и т. п.

При императоре Сяньфэне 300 евнухов служили артистами. Они давали представления для самого императора, а также для его жен. Эти занятия для евнухов не всегда заканчивались благополучно. Один известный актер-евнух получил 20 палочных ударов за то, что «нагнал озноб» на императора Сяньфэна во время представления историко-драматической пьесы.

В книге Пу И о роли евнухов в императорском дворце говорилось: «Описывая мое детство, нельзя не упомянуть евнухов. Они присутствовали, когда я ел, одевался и спал, сопровождали меня в играх и на занятиях, рассказывали мне истории, получали от меня награды и наказания. Если другим запрещалось находиться при мне, то евнухам это вменялось в обязанность. Они были моими главными компаньонами в детстве, моими рабами и моими первыми учителями».

Император по установившимся обычаям, кроме главной жены имел еще двух «второстепенных». Главная жена занимала среднюю часть дворца — ее так и называли: «императрица Среднего дворца». Восточные апартаменты считались почетнее западных, поэтому вторая жена жила в восточной части дворца и ее называли «императрицей Восточного дворца»; третья занимала западные покои и называлась «императрицей Западного дворца».

Император «обзаводился» большим количеством наложниц.

Существовало такое правило: дочери маньчжурских семей в возрасте 12—16 лет обязаны были в сопровождении родителей явиться в императорскую регистратуру, где чиновник записывал в специальную книгу их имя, возраст, внешние приметы и занятие родителей. Это делалось с одной целью — когда приходило время выбора жены или наложниц для императора или служанок для дворцовой службы, чиновники знали, кого вызывать во дворец.

Некоторые маньчжурские семьи старались уклониться от регистрации своих дочерей, боясь потерять их навсегда. Иногда матери шли на всевозможные уловки. Они посылали дочерей с грязными лицами, нерасчесанными волосами и в неопрятной одежде: пусть их дочь произведет неблагоприятное впечатление на чиновников, и, возможно, ее оставят в покое.

Вот как одна маньчжурская женщина, мать малолетней дочери, выразила свои чувства по поводу такого правила: «Когда наших малолетних дочерей берут во дворец, они потеряны для нас до двадцатипятилетнего возраста — только в таком возрасте им разрешается навестить семью. Если во дворце они нерадиво выполняют свои обязанности, их строго наказывают. Они могут заболеть и даже умереть, и об этом не извещают родителей. Если же они проявят себя и будут оценены императорскими чиновниками, их оставят во дворце и родители никогда не смогут их увидеть».

Состав императорского гарема периодически обновлялся. Во времена династии Цин каждые три года во дворце происходили своего рода смотрины, на которые высокопоставленные чиновники обязаны были приводить своих молоденьких дочерей. Из их числа и пополнялся императорский гарем. Избранницы находились там примерно до двадцатилетнего возраста, после чего, если они оказывались бездетными, их просто выгоняли.

Наложницы жили в специальных помещениях, за ними строго надзирали евнухи. За нарушение установленных правил наложниц выдворяли из императорского дворца.

Молоденькие девушки, забранные в императорский дворец, оказывались на положении рабынь: многие исполняли обязанности бесправных служанок. Над ними стояли евнухи. Хотя они и были кастрированы, однако некоторые из них не потеряли полового инстинкта. Они преследовали дворцовых девушек, избивали и царапали их, наносили им раны ножами и хлыстами, оставляя на теле своих жертв шрамы. И когда этих девушек отпускали домой, они становились несчастными и беспомощными существами. Им трудно было выйти замуж; никто не хотел брать в семью «сорванный цветок», тем более со шрамом.

Точных данных о количестве наложниц в императорском гареме официально не объявлялось. По некоторым источникам, помимо законной жены, император имел до 280 наложниц. Они делились на пять классов: наложница первого класса называлась «хуангуйфэй», наложница второго класса — «гуйфэй», наложница третьего класса — «фэй», наложница четвертого класса — «бинь», наложница пятого класса — «гуйжэнь». Во времена правления императора Сяньфэна количество наложниц по классам распределялось так: первого класса — одна, второго класса — 4, третьего класса — 72, четвертого класса — 84, пятого класса — 120.

Неправильно думать, что наложницы в императорских дворцах только наслаждались бездельем, нарядами и развлечениями. Во времена царствования Сяньфэна его наложницы исполняли различные работы: выращивали шелковичных червей, окрашивали шелк, шили одежду, обувь и головные уборы для придворных, изготавливали духи, различную косметику для дворцовых дам. Наложницы отвечали за убранство императорских покоев, за подготовку банкетов императора и т. п. Бывало и так, что наложница не удостоивалась разделить императорское ложе и до старости сохраняла девственность.

Сын неба, желая провести ночь с какой-либо наложницей, повелевал главному евнуху доставить ее в свои покои. И делалось это по особому правилу. В приемной комнате императора на небольшом столике находились

нефритовые жетоны, на которых были выгравированы имена наложниц. Когда император делал выбор, он вынимал соответствующий жетон — по этому жетону дежуривший тут же евнух находил нужную наложницу. Ее обнажали с целью безопасности: в таком виде она не могла прихватить с собой холодное оружие. Обнаженное тело завертывали в покрывало, и наложницу приносили в специальное помещение, где она омывалась ароматической жидкостью. Затем ее вновь завертывали в покрывало и доставляли в опочивальню императора. Здесь евнух снимал с нее покрывало и сам удалялся.

Ее имя записывали в специальную книгу, а также отмечался день и час пребывания наложницы в императорских покоях: таким путем определялась законность рождения ребенка от императора.

При представлении императору его подданные совершали церемонию, называемую по-китайски «сань-гуй цзю-коу», что по-русски означало: «три раза встать на колени и девять раз сделать земной поклон», т. е. три раза встать на колени и каждый раз трижды коснуться лбом земли.

Высокопоставленные чиновники и даже князья императорской крови на аудиенции у правителя Китая должны были пасть ниц. Стоя на коленях, они три раза били челом о пол.

Особенно нелегким делом было челобитье для сановников в преклонном возрасте. Этикет требовал, чтобы сановник сходил с паланкина у ворот Запретного города, которые отстояли от дворца на расстоянии 700 с лишним метров. Такое расстояние он должен пройти пешком в знак почтительности к императорскому трону. Это сделать было особенно трудно зимой. Богатые и знатные сановники в зимнее время носили тяжелую меховую одежду: их дома зимой, как правило, не отапливались. Такие утомительные и длинные «прогулки» от ворот до императорского дворца разогревали человека. Поэтому, когда перед ликом правителя появлялся сановник, он весь был в поту; его разгоряченное тело оказывалось в холодной Тронной палате, и это часто заканчивалось простудными

заболеваниями.

Зафиксирован такой курьезный случай. Уже будучи в преклонном возрасте, видный сановник Ли Хун-чжан направился на прием к императору. Подъехав к воротам Запретного города, он сошел с паланкина, оставил своего слугу и один, без чьей-либо помощи, пошатываясь, неуверенной походкой направился по длинной Императорской дороге. Дойдя до прихожей, Ли Хунчжан почувствовал, что силы его покидают. Представ перед императором, он опустился на колени, но не мог удержаться в таком состоянии: от слабости он рухнул на пол. Попытка императора помочь ему выйти из Тронной палаты не увенчалась успехом. Тогда был вызван евнух, который помог старому сановнику подняться и выйти в прихожую комнату: здесь Ли Хунчжана напоили мясным бульоном, и он около двух часов отдыхал на стоявшей в комнате кушетке. Затем, придя в себя, сановник медленно поплелся по Императорской дороге к выходу, пока не встретил своего слугу, который усадил его в паланкин. После такого курьезного случая Ли Хунчжану разрешили являться на аудиенцию со слугой.

Очно и заочно император получал от своих подданных доказательства нижайшего к нему почтения. Самые высокие сановники империи совершали земные поклоны даже перед пустым тронном императора или стоявшей рядом с тронном ширмой из желтого шелка, которую украшали изображения дракона (символ могущества) и черепахи (эмблема долголетия).

В провинциях Срединного государства при получении императорского указа чиновники курили фимиам и били челом о пол, обратившись лицом к Пекину. Имя государя считалось до такой степени священным, что иероглифы, употреблявшиеся для его обозначения, уже не могли служить для других слов. «Всяк да повинуется со страхом и трепетом!» — такой фразой обычно заканчивались указы Сына неба.

«Властелин всей земли» считал для себя унижительным отвечать на письма глав иностранных государств. Он поручал это делать своим министрам. На дипломатических представителей западных государств в

Пекине смотрели как на посланцев вассальных правителей, которые управляют варварскими народами, находившимися на низшей ступени цивилизации,

Поскольку маньчжурские правители «не знали себе равных» за пределами Китая, представители других государств не имели права обращаться к ним стоя. Все без исключения иностранные послы, прибывшие в Китай, рассматривались как данники. Чтобы подчеркнуть подчиненное положение их правителей по отношению к Сыну неба, была разработана целая система унижительных церемоний.

От иностранных послов требовали выполнения сложного этикета. По команде специального чиновника посол и сопровождающие его лица должны были встать на колени, после чего сделать три земных поклона (кэ-тоу). Затем произносилась новая команда, и посол вставал, чтобы тут же вновь два раза опуститься на колени и отвесить каждый раз по три земных поклона.

Тот, кто обращался к императору, обязан был совершать челобитье в знак покорности, подчинения и благоговения перед Сыном неба, который выполнял на земле волю неба и считался владыкой не только Китая, но и всего мира. В древности этот этикет имел также другое предназначение: чтобы предохранить правителя от неожиданного на него нападения, его подданным вменялось в обязанность обращаться к нему на коленях — это затрудняло попытки покушения на правителя.

Во время царствования императора Тунчжи спорным вопросом в отношениях между маньчжурскими правителями и иностранными представителями стал вопрос об этикете — челобитье.

Иностранные дипломаты противились исполнению правил этикета, унижавших престиж их правительств. По этому поводу между представителями ряда держав и маньчжурским правительством велись долгие дебаты, в результате которых в 1873 г. оскорбительный этикет «три раза встать на колени и сделать девять земных поклонов» был отменен. Сын неба вынужден был «великодушно» отойти от установленного правила. И

тем не менее от иностранного дипломата требовалось соблюдать на аудиенции у императора определенный ритуал: три низких поклона головы. Первый — при входе в аудиенц-зал, второй — через два-три шага, третий — на некотором расстоянии от трона. По окончании аудиенции повторялся тот же церемониал, причем дипломат должен был удаляться, пятась спиной к выходу из аудиенц-зала.

Но возникло другое непредвиденное затруднение: дипломатам в парадной форме полагалось быть при шпаге (тупой и безобидной), но по китайскому этикету не допускалось ношения оружия в присутствии императора, нельзя было также являться в очках или в пенсне.

Вообще очки запрещалось носить в присутствии более высокопоставленных лиц: близоруким приходилось снимать их перед начальством. На суде, например, человек не мог надеть очки, не испросив на то предварительно разрешения судьи. Очки считались как бы знаком отличия, высшего достоинства. Как только человек получал ученую степень, он обзаводился очками, даже если обладал превосходным зрением.



Так император вспахивал первую борозду

Зафиксирован случай, когда на аудиенцию к императору прибыл иностранный посол в очках — он настолько страдал близорукостью, что не

мог обойтись без них. И тем не менее он был вынужден снять очки: его ввели в аудиенц-зал под руки.

Вот, например, как проходила аудиенция императора Гуансюя с иностранными послами. Император восседал в Павильоне цветов литературы (Вэньхуа дянь) на троне, перед которым стоял покрытый желтым шелком столик. Позади трона размещались императорские атрибуты: зонтик и высокое опахало из павлиньих перьев. Рядом с троном стоял на коленях великий князь Гун или великий князь Цин. По обеим боковым стенам павильона находилась гвардия, вооруженная мечами, а за ней — придворные и евнухи.

Посол со свитой подходил к трону, отвешивая по пути три низких поклона, произносил краткую речь, в которой упоминалось о данном торжественном событии. Его речь переводилась драгоманом посольства на китайский язык. Великий князь Гун или великий князь Цин переводил речь с китайского на маньчжурский язык, после чего посол передавал послание главы своего государства великому князю. Последний клал послание на столик перед императорским троном. Император кивком головы благодарил за поздравление и в нескольких словах выражал удовлетворение. Великий князь спускался с возвышения, где находился трон, и передавал слова императора по-китайски драгоману, а последний переводил их на родной язык послу. На этом аудиенция заканчивалась. Посол, отвешивая низкие поклоны, покидал императорскую приемную.

Императорский двор, насчитывавший несколько тысяч чиновников, евнухов, гвардейцев, женщин гарема и рабынь, представлял собой маленькое государство в государстве с собственным управлением, законами, судом и финансами.

Если император побаивался неба, то земля для него была настоящей вотчиной. Не существовало знаков восхищения и почитания, которые бы не оказывались Сыну неба.

Личность Сына неба считалась священной. Это был единственный в

Китае человек, который никому не отдавал отчета в своих поступках. Хотя управлением страной непосредственно занимались министры и губернаторы, но воля монарха для них считалась законом и любое государственное решение могло быть приостановлено его властью.

Правителя Китая нередко сравнивали с сосудом, а народ с водой. Как вода принимает форму вмещающего ее сосуда, так и народ, не раздумывая, покоряется императору.

Император являлся владыкой всей земли в Китае. А поскольку символическим цветом земли был желтый, то этот цвет «принадлежал» только императору. Никто, кроме него и членов его семьи, не имел права носить одежду желтого цвета. Почти все предметы, которыми пользовался правитель Китая и которые окружали его, также были желтого цвета, в том числе и черепицы на крышах императорских дворцов. Император считался покровителем земледелия, а его супруга — покровительницей шелководства. По традиции она принимала участие в церемонии выращивания тутовых деревьев и разведения шелковичных червей.

Вступление на престол императора ознаменовывалось «всемилостным манифестом», в котором новый Сын неба повелевал принести жертвоприношения на кладбищах, где покоились монархи, его предшественники, и на родине древнего китайского мыслителя Конфуция. Провинциальным властям предписывалось заняться ремонтом храмов, построенных в честь духов гор и рек; награждались лица, отличившиеся сыновней почтительностью, а также вдовы, сохранившие верность памяти мужей. Во всех главных городах провинций сооружались храмы долголетия. Новый император обязан был почитать своего предшественника и поклоняться его духу.

Важной датой считался день рождения императора. В этот день князья императорской крови, сановники, высшие гражданские и военные чины приглашались во дворец, где происходила церемония. Здесь находились различные старинные музыкальные инструменты и хор певчих. Под звуки

музыки хор исполнял торжественный гимн. В это время по специальному сигналу, повторяемому девять раз, все присутствующие падали ниц и совершали девять земных поклонов перед императором. Так выражалось чувство благоговения и обожествления Сына неба.

День рождения императора по-китайски называется «вань-шоу» (десятитысячелетнее долголетие). В этот день чиновники в провинциях ранним утром направлялись в городской императорский храм и падали ниц перед желтой дощечкой, символизирующей собой Сына неба. На дощечке было написано «вань-суй», что означает «десять тысяч лет». По знаку руководителя церемонии все чиновники три раза падали ниц и каждый раз три раза отбивали поклоны. В течение трех дней до рождения императора и три дня после этого в присутственных местах проходили праздничные представления, которые смотрели чиновники, одетые в лучшие халаты. Места представления украшались гирляндами, сделанными из разноцветной бумаги — символа радости. Вечером рядом с местом представления развешивали фонари, на которых были написаны четыре красных иероглифа — «вань-суй у-цзян» (десятитысячелетнее безграничное долголетие).

Так как юг рассматривался источником небесной энергии, которой обладал император, его трон всегда был обращен на юг. Главный вход императорского дворца выходил на южную сторону. Когда император умирал, его клали на смертное ложе лицом к югу. Только во время богослужения перед алтарем Храма неба лицо императора было обращено на север.

Император редко выезжал за пределы дворцов, главным образом для совершения жертвоприношений в одном из пекинских храмов. О каждом таком выезде заранее извещалось в «Пекинском вестнике». После такого извещения местные власти приводили в приличное состояние улицы, по которым должен проехать императорский кортеж. Середину улицы посыпали желтым песком, ямы и бугры выравнивали, лавки по обеим сторонам улиц закрывались, изъезы наружных стен прикрывали большими кусками желтой

материи. Закрывали все окна, выходящие на улицу, по которой прекращалось всякое движение. Если все же прохожий оказывался на пути императорского кортежа, то обязан был остановиться и повернуться к нему спиной.

При выезде императора сопровождали 700—800 телохранителей, принадлежавших к войскам Желтого знамени: они состояли исключительно из маньчжуров и были вооружены алебардами, мечами, луками и стрелами.

Выход императора из императорских дворцов обставлялся соответствующим ритуалом, который соблюдался даже в первые годы после свержения маньчжурской династии в 1912 г., когда малолетний император Пу И отрекся от престола. Приведем описание его выезда.

«Каждый день, шел ли я во дворец Юйцингун заниматься, свидетельствовал ли свое почтение императорским наложницам или отправлялся гулять в сад, за мной следовал целый «хвост». Всякий раз, когда я ездил гулять в летний дворец Ихэюань, меня сопровождал не только кортеж из нескольких десятков автомобилей, но и специально приглашенная республиканская полиция, которая стояла вдоль улиц. Все это обходилось в несколько тысяч юаней. Даже на прогулках в садике, в самом дворце сопровождающие выстраивались в таком порядке: впереди всех шел евнух, выполнявший роль автомобильного гудка. Он непрерывно кричал что-то вроде «чи-чи», чтобы люди могли заранее отойти в сторону. За ним, на расстоянии двадцати шагов, вышагивали по бокам два главных евнуха. Шагов на десять сзади шел я. Когда я ехал в паланкине, то с обеих сторон шли два младших евнуха, готовые выполнить любое мое желание. Если же шел пешком, они поддерживали меня. Сзади еще шел евнух с большим шелковым балдахином. Следом за ним шествовала большая группа слуг и евнухов, несущих всякую утварь: кресло на тот случай, если я захочу отдохнуть, и смену одежды; некоторые несли зонты от дождя и солнца. За ними шли евнухи из императорской кухни. Они несли коробки со всякими печеньями и сладостями и, конечно, чайники с горячей водой и чайную посуду.

За ними шли евнухи из императорской аптеки, которые несли на коромысле корзины. В них находились всевозможные лекарства и аптека для оказания первой помощи. Тут же обязательно было питье, приготовленное из осоки, хризантем, корней тростника, из листьев бамбука. Летом носили пилюли, регулирующие дыхание; таблетки, успокаивающие нервную систему; освежающие пилюли, лекарство от колик, дезинфицирующие порошки и т. п. Три «бессмертных напитка» для улучшения пищеварения брались с собой во все времена года. Завершали процессию евнухи с сосудами для испражнений. Если я шел пешком, то паланкин следовал сзади. В зависимости от сезона он был теплый или прохладный. Этот пестрый «хвост», насчитывавший несколько десятков человек, вышагивал всегда тихо и чинно».

Особый ритуал соблюдался при принятии императором пищи. Вот что сказано об этом ритуале в книге императора Пу И «Первая половина моей жизни»:

«Существовал целый набор специальных слов, которые употреблялись во время еды императора. Слово «пища» заменялось словом «яства», вместо «есть» следовало говорить «вкушать». «Подавать на стол» заменялось словами «подносить яства».

Время еды не было определенным, все зависело от решения самого императора. Стоило мне сказать: «Поднести яства», как младший евнух тут же сообщал об этом старшему евнуху в палату «Воспитание сердца». Тот, в свою очередь, передавал приказ евнуху, стоявшему за дверями палаты. Он-то непосредственно и доносил приказ евнуху из императорской кухни. Тут же из нее выходила процессия, подобная той, которая бывает на свадьбах. Несколько десятков аккуратно одетых евнухов вереницей несли семь столов разных размеров, десятки красных лакированных коробок с нарисованными на них золотыми драконами. Процессия быстро направлялась к палате «Воспитание сердца».

Пришедшие евнухи передавали принесенные яства молодым евнухам в

белых нарукавниках, которые расставляли пищу в восточном зале. Обычно накрывались два стола с главными блюдами; третий стол с китайским самоваром ставился зимой. Кроме того, стояли три стола со сдобой, рисом и кашами. На отдельном столике подавались соленые овощи.

Посуда была из желтого фарфора, расписанного драконами и надписью: «Десять тысяч лет долголетия». Зимой пользовались серебряной посудой, которую ставили в фарфоровые чашки с горячей водой. На каждом блюде или в каждой чашке лежала серебряная пластинка, с помощью которой проверялось, не отравлена ли пища. Для этой же цели перед подачей любого блюда его сначала пробовал евнух. Это называлось «пробованием яств».

Затем принесенные блюда расставлялись на столах, и младший евнух объявлял: «Снять крышки!» Четыре или пять младших евнухов тут же снимали серебряные крышки, которыми покрывались блюда, клали их в большие коробки и уносили».

В случае болезни императора его лечили два врача «особым» способом. Они не могли лицезреть императора. Для лечения его укладывали на кровать, закрытую пологом, и он простирал свои руки по сторонам. Каждый из врачей брал руку императора и по его пульсу определял состояние больного. Этим единственным методом исследования определяли болезнь августейшего клиента. Оба врача должны были поставить один и тот же диагноз. Если у врачей расходились мнения в диагнозе, их наказывали палочными ударами. Стараясь избежать наказания, врачи заранее договаривались, какой поставить диагноз.

Кончина императора рассматривалась как национальное бедствие. Причем он никогда не «умирал», а лишь превращался в «небесного гостя». В знак траура по усопшему в течение 100 дней мужчинам запрещалось брить голову, а женщинам - носить украшения; чиновники в этот период не имели права устраивать свадьбы, театры прекращали представления. По древнему обычаю при объявлении национального траура подданные империи могли

даже умертвить себя вместе со своими близкими и тем самым выразить свою безграничную верность государю.

В 1661 г. умер император Шуньчжи. Его преемник Канси в знак траура отрезал себе косу и оделся в траурную одежду. Князя, гражданские и военные чиновники срезали кисточки с шапочек и также отрезали у себя косы. Женщины императорской крови сняли с себя серьги и остригли волосы. Гроб покойного был поставлен в Тронном зале, а перед гробом на столе разложили яства. Утром, в полдень и вечером совершалось возлияние вина. Князя, сановники и женщины императорской крови дважды в день возливали вино перед гробом и оплакивали покойного. Три дня чиновники носили траурное одеяние из белого холста. Чиновники низшего класса оплакивали усопшего за дворцовыми воротами. Траур продолжался 27 дней, после чего траурные одеяния снимались.

Волю императора исполняли его родственники и многочисленные чиновники.

Все князя императорского дома делились на две группы. К первой принадлежали лишь прямые потомки основателя династии и первого императора. Их отличительной приметой служил желтый пояс. Ко второй — относились все потомки боковых линий. Они носили красный пояс. В 1900 г. общее количество представителей-мужчин императорской фамилии доходило почти до 6 тысяч. Архив, где хранились списки всех родословных членов императорской фамилии, находился в Шэньяне (Мукдене) — главном городе Маньчжурии.

Родственники императора разделялись по степени близости родства на двенадцать классов. Князя первого класса именовались «цинван» (князя крови, или великие князя).

Чиновники делились на девять классов. В зависимости от принадлежности к нему на груди и спине их халатов нашивались четырехугольные нашивки: гражданские чиновники имели нашивки с изображением птиц, а военные — с изображением диких животных и птиц.

Для наглядности изобразим это в виде таблицы:

Класс чиновников	Гражданские	Военные
1-й	Журавль	Единорог
2-й	Золотой фазан	Лев
3-й	Павлин	Леопард
4-й	Дикий гусь	Тигр
5-й	Серебряный фазан	Медведь
6-й	Цапля	Дикая кошка
7-й	Утка	Енот
8-й	Перепел	Тюлень
9-й	Сорока	Носорог

Кроме того, принадлежность чиновника к классу определялась поясом. Так, например, чиновники первого класса носили красный пояс с пряжкой из нефрита и рубинов, чиновники девятого класса — пояс с пряжкой из рога буйвола.

К знакам отличия чиновников относились также шарики на шапочке. Чиновники первого класса носили рубиновые шарики, второго класса — коралловые и т. п. В виде легкого наказания по службе провинившегося чиновника лишали на время такого шарика. Отличившихся чиновников награждали павлиньими и вороньими перьями, которые прикреплялись сзади шапки с наклоном вниз.

Непременным атрибутом высокопоставленного чиновника был паланкин. Наместники провинций, губернаторы и другие высшие чины пользовались паланкинами зеленого цвета. Их носили от четырех до восьми носильщиков. Чиновники меньшего ранга имели паланкины голубого цвета и четырех носильщиков. И, наконец, обычный паланкин, который мог быть использован любым человеком за деньги, обслуживали два носильщика.



Выезд высокопоставленного чиновника на паланкине

Высокопоставленный чиновник обставлял свой выезд с большой пышностью. Впереди шли два прислужника с гонгами, за ними следовали конные стражники, многочисленные слуги, которые несли знамена, титульные знаки, зонты, сменные одежды, знаки власти. Затем шествовали экзекуторы с палками и хлыстами, готовые употребить их против зазевавшихся прохожих. Шествие замыкали пешие солдаты и слуги.

Китайских чиновников европейцы называли мандаринами. Слово «мандарин» происходит от португальского *mandar* — командовать, управлять.

Мандарин был особенно страшен для простолюдина в роли судьи: он мог по своему произволу и капризу погубить жертву, прибегая к различным изощренным пыткам и избиениям. И никто не мог заступиться за несчастного, потому что такой чиновник в едином лице был и судья, и адвокат, и юрист, и прокурор.

Наиболее распространенным способом дознания были пытки — обвиняемый, стремясь избежать нечеловеческих мучений, ставил подпись или отпечаток пальца под протоколом дознания, как бы он ни был составлен. Пыткам зачастую подвергались не только обвиняемый, но и истец и свидетель.

Существовало и такое правило. Осужденного под звуки гонга водили по улицам — пусть все видят его и знают, как он наказан. В окровавленные мочки ушей осужденного были продеты палочки длиной около 30 сантиметров, на которые прикреплялась бумажка, где было написано его имя, его вина и род наказания.

Тяжела и беспросветна была жизнь китайского труженика и в городе и в деревне. Немецкий путешественник Гессс-Вартег, посетивший в конце XIX в. город Кантон (Гуанчжоу), описал труд уличных ремесленников:

«На этих улицах вечная сутолока, шум и гам; десятки тысяч безбородых, длинноносых, полуголых фигур из кожи вон лезут в погоне за работой, в борьбе за существование. Направо и налево в маленьких,

полутемных сводчатых помещениях беспрерывно раздается с самого раннего утра до позднего вечера стук молотка, визг пилы, удары топора, свист рубанка... Везде работают так усердно, словно торопятся окончить самый спешный заказ, который должен быть готов в тот же день. Какое трудолюбие! Какая неутомимость в работе и творчестве!» И далее: «В этих ремесленных кварталах Кантона я никогда не видел людей праздных или отдыхающих — за исключением тех случаев, когда они лежали неподвижными, холодными трупами под белым полотном в той же мастерской-лавке, где провели на работе всю жизнь». Гессе-Вартег нарисовал небольшую картину жизни китайских ремесленников, но она была типична для всей огромной страны.

Замечательный русский китаевед И. Бичурин, проживший долгие годы в Пекине, в 1840 г. писал о бедности китайских простолюдинов: «Бедные люди по недостатку в средствах на пропитание едят конину, ослитину, верблюжину, кошек, собак и не только живых, но и палых. Мне самому доводилось видеть, с какой заботливостью бедный тащил случайно найденную им на улице дохлую кошку или собаку».

Чтобы выжить, простой люд Китая трудился в поте лица и все же не был уверен в завтрашнем дне: нужда, ужасная бедность, смерть от болезней и голода преследовали его всю жизнь.

Отчаянная бедность, граничившая с медленной голодной смертью, заставляла бедняка лишать себя жизни вместо приговоренного к смерти богача за соответствующее денежное вознаграждение: пусть семья несчастного на эти деньги приобретет клочок земли.

* * *

Культ императорской власти в Китае цементировался и усиливался всевозможными суевериями, которые заполняли душу любого китайца, начиная от простолюдина и кончая императором.

Какую бы сторону материальной и духовной жизни обитателей феодального Китая ни взять — восхождение на трон императора, труд

крестьянина на рисовом поле, рыбная ловля, ремесло, праздники, свадьба, рождение младенца, смерть и похороны, торговые дела и повышение по службе, война и восстания — везде и всюду присутствовали многоликие божества и духи, которые словно дамоклов меч нависали над головами живых.

Унаследованные от древнего Китая разнообразные суеверия сохранились и во времена господства маньчжурских завоевателей.

Символом власти императора считалось мифическое животное дракон (лун). Его изображали по-разному. По некоторым источникам, у него голова лошади, хвост змеи, а по обоим бокам туловища — крылья. Чаще всего дракона наделяли «девятью сходствами»: 1) его рога — как у оленя, 2) его голова — как у верблюда, 3) его глаза — как у дьявола, 4) его шея — как у змеи, 5) его брюхо — как у моллюска, 6) его чешуя — как у карпа, 7) его когти — как у орла, 8) его лапы — как у тигра, 9) его уши — как у вола.

Дракон наделялся сверхъестественной силой перевоплощения и передвижения: он мог быть видимым и невидимым. Весной дракон взлетал на небо, а осенью укрывался в глубине водной стихии. Бывали драконы бескрылые, но и они взлетали в воздух благодаря огромной внутренней силе. Небесные драконы охраняли обители богов, поддерживали их в небесах, чтобы они не упали на землю. Священные драконы создавали ветер и дождь во имя благоденствия людей.

Согласно суевериям «настоящий» дракон никогда не обнаруживал свою плоть перед смертными людьми: если видели его голову, то был скрыт его хвост; если видели его хвост, то была скрыта его голова. Дракона всегда изображали в облаках или в воде.

Во время засухи дракону — ниспослателью дождя молились и император, и народ. В Пекине был специальный храм, где молились дракону. Рядом с храмом находился колодец, покрытый большим плоским камнем с изображением дракона. Камень не трогали, боясь вызвать гнев дракона. В народе распространялась такая версия. В начале XIX в. Пекин охватила

страшная засуха. Император много раз молился дракону, прося ниспослать дождь, но все было напрасно: повелитель водной стихии не откликнулся на его мольбы. В конце концов разгневанный император повелел отодвинуть камень с отверстия колодца, и тогда с неба хлынул сильный дождь. Спустя три дня после этого император вернулся к колодцу, поблагодарил дракона и попросил его прекратить дождь, однако дождь не прекращался. На шестой день император вновь обратился с подобной просьбой к дракону, однако дождь продолжался с прежней силой. На девятый день императора охватило беспокойство за его назойливость перед драконом и он признал свою вину, что открыл колодец. Это успокоило гнев дракона, и дождь немедленно прекратился.

Люди верили во всемогущество дракона, и этим суеверием пользовались правители Китая для укрепления своего господства. Стремясь вселить в подданных трепет и суеверный страх, они приписывали себе качества этого мифического животного. Об императоре говорили так: его лицо — лицо дракона, его глаза — глаза дракона, его халат — халат дракона, его руки — когти дракона, его дети — потомство дракона. Смерть императора означала его взлет на драконе в небеса. На одежде, утвари, мебели, которыми пользовался император, — всюду можно было увидеть изображение этого мистического животного. К названию всех принадлежавших императору вещей добавлялось слово «лун», т. е. дракон. Императорский трон назывался «драконово сиденье» (лун-цзо).

На государственном гербе маньчжурских правителей и их одежде был изображен дракон с четырьмя лапами и пятью когтями на каждой. Все князья императорской крови также имели эмблему дракона, но только с четырьмя когтями на каждой лапе.

Обычной формой одежды для всех, кто стоял над народом, был шелковый халат с длинными рукавами. Императорский халат отличался от других халатов не только цветом (желтым), но и эмблемой. На нем были вышиты четыре золотых дракона: два — на плечах, один на груди и один на

спине. Император носил на шее бусы из жемчуга, а на голове — маленькую круглую шапочку, украшенную тремя золотыми драконами, расположенными друг над другом. На каждом драконе было по три жемчужины одинакового размера и по одной более крупной. Предполагалось, что дракон — это прообраз доисторической ящерицы, которая в незапамятные времена жила в горах Центральной Азии.



Ритуально-придворная зимняя одежда
маньчжурских императоров

Если дракон считался символом императора, то эмблемой императрицы была мифическая птица феникс. Согласно китайской мифологии, феникс — самая красивая и самая почитаемая птица среди пернатого племени. Ее изображали с головой фазана, шеей черепахи и туловищем дракона. Имеется также другое ее описание: у нее горло ласточки, клюв петуха, шея змеи, хвост рыбы, лоб журавля, головка утки, расцветка перьев дракона, спина черепахи. Перья этой птицы имеют пять цветов, которые означают пять основных добродетелей: человеколюбие, долг, пристойность, знание, верность. Феникс редко летает, и при полете ее сопровождает стая маленьких птичек. Эта мифическая птица наделялась милосердием: она не клюет насекомых, не питается живыми существами и травами; пищей ей служит бамбук, а жажду она утоляет только из чистого

родника. Происхождение феникса связывали с солнцем и огнем, поэтому ее обычно изображали пристально смотрящей на огонь. Она символизирует солнце и тепло и имеет прямую связь с летом и урожаем. Эта птица — одна из «четырех сверхъестественных существ» (дракон, единорог, черепаха, феникс).

И хотя император наделялся силой всемогущего дракона, тем не менее он испытывал страх перед природой и проявлениями ее грозных сил.

«Страх создал богов». Эти ленинские слова имеют глубокий смысл. Людей охватывал страх при виде грозных явлений природы: при солнечном и лунном затмении, засухе и наводнении, свирепых бурях и землетрясении. Чувство страха перед потусторонним миром было присуще всем народам на различных ступенях их развития, в том числе и китайскому народу.

Автор книги «Культы, религии, традиции в Китае» Л. С. Васильев писал: «Не зная законов природы, будучи слабыми и беззащитными перед грозными проявлениями ее сил, древние китайцы, как и любой другой народ на сходной ступени развития одухотворяли и обожествляли эти силы, приписывали им разум и сверхъестественное могущество. Небо и земля, солнце и луна, дождь и ветер, звезды и планеты, горы и реки, даже отдельный камень, дерево, пруд, куст были в глазах древних одушевленными и разумными существами, чьей благосклонности надо добиваться, а гнева — опасаться».



Мифическая птица феникс

Действительно, духовная жизнь старого Китая была опутана всевозможными суевериями, согласно которым небо и земля наполнены бесчисленными божествами и духами: они наблюдали за жизнью человека и

по-разному могли влиять на нее.

Древние китайцы, как и другие народы, устремляя взор на безграничное небо, не могли не обратить внимания, что там постоянно происходят какие-то таинственные, непонятные для их разума явления: день, когда на небе светит солнце, сменяется ночью, когда бесчисленное количество ярко-красных звезд усеивают необозримое пространство небесного свода, а луна излучает мягкий свет. Раскаты грома и вспышки молнии рассматривались как гнев небесных божественных сил.

«Круглое» небо посылало на «квадратную» землю живительную влагу и благодатную теплоту, без чего земная жизнь прекратила бы свое существование, но оно могло горячими лучами солнца опалить посевы и оставить людей без пищи.

Подобные явления природы порождали в суеверном сознании мысль о том, что небо — разумное и сознательное существо, что на нем есть какие-то таинственные силы, которые сверху следят за земной жизнью. Если небо было «довольно» земными порядками, то оно своевременно ниспосылало на землю дождь и благодатные лучи солнца; если оно было «недовольно» земными порядками, то «наказывало» землю стихийными бедствиями — засухой, наводнением, неурочными дождями, землетрясением и т. п. Так постепенно рождался культ неба — верховного божества.

Небо считалось владыкой мира, источником активного начала и рождения. Твердая и неподвижная земля, повинувшись небесным законам, являлась воплощением покоя, объектом воздействия неба, источником пассивного начала, завершения и смерти, т. е. небо повелевало земле.

В классических конфуцианских книгах «Шицзин» и «Шуцзин» утверждалось, что небо в своих поступках напоминает человека: оно может видеть и слышать. Небо любит людей, помогает друзьям и наказывает их противников. Тот, кто следует воле неба, может рассчитывать на его помощь. Тот, кто противится воле неба, навлечет на себя его гнев. В книге «Шицзин» приводятся слова «пострадавшего» от неба: «Я родился в несчастливый час,

когда небо было охвачено гневом». Верили, что гром есть возмущенный голос неба, а ветер — его дыхание или его повелительный глас.

Небо, однако, не могло непосредственно «управлять» земными порядками людей: оно «даровало» власть правителю, который управлял подданными по «небесному велению», считался исполнителем воли неба, поэтому его называли Сыном неба.

Термин «Сын неба» не означал божественного происхождения императора. Смысл этого термина состоит в том, что император — единственное человеческое существо, имевшее право быть посредником между небом и землей, между людьми и верховными божествами. Только он один от имени всего народа и империи имел право молиться небу и приносить ему жертвоприношения. «Получив» власть от неба, император считался непогрешимым, всезнающим и всевидящим.

Легендарные правители древности Яо и Шунь считались совершенно мудрыми святыми людьми. Их святость якобы дана от рождения небом. Они были призваны небом к установлению разумного порядка вещей на земле.

Представление о том, что небо «верховодит» землей и влияет на земные порядки, было воспринято древним китайским философом Конфуцием, жившим 2500 лет назад, и его последователями — конфуцианцами. Они пытались установить связь стихийных явлений природы с общественной жизнью людей, в стихийных бедствиях и других явлениях природы найти особый род ответного действия неба на те или иные поступки людей, проявления наказующей или вознаграждающей воли неба.

Вера в «небесное повеление» существовала в Китае длительное время, вплоть до начала XX в.

Во время стихийных бедствий (засухи, наводнения, землетрясения и т.д.), а также народных волнений правители Китая обращались за «помощью» к небу. В -1832 г. император Даогуан в связи с постигшей страну засухой обратился с мольбой к небу, в которой есть такие слова:

«Грехи мои день от дня умножаются, во мне мало искренности и

благоговения — это единственная причина постигшей страну засухи. Я чувствую себя вынужденным рассматривать свое поведение и свои проступки, вознося взоры и уповая получить прощение. Я спрашиваю себя: не относился ли я небрежно к жертвоприношениям? Не вкрались ли в мое сердце гордость и любовь к пышности? Не стал ли я с некоторого времени нерадив к делам управления государства и не сделался ли неспособным относиться к ним с должным вниманием и старанием? Ударяя челом, молю царственное небо — поспеши ниспослать благодетельного дождя, поспеши спасти жизнь народа и до некоторой степени искупи мои несправедливости».

Участники тайпинского восстания (1850—1864) объявили своим вождем Хун Сюцюаня, который якобы по велению неба должен стать императором Китая. «В Поднебесной, — говорилось в одном из воззваний, — появился настоящий властитель. Бесчисленные преступления варваров разгневали небо, господь бог приказал повелителю нашему, небесному князю, именем неба поднять священное знамя, положить конец преступлениям маньчжуров».

В период восстания ихэтуаней (1898—1901) в Пекине распространялась листовка, имевшая целью припугнуть тех маньчжуров и китайцев, которые потакали иностранцам и не помогали восставшим ихэтуаням. В листовке было сказано: «Я, божество невиданного мира, Юй Хуан, повелел дождям прекратить питать водой землю, потому что вы потакаете иностранным дьяволам: разрешили им строить железные дороги и проводить провода, передающие слова на расстояние; позволили им обучать нас ереси. Я, божество Юй Хуан, недоволен этим. Вы можете вернуть мою благосклонность к вам, если проявите внимание к ихэтуаням. Они исполняют волю неба».

Во время Синьхайской революции (1911 — 1912), которая покончила с господством маньчжуров в Китае, Ли Юаньхун, вступив на пост главы Военного правительства провинции Хубэй, по случаю победы восставших совершил жертвоприношение небу и земле, заявив при этом: «Наши войска

взяли город Учан. Значит, небо, земля, горы, равнины, реки, моря и души наших предков таинственным образом содействовали нам. Мы начали свою деятельность, опираясь на покровительство Неба».

Небо, как показано выше, становилось «соучастником» различных крупных событий в Китае, и к нему обращались за помощью. Миллионы суеверных китайцев верили, что небо обладало силой влиять на общественную жизнь: оно могло наказывать правителя или содействовать его противникам. Если правитель плохо управлял страной или жестоко притеснял подданных, это вызывало недовольство неба, и такой правитель мог лишиться «небесного мандата».

Наряду с культом неба в китайских суевериях большое место занимали различные божества и духи. Ж. Донован в книге «Китай вчера и сегодня», изданной в Лондоне в 1923 г., утверждал, что в старом Китае было 4 миллиона божеств и духов и 300 тысяч религиозных храмов. Трудно подтвердить точность этих цифр. Однако при всей их неточности, действительно, всевозможных божеств и храмов в этой стране насчитывалось великое множество!

В китайском языке «божества» и «духи» передаются одним словом «шэнь», поэтому часто в европейской литературе божества именуются духами, а духи — божествами. Говорят: «божества гор» и «духи гор», «небесные божества» и «небесные духи», «божества моря» и «духи моря», «дух предка» и «дух огня» и т. д.

Понятно, что божества и духов объединяет одно общее — и те и другие суть потусторонние силы, между ними нет строгого разграничения, и тем не менее, на наш взгляд, они различаются своими «функциональными обязанностями».

Китайские божества условно могут быть классифицированы на группы:

— Божества природы (неба, земли, солнца, луны, планет, моря, гор, леса и др.). Древним китайцам сама по себе природа представлялась

материальной, но управляемой духовными силами.

— Божества явлений природы (грома, молнии, наводнения, засухи, ветра, дождя, затмения, тумана, облаков, грозы, радуги, снега и др.).

— Божества мертвых, или мира духов (божество ада — Яньло, божество города, управляющего душами мертвецов, — Чэнхуан, укротитель злых духов — Чжун Куй и др.).

— Божества — выходцы из живых людей (Нефритовый император, Будда, божество войны и литературы, божество богатства и др.). Такие божества когда-то были людьми, но не обычными смертными, а необыкновенными, наделенными особыми способностями.

Среди умерших на первом месте стоял великий предок Шан-ди (Верховный государь). Он считался верховным божеством, которому должны были подчиняться все духи на небе и люди на земле. Шан-ди, как и небо, считался верховной божественной силой, и между ними не делалось различий. Постепенно культ Шан-ди стал вытесняться культом неба, и это произошло на рубеже второго и первого тысячелетий до н. э. И тем не менее императоры Китая преклонялись перед духом Шан-ди как высшим божеством. Они приносили жертвы в равной мере небу, земле и Шан-ди.

Божествами были также реальные животные: тигр, черепаха, змея, крыса, обезьяна, лисица и другие.

Если среди водоплавающих существ в мифах и легендах первое "место" отводилось дракону, то среди животных, обитавших на суше, главным считался тигр, который олицетворял силу, отвагу, суровость и свирепость. Тигр символизировал также военную доблесть.

Голову тигра рисовали на щитах воинов; ее гравировали на деревянных дверях военных фортов для устрашения неприятеля. Изображение тигра, вышитое на одежде военных чинов, служило знаком различия. В древние времена китайские воины, облачившись в тигровые шкуры, неслись на врага с дикими криками, напоминавшими рев настоящего тигра, стремясь вселить страх в противника.

Люди верили, что тигр наводит ужас на злых ду хов, поэтому голову этого хищника рисовали на стенах жилых домов и монастырей и вышивали на одежде и обуви детей.



Верховный владыка Шан-ди

С незапамятных времен тигр снискал себе уважение у китайского народа. Его изображения находят на бронзовых и фарфоровых изделиях далекого прошлого. Входы в монастыри, правительственные здания, богатые магазины, жилые дома феодалов украшали и оберегали каменные изваяния тигра.

Черепаша считалась символом долголетия: она якобы живет до 3 тысяч лет. Божественная черепаха имела голову змеи и шею дракона. Изваяния черепахи служили украшением императорских дворцов и постаментом для стел на могилах знатных людей.

В народном поверье змее приписывали свойства водяного божества или дракона. Считалось, что змея через сотни лет могла перевоплотиться в дракона. В окрестностях Пекина находился храм священных змей, в нем они свободно передвигались.

В 1908 г. жители местечка Гайпин на Ляодунском полуострове во время эпидемии отказались убивать крыс, которых считали духами, поэтому трудно было бороться с чумой и холерой, безжалостно косившими людей.

Обезьяна почиталась всемогущим священным животным, в честь

которого сооружались молельни. Моления происходили примерно в таком порядке. Зажигались курительные палочки и свечи, ставились жертвоприношения: мясо, овощи и фрукты — все это расставлялось перед изображением обезьяны или в виде глиняной скульптуры, или в виде рисунка на бумаге. Верили, что обезьяна контролировала поведение домовых, ведм, колдунов, даровала хорошее здоровье, изгоняла злых духов. Верили, что болезни, неудачи по службе, убытки в торговле порождались влиянием домовых и ведм, а главное — невниманием к божеству обезьян.

В Центральном Китае, где много рек и озер, широкое распространение имел культ зеленой лягушки. Специально для них сооружались храмы, где они свободно передвигались. Существовало божество саранчи: ему молились крестьяне, упрашивая послать саранчу в другое место и оставить в покое их посевы.

Предметом еще большего почитания была лисица, особенно среди высокопоставленных чиновников. Основной символ власти — печать находилась под «покровительством» лисицы. Даже в служебных помещениях выделялись специальные комнаты, где молились лисице: становились на колени и совершали три раза челобитье, ставили на стол три рюмки вина, три курительные палочки и две свечи в честь главной лисы — владелицы печати. Люди верили что если не совершить такой религиозный ритуал, то может исчезнуть служебная печать и у чиновника возникнет множество неприятностей. Лисица могла воплотиться в плоть мужчины или женщины. Некоторые болезни появлялись из-за ее козней.

В китайском народе говорили: «Живущий — человек, мертвый — дух» Это означало, что после смерти человек не исчезал бесследно, а становился духом, хотя на «том свете» и сохранял человеческий облик. «Можно утверждать, — заметил в начале XX в. один из наблюдателей, — что все божества Китая — это умершие люди, а все умершие являются божествами». Это, конечно, преувеличение, но и в самом деле каждый умерший глава семьи становился божеством для своих домочадцев: он как бы оказывал на

них непосредственное влияние.

Если божества властвовали над природой и распоряжались силами стихий, то духи умерших имели более ограниченные «права» — они как предки могли влиять только на своих потомков. Исключение составляли злые духи: они могли навлечь беду на любого живого человека.



Небесные драконы

К злым духам обычно относили души утопленников, нищих, умерших без погребения, души буддийских монахов, стариков и старух, оставшихся без родственников. Человек, покончивший жизнь самоубийством, умерший насильственной смертью или вследствие несчастного случая, становился злым духом. Дома, где произошло самоубийство, навещали злые духи и нередко покидались его жильцами.

Злым духом (гуй) мог стать и добрый дух (шэнь), если о духе умершего никто не заботился и он, оказавшись без присмотра, страдал от голода и холода. Такой добрый дух становился злобным.

Злые духи проявляли себя преимущественно в ночное время. Полночь — это время, когда их деятельность достигала наивысшего напряжения. Поэтому суеверный человек в ночное время старался выходить с фонарем —

его свет предохранял от всякого рода злого влияния. Дневной рассвет заставлял злых духов рассеиваться и скрываться в убежище. Это происходило с пением петуха.

О кознях злых духов в китайском народе распространялись самые невероятные рассказы, которые вселяли ужас в сердца суеверных людей. Приведем один из них.



Божество огня Чжу Юн

Один молодой человек пристрастился к вину настолько сильно, что даже ночью не мог обойтись без него. Когда он ложился спать, то рядом с кроватью на земляной пол ставил бутылку с вином. Проснувшись ночью, он протягивал руку к бутылке, отпивал немного и вновь засыпал. Однажды с ним произошло невероятное: когда он по привычке протянул руку к бутылке, злой дух схватил его и стал тащить под землю. Услышав отчаянный крик, родственники молодого человека поспешили к нему в комнату, но было поздно: они увидели только его голову, погружавшуюся в землю, словно в воду.

Считалось, что в городах злые духи могли проникнуть на главную улицу через узкий переулок, поэтому на месте их пересечения выставляли каменные дощечки или устанавливали столбы, на которых выгравировывали иероглифы мистического значения.

Прямо против уличных ворот находилась прочная кирпичная или каменная стена. Духи, обладавшие стремительным движением и летавшие

только по прямой линии, могли налетать на такую стену, ударяться и возвращаться вспять.

Для того чтобы преградить доступ злым духам в крестьянский дом, перед его входом возводили небольшую стену, на верхней части которой была высечена голова льва, а на стене начертано строгое предупреждение.

Наиболее распространенными средствами для борьбы со злыми духами считались амулеты, талисманы и заклинания.

Амулеты и талисманы обладали сверхъестественной способностью отворачивать дурное влияние нечистой силы и принести суеверному человеку счастье, хорошее здоровье и удачу. Их применение было разнообразно.

Амулеты (арабское слово «носить») носили на теле человека. Особый смысл придавался иероглифам, имевшим мистическое значение, — «шоу» (долголетие) и «фу» (счастье). Изображение этих иероглифов, сделанных из металла или дерева, надевали в качестве амулета на шею.

Надежным средством избавиться от нечистой силы считались железные гвозди, которыми заколачивали гроб: их носили в кармане или в виде расплющенного кольца надевали на запястье или лодыжку мальчика. Такой амулет он носил до 16 лет.

Талисман (арабское слово, означающее магическое изображение) имел более широкое применение — его вешали, приклеивали, хранили в каком-либо месте или сжигали.

Красный цвет наводил страх на злых духов, поэтому он присутствовал и в амулетах, и в талисманах. Например, при чтении конфуцианских трактатов делали пометки на полях книги красной тушью, и таким путем читающий добивался избавления от наваждения нечистой силы. Родители клали в карман малолетнего сына лоскут красной материи, вплетали в косички детей красную шелковую ленточку или нитку, одевали их в одежду красного цвета, перевязывали красной веревочкой — так предохраняли детей от различных напастей. Злые духи боялись рыболовных сетей: сети разрезали на куски, которыми опоясывали поясицу ребенка.

Применение талисманов было настолько многообразно, что описать все не представляется возможным. Талисманы, как правило, изготавливали из красной или желтой бумаги, исписанной мистическими заклинаниями, и приклеивали в различных местах и на различные предметы: на дверях, ограде, орудиях труда, занавесках, стенах, балках, столбах и т. п.

Особое внимание уделялось заклинаниям. «Заклинания на бумаге, которыми можно изгнать злого духа и вылечить болезнь, — писал великий китайский писатель-демократ Лу Синь, — держатся исключительно на таинственности письменности. Раз письменность является священной, то и знающие письменность стали святыми». И еще: «Сила написанных заклинаний заключается только в том, что они похожи на письменность и к тому же никто, кроме даосских монахов, их не понимает».



Дух долголетия

В народе заклинания выражались в произнесении каких-либо слов, которые означали обеты или призывы к мщению и наказанию.

Приведем некоторые заклинания.

На том свете врагу желали:

— Когда ты умрешь и попадешь в ад, пусть распорют твои внутренности.

— Пусть тебя изжарят в котле с маслом.

— Пусть отрежут тебе язык.

Умиравший должен иметь на земле потомков, которые будут проявлять заботу об усопшем. Проклясть своего противника — значит пожелать, чтобы у него не было потомства:

— Пусть твое потомство сгинет от мора.

— Пусть твои дети и твой муж умрут раньше времени.

— Умри раньше, чем обзаведешься женой.

Умиравший мечтал, чтобы его схоронили в добротном гробу и в сухом месте. И чтобы сильнее досадить своему противнику, ему говорили:

— Пусть рыба сожрет тебя.

— Пусть рыба будет твоим гробом, а вода твоей могилой.

— Когда ты умрешь, пусть твой труп не будет захоронен.

— Пусть твой труп съедят собаки.

Захоронить человека без головы или с увечьем — самое страшное для суеверного человека, поэтому врагу надо пожелать, чтобы он попал на тот свет без головы или без конечностей:

— Пусть тебя разрежут на тысячи кусков.

— Пусть отсохнут у тебя руки и ноги.

Человек должен умереть дома, в кругу своей семьи. Смерть на чужбине приносит несчастье. Поэтому надо пожелать врагу умереть вдали от своей семьи:

— Пусть ты умрешь на краю дороги.

— Пусть ты сгинешь на углу улицы.

— Пусть ты умрешь на чужбине.

— Пусть ты умрешь в тюрьме.

Умиравший мечтал после смерти переродиться в богатого и благородного человека. Значит, надо своему противнику пожелать плохого перерождения или вообще не вернуться на землю:

— Пусть ты переродишься в свинью или собаку.

— Пусть после смерти ты никогда не переродишься. Одним из проявлений суеверий было мистическое отношение к бумаге, исписанной китайскими иероглифами. Верили, что написанный иероглиф обладал магической силой. Считали, что иероглифы, означающие долголетие, радость, счастье и преуспевание, действительно могут принести эти блага. Это нашло отражение в таком поверье: «Не нужно бросать исписанную бумагу, чтобы не ослепнуть или не быть убитым громом».

Вообще бумагу, исписанную иероглифами, запрещалось где-либо употреблять: ее следовало сжечь, а пепел сохранить в определенном месте. Моряки, например, пепел от сожженной исписанной бумаги в бурю бросали в бушующее море, «усмиряя» таким путем стихию.

В одной из книг наставлений можно было прочесть: «Где бы ты ни обнаружил исписанный листок бумаги, ты должен его поднять и тут же сжечь. Оставшуюся золу отнести в речку или закопать в землю. Если обнаружишь такой листок в грязной яме, необходимо его достать, вымыть, высушить, а затем сжечь. Нельзя разрезать исписанную печатную бумагу ножом или ножницами. Если это сделать, человек ослепнет».

В городах были созданы специальные общества почтительного отношения к бумаге с написанными иероглифами. Такое общество закупало большое количество корзин и распределяло их среди торговцев и домовладельцев. Клочки обветшавшей бумаги с написанными иероглифами собирались в такие корзины, а затем сжигались в специальных печах: так преодолевалось непочтительное отношение к китайским иероглифам. Золу от сожженной бумаги аккуратно собирали и ссыпали в специально вырытые ямы (чаще на территории какого-либо монастыря). Затем в определенный день золу перекладывали в корзины и в сопровождении членов общества

торжественно проносили по улицам города к берегу реки, где ее высыпали в воду. Такую процессию сопровождали музыканты, которые своей музыкой создавали торжественную обстановку. Участники торжества держали в руках зажженные курительные палочки.

В книге американского миссионера Р. Дулиттла «Социальная жизнь китайцев» приведены любопытные примеры отношения китайцев к бумаге, исписанной китайскими иероглифами.

В Фучжоу было создано общество по наблюдению за бумагой, исписанной иероглифами. В задачу членов этого общества входило: ходить по улицам и собирать клочки бумаги с китайскими иероглифами. Такая бумага сжигалась в определенном месте, а пепел от нее ссыпался в заранее приготовленные земляные сосуды. Когда пепла становилось много, его помещали в специальные корзины и увозили на берег моря или реки, где ссыпали в воду под звуки музыки.

В 1859 г., писал Дулиттл, я видел, как по улицам Фучжоу следовала в сопровождении музыкантов процессия, состоявшая из 100 человек. Они несли две большие корзины с пеплом, который собрали члены общества по наблюдению за бумагой, исписанной иероглифами. Их путь лежал к берегу реки Мин.

О важности сохранения бумаги, исписанной китайскими иероглифами, распространялись специальные наставления. Приведем для иллюстрации одно из них:

— Тот, кто готовится собирать, очищать и сжигать бумагу с написанными иероглифами, будет обладать тысячью добродетелей и продлит себе жизнь на 12 лет, станет почитаемым и богатым, его дети и внуки будут добродетельными и хорошо относиться к родителям.

— Тот, кто будет разрезать бумагу с написанными иероглифами на полоски и раздавать их населению, приобретет 500 добродетелей и будет любим без порицания, будет иметь много добродетельных детей.

— Тот, кто будет запрещать кому-либо уничтожать грязную бумагу с

написанными иероглифами, приобретет 15 добродетелей и станет преуспевающим и разумным человеком.

— Тот, кто будет произвольно сжигать бумагу с написанными иероглифами, пострадает от 10 пороков и различных заболеваний.

— Тот, кто будет в гневе бросать на землю бумагу с написанными иероглифами, будет наделен пятью пороками и утратит разум.

— Тот, кто будет бросать бумагу в грязную воду или сжигать ее, будет наделен 20 пороками, постоянно страдать от болезней глаз и станет слепым.

Божества и духов на земле представляли идола. Их делали из самого различного материала: из бумаги, глины, нефрита и золота. Чтобы идол представлял божество, соблюдалась церемония введения в него души. Такая церемония состояла из трех частей: а) открывание глазных зрачков, б) введение сердца, легких и других жизненных органов, в) помещение в статую каких-либо живых существ (птиц или пресмыкающихся).

Верующий покупал статую, приносил домой и в какой-либо знаменательный день приглашал мастера по выделке идола. Зажигались свечи и курительные палочки, пели молитвы, и в это время мастер помещал внутрь скульптуры сделанные из серебра жизненные органы (легкие, сердце, печень, дыхательное горло, пищевод). Затем он брал какое-либо живое существо и вкладывал его в отверстие со стороны спины скульптуры. Отверстие тотчас же замазывалось, чтобы душа не смогла «убежать».

Поставив идола на то место, где он должен стоять, мастер брал кисточку, обмакивал ее в тушь и затем, читая заклинания, касался каждого глаза своей кисточкой. Этот акт назывался «кай-гуан» (открытие света). Если же идола со зрачками доставляли в храм или частный дом, то предварительно ему заклеивали глаза красными бумажками, и, когда устанавливали в положенном месте, такие бумажки отклеивали.

Китаевед И. Г. Баранов говорил о китайских идолах: «Идол (или священное изображение) в глазах верующих не был божеством, а только символом бога. Его единственное назначение — возбудить религиозное

воображение и производить чувства благоговения к духовной реальности. В то же самое время огромное большинство китайцев, посещавших храмы, верило, что душа божества в самом деле находилась в идоле и что он действительно слышит просьбы, которые приносятся ему, и обладает силой давать ответы. Даже в деревянных дощечках, освященных соответствующим ритуалом, оказывается, обитали божества неба и земли».

Когда кто-либо особенно старался, чтобы его молитвы были услышаны, то он делал приношение из мяса и других вкусных блюд. Это приношение ставилось на алтарь перед идолом. Предполагалось, что идол, почувствовав аромат, бывал удовлетворен и склонялся уважить просьбу. Приносящий жертву мог оставить чашку с пищей на алтаре, но чаще всего возвращался с жертвой домой, где мог сам насладиться пищей богов.

Некоторым идолам молились в установленные сроки, другим — в зависимости от необходимости. Так, например, богу огня молились во время пожара. Царю драконов молились, когда нужен был дождь; богу войны — перед сражением. Идолов носили по улицам городов во время массовых шествий молящихся. Такие шествия совершались периодически или в связи с обстоятельствами.

И хотя идолы представляли божества, им «доставалось» от грабителей: последние при разграблении храмов прежде всего разбивали идолов, ища в них серебряные «внутренности».

Чтобы божества и духи слышали просьбу верующего, прибегали к двум средствам: молитвам и жертвоприношениям. Молитвы бывали двух родов: молитвы-просьбы и благодарственные молитвы. Молитвы-просьбы касались здоровья, долголетия, обильного урожая, предупреждения недорода и засухи, удачной торговли и т. п. Благодарственные молитвы всегда приносились после жатвы. Китайцам не были знакомы молитвы-исповеди. Не существовало понятия о первородном грехе. Человек от природы наделялся только благодетельными качествами и не имел греха: он мог испортиться лишь под влиянием обстоятельств.

Непременными предметами при жертвоприношении божествам и духам считались курительные палочки, благовонные свечи и хлопушки.

Курительные палочки изготавливались из сандалового дерева, кедра и различных пахучих трав. Они зажигались маленькими пучками (примерно 25 штук в пучке). Если же палочки зажигались не пучками, а по отдельности, то обычно их было не более трех. Их ставили в наполненную пеплом курильницу (по-китайски «сянлу» — «ароматическая печь»).

Свечи делались из растительного воска: свечи из сала животного происхождения нанесли бы оскорбление идолу. Никогда не зажигали менее двух свечей — они всегда располагались парами.

Каково было предназначение свечей и курительных палочек? Потусторонний мир представлялся суеверным людям чем-то темным, мрачным, где отсутствовал солнечный свет, поэтому его обычно называли «мир теней».

Умерший не мог ориентироваться в «мире теней» и найти нужный путь движения. Свет свечей озарял духу покойного его путь в потустороннем мире, а также привлекал внимание добрых божеств и отпугивал «нечистую силу».

Предназначение курительных палочек было несколько иное: они издавали благоухание, приятное божествам и духам мертвых. Благовонное вещество, употребляемое для воскурения, получило общее наименование «фимиам». Курение фимиама, как правило, сопровождало любому религиозному ритуалу.

Большое значение при жертвоприношениях отводилось хлопушкам: по-китайски «бао чжу» или «бао чжан» — «жечь бамбук». Люди верили, что треск горящего бамбука может отогнать злых духов и принести счастье. Когда в Китае был изобретен порох, обрезки бамбука стали начинять порохом и прикреплять к ним фитили: взрыв таких хлопушек был куда громче, чем треск горящих пустотелых обрезков бамбука. Впоследствии стали применять разнообразные бумажные хлопушки с порохом и фитилем.

Для привлечения внимания божеств к просьбам молящихся употреблялись различного рода ударные музыкальные инструменты: колокол, гонг, барабан, сделанные из железа, меди и дерева. Они призваны были разбудить дремлющие божества для приема молитвы, а также отпугнуть злых духов.

Чтобы задобрить божества и духов, использовались «жертвенные деньги», сделанные из желтой бумаги: они напоминали медные монеты с квадратным отверстием посередине. Такие «деньги» изготавливались также из золотистой и серебристой бумаги, изображавшей слитки золота или серебра. При жертвоприношениях «жертвенные деньги» предавались огню и в виде дыма «достигали» обители божеств.

Для моления и жертвоприношения возводился алтарь: место, где находились изображения святых в виде рисунка или скульптуры, а также таблички духов предков. Здесь же отводилось специальное место для курительных палочек и свечей. Почти в каждом доме в его главной комнате против входных дверей находился такой алтарь, где размещались различные божества — они выбирались семьей по ее усмотрению. Однако неизменным для всех было божество домашнего очага.

Ритуал моления перед огнем выглядел примерно так. Возжигались свечи и курительные палочки, расставлялись предметы жертвоприношения. После этого верующие становились на колени, совершали челобитие и произносили молитву.

В Пекине было девять алтарей, где императоры приносили жертвы небу, солнцу, луне, звездам, божествам земли, злаков, гор, рек, ветра, грома и молнии.

Древние китайцы приносили в жертву шесть диких животных: оленя, лань, медведя, антилопу, кабана, зайца; шесть домашних животных: буйвола, лошадь, овцу, свинью, собаку, курицу; шесть видов диких птиц: дикого гуся, перепела, пастушковых, фазана, горлицу, голубя. Буйвол считался самым благородным жертвенным животным, овца и свинья — менее благородными;

курицу относили к малым жертвам; птицу жертвовали духам земли и злаков. Лошадь приносили в жертву в связи с войной, а также по случаю крупной охоты, которая рассматривалась как военное упражнение.

Жертвоприношениями могли быть полевые растения, особенно рис, просо, пшеница, продукты ремесленного производства (шелковые ткани и нефрит), вино, чай и т. д., а также имитированные предметы быта, сделанные из бумаги и глины.

Верующие глубоко почитали все божества, однако среди них, как и среди живых людей, существовала своя «иерархия». Самым главным божеством считалось небо, а затем земля.

Государственные жертвоприношения делились на три класса: великие, средние и низшие.

Объектами «великих жертвоприношений» были: небо, земля, усопшие императоры данной династии, божества земледелия и зерна; девять объектов «средних жертвоприношений»: солнце, луна, усопшие императоры прежних династий, Конфуций и духи — покровители сельского хозяйства и шелководства, божества неба, земли, времен года. «Низшие жертвоприношения» приносили духам великих государственных деятелей, мученикам во имя добродетели; духам туч, дождя, ветра, грома, пяти известных гор, четырех морей, четырех знаменитых скал и т. д.

Наиболее важным жертвоприношением в течение года считались великие жертвы в Храме неба в день зимнего солнцестояния (22 или 23 декабря).

В древности император по случаю зимнего солнцестояния постился и совершал обряд очищения. Он садился в обычную двухколесную повозку и отправлялся в рощу, где на открытом воздухе перед народом молился небу, каялся в своих грехах, принимал на себя ответственность за гнев божий и просил наказать его, но не народ. И хотя не было зафиксировано, как небо наказывало императора, но все знали, что такой ритуал существовал издавна в день зимнего солнцестояния. Этот ритуал сохранился и в последующем,

хотя в него было внесено много нового.

Самым священным местом для жертвоприношений, совершаемых императором, считался Храм неба.

Расположенный в пределах пекинской внешней городской стены, Храм неба занимает площадь около 280 гектаров. Два ряда стен красного цвета окружают и делят это священное место на две части: внешний и внутренний храмы. Главными строениями внутреннего храма являются Храм моления об урожае (Циннянь дянь), Храм небесного свода (Хуанцюньюй) и Алтарь неба (Хуаньюй). Они спланированы в соответствии с древним китайским представлением: «Небо — круглое, земля — квадратная» и расположены по прямой линии, идущей с севера на юг.

На территории Храма неба находились также служебные помещения: Зал великого неба (Хуаньцянь-дянь), Кухня для небожителей (Шэньчу), Павильон для закалывания жертвенных животных (Цзайшэн тин), Дворец поста (Чжайгун).

Храм моления об урожае, построенный при династии Мин в 1420 г., представляет собой круглое здание с трехъярусной крышей, облицованной глазурованной черепицей синего цвета — цвета неба и увенчанной позолоченным куполом. Это здание, имеющее 38 метров в высоту и 30 метров в диаметре, построено без стального каркаса и без бетона. В нем нет ни крупных стропил, ни длинных поперечных балок. Высокая и тяжелая трехъярусная крыша поддерживается 28 огромными деревянными колоннами, соединенными между собой перекладинами и брусьями. Четыре средние колонны высотой 19,2 метра символизируют четыре времени года. Двенадцать колонн в среднем ряду символизируют 12 месяцев в году и двенадцать колонн наружного ряда — 12 двухчасовых отрезков времени суток (страж). Постройка не имеет стен, их заменяют резные перегородки. Потолок покрыт красочной цветной росписью.

В Храме моления об урожае совершался церемониал жертвоприношения небу и земле и молились о богатом урожае.

Храм небесного свода меньше Храма моления об урожае, но также изящен и издали похож на большой раскрытый синий зонт с золотой макушкой. Высота здания — 19,5 метра, диаметр — 15,6 метра. Снаружи храм обнесен толстой сплошной стеной, знаменитой своим круговым резонансом. Если негромко произнести какие-либо слова, обратясь лицом к стене, то вдоль всей стены можно ясно расслышать эхо. Эта стена, сооруженная в 1743 г. с учетом законов акустики, называется «стеной кружащихся звуков».

Перед ступенями, ведущими в Храм небесного свода, находятся знаменитые каменные плиты саньинь-ши (камень трехкратного эха). Если встать на первую каменную плиту и хлопнуть в ладоши, то услышишь однократное эхо, на вторую ступень — двукратное эхо, а на третью ступень — трехкратное эхо. Такое явление объясняется тем, что эти плиты находятся на различном расстоянии от отражающей звук круглой стены.

Алтарь неба — по форме круглая, уступчатая, суживающаяся кверху пирамида из трех ярусов, сооруженная из ослепительно-белого мрамора. Лестницы и уступы алтаря обнесены белокаменными балюстрадами со скульптурными украшениями, в основном в виде драконов и фениксов. Общее число фигурных столбиков-балюстрад составляло 360, что соответствует числу градусов, на которое астрономами разделен небесный свод. В центре алтаря размещена большая каменная плита, вокруг которой выложены кольца меньших по размерам плит, число их увеличивается соответственно диаметру. Здесь хранились таблички с обращениями к божеству неба и духам предков императоров; во время церемоний эти таблички устанавливались на Алтаре неба.

Доминирующим цветом Храма неба был голубой — символ неба. Большинство предметов, предназначенных для церемониальных жертвоприношений, были голубого цвета: жертвенная посуда, шелк, дорожки к императорскому шатру, навесы над тропинками и т. п. При молебствиях цвету вообще придавалось большое значение. Тексты молитв,

которые император читал в Храме неба, готовились заранее. Ежегодно они обновлялись и записывались на деревянных дощечках, оклеенных бумагой различного цвета: голубого — для неба, желтого — для земли, красного — для солнца, белого — для луны.

Когда император молился небу, он облачался в халат голубого цвета, когда молился земле — желтого, солнцу — красного, луне — белого. При жертвоприношении небу император облачался в особое жертвенное одеяние, на котором были вышиты солнце, луна, звезды и драконы.

В течение трех суток до начала жертвоприношений в Храме неба император и его приближенные должны были соблюдать строжайший пост. Правила поста запрещали пить вино, есть чеснок и лук. Лица, носившие траур или имевшие раны на теле, лишались права участвовать в церемониях. Нельзя было навещать больных, посещать могилы, присутствовать на похоронах, молиться духам, слушать музыку, участвовать в судебном процессе. Одним словом, запрещалось делать все, что могло бы отвлечь внимание от подготовки к великому торжественному обряду.

В первые два дня пост соблюдался во дворце под наблюдением императора, а в последний день — в специальном Зале воздержания. И там и здесь были установлены большой алтарь и Статуя молчания — бронзовая фигура человека, три пальца левой руки которого касались губ, что символизировало молчание, а в правую руку была вложена табличка с текстом «Правил соблюдения поста в течение трех дней».

Репетиция предстоящего торжественного акта проводилась в Палате церемоний. После репетиции шелк и нефрит, предназначенные в дар божествам, выставлялись во дворце, где император совершал девять земных поклонов перед отправлением этих даров в Храм неба.

Обряд жертвоприношений в Храме неба проходил так. Император в роскошном паланкине покидал свой дворец еще накануне, на закате солнца. Прибыв в храмовую рощу, император осматривал жертвенных животных. Жертвоприношения к этому дню готовились на специальной «кухне богов» и

состояли из говядины, свинины, баранины, оленины, зайчатины, рыбы, риса, каштанов, ростков бамбука, различных пряностей и т. д. Съестное преподносилось богам в ритуальной посуде, сделанной из фарфора или бамбука.

После осмотра жертвоприношений Сын неба направлялся в Храм поста и покаяния и здесь, преклонив колени, предавался молитвам. Затем он следовал в императорский шатер, где происходила церемония омовения рук и облачения верховного жреца в ритуальные одежды.

Необычайно торжественным было шествие к Алтарю неба. Впереди шли знаменосцы, за ними — музыканты, затем следовали император и сопровождавшие его лица. По пути танцоры под звуки музыки исполняли медленный ритуальный танец.

Церемония служения небу происходила в ночное время. В мерцании бесчисленных факелов жрецы в длинных голубых шелковых одеяниях ставили на алтарь таблички с именем верховного владыки неба — Шанди, а также усопших императоров царствующей династии. Там же, чуть пониже, устанавливали таблички духов солнца, Большой Медведицы, пяти планет, 28 созвездий, таблички духов луны, ветра, дождя, туч и грома.

На длинных столах перед каждой табличкой располагали курильницы с восковыми и курительными свечками. Здесь же раскладывали богатые жертвоприношения. Верховному владыке Шанди приносили в жертву 12 кусков плотной голубой шелковой ткани; усопшим императорам — по 3 куска белого шелка; планетам, звездам и стихиям — 17 кусков красной, желтой, голубой, черной и белой шелковой ткани. Кроме того, жертвоприношениями служили различные предметы из нефрита. Перед табличками духов размещалась также и жертвенная трапеза: заколотый бык, баран или свинья, чашки с рисовой водкой, блюда с различными яствами.

Под звуки музыки и пение хора император восходил на самую верхнюю часть Алтаря неба и трижды преклонял колени перед табличкой владыки неба — Шанди. Затем музыка смолкала, император поднимал

обеими руками священный голубой нефрит и возносил его к табличке владыки неба как видимый знак жертвоприношения. Затем он читал молитву, в которой просил небо о благословении, а усопших императоров — о милости.

Молитва императора, обращенная к небу или земле, начиналась так: «Сегодня (следовала дата) я, царствующий Сын неба, подданный такой-то» (называлось собственное имя императора, которое не имели права произносить даже самые близкие его родственники). При жертвоприношениях солнцу и луне в тексте молитвы слово «подданный» опускалось. Когда монарх обращался с молитвой к предкам, он называл себя «почтительный внук». Сам текст молитвы, адресованный небу, земле, императорским предкам, духам земледелия и зерна, начинался словами: «Осмелюсь обратиться со следующей молитвой»; к солнцу и луне — «Молимся с усердием». К другим божествам обращались попроще: «Предлагаются жертвоприношения».

По окончании церемоний под звуки торжественного гимна все таблички уносили, а жертвоприношения сжигали, чтобы таким путем «доставить» их по назначению. Само сожжение происходило в особом месте, куда торжественно переносили жертвы.

Важной государственной церемонией было жертвоприношение в честь земли — супруги неба, по китайской дуалистической концепции. Оно происходило в Храме земледелия в день летнего солнцестояния (21—22 июня). Если все архитектурные линии Храма неба были изогнутыми, то очертания Храма земледелия — прямыми. Вместо небесных тел и стихий здесь почитались духи земли, четырех больших морей, четырех больших рек Китая и четырнадцати высочайших гор. Жертвоприношения земли совершались утром — в день летнего солнцестояния, жертвы не сжигались, а закапывались. В храме, где находился Алтарь земли, преобладал желтый цвет — цвет почвы Северного Китая. Крыша его была облицована желтой черепицей. Жертвенная посуда, нефрит и шелк были желтого цвета.

Император принимал участие и в чествовании усопших правителей Срединного государства маньчжурской династии, что считалось одним из великих жертвоприношений.

Обязанности первосвященника, или верховного жреца, исполнял сам император, что придавало государственной религии особый авторитет в глазах населения.

Сын неба не хотел передавать свои жреческие полномочия кому-либо другому, понимая, что это может вызвать неприятную для него реакцию подданных.

Только император от имени всего народа в качестве верховного священнослужителя имел право приносить жертвы небу, земле, большим рекам и горам, влияние которых распространялось на всю страну. Жертвоприношения небу сжигались, а земле — закапывались.

В дни весеннего (21 марта) и осеннего (23 сентября) равноденствия в Пекине в Храме солнца (на востоке города) и в Храме луны (на западе города) совершали жертвоприношения члены императорской семьи.

Жертвы различались в зависимости от положения жертвователя: чем выше был его ранг, тем крупнее выбиралось животное. Император приносил в жертву буйвола или корову, сановники — козу или овцу.

Хотя от имени всего народа жертвы небу и земле мог приносить только император, это, однако, не означало, что подданные Срединного государства не могли совершать жертвоприношения: в домашних алтарях можно было встретить таблички в честь неба и земли, перед которыми глава семьи совершал поклонение и приносил жертвы. В простонародье небо называли «небесным старцем», а землю — «земной бабушкой». Народ молился небу как подателю тепла, холода и влаги, а земле как производительнице злаков.

* * *

В Китае получили распространение самые различные формы культа, однако особое значение приобрел культ предков, который означал обожествление и почитание общего предка рода по мужской линии. Иными

словами, культ предков — это вера в самостоятельное существование духа покойного.

Потомки умершего считали, что его дух всегда сохраняет связь с ними и влияет на их жизнь. А раз это так, ему следует регулярно помогать, снабжать всем необходимым: жильем, пищей, одеждой, предметами обихода и т. п. Все это «доставлялось» духам предков путем жертвоприношений. В далеком прошлом на жертвенном огне сжигались настоящая одежда, настоящий строительный материал для жилья и т. д. Считалось, что, превращенные в дым, они «поступали» по назначению.

Строго соблюдая сложный ритуал почитания духов предков, потомки рассчитывали на их помощь в самых различных земных делах. Они просили покойников продлить жизнь членов семьи, дать счастье и благополучие всему роду.

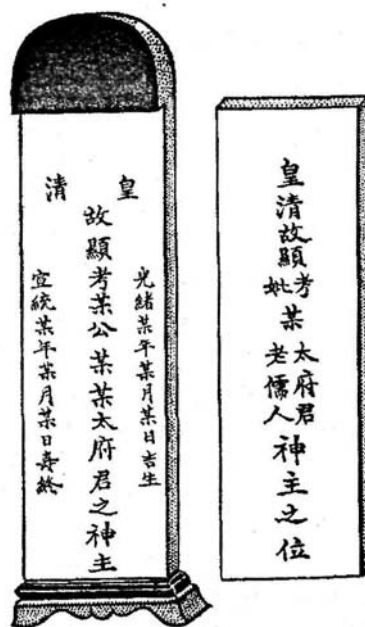
Духи в загробном мире нуждались в пище. Кормить их считалось обязанностью всех членов семьи. Если они получали все необходимое, то приносили потомкам благоденствие. Если о духе никто не заботился и он терпел лишения, то становился злым, мстительным, посылал людям болезни и различные несчастья.

Главная забота о духе умершего падала на того члена семьи, который при жизни был ему ближе всех. Таким считался старший сын покойного отца. А так как духи предков существовали вечно и постоянно требовали жертв, то и преемственность лиц, приносящих им жертвы, не должна была нарушаться: умершему отцу приносил жертвы его старший сын, который также оставлял после себя сына, и т. д. Таким образом, усопшие предки как бы продолжали жить в могиле словно живые люди, не порывая связей с семьей, родственниками и знакомыми.

Дух усопшего «воплощался» в табличку (прямоугольную деревянную дощечку), которую сохраняли в семейном храме предков или просто на домашнем алтаре. Перед такой табличкой духа предков до пятого колена совершали жертвоприношения.

В помещенной ниже табличке духов предков написано:

Справа: Маньчжурская династия. Покойный отец такой-то. Покойная мать такая-то. Господин такого-то звания. Госпожа такого-то звания. Место духов предков.



Табличка духов предков

Слева: Маньчжурская династия. Родились в такой-то день, такой-то месяц, такой-то год девиза правления Гуансуй. Таблички духов покойного отца такого-то, покойной матери такой-то. Умерли в такой-то месяц, в такой-то день, такого-то года девиза правления Сюаньтун.

Так как дух покойного в потустороннем мире вел самостоятельную жизнь, то нужно было, чтобы он появился там с головой. Поэтому обезглавливание считалось самым страшным наказанием. По понятиям верующих, обезглавленный не мог на «том свете» опознать своих предков, до его слуха не могли дойти молитвы близких на земле. Поэтому друзья или родственники обезглавленного, прежде чем предать его тело земле, старались прибить отсеченную голову к туловищу. Если же суд желал усугубить наказание осужденного на смерть, то объявлялось, что голова его будет выставлена напоказ и навсегда отделена от тела. Более «гуманной» казнью считалось удушение: обреченный, имея голову, мог на «том свете» опознать своих предков, разговаривать с другими и наблюдать за жизнью своих

потомков на земле.

На самоубийство человека толкала не только отчаянная бедность, но и религиозный фанатизм: дух самоубийцы постоянно будет преследовать обидчика и сделает его жизнь сплошным кошмаром.

Например, некто разорил своего конкурента по торговле и последний в отместку вешался на перекладине ворот обидчика. Два коммерсанта враждовали между собой из-за конкуренции. Более слабый принимал повышенную дозу опиума и шел умирать в лавку своего конкурента. Самоубийца был уверен в том, что, умирая, он своей смертью наносит вред противнику, обеспечивая своей семье возмещение убытков и необходимые почести на его похоронах. В случае же убийства противника он подверг бы опасности всю свою семью, опозорил бы ее и лишил бы себя посмертных почестей.

Перед тем как лишиться себя жизни, самоубийца вкладывал в жилет или обувь записку, в которой излагал мотивы самоубийства. Эта записка попадала в руки судебных экспертов, первыми осматривавших труп. Некоторые самоубийцы опасались, что их записка может быть похищена и судебные органы не смогут доподлинно определить причину такого поступка. Чтобы избежать этого, самоубийцы писали свое прощальное послание на коже: по китайским обычаям, нельзя стирать знаки, начертанные на коже мертвеца.

Самоубийство, как правило, заканчивалось плохо для того, против кого оно было задумано: для оправдания требовались большие деньги на судопроизводство, и это разоряло ответчика. Его могли посадить на долгие месяцы в тюрьму, пытаться и избивать. Бывали случаи, когда человек, против которого было направлено самоубийство, сам убивал себя, чтобы избежать разорения семьи и моральной изоляции.

Возможно, китайцы глубоко верили в потустороннюю жизнь, и для них самоубийство не считалось чем-то необычным: оно не осуждалось обществом, а рассматривалось как благородный акт, как проявление

мужества.

Император, вынося смертный приговор сановникам, совершившим тяжкое преступление, проявлял к ним особую «милость»: посылал осужденным средства самоубийства — листок золотой фольги, мешочек с ядом и желтую веревку. Сановник, ставший предметом «заботливого» внимания императора, знал истинное назначение такого «подарка». И тем не менее он благодарил императора за его «высочайшую милость».

В императорском указе перечислялись имена всех сановников, которые должны были присутствовать при совершении самоубийства осужденного.

Листок тонко прокатанной золотой фольги клали в рот осужденному, он сильным вдохом втягивал его в голосовую щель — и тогда наступало удушье.

Если императорским «подарком» была желтая веревка, то церемониал происходил следующим образом. Осужденному передавали желтую веревку, перед которой он падал на колени в знак «признательности» императору.

Веревку привязывали к перекладине, осужденный поднимался на стол и надевал петлю себе на шею. В этот момент присутствовавшие при казни сановники убирали стол из-под ног осужденного. Только в редких случаях такой императорской «честь» удостаивались чиновники низших рангов. Однако и здесь существовал определенный ритуал: их веревка должна была быть не желтого, а белого цвета.

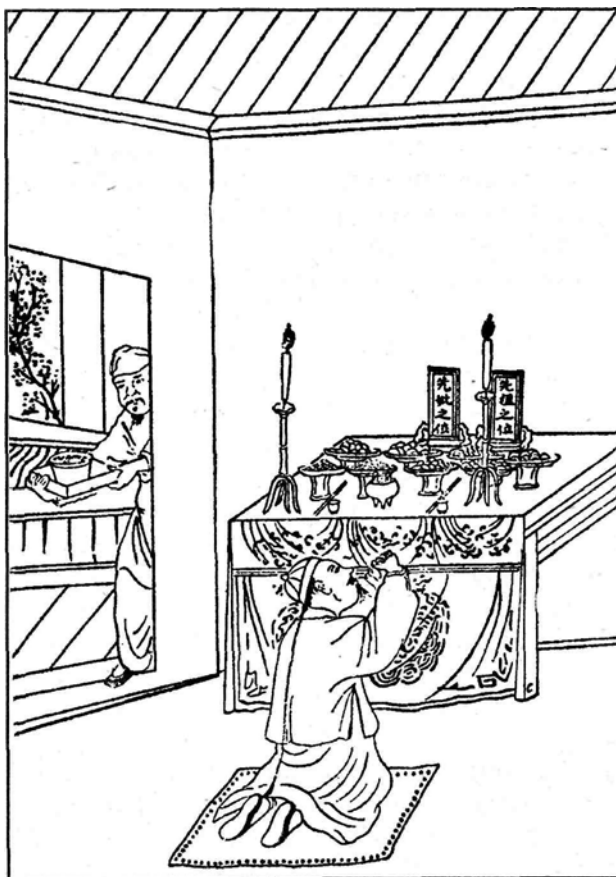
Самым распространенным средством самоубийства считался опиум: его курили, глотали в таблетках или выпивали настоянным на теплой воде. Из ядовитых средств использовались чаще всего мышьяк и фосфор.

Веря в потусторонний мир, правители Китая еще при жизни готовили себе усыпальницы, сгоняя для их строительства огромные массы обездоленного народа.

Основатель первого централизованного государства в Китае император Цинь Шихуан (III в. до н. э.) недалеко от города Сианя (провинция Шэньси) строил себе подземную усыпальницу в течение 36 лет и на ее возведение

согнал 700 тысяч человек.

Император танской династии Тайцзун (627—650) еще при жизни повелел близ Сианя построить для себя величественную гробницу, а в ее алтаре высечь на огромных каменных плитах изображения его шести любимых боевых коней: он думал воспользоваться ими и на том свете.



Моление перед табличкой духа предков

Вместе с умершим правителем и знатными людьми хоронили живыми главных и второстепенных жен, слуг, рабов, лошадей, собак, оружие, предметы быта и т. д. С императором Цинь Шихуаном были заживо погребены все его бездетные жены. Когда умерла любимая жена маньчжурского императора Шуньчжи, он повелел на ее могиле убить 30 человек. Впоследствии этот дикий обычай изжил себя.

Сохраняя веру в потустороннюю жизнь, китайцы стали погребать с усопшим вместо настоящих предметов их модели. Вместо живых людей, которых хоронили с их покойным повелителем, стали хоронить глиняные и деревянные статуи или соломенные куклы. Вошло в обычай около

могильного холма ставить каменные изображения людей и животных.

В 1974 г. вблизи города Сианя примерно в километре от гробницы императора Цинь Шихуана была обнаружена огромная подземная галерея 210 метров в длину и 60 метров в ширину. В ней размещены сделанные из обожженной глины 520 воинов и 24 лошади в натуральную величину. Предполагается, что здесь находилось до 6 тысяч глиняных статуй. Отлично сохранившиеся воины имеют правильные пропорции, что свидетельствует о высоком мастерстве ваятелей.

Оружие, пояса, наколенники и обувь выполнены очень тщательно, с большим вниманием к деталям. Каждая статуя воплощала человека с индивидуальными чертами лица.

В начале галереи стояли легковооруженные воины с арбалетами или луками и колчанами, позади них — основные силы: колонны пехотинцев с колесницами, в каждую из которых запряжена четверка лошадей. Большинство воинов вооружено копьями или алебардами. На одних — обычные платья, на других — доспехи.

Так 20 веков шеститысячная армия, изготовленная в натуральную величину из глины, при оружии, с боевыми колесницами и лошадьми зорко охраняла в безмолвии подземелья гробницу Цинь Шихуана.

В 1970—1976 гг. китайские археологи провели раскопки в местечко Янцзявань (г. Сяньян, провинция Шэньси), во время которых было обнаружено множество погребальных статуй воинов и коней династии Западная Хань (206 г. до н. э. — 8 г. н. э.). Среди них были статуи 1965 пеших и 583 конных воинов, несколько изображений музыкантов, 410 маленьких керамических щитов, декоративных деталей колесниц, а также арбалетов, бронзовых стрел и пр. Статуи воинов и коней были найдены в 11 погребальных ямах. Все статуи воинов и коней керамические, преимущественно кроваво-красной раскраски. Исполнение их отличается большой точностью и выразительностью.

Впереди находилось около 2 тысяч пеших воинов. Одни из них одеты в

красные, белые, желтые и зеленые боевые халаты, затянутые поясами, в белых штанах и обмотках. Эти халаты без воротника с завернутыми вверх рукавами опускались ниже колен. Передние полы у некоторых из них были выше задних. Другие были в доспехах, их латы на груди и спине крепились лентами к плечам и поясу. У отдельных воинов латы были подлиннее и имели наплечники из боевой брони. Правый кулак воинов слегка приподнят, как будто сжимает оружие, а левая опущенная рука держит щит, на котором четыре отверстия для веревки в центре.

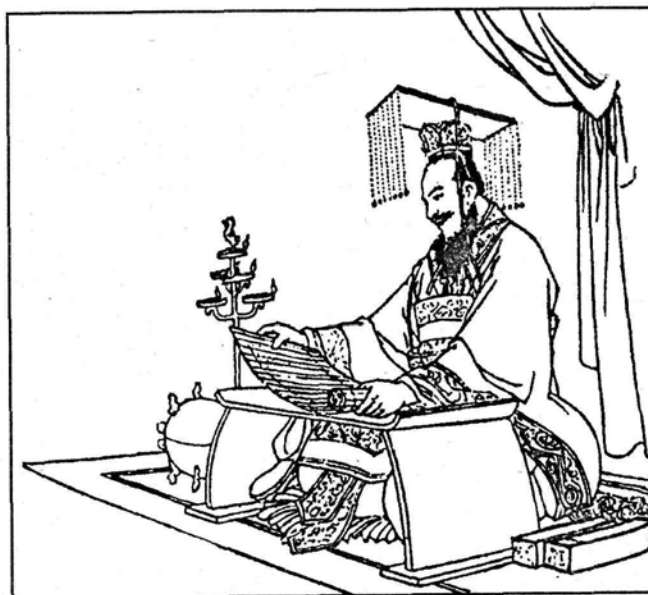
500 с лишним всадников отразили облик конников тех времен. Они были или в халатах, или в латах, или с арбалетами и колчанами за плечами. В левой руке сжимая поводья, а в правой — оружие, они вглядываются вдаль. В изваяниях коней прекрасно переданы их стать, повадки, движения.

В 70 километрах к северо-западу от Пекина на склонах горы Долголетия (Тяньшоу) на площади 40 квадратных километров находятся могильники китайских императоров династии Мин (1368—1644). Столицей Китая при династии Мин вначале был город Нанкин. После смерти первого императора этой династии, Чжу Юаньчжана, который был похоронен в Нанкине, столица была переведена в Пекин. Все остальные 13 императоров династии Мин похоронены на горных склонах Тяньшоу. Отсюда и название этого места — «Тринадцать могильных холмов» (Шисань лин).

По обеим сторонам дороги, ведущей к могилам, расположены каменные стражи: львы, верблюды, могучие слоны, причудливые звери и огромные лошади. Они составляют безмолвный траурный эскорт. За животными следуют большие скульптуры чиновников и военачальников, без которых император не мог обойтись как при жизни, так и после смерти. 36 каменных изваяний составляют последнюю свиту покойных правителей Китая.

До царствования императора Канси (1662—1723) маньчжуры сжигали останки своих правителей, членов их семей и высших сановников, а золу от них ссыпали в фарфоровые кувшины для захоронения. Во времена правления

Канси был восстановлен обычай захоронения императоров, который существовал раньше: сооружались огромные могильные курганы, служившие местом захоронения покойных правителей Китая. Они заполнялись всевозможными ценными предметами. Это, по существу, были подземные кладовые сокровищ.



Император Цинь Шихуан

В 125 километрах к востоку от Пекина, в уезде Цзуньхуа провинции Хэбэй (бывшая столичная провинция Чжили) находятся могилы императоров маньчжурской династии Цин. Здесь захоронены пять императоров, четыре императрицы, наложницы императоров и принцессы — всего 15 захоронений. Известные под общим названием «Цинские восточные могилы», они разбросаны по южному подножию горы Чанжуйшань в зелени густых сосен и кипарисов.

По обе стороны широкой дороги, ведущей в район цинских могил, стояли каменные изваяния людей (гражданских и военных сановников) и животных (лошадей, мифических животных цилинь, слонов, верблюдов, львов).

Важной составной частью могил были подземные дворцы. Так, подземный дворец Юйлин (гробница императора Цяньлуна) находится на глубине 54 метра, а его общая площадь — 327 квадратных метров. Во дворец

ведет длинный аркообразный проход с четырьмя каменными воротами. На каждой створке каменных дверей изображен будда во весь рост.

Проживший несколько лет в феодальном Китае французский врач Ж. Ж. Матиньон в 1902 г. выпустил книгу «Суеверия, преступления и нищета в Китае». Он так оценивал китайские суеверия: «Душа нации перенасыщена суевериями. Они играют важную роль в повседневной жизни китайца, диктуют ему линию поведения как в делах, так и в развлечениях, способствуют или противодействуют выполнению его намерений, оказывают влияние на его собственность, на выбор жены и дня свадьбы, вмешиваются в его взаимоотношения с детьми, иногда укорачивают его жизнь, полностью регулируют дату, место, церемонию его похорон».

Если личная жизнь обитателей Срединного государства времен маньчжурского господства, начиная от простолюдина и кончая императором, была наполнена всевозможными суевериями, то без знания их трудно объяснить поступки людей той эпохи.

ИМПЕРАТОРСКИЕ ДВОРЦЫ

Обителью правителей Китая последние пять столетий служили императорские дворцы в Пекине, который был обнесен мощными стенами с надвратными башнями. Пекин делился на две части: Внешний город (где жили китайцы) и Внутренний город; (где жили маньчжуры).

В центре Внутреннего города находился Императорский город, а в его пределах — Запретный город, который состоял из пяти больших частей: собственно дворцы (после свержения маньчжурской династии в 1911 г. они получили свое нынешнее название Гугун — Древние дворцы), Храм предков (Таймiao), Храм урожая (Шэцзитань), гора Цзиншань и Западный парк с озерами.

ДВОРЦЫ ГУГУН

Старинные китайские здания отличались рядом специфических архитектурных черт: приземистые, массивные стены и огромные многоярусные крыши с загнутыми карнизами. Крыши и ворота, покрытые цветной глазурованной черепицей, с барельефами и надписями придавали зданию праздничный и парадный вид.

В таком стиле был построен и дворцовый ансамбль Гугун, напоминавший отдельный город. Его общая площадь составляет 720 тысяч квадратных метров, а площадь построек — 150 тысяч квадратных метров. На его территории разместилось 9 тысяч строений, окруженных кирпичной стеной вышиной до 10 метров и обводным каналом Тунцзыхэ шириной около 60 метров. Здесь находились тронные палаты, дворцы, дворцовые залы, беседки, павильоны и различные служебные помещения.

Дворцы внутри Запретного города, соединенные друг с другом двориками, проходами и воротами, делились на две части: официальные палаты (две трети всей территории) и резиденция императора и его семьи (одна треть всей территории).

Императорские дворцы Гугун — это целый ансамбль дворцов, служивший в течение 450 лет резиденцией правителей китайской династии Мин и маньчжурской династии Цин.

Основным входом в Императорский город служили ворота Тяньаньмэнь (Ворота небесного спокойствия) — величественная надвратная башня с двухкарнизной крышей, покрытой глазурованной черепицей. Башня возвышается над массивной темно-красного цвета стеной, которая имеет один большой и четыре малых прохода, ведущие прямо в Императорский город. Углы карнизов башни, украшенные миниатюрными изваяниями зверей, имеют несколько изогнутую форму: такие архитектурные линии препятствовали проникновению злых духов внутрь помещения.

Перед воротами Тяньаньмэнь покоятся два огромных каменных льва. Широкое распространение в Китае изображения царя зверей тесно связано с

проникновением из Индии буддийской религии (в буддийских канонах часто упоминается о львах). Со временем изображение львов стало одним из главных сюжетов китайской скульптуры, а затем и в глазах народа львы превратились в символ силы и красоты. Почти в каждом китайском городе у ворот старинных зданий можно было увидеть скульптуру стилизованного царя зверей.

Каждый год император в день зимнего солнцестояния отправлялся в Храм неба для принесения жертв небу, а в день летнего солнцестояния — в Храм земли для принесения жертв земле, а также для церемонии первой борозды. Такой церемониальный выезд совершался через ворота Тяньаньмэнь. Если император отправлялся в поход, то перед этими воротами совершались жертвоприношения и устраивались молебствия о «счастливом пути».

В дни торжественных церемоний возле Тяньаньмэнь обнародовались императорские указы. Происходило это так. Перед надвратной башней оборудовали специальную «площадку для издания указов». В начале церемонии все старшие гражданские и военные чиновники выстраивались лицом к северу и становились на колени. Министр церемоний выносил указ на деревянном подносе, имевшем форму облака, и ставил его на паланкин, украшенный изображениями дракона. Паланкин подносили к башне, и указ поднимали вверх, где специальный чиновник громко зачитывал его вслух. Затем текст указа вкладывался в клюв позолоченного деревянного феникса. Мифическую птицу опускали с башни на площадь. Чиновник принимал феникса и ставил его на паланкин, который уносили в Палату церемоний — там с указа снимали копии, чтобы разослать их по всей стране. Эта церемония называлась «издание императорского указа с помощью феникса».

Чуть подальше от Тяньаньмэнь возвышаются две монументальные колонны, хуабяо, высеченные из белого камня; основания колонн имеют форму восьмиугольника. На колоннах — искусная резьба, изображающая летящих драконов и облака, а в верхней части — круг с сидящим на нем

мифическим животным. Колонны хуабяо впервые появились в Китае примерно два тысячелетия назад.

Вначале это были деревянные столбы с поперечной доской наверху. Обычно их размещали перед почтовыми станциями и мостами как указатели направления пути. Позже их начали делать из камня, и они превратились в один из элементов архитектурного ансамбля дворцов.

От ворот Тяньаньмэнь, на север до Запретного города, протянулась вымощенная каменными плитами широкая Императорская дорога, ее называли Нефритовой дорогой (Юйлу). При выезде императора из своих покоев вдоль всей дороги выстраивался почетный караул с пышными регалиями.

Пройдя ворота, путник приближался к стенам Запретного города, который имел четыре входа: с юга — Полуденные ворота (Умэнь), с севера — Ворота высшей гармонии (Тайхэмэнь), с востока — Ворота восточных цветов (Дунхуамэнь), с запада - Западный вход (Сихумэнь).

Императорская дорога вела к главному входу Запретного города — Полуденным воротам, над которыми высилось великолепное сооружение, называемое Уфэнлоу — Башня пяти фениксов. На башне хранились колокол и барабан. Когда император направлялся в Храм неба или Храм земледелия, при его выезде били в барабан, а когда он входил в Храм предков, били в колокол. Здесь в XVIIв. в торжественной обстановке маньчжурские правители принимали сановников.

Ворота Умэнь — символ солнца и высшей императорской власти — славились великолепным убранством и красотой. Их венчает величественная башня под двухъярусной крышей. Отсюда в южном направлении отходят, образуя букву «И», две стены — восточная и западная — с галереями, которые как бы поддерживают башню справа и слева.

За воротами Умэнь открывается вид на большую площадь, окаймленную дворцовыми зданиями. В центре площади протекает с запада на восток окантованный полукружьем канал Нэйцзиньшуй хэ (Внутренняя

река золотой воды), через который перекинута пять красивых мостиков с низкой каменной балюстрадой. По берегам канала, облицованного белым мрамором, тянутся извилистые перила, напоминающие своим видом драгоценный нефритовый пояс.

Через средний мостик прямая выложенная белыми плитами дорога ведет к воротам Тайхэмэнь (Ворота высшей гармонии), охраняемые парой свирепо оскалившихся бронзовых львов. За ними находится обширный двор. В центре его северной стороны одна за другой расположены три тронные палаты: Тронная палата высшей гармонии (Тайхэдянь), Тронная палата полной гармонии (Чжунхэдянь) и Тронная палата сохранения гармонии (Баохэдянь). Они являются важнейшим архитектурным комплексом дворцового ансамбля Гугун.

Эти три следующие одна за другой тронные палаты расположены на общей для них трехъярусной террасе высотой до 7 метров. Она облицована белым мрамором и обведена мраморными резными балюстрадами со стилизованными изображениями драконов, фениксов и плывущих облаков.

В центре террасы находятся две широкие каменные лестницы, разделенные пандусом из белого камня, на котором выбиты барельефные изображения извивающихся драконов. Над пандусом проносили паланкин императора. Его приближенные имели право подниматься только пешком по боковым лестницам.

Самым грандиозным сооружением в Запретном городе является Тронная палата высшей гармонии. Ее высота достигает 35 метров, а площадь - 2300 квадратных метров. Разделенная на 11 звеньев и поддерживаемая красными колоннами, эта палата протянулась с востока на запад на 63 метра. Потолочные балки здания богато украшены прекрасной разноцветной росписью, а двойная крыша выложена желтой черепицей, ослепительно сияющей под солнечными лучами.

Перед Тронной палатой высшей гармонии застыли в бронзе черепаха (символ долголетия) и журавль (символ мудрости), а рядом поставлены

большие медные треножки (символ трона).

Обширный двор, высокая мраморная терраса и вознесшееся над ней величественное здание создают торжественно-прекрасную картину.

Тронная палата высшей гармонии состоит из одного огромного зала, где императоры совершали торжественные церемонии, отдавали указы, утверждали высшие ученые звания, отмечали китайский Новый год, Праздник урожая, Праздник дракона, день рождения; отсюда они благословляли полководцев на завоевательные походы.

Император восседал в глубине зала палаты на высоком троне с эмблемой дракона. Вокруг трона находились символические фигуры журавлей и слонов, дорогие сосуды и высокие курильницы для благовоний.

За Тронной палатой высшей гармонии находилась Тронная палата полной гармонии, где император просматривал молитвы для жертвоприношений, обозревал зерно и земледельческие орудия, предназначенные для церемониального землепашества. Далее находилась Тронная палата сохранения гармонии, в которой император лично присутствовал при проведении государственных экзаменов на высшую ученую степень.

Эти три тронные палаты, несмотря на различие форм и занимаемой площади, — все вместе образуют законченный архитектурный ансамбль, не теряя вместе с тем своей индивидуальности. Они являются классическим образцом национального стиля.

Позади Тронной палаты сохранения гармонии находятся три дворца, называемых Хоусаньгун (Три задних дворца).

1. Дворец небесной чистоты (Цяньцингун) служил императорской канцелярией: здесь принимались иностранные послы, решались повседневные дела и заслушивались доклады. После царствования маньчжурского императора Цяньлуна наследники престола заранее не объявлялись. Вместо этого был введен новый порядок: император в этом дворце писал имя своего преемника, клал записку в коробку, которую ставил

на широкую доску с надписью «Свет и истинное величие». После смерти императора коробку вскрывали и только тогда узнавали, кто должен наследовать престол.

2. Дворец общения неба и земли (Цзяотайдянь). В нем находились императорские печати; в день своего рождения императоры принимали здесь поздравления.

3. Дворец земного спокойствия (Куньнингун). Здесь проводились церемонии бракосочетания императоров и находилась спальня новобрачных.

Пройдя ворота Нэйцзомэнь (Внутренние левые ворота), можно попасть в пределы шести восточных дворцов (Дунлюгун). Это несколько дворцовых зданий и павильонов, образующих единый архитектурный комплекс. Там жили императоры и императорские наложницы.

Через ворота Нэйюмэнь (Внутренние правые ворота) можно попасть во дворец Янсиньдянь (Дворец воспитания сердца) - место, где императоры династии Цин занимались государственными делами. В следующих за ним дворцах были расположены спальни, места отдыха императриц, наложниц и фрейлин. Далее находятся шесть западных дворцов (Силюгун). Здесь также жили императрицы и наложницы.

В императорских дворцах повсюду можно было встретить символы силы, могущества, долголетия, благоденствия, мудрости и счастья, к которым относились лев, черепаха, олень, журавль, бабочки, цветы, фрукты, птицы. Наиболее распространенный символ императорской власти - дракон, изображения которого можно было встретить повсюду — на потолке, стенах, ширмах, предметах прикладного искусства и т. п.

Большое значение придавалось цифрам, имевшим мистический смысл. Считалось, что цифра «один» приносит несчастье, а цифра «пять» — счастье, поэтому в воротах Тяньаньмэнь проделаны пять проходов; через канал в центральной части Императорского города перекинута пять мраморных мостов; пять ступенек вели к императорскому трону; огромные ворота Умэнь пронизывают пять тайных входов; каждая лапа дракона имеет пять когтей.

Люди верили, что в императорских дворцах нашли себе убежище многочисленные злые духи. Об этом можно судить по следующему описанию последнего маньчжурского императора Пу И: «Каждый день, едва сумерки окутывали Запретный город и за воротами скрывался последний посетитель, тишину нарушали доносившиеся от дворца Цяньцингун леденящие душу выкрики: «Опустить засовы! Запереть замки! Осторожней с фонарями!» И вместе с последней фразой во всех уголках Запретного города слышались монотонные голоса дежурных евнухов, передававших команду. Эта церемония была введена еще императором Канси для того, чтобы поддерживать бдительность евнухов. Она наполняла Запретный город какой-то таинственностью. Я боялся выйти из комнаты, и мне казалось, что все духи и привидения из рассказов моих наставников собрались за моим окном».

Во дворце поклонялись разнообразным духам. Кроме Будды, даосских и конфуцианских божеств, существовали еще духи змей, лис, хорьков и ежей, а также духи, находившиеся за пределами шаманского пантеона: духи коня, шелковичного червя, солнца, луны и звезд. Если евнух хотел войти в пустой дворцовый зал, он непременно громко кричал «Открываем зал!» и только тогда открывал двери. Это делалось для того, чтобы случайно не встретиться с духом. На Новый год евнухи совершали подношения духам дворцовых палат. Обычно это были куриные яйца, сухие соевые лепешки, вино и сдоба. Евнухи приносили жертвоприношения в надежде, что духи дворцовых палат смогут защитить их от постоянных побоев и невзгод.

В восточной части Запретного города возвышается знаменитая стопа девяти драконов. Она относится к типу «отражательных стен», которые по-китайски называются «инби».

Инби — отдельная толстая стена — является самобытным украшением китайского архитектурного ансамбля. Она, как правило, воздвигалась перед главными воротами и служила, по убеждению верующих, препятствием для проникновения злых духов.

Стена девяти драконов сооружена в 1417 г.; ее длина — 27 метров, толщина — 1,2 метра, высота — 5 метров. Весь корпус выложен из глазурованной черепицы и отличается высоким мастерством композиции и тонким подбором красок. Тени и краски делают барельефы и узоры на стене яркими и выразительными. Зеленое основание стены имеет бросающийся в глаза желтый орнамент, воспроизводящий рисунок любимого летнего цветка китайцев — лотоса.

Всю поверхность стены занимают девять искусно сделанных драконов, извивающихся в облаках и тумане. Изображение драконов, богатое динамикой, дано на фоне синего неба и темно-зеленой воды. Тела драконов раскрашены в желтый, синий, белый и фиолетовый цвета.

Стена девяти драконов — прекрасный образец китайского архитектурного искусства, традиции которого уходят своими корнями в глубокую старину.

Выход из Запретного города идет через пышный императорский сад с вековыми кипарисами и соснами и декоративными кустарниками и яркими цветами, с живописными искусственными горками и вольерами для содержания журавлей и оленей.

Дворцовый ансамбль Гугун и по сей день является одним из величайших памятников материальной культуры феодального Китая. Построенный в основном из дерева, он сохранил традиционные формы китайского зодчества, соединив в себе величественность форм, архитектурное совершенство и строгий порядок расположения построек: здесь и гармоничное сочетание различных по величине и форме зданий, ворот, переходов, и многоярусные крыши с загнутыми краями, покрытые глазурованной позолоченной черепицей, и разные створчатые стены под красным лаком, и ряды колонн, по фасадам несущие на себе широкие выступы крыш, и расписные карнизы.

ХРАМ ПРЕДКОВ (ТАЙ МЯО)

К востоку от ворот Тяньаньмэнь среди густых темно-зеленых сосен, изумрудных кипарисов, буйных Зарослей камыша и ив находился величественный Храм предков — святая святых маньчжурских императоров. Во времена династий Мин и Цин при каждом важном событии в дворцовой жизни — в день восшествия на престол императора, по случаю его бракосочетания, зимнего солнцестояния, Нового года, Праздника весны и других торжественных дат — правители Срединного государства приходили в этот храм почтить память своих предшественников и приносили им жертвы. Если император был слишком молод или слишком стар, то от его имени такой ритуал совершали члены императорской семьи, но только мужчины.

Во времена минской династии в Храме предков находились таблички духов покойных китайских императоров. Когда же в 1644 г. маньчжурские войска вошли в Пекин, этот храм был сожжен: сгорели и таблички духов покойных императоров. Маньчжуры восстановили Храм предков, но стали размещать там только таблички духов маньчжурских правителей и их жен.

В центре храма находились таблички духа основателя маньчжурского государства Нурхацзи и его жены, а слева и справа — таблички его преемников.

За несколько дней до жертвоприношений Палата церемоний разрабатывала предстоящий ритуал, и прежде всего составлялись специальные молитвы. Они писались на квадратной деревянной дощечке, обернутой белой бумагой. Такие дощечки клали в тронной комнате на стол. Император, готовясь к предстоящему торжественному акту, соблюдал пост и обряд воздержания. То же самое требовалось и от его сановников. В это время запрещалось выносить смертные приговоры преступникам, навещать больных, присутствовать на похоронах, слушать музыку, посещать могилы.

За три дня до начала ритуала дворцовые чиновники преподносили императору маленькую бронзовую статую воздержания, представлявшую собой фигурку человека, державшего деревянную дощечку, на которой

наклеена бумага с правилами воздержания. После этого статуя ставилась в Зале воздержания, где император проводил три дня. Он и его окружение воздерживались от принятия обильной пищи, особенно лука, чеснока, мяса и рыбы.

За два дня до жертвоприношений готовились жертвы. Это был, как правило, специально подобранный бык, которого накрывали атласной попоной и уводили на бойню. Кровь и Шкура его сжигались, а туша использовалась для еды. Затем из внутренних комнат храма выносили таблички духов усопших императоров и располагали в Зале жертвоприношений. Перед каждой табличкой ставили тарелки со сладостями и овощами. Тушу быка, как самую большую жертву, размещали в центре на отдельном длинном столе, белую овцу — на восточном длинном конце стола, а черную свинью — на западном конце стола. После совершения ритуала император одаривал этими жертвами своих близких.

Императорским предкам при чтении молитв сообщали о важных событиях, которые произошли со времени последнего ритуала как в империи, так и в императорской семье: о помолвках, свадьбах, рождении детей, кончине и т. п.

При обращении с табличками духов проявлялась чрезвычайная почтительность, словно это были не духи, а живые правители. Каждая табличка духов обычно находилась на небольшом тронном стуле, украшенном парчой с драконами и фениксами.

Гессе-Вартег в книге «Китай и китайцы» описал ритуал преклонения императора Гуансюя в Храме предков после вступления на престол.

Как только император в полном парадном одеянии вступал в Храм предков, перед табличками духов каждой императорской четы ставились жертвоприношения: три кубка с вином, две миски супа и маленький столик и стул, на которых раскладывались достойные одеяния для умерших. Кроме того, все покойные императоры получали по два куска шелковой материи. Далее перед табличкой духов каждой императорской четы ставился длинный

стол, на котором расставляли курильницы с фимиамом и курительные свечи. Император становился в середине зала, опускался на колени, совершал земные поклоны и называл всех своих предшественников по имени и титулу. Затем он читал молитву, в которой выражалась просьба к покойным предкам принять все эти жертвы в знак его заботы и почтения. Молитва, написанная на маленькой желтой дощечке, после прочтения передавалась жрецу под звуки музыки и пение хора. Затем чиновники собирали все шелковые материи и торжественно возлагали на большой открытый жертвенник, туда же клали дощечку с молитвой — все это сжигалось и в облаке дыма достигало обители духов предков.

Ритуал этот был очень утомительным — императору приходилось 18 раз преклонять колени и делать 54 земных поклона.

ХРАМ УРОЖАЯ (ШЭЦЗИТАНЬ)

К западу от ворот Тяньаньмэнь находился Храм урожая — в нем во времена династий Мин и Цин императоры поклонялись духам земли и божествам пяти злаков (рис, пшеница, бобы, горох, просо). Храм представлял собой трехступенчатую квадратную террасу, выложенную белым камнем. Верхняя площадка террасы была усыпана землей пяти цветов — образцами различных почв Китая. Это означало, что «во всей Поднебесной нет ни клочка земли, который не принадлежал бы императору». Храм окружен низкой оградой и украшен глазурованной черепицей четырех различных цветов. Здесь в день летнего солнцестояния (21 или 22 июня) приносили жертвы земле и пяти злакам.

ГОРА ЦЗИНШАНЬ

Как уже говорилось, к северу от Императорского города возвышался невысокий искусственно созданный горный хребет с пятью вершинами — Цзиншань, через середину которого проходит главная ось города Пекина (с севера на юг). Высота центральной вершины достигает 60 метров. Остальные

вершины расположены к западу и востоку и их высота понижается ступенями. На них в период династии Цин, в 1736-1796 гг., было возведено пять крытых глазурованной черепицей беседок, а за горой — несколько дворцовых павильонов.

Склоны Цзиншань покрыты вековыми соснами и кипарисами, образующими у основания горы тенистую рощу. Вершины горы были оголены: ничто не должно затемнять красоту форм сооруженных здесь императорских беседок, которые имели возвышенно-поэтические названия: Беседка созерцания чудес, Беседка любования пейзажем, Беседка беспредельного созерцания, Беседка благоухания.

На центральной вершине находится самое большое сооружение — Беседка вечной весны, похожая на приплюснутую пагоду с трехъярусной крышей: ее купол поддерживался не стенами, а колоннами. Отсюда открывался великолепный вид на Пекин — он был словно на ладони.

В таких беседках маньчжурские императоры беззаботно предавались радостям земной жизни: все вокруг напоминало райские места.

ЗАПАДНЫЙ ПАРК С ОЗЕРАМИ

Западный парк разместился в центральной части Пекина, к северо-западу от Зимнего дворца. Самым большим озером здесь является Бэйхай (Северное море), которое на севере соединяется озером Шишахай (Десять храмов), а на юге - с озерами Чжунхай (Центральное море) и Наньхай (Южное море). Берега озер украшены всевозможными цветами, среди которых наиболее яркими были гвоздики и пионы.

В центре озера Бэйхай расположен живописный остров Цюнхуадао — его венчает Белая башня (Байта), построенная в чисто ламаистском стиле. Возле Белой башни находятся два буддийских храма: Храм источника доброты (Шаньмньдянь) и Храм вечного спокойствия (Юньаньсы).

Храм источника доброты получил такое название в честь находившейся внутри него статуи «тысячерукого и тысячеглазого существа»

— богини милосердия и добра Гуаньинь. Храм отличался блеском и изяществом, оригинальной окраски глазурью, замысловатыми узорами на стенах и крышах. Отсюда можно любоваться широкой панорамой утопающей в зелени столицы. Особенностью Храма вечного спокойствия является его разноцветная крыша. Когда на нее смотришь сверху, кажется, что ее изрезали лучи вечернего заката. Внутри храма находились статуи будд, которым поклонялись император и его приближенные.

В китайском народе существовало поверье, что утренняя роса приносит долголетие: кто пьет ее, тот может продлить годы своей жизни на земле. Поэтому в парке у озера Бэйхай был сооружен высокий столб с высеченными на нем изображениями драконов в облаках. На столбе поставили статую святого с широким плоским сосудом, в который якобы ниспадала роса императорского бессмертия.

В районе Бэйхай были сооружены различные храмы, павильоны и беседки: Храм шелковичного червя, Храм небесных богатырей, Храм десяти тысяч будд, Павильоны пяти драконов, Сад благородных мыслей, Храм источника счастья и др.

У южного входа в парк Бэйхай находится Круглый городок (Туаньчэн): он представляет собой искусственную круглую гору, заключенную между высокими каменными стенами. На его широкой круглой площадке были расположены древние храмы, павильоны и беседки. В центре возвышался буддийский храм со статуей будды Шакья-Муни, высеченной из целого камня белого нефрита. Одним из замечательных памятников Круглого городка является самая древняя в Пекине китайская сосна, посаженная еще до нашествия монголов, когда на севере Китая находилось государство чжурчжэней - Цзиньго.

Хотя эти сооружения и придавали всему парку несколько религиозный оттенок, однако в целом облик его сохранял черты, которые были характерны для «земного рая»: разбросанные по берегам аллеи, клумбы цветов, павильоны под кронами вековых деревьев, возвышающиеся дворцы,

каменные гроты, искусственные лабиринты, длинные галереи — все это утопало в зелени и отражалось в прозрачных водах озер.

Дворцы Гугун были местом, где маньчжурские правители наслаждались земным блаженством, созданным потом и кровью многомиллионного китайского народа.

ИМПЕРАТОР СЯНЬФЭН И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

У царствовавшего в 1821 — 1850 гг. императора Дао-гуана было несколько жен. Они одарили его многочисленным потомством, среди которого выделились три сына. В 1830 г. родился И Синь, впоследствии великий князь Гун; в 1833 г. родился И Чжу, ставший императором; в 1842 г. родился И Хуань, впоследствии великий князь Чунь.

В расцвете лет умерла мать будущего императора И Чжу, и его воспитанием занималась Сяо Цин — родная мать великого князя Гуна. Это сблизило двух мальчиков. Они стали неразлучными друзьями: учились у одних и тех же учителей, вместе охотились и играли. Казалось бы, И Синь, как старший, по праву должен наследовать трон отца. И вот двух сыновей вызвали для благословения к умирающему Даогуану; Последний, говорили, в бреду по ошибке назвал своим преемником не И Синя, а И Чжу, неспособного, нерешительного и избалованного юношу.

В 1850 г. умер император Даогуан. Его сын И Чжу в девятнадцатилетнем возрасте занял престол под девизом Сяньфэн (Всеобщее процветание).

Летней резиденцией молодого императора был Юаньмин юань — Парк радости и света, представлявший собой ансамбль различного типа построек, отделенных друг от друга искусственными холмами, покрытыми деревьями и кустарниками, бесчисленными озерами, каналами и ручейками.

Расположенный в северо-западном пригороде Пекина, летний дворец Юаньмин юань занимал огромную площадь, на которой разместились 30 различных строений. Предшественником этого парка был личный сад одного

из родственников императора династии Мин. В 1723 г., когда на трон вступил маньчжурский император Юнчжэн, этот сад становится императорским. Площадь его значительно расширилась и составила 350 гектаров, а площадь построек — 160 тысяч квадратных метров.

В достопримечательностях дворца-парка в полной мере отразились прекрасные традиции китайского садово-паркового искусства. Парки отличались не только по своей форме и конструкции, но и гармонично сливались с природой, образуя своеобразный незабываемый пейзаж. Перегородки и ширмы построек и их декоративные окна не только меняли у посетителей пространственное ощущение, но и порождали чувство слияния с природой.

Особо выделялся дворец Аньюгун, где маньчжурские императоры устраивали обряды жертвоприношений предкам и духам. С юга на север тянулись арки, декоративные столбы, каменные мостики, дворцовые ворота и павильоны.

Одной из оригинальных построек в саду считался дворец Ваньфанъаньхэ (Мир и согласие на земле): в нем зимой было тепло, а летом прохладно.

В центре парка Юаньмин юань находилось искусственное озеро Фухай (Море счастья), которое окружали живописные пейзажи. Озеро было излюбленным местом для катания на лодках маньчжурских императоров, императриц и наложниц.

Интерьеры, сделанные из дерева ценных пород, орнаменты, покрытые золотом, огромные зеркала, фарфоровые вазы, различного цвета шелк и атлас с вышивками, расписанные стены, богато отделанные троны — все это создавало атмосферу сказочной роскоши и величия дворцов.

Молодой император безмятежно проводил время в летнем дворце-парке Юаньмин юань.

Слабый, но упрямый Сяньфэн рано обнаружил свой характер. Он начал увольнять тех сановников и чиновников, которые были преданы его отцу, и

вместо них назначать своих фаворитов, среди них выделялись: племянник Цзай Юань, князь И, князь Цин — потомок императора Цяньлуна, военачальник маньчжурских знаменных войск Су Шунь, отличавшийся жадностью, дерзостью и интриганством и проявивший жестокость в обращении с китайцами.

Сяньфэн прослыл распущенным и развратным, физически и морально опустошенным правителем. Его царствование стало одной из мрачных страниц в истории династии Цин: голодные бунты, коррупция чиновников, опустевшая казна; тайпинское восстание, потрясшее основы маньчжурского господства; вторжение войск держав в Пекин, разграбление и разрушение величественного императорского дворца-парка Юаньмин юань; бегство императора Сяньфэна из Пекина и его смерть вдали от столицы.

До восхождения на трон Сяньфэн был женат на девушке по имени Сакота, старшей дочери из маньчжурской семьи Муянга, но она умерла за месяц до его коронации.

По истечении срока траура по усопшему отцу Дао-гуану, во время которого молодой император не имел права жениться, был обнародован указ, повелевавший красивым девицам из знатных маньчжурских семей явиться во дворец на смотрины: наиболее достойные из них выбирались в императорский гарем в качестве наложниц.

Вербовщики-евнухи, набирая наложниц в гарем императора Сяньфэна, заметили девушку по имени Ниласы (будущая императрица Цыси) за ее красивую внешность и занесли в свой список. Так она попала в императорский дворец. Кто же такая была Ниласы?

* * *

Пекин обладал типичными чертами феодального города: имел несколько ансамблей городских строений, отделенных друг от друга высокими кирпичными стенами. Он был столицей на протяжении пяти феодальных династий: Ляо (916-1125), Цзинь (1115-1234), Юань (1271-1368), Мин (1368-1644), Цин (1644-1911).

Немецкий путешественник Гессе-Вартег так рисует картину жизни китайской части города Пекина: «На середине улиц настоящая давка: кто стремится в одну сторону, кто в другую, кто переходит из лавки в лавку, покупает, продает, кричит, шумит, жестикулирует... Двухколесные запряженные лошаdkами тележки тянутся в обе стороны нескончаемыми вереницами; движение то и дело задерживается. На рыбных, мясных, овощных, посудных рынках толпы народа; тут же где-нибудь часто совершается ужасная публичная казнь; под четырехугольными зонтиками сидят занятые своим делом бродячие ремесленники, цирюльники, харчевники, между ними располагаются на корточках бесчисленные нищие, часто отвратительного вида, слепые, паралитики, прокаженные, покрытые зияющими ранами».

Многие районы Пекина были изрезаны хутунами - узкими улочками, переулками, застроенными одноэтажными глинобитными или кирпичными домами с окнами, обращенными во двор.

В переулках старого Пекина размещались дворики, представлявшие собой прямоугольник, замкнутый с четырех сторон главной постройкой и флигелями. Жилье состоятельного китайца выглядело примерно так. Главное помещение выходило окнами на юг и состояло из трех-пяти комнат — это были внутренние покои и спальня хозяев. На противоположной северной стороне находился дом из двух-трех комнат и служил гостиной или кабинетом. На восточной и западной стороне размещались два-три флигеля для детей и внуков.

Главный вход во дворик располагался к востоку от центральной части южной стены: суеверные люди считали юго-восточную сторону наиболее счастливой, а юго-западную сторону — несчастливой, поэтому там находились хозяйственные пристройки. Чтобы в дом попадало больше солнечных лучей, дворики делались по возможности просторными.

В одном из таких переулков, Дасытяо, расположенном во Внутреннем городе, недалеко от ворот Сич-жимэнь, в скромном домике с небольшим

двориком появилась на свет будущая правительница Китая Цыси, названная по-маньчжурски Ниласы и нареченная матерью Зеленым нефритом (звали ее также Орхидеей). Это произошло 29 ноября 1835 г., в 10-й день 10-го месяца по лунному календарю, на 15-м году правления императора Даогуана, в час тигра (в 4 часа утра).

По установившимся правилам, маньчжурская женщина рожала так: с наступлением времени родов она садилась на деревянное седалище, имевшее снизу большое отверстие. Выходящий из чрева матери плод попадал в это отверстие, и тут же его подхватывали проворные руки повивальной бабки. Такое седалище, названное «седалищем новой жизни», имела каждая состоятельная маньчжурская семья. Однако из-за бедности у роженицы не оказалось собственного седалища — пришлось его занять у знакомых, а вместо повивальной бабки, которую обычно нанимали на стороне, воспользоваться добротой соседки — бабушки Вэй.

Родила девочку молодая шупленькая женщина по имени Тун Цзя (ее звали также госпожа Хой). Она происходила из знатной маньчжурской семьи. Предки Тун Цзя считались заслуженными военачальниками. Ее муж Хой Чжэн также был выходцем из богатой и знатной семьи, имевшей дальнюю родственную связь с императорской фамилией.

Родители Хой Чжэна жили в переулке Цзяодакоу (или Тундацзе) в просторном доме с многочисленной челядью. Но после их смерти сын вел разгульный образ жизни и задолжал крупную сумму денег. Он вынужден был заложить этот дом и поселиться в скромном домике в переулке Дасытяо.

Хой Чжэн отличался красивой и привлекательной внешностью, со вкусом одевался и обладал изысканными манерами. Имея небольшой чин в знаменных войсках, он получал скромное жалованье. Доходы его были не слишком велики, чтобы вести жизнь на широкую ногу, но он умел использовать влияние своего покойного отца во дворце и извлекать из этого определенную выгоду. Ко времени рождения Ниласы ему минуло 23 года.

О чем думала обессиленная от родов Тун Цзя? Первые роды были

тяжелыми и мучительными, но роженица перенесла их терпеливо. Она была молода, и первые роды страшили ее: хотелось иметь рядом близких, добрых людей, но ее родственники жили далеко на Севере. Больше всего она думала о своем муже Хой Чжэне, которого преданно любила, но он был скуп на доброту и ласки, вел распутный образ жизни, увлекался азартными играми и опиекурением, целыми днями не появлялся дома, проводил время в кругу таких же, как и он, прожигателей жизни.

Тун Цзя ко времени рождения Ниласы была замужем более двух лет, но семейная жизнь не принесла ей счастья: муж, уделяя большое внимание друзьям, равнодушно относился к жене. Она волновалась: родилась девочка, а муж ожидал мальчика.

Соседи открыто осуждали блудное поведение Хой Чжэна. Чаще всего это происходило во время встреч у колодца, где брали воду. На следующее утро после того как Тун Цзя разродилась, у соседского колодца собрались знакомые и начали громко ругать Хой Чжэна, который где-то шляется, когда появилась на свет его дочь.

На третий день после рождения Ниласы ее первый раз искупали, но не в теплой, а в холодной воде, после чего девочку вынесли на свежий воздух. Такое купание в присутствии соседей, по обычаям маньчжуров, должно было изгнать из плоти младенца все хворости.

Спустя месяц после рождения Ниласы состоялся торжественный день подарков. Во дворе проходили веселые игры с палками. Участников торжеств одаривали сладостями. Получила разнообразные подарки и Ниласы: яркие распашонки, браслеты, колокольчики, детские игрушки.

Самым торжественным праздником считался первый год со дня рождения ребенка. Многие дети в Китае умирали, не дожив и до года. Если ребенок проживал год, верили, что он не умрет и сохранит жизнь до старости. Вот почему первый год рождения Ниласы отмечали с такой торжественностью. Однако Хой Чжэна, занятого своими приятелями и азартными играми, мало интересовали все эти обряды.

На четвертый год после рождения Ниласы появилась на свет ее сестра Дафэн (Большой феникс). Третьим ребенком у Тун Цзя был мальчик, Чжао Сян, четвертым — также мальчик, Гуй Сян.

На восьмом году жизни Ниласы вместе со своей семьей покинула Пекин, который она очень любила: здесь у нее осталось много друзей. Ее отца Хой Чжэна тяготила жизнь в столице: ему трудно было продвинуться по служебной лестнице, где преуспевали прежде всего молодые люди из богатых и влиятельных семей.

С помощью своих друзей и влиятельных родственников Хой Чжэн заполучил для себя выгодную должность в городе Чжэнчжоу, в провинции Хэнань. Он был очень доволен своим назначением: в провинциальном городе борьба за теплое местечко шла менее остро, чем в Пекине. Хой Чжэн мечтал вдали от столицы стать высокопоставленным чиновником, а затем, вернувшись в Пекин, обеспечить себе положение в обществе.

Погрузив свое имущество на две повозки, запряженные мулами, 7 октября 1843 г. он с семьей отправился в дальний путь. В Чжэнчжоу его назначили уполномоченным управления речной охраны и правительственным инспектором по закупке зерна для армии. В его распоряжении находилось несколько полицейских и мелких чиновников. Спустя год его повысили, сделав важным чиновником в городе Дэчжоу, в провинции Шаньдун. И хотя этот город по размерам был меньше Чжэнчжоу, он считался важным таможенным центром на Великом канале.

Великий (или Императорский) канал — одно из самых грандиозных сооружений средних веков — начинается у Пекина и заканчивается у Ханчжоу, в провинции Чжэцзян; его длина превышает 1800 километров, а ширина — около 50 метров. В свое время канал был самой оживленной в Китае водной артерией, по которой двигались бесчисленные джонки, груженные рисом. Гессе Вартег так передал свое впечатление о канале: «Я никогда не забуду зрелища этих тысяч судов, скучившихся у шлюзов провинции Чжэцзян. Канал буквально во всю свою ширину был покрыт

судами, увешанными пестрыми флагами, среди которых там и сям виднелись военные флаги и флаги мандаринов».

Спустя несколько месяцев после прибытия в Дэчжоу Хой Чжэну неожиданно выпала большая честь: ему поручили доставить подарки чиновников провинции Шаньдун вдовствующей императрице Гун Цы по случаю ее 55-летия. В Пекине он находился более двух недель, видел императора Даогуана, восстановил свои связи с бывшими друзьями, произвел хорошее впечатление на двор и получил повышение по службе: его назначили на должность заместителя мэра города Ханчжоу. Здесь он нанял для своей дочери Ниласы опытных учителей по изучению китайского литературного языка и живописи. Его положение на новой должности упрочилось, и он решил поднять свой престиж: взял наложницу. В маньчжурских и китайских семьях человека, если состояние позволяло ему взять наложницу, но он отказывался от этого, считали скупым и не заслуживающим уважения. Чем больше было наложниц в семье, тем большим почетом она пользовалась. Когда две старые женщины знакомились, то обычно задавали друг другу такой вопрос: «Сколько наложниц в вашей семье?» По ответу судили о богатстве и довольстве семьи.

Наложницей Хой Чжэна оказалась привлекательная девушка по имени Цю Юнь (Осеннее облако). Она была очень обходительной, дружелюбной и работающей.

Время в Ханчжоу текло быстро. Хой Чжэн и вся его семья процветали, а Ниласы к тому же успешно изучала китайские классические книги. Вскоре наложница родила ребенка — сына. Так в семье Хой Чжэна стало две дочери и три сына.

Но счастье, богатство и довольство недолго сопутствовали семье Хой Чжэна: в 1850 г. вспыхнуло восстание тайцинов, которое нарушило установленный порядок. Правда, во время тайпинского восстания Хой Чжэн получил высокий чин даотая (управляющего округом). Его штаб-квартирой стал город Уху - важный порт на южном берегу реки Янцзы. Вымогая взятки

у чиновников и местных богатеев, он разбогател и вел расточительный образ жизни.

В середине XIX в. центральные районы Китая охватило тайпинское восстание, длившееся почти пятнадцать лет (1850-1864). Такое название восстание получило от китайского слова «тайпин» (великое спокойствие), а государство, созданное повстанцами, называлось Тайпин тяньго (Небесное государство великого спокойствия). Восстание тайпинов угрожало не только всей маньчжурской империи, но и семье Хой Чжэна. Армия тайпинов, продвигаясь с юга на север, сокрушала маньчжурские войска на своем пути. Паника охватила всех, кто стоял над народом, — она докатилась и до Уху, где возникли волнения и пожары. В такой напряженный момент Хой Чжэн проявил трусость: вместо того чтобы взять в руки командование разрозненными правительственными войсками, он бросил свой пост, скрылся дома, готовясь бежать из города. В семье его уговорили вернуться на службу и не покидать своего поста, иначе это будет расценено как трусость и пострадает не только он, но и все его домочадцы.

Говорили, что, когда Хой Чжэн вернулся к месту службы, там никого не оказалось. Оставшись один, он решил воспользоваться паникой и похитить казенные деньги. Если город будет разграблен бунтовщиками, то никто не догадается, что казенные деньги похищены им. Так и было сделано.

Вернувшись домой, Хой Чжэн велел семье погрузиться на повозки, и они тронулись в путь. Но его расчеты не оправдались: город Уху не был взят бунтовщиками. Его отсутствие в штаб-квартире первые дни не вызывало сомнений: возможно, он находился в инспекционной поездке в каком-либо районе. Когда же стало известно о том, что он со своей семьей бежал, начальство отдало приказ о расследовании. Вскоре обнаружилось, что в штаб-квартире исчезли печати и большая сумма денег в золотых и серебряных слитках. Хой Чжэна арестовали и посадили в тюрьму в Нанкине, обещав освободить при условии возвращения похищенных денег. Но вернуть такую большую сумму он не мог. Сильно осунувшись и остро переживая

свой позор, Хой Чжэн заболел и через несколько дней скончался в тюрьме. Так бесславно закончилась его блистательная карьера.

Перед его семьей встала сложная проблема — надо было купить гроб, перевезти труп Хой Чжэна и похоронить на родовом кладбище в Пекине. Сделать это было не так-то просто: приобрести добротный гроб стоило больших денег. Но с помощью друзей и старых связей останки Хой Чжэна все же доставили в Пекин и похоронили в могиле предков со всеми почестями, достойными даотая.

Вдова Тун Цзя поселилась с пятью детьми в прежнем переулке Дасытяо и вынуждена была вести скромную жизнь, полную лишений. Оставшись без кормильца, мать и две дочери зарабатывали на жизнь починкой и шитьем одежды. Кроме того, Ниласы и ее сестра Дафэн часто нанимались плакальщицами на похоронах богатых покойников. Их братья с помощью старых связей были приняты в военную кавалерийскую школу для маньчжурских детей.

В оценке внешности Ниласы существуют противоречивые утверждения. По описанию некоторых современников, Ниласы обладала необыкновенной красотой. Как у большинства маньчжурских женщин, ее лицо было несколько продолговатым. Ее отличали изящные очертания тела, большие пронизательные глаза, сочные губы, высокий лоб, аккуратный красивый нос. Маньчжурские туфли на толстой подошве скрадывали ее низкий рост и придавали ей твердую осанку. Она появилась во дворце стройной, очаровательной девушкой, пышущей здоровьем и энергией, обладавшей незаурядным умом и глубиной суждений, быстро ориентировалась в обстановке и сразу же находила нужное решение.

По некоторым источникам, Ниласы в детские годы была помолвлена с красивым юношей Жун Лу. Он был старше Ниласы на один год, происходил из рода маньчжурских военачальников. Его дед погиб в Восточном Туркестане во время боев с повстанцами, а отец погиб во время подавления восстания в провинции Гуанси. Все почести и воинские звания отца

унаследовал Жун Лу, который в качестве офицера гвардии нес воинскую службу во дворце Юаньмин юань.

Жун Лу рос, становился высоким, красивым, обаятельным юношей со сверкающими черными глазами. Под стать ему была и Ниласы. Они постоянно проводили время вместе: совершали прогулки по городу, катались на маньчжурских пони. Ходили даже слухи о том, что Жун Лу и Ниласы были любовниками вплоть до ее вхождения в императорский двор. Уже тогда она якобы не была девственницей.

14 июня 1852 г. около 60 красивых маньчжурских девушек из аристократических семей предстали перед придирчивым взглядом вдовы покойного императора Даогуана; она отобрала из них 28 наиболее достойных.

Среди избранных в императорский гарем оказались: младшая сестра покойной жены императора Сяньфэна по имени Нюхулу (будущая Цыань) и шестнадцатилетняя девушка Ниласы (будущая Цыси). Первая была возведена в ранг наложницы четвертого класса (бинь), а вторая — в ранг наложницы пятого класса (гуйжэнь).

После смотрин во дворце Ниласы отпустили домой на два месяца: девушки, прошедшие смотрины, должны были обзавестись соответствующими одеяниями, достойными императорских наложниц.

И вот в один из солнечных дней в семью Ниласы был направлен отряд гвардейских солдат для ее сопровождения, а дворцовые девушки явились сюда, чтобы сделать ей соответствующую прическу и научить, как держать себя при встрече с императором.

Когда к воротам дома прибыл желтый паланкин, Ниласы поняла, что ей надо навсегда расстаться с отчим домом. Мать и дочь прижались друг к другу, и, казалось, не было силы, способной их разлучить. Они долго громко всхлипывали на глазах у прибывших евнухов, которые упрашивали мать освободить из своих объятий дочь.

По некоторым источникам, Ниласы при расставании с матерью якобы

сказала: «Мама, не беспокойся. Помни, как много мы страдали от нашей бедности. Нам лучше на время расстаться, чем снова вместе страдать. Со временем я буду великой женщиной — и я, и ты в это верим. Тогда я буду иметь гору золота и попрошу тебя сесть на ее вершину». Во дворец Ниласы сопровождали солдаты на конях, евнухи и чиновники из Палаты церемоний.

Возвышение Ниласы шло быстро: в 1852 г. она получила звание наложницы пятого класса (гуйжэнь), в 1854 г. — наложницы четвертого класса (бинь), в 1856 г. — третьего класса (фэй), а вскоре — наложницы второго класса (гуйфэй).

Как уже говорилось, Сяньфэн еще до коронации был женат на маньчжурской девушке Сакота, безвременно умершей, — она доводилась старшей сестрой Нюхулу, избранной императорской наложницей. Возможно, это обстоятельство позволило Нюхулу стать главной женой императора. Но на ее жизненном пути возникло непредвиденное препятствие: она оказалась бездетной, а по императорскому закону первая жена должна родить наследника в течение пяти лет.

Отличаясь недюжинными природными способностями, гармонизировавшими с ее красотой, стройным станом и пленительной свежестью, Ниласы быстро обратила на себя внимание императора и сделалась его любимой наложницей.

По утверждению современников, большие проницательные черные глаза и очаровательная улыбка придавали ее лицу особую привлекательность. Она обладала приятным голосом, умела играть на некоторых китайских музыкальных инструментах, хорошо знала китайскую классическую литературу, любила читать книги, особенно по истории маньчжурской династии, неплохо рисовала, увлекалась каллиграфией и театральными представлениями и даже писала пьесы.

Благодаря своему уму и ловкости Ниласы приобрела большое влияние на Сына неба. Говорили, что их отношения «скреплялись» совместным курением опиума.

Русский врач П. Я. Пясецкий, посетивший Китай в 1874— 1875 гг., так описал действие этого губительного для человека яда: «Люди, курящие опиум, ставят себя в такую зависимость от привычки к нему, что если почему-либо они не могут удовлетворить потребности — утолить эту, так сказать, опиумную жажду, они делаются страдальцами. Сначала они испытывают на теле неприятное ощущение, как бы недостаток чего-то, неспособность ничем заниматься. Потом это неопределенное томление переходит в такие муки, что человек бросает все, отдает последние деньги, чтобы купить лекарство от своего нездоровья, продает платье, если не имеет денег, продает все, идет воровать и даже убивать, если не имеет, что продать. Лекарство же от этой тяжелой болезни есть тот же опиум, который таким образом делается для человека единственным источником здоровья, хотя и фальшивого, единственной целью жизни, по жизни вконец испорченной, отравленной до последней надежды».

Курение опиума делает человека неспособным к работе, парализует волю, приводит к упадку духа, доводит его до такого состояния, что он готов лучше убить себя, чем дальше переносить свои страдания. Средством временного успокоения опиокурильщика является все тот же губительный опиум.

При курении опиума прежде всего появляется головокружение, а потом наступает приятный сон, который продолжается четыре-пять часов. Проснувшись, опиокурильщик чувствует страшную слабость.

Ниласы испытала запах дурманящего опиума еще в юношеские годы. Во время жизни в Ханчжоу и Уху наложница ее отца Осеннее облако искусно готовила ему шарики опиума для курения: клала такие шарики в трубку, затягивалась ею и так выпускала дым, что он принимал форму различных животных. Как-то, случайно войдя в комнату, где наложница отца занималась приготовлением опиума, Ниласы заинтересовалась ее занятием и сама решила научиться выпускать так опиумный дым, чтобы из него получались изображения животных. Это ей удалось.

И вот однажды император Сяньфэн, проводя с Ниласы ночь, предложил ей выкурить опиум, и она это сделала с большим искусством, пустив из дыма замысловатые фигуры. Император от этого зрелища был в восторге — ничего подобного он ранее не видел.

О первой встрече императора Сяньфэна с Ниласы распространялись различные версии. Говорили, что мать императора просила сына обратить внимание на Ниласы. Говорили, что евнухи показали императору очаровательную наложницу. Говорили также, что император Сяньфэн, прогуливаясь по дворцовому парку, случайно услышал прелестный голос Ниласы, и это привело их к сближению.

После трех лет со времени пребывания Ниласы в Запретном городе император Сяньфэн все еще не имел наследника. Его первая жена Нюхулу оказалась бесплодной, от других же наложниц у него была лишь одна дочь. 27 апреля 1856 г. Ниласы подарила своему повелителю сына, нареченного Цзай Чунь, что сразу же возвысило ее положение.

Спустя девять месяцев после рождения сына Ниласы разрешили навестить свою мать. По такому случаю она отправилась в желтом паланкине в сопровождении членов императорской фамилии, евнухов и дворцовой гвардии. Это была незабываемая встреча. Можно себе представить, какое впечатление произвел на соседей и саму мать желтый паланкин ее дочери. Любопытные заполнили улицу, чтобы увидеть мать будущего императора. Все члены ее клана хотели быть свидетелями такого примечательного события. Они совершили челобитье перед Ниласы. Затем состоялось пиршество, на котором ее посадили на самое почетное место. И когда мать осталась наедине с дочерью, их разговорам не было конца. Это была первая встреча матери со своей преуспевающей дочерью после четырехлетней разлуки.

Свершилась мечта, казалось бы, несбыточная: из скромного домика в переулке Дасытя Ниласы переселилась в пышные хоромы императорских дворцов, стала матерью наследника престола, близким человеком императора

Сяньфэна.

Безмятежная жизнь императора Сяньфэна и его любимой наложницы Ниласы была нарушена событиями, которые потрясли основы маньчжурского господства: в 1850 г. в Китае вспыхнуло тайпинское восстание, которое, как уже говорилось, длилось около 15 лет. Основными участниками восстания были китайские крестьяне, влачившие нищенское существование и страдавшие от жестокой эксплуатации помещиков и ростовщиков. Верхушку класса (феодалов составляла маньчжурская аристократия во главе с императором: они по праву завоевателей обеспечивали себе привилегированное положение в стране.

Тайпинское восстание носило антифеодальный характер и одновременно было направлено против маньчжурского господства. Оно превратилось в крестьянскую войну, охватившую всю страну. Восстание началось в южных районах Китая, затем из провинции Гуанси повстанцы двинулись на север и достигли города Нанкина.

Вождем тайпинского восстания стал Хун Сюцюань, выходец из крестьянской семьи, учитель сельской школы.

Тайпины призывали всех китайцев, независимо от их сословной принадлежности, подняться на борьбу против маньчжурского господства. Эта борьба шла под антиманьчжурскими лозунгами, о чем можно судить по следующей листовке тайпинов:

«Китай — голова; маньчжуры — ноги. Китай — священная страна. Маньчжуры — грязная нечисть. Почему мы называем Китай священной страной? Небесный отец, господь бог — наш истинный бог, им созданы небо, земля, горы и моря. Именно по этой причине наш Китай издревле носит имя священной страны. Почему мы называем маньчжуров нечистью? Змий, дьявол, владыка ада есть лукавый и нечистый дух. Маньчжурские варвары поклоняются только ему. Именно по этой причине мы смотрим на них как на нечисть».

Все маньчжуры — император Сяньфэн, феодалы, чиновничество и

даже простолюдины — рассматривались заклятыми врагами китайцев и подлежали истреблению. «Тем из вас, — говорилось в воззвании к китайскому народу, — кто сумеет схватить и привести собаку Сяньфэна или отрубить и доставить его голову, и тем, кто сможет схватить и обезглавить всех маньчжурских варваров, будут дарованы большие чины».

Восставшие клеймили позором царствовавшего тогда маньчжурского императора Сяньфэна. В «Манифесте об истреблении дьяволов» его называли так: «Нынешний маньчжурский дьявол Сяньфэн относится к племени северных варваров. Он, заклятый враг Китая, стремится превратить людей в дьявольское отродье, заставить их поклоняться нечистым духам и идти против воли истинного божества — господ бога. Но знайте, что он уже осужден небом и его ждет неизбежная гибель».

Тайпины преследовали цель свергнуть маньчжурское владычество и восстановить китайскую национальную государственность. Опираясь на конфуцианскую идею о том, что небо карает плохих императоров, что оно не терпит надругательства правителей над народом, лишает недостойных мандата Сына неба, восставшие стремились доказать народу, что маньчжурские императоры не имеют права на власть и что истинным императором должен быть вождь тайпинского восстания Хун Сюцюань.

Тайпины мечтали о создании крестьянского коммунизма, в основе которого лежал принцип уравнительного распределения материальных благ. В земельном законе, обнародованном восставшими в 1853 г., говорилось: «Нужно добиться, чтобы вся Поднебесная пользовалась великими благами, дарованными небом, чтобы совместно обрабатывали землю, совместно питались и одевались, совместно расходовали деньги, чтобы все было поровну и никто не остался голодным и холодным».

Восставшие были суеверными людьми и верили в сверхъестественные силы. Так, во время движения к Пекину тайпины изготавливали большое количество бумажных солдатиков, которых складывали в ящики. Когда возникали стычки с маньчжурскими войсками, тайпинские воины дули на

эти ящики — таким путем бумажные солдатики якобы превращались в настоящих свирепых воинов: им никто не мог противостоять. После военных действий надо было вновь подуть на ящик, и настоящие воины вновь становились бумажными солдатами, которые не требовали ни пищи, ни одежды.



Хун Сюцюань

Опираясь на поддержку крестьянства и городских низов, тайпины в 1852—1853 гг. овладели важнейшим пунктом в районе среднего течения реки Янцзы — трехградьем Ухань, состоящим из городов Учан, Ханькоу и Ханьян. 9 февраля 1852 г. тайпины выступили из Уха-ни, а 19 марта 1853 г. заняли Нанкин. В это время Хун Сюцюань был объявлен первым императором тайпинского государства, а Нанкин — переименован в Небесную столицу.

Вести о падении Нанкина под ударами тайпинских повстанцев и их социально-экономических реформах вызвали переполох в Пекине.

Вот что об этом писал в мае 1853 г. глава русской духовной миссии в Пекине Палладий: «Пекин теперь в страшном беспокойстве — с одной стороны, грозят повстанцы, а с другой — опасаются со дня на день возмущения в самой столице. Богатые дома, в особенности сановники из китайцев, один за другим выбираются из Пекина, как из города, обреченного на гибель». Бежали, однако, не только богатые китайцы, но и маньчжуры.

Англия, Франция и США решили воспользоваться гражданской войной в Китае для проникновения в глубь этой страны. Маньчжурское

правительство попыталось противодействовать этому. Тогда англо-французские войска перешли к открытой вооруженной агрессии: сконцентрировав свои силы в Тяньцзине, они развернули наступление на Пекин.

Императора Сяньфэна, привыкшего к безмятежной жизни, охватило чувство беспокойства и страха. Во дворце Юаньмин юань понимали, что поражение маньчжурских войск под Нанкином создаст угрозу существования маньчжурской династии, а это означает конец всем, кто ее поддерживает.

Когда англо-французские войска начали приближаться к Пекину, маньчжурская армия оказалась не в состоянии приостановить их продвижение. Приближенные императора Сяньфэна уговаривали его укрыться подальше от Пекина, в провинциальном городе Жэхэ: он был окружен толстыми стенами и имел императорскую резиденцию.

Ниласы пыталась убедить императора Сяньфэна не покидать Пекина. Ей помогали в этом Нюхулу, братья императора — великий князь Гун и великий князь Чунь, а также некоторые сановники. Они выдвинули такие аргументы. Пекин с его массивными стенами представляет собой неприступную крепость, которую невозможно взять штурмом. Такая крепость может противостоять «варварам» до тех пор, пока с юга Китая не придет подкрепление и не сбросит их в море. Выдвигался и другой аргумент: «варвары» не осмелятся атаковать Пекин, если в нем будет находиться Сын неба.

Приближенные императора знали, что он серьезно болен и долго не проживет. В случае его смерти встанет вопрос о регентстве над малолетним наследником трона, и это породит острую борьбу между двумя соперничающими группировками: с одной стороны, Ниласы, Нюхулу и братья императора Гун и Чунь, а с другой — сановники двора — богатый и влиятельный Су Шунь, а также князья Цзай Юань и Дуань Хуа. Они хорошо понимали, что в случае смерти Сяньфэна его сын будет объявлен наследником престола, а Ниласы станет императрицей-регентшей вплоть до

его совершеннолетия. Поэтому Су Шунь и его единомышленники считали для себя единственным выходом — физически расправиться с Ниласы и таким путем не допустить ее стать регентшей при несовершеннолетнем наследнике трона.

Если бы Сяньфэн остался в Пекине, заговорщикам трудно было бы осуществить свой план, так как они редко общались с императором, в то время как Ниласы и Нюхулу и их сторонники постоянно с ним встречались. Обстановка могла резко измениться в Жэхэ: там заговорщики могли ежедневно видаться с императором и оказывать на него давление, а жены императора лишились бы такой возможности.

В конце концов Су Шуню и его сообщникам удалось уговорить императора выехать в Жэхэ, ссылаясь на то, что его пребывание в Пекине усилило бы намерение англо-французских войск захватить столицу. Впрочем, Сяньфэн и сам видел, что маньчжурские войска не в состоянии приостановить продвижение иностранных интервентов. 22 сентября 1860 г. он покинул Пекин и направился в Жэхэ; его сопровождал длинный обоз, состоявший из паланкинов, двухколесных повозок, евнухов, стражи, а также табуна скота.

Население Пекина охватила паника, особенно когда распространился слух о бегстве императора. Тысячи маньчжурских солдат, словно дикие орды, бродили по улицам столицы голодные, грязные и оборванные: им несколько дней не выдавали жалованья и пайка. Чиновники покидали свои служебные посты, и это еще более усиливало беспорядки и мародерство.

Ниласы чувствовала, что бегство в Жэхэ с больным императором чревато для нее большими опасностями. В то время как Нюхулу заботилась о малолетнем наследнике Цзай Чуне, Ниласы была поглощена подготовкой к бегству. Мальчика взяли в трудную и длительную поездку. Оставить его в Пекине никто не решался: он мог попасть в руки иностранцев как заложник.

Императора сопровождали в пути ближайшие советники, в том числе начальник Управления двора и Налогового приказа Су Шунь, который имел

право свободно заходить в императорские покои и давать советы при решении больших и малых государственных дел. Вместе с императором в дальний путь отправилась Ниласы со своим пятилетним сыном и Ньюхулу.

Императорский кортеж напоминал собой сборище охваченных паникой людей, каждый из которых крепко держался за свой узел с сокровищами. Беглецов тревожила одна мысль — как бы поскорее и подальше уехать из Пекина, где их жизнь и благополучие могли подвергнуться опасности.

Войдя в октябре 1860 г. в Пекин, англо-французские войска устремились в летний дворец Юаньмин юань - он был разграблен и разрушен. Более 200 павильонов, залов и храмов, пять дворцовых помещений и другие сооружения погибли в огне.

По прибытии в Жэхэ Сяньфэн остановился в старом дворце, в свое время построенном маньчжурскими императорами Канси и Цяньлуном.

Здесь они в окружении девственных лесов увлекались охотой на тигров, кабанов и оленей, после которой предавались развлечениям в живописных павильонах. С тех пор дворец пришел в запустение: мраморные террасы обросли сорной травой, киноварь и позолота на стенах поблекла и облупилась.

Ньюхулу и Ниласы разместили в отдаленном от дворца месте, откуда им трудно было общаться с императором.

Сяньфэн лежал в запущенных хоромах во власти неизлечимой болезни и приближающейся смерти. Известие о разрушении величественного дворца Юаньмин юань усилило его физические и духовные страдания. Чтобы облегчить боль, ему постоянно давали большие дозы опиума и других наркотиков.

Вначале предполагалось, что Сяньфэн вернется в Пекин весной 1861 г., однако в январе того же года его болезнь осложнилась и поездка была отложена на неопределенный срок. Это были последние месяцы жизни Сына неба.

Покидая Пекин, император Сяньфэн поручил великому князю Гуну

вести трудные и унижительные переговоры с англо-французами и во что бы то ни стало добиться мира на любых условиях.

Великий князь Гун слыл опытным и мудрым государственным деятелем, занимавшимся важными государственными делами. Внешне он выглядел непривлекательно: продолговатая большая голова, узкие и сутулые плечи, высокий рост, на правой щеке шрам, — очевидно, след от фурункула. Его близорукие глаза светились энергией и решимостью, а манера поведения свидетельствовала о классическом конфуцианском воспитании.

В 1860 г., в то время когда император Сяньфэн находился в изгнании в провинции Жэхэ, великий князь Гун в Пекине вел переговоры с командованием англо-французской армии и от имени императорского двора подписал 24 и 25 октября 1860 г. с союзными войсками англо-китайское и франко-китайское соглашения, получившие общее название «Пекинский договор», который предусматривал: открытие Тяньцзиня в качестве торгового порта, разрешение использовать китайцев в качестве рабочей силы в колониях Англии, Франции и других местах за океаном. Англии была уступлена территория Цзюлун (Коулун); Китай обязался уплатить Англии и Франции военную контрибуцию по 8 миллионов лян каждой.

Находясь вдали от Пекина, в провинции Жэхэ, и видя, как угасает ее повелитель, Ниласы беспокоилась за свою судьбу и торопилась добиться согласия Сяньфэна относительно его преемника. Она сосредоточила внимание на своем сыне — наследнике трона. Как-то она нашла его крепко спящим на руках Нюхулу, и, хотя это была трогательная сцена, она вызвала раздражение у законной матери. Ниласы считала Нюхулу глупой, недалекой, набожной женщиной, лишенной интереса к государственным делам, ленивой физически и умственно.

Вспоминая о своей жизни с императором Сяньфэном, Цыси в 1903 г. говорила: «Когда я оказалась во дворце, покойный император сильно привязался ко мне и почти не обращал внимания на других наложниц. Я подарила ему сына Цзай Чуня, и это сделало меня самой близкой его

фавориткой. Но затем на мою долю обрушилось несчастье. В последние годы царствования он неожиданно заболел. Ко всему этому иностранные солдаты сожгли Пекин — и мы вынуждены были бежать в провинцию Жэхэ. Тогда я была еще молодой женщиной с малолетним сыном и умирающим мужем. Когда император лежал при смерти и находился в бессознательном состоянии, я привела к нему сына Цзай Чуня и спросила:

— Кто будет наследовать престол? Император не ответил, так как плохо себя чувствовал. Я проявила настойчивость и сказала:

— Здесь находится ваш сын.

Услышав мои слова, он быстро открыл глаза и ответил:

— Конечно, он должен наследовать трон.

Я почувствовала облегчение от таких слов. Это были последние слова императора. Вскоре он скончался».

В июле 1861 г. отмечалось тридцатилетие Сяньфэна, но Ниласы не была приглашена на торжество, и это вселило в нее тревогу.

В августе 1861 г. тяжелобольной император перед своей кончиной собрал бежавших вместе с ним восьмерых высших сановников, в том числе Су Шуня и князей первой степени Цзай Юаня и Дуань Хуа. В их присутствии император назначил своего шестилетнего сына Цзай Чуня наследником трона. Однако сановникам удалось добиться ограничения власти Ниласы: угасающий правитель Китая согласился обнародовать два указа. Один — о назначении их членами Регентского совета после его смерти и другой, запрещающий Ниласы контролировать действия сына как наследника трона. Пытаясь вообще избавиться от нее, члены Регентского совета (как свидетельствуют некоторые источники) уговорили императора обнародовать еще один указ, поручавший Су Шуню принудить Ниласы к самоубийству: пусть она на «том свете» прислуживает духу покойного повелителя.

Но чтобы императорские указы имели силу закона, на них должна быть поставлена императорская печать. При царствовании Сяньфэна императорские распоряжения заверялась великой печатью, а печать

неизвестно при каких обстоятельствах оказалась в руках Ниласы. Владея великой печатью, она могла вступить в торг с заговорщиками. Без печати никто бы с ней не считался.

Чтобы Су Шуня не подозревали в подделке указов императора после его смерти, он положил указы под подушку больного: пусть все знают, что Су Шунь и его сообщники не имели никакого отношения к составлению этих указов.

Евнух Ли Ляньин, делавший массажи больному императору, стал свидетелем этих действий заговорщиков. Опасаясь за жизнь Ниласы, он известил ее о грозящей опасности: император мог со дня на день умереть и тогда участь его жен будет предрешена.

22 августа 1861 г. обессиленный от болезней Сяньфэн бесславно удалился в «мир теней».

Американский миссионер Р. Ж. Дулиттл, о котором мы уже упоминали, находился в Фучжоу когда умер император Сяньфэн, и был свидетелем траурной церемонии по поводу кончины Сына неба.

Опуская мелкие детали в описании траурной церемонии, мы хотели бы воспроизвести некоторые обряды, которые наблюдал автор книги «Социальная жизнь китайцев».

Как только поступило сообщение о кончине императора Сяньфэна, всем гражданским и военным чиновникам предписывалось соблюдать траур по поводу этого печального события. На дверях и столбах в присутственных местах наклеивались полоски траурной бумаги черного или голубого цвета.

Официальные лица, принимавшие участие в траурной церемонии, дважды в день совершали оплакивание в городском храме или в храме Конфуция. В течение 100 дней со дня смерти императора подданным империи запрещалось брить голову, устраивать свадьбы или увеселительные встречи. Парикмахерам запрещалось, в течение 100 дней брить своих клиентов, а артистам развлекать своими представлениями публику. На стенах торговых лавок вывешивали специальные доски с обозначением

национального траура, такие же доски прибавали к столбам возле жилых домов.

Дулиттл присутствовал на церемонии оплакивания покойного императора. Передаем его рассказ с некоторым сокращением.

«После полудня я вместе с друзьями направился посмотреть, как чиновники различных рангов будут исполнять церемонию оплакивания покойного императора Сяньфэна. Мы пришли слишком рано и увидели возле дверей храма толпу любопытных. В храм пропускали только чиновников, прибывших для оплакивания. Все они были одеты в белые халаты, доходившие до щиколоток, и подпоясаны белыми кушаками. На ногах у них были туфли из черного атласа или черной хлопчатобумажной материи на толстых белых подошвах. На их шапочках были срезаны шарики, означавшие чиновничий ранг.

На столах разместили предметы культа: курильницы, курительные палочки, цветы, свечи, которые горели днем и ночью в течение оплакивания покойного императора. Глава церемонии, убедившись, что все готово к траурному обряду, произнес:

— Займите ваши места в соответствии с установленным порядком.

Затем последовала другая команда:

— Преклонить колени.

Около 100 чиновников одновременно опустились на колени. После этого слышались слова:

— Совершить земной поклон.

Участники церемонии, оперевшись руками о пол, совершили челобитье. Такой ритуал исполнялся три раза: чиновники становились на колени и каждый трижды совершал челобитье, а затем они поднимались на ноги. При последнем челобитье руководитель церемонии подал команду, когда чиновники стояли еще на коленях:

— Начинается оплакивание.

Чиновники стали плакать, всхлипывать и стонать. Так продолжалось в

течение минуты или немногим более. После чего руководитель сказал:

— Прекратить оплакивание, встать и разойтись по своим местам.

Эта церемония требовала большого физического напряжения, и ее окончание избавляло чиновников от дальнейших челобитий».

Три месяца труп императора Сяньфэна покоился в массивном гробу на величественном катафалке, пока прорицатели не определили благоприятный день для переноса его в Пекин. Су Шунь и его окружение пришли к заключению, что наступил благоприятный момент для захвата власти.

Нюхулу и Ниласы тоже решили действовать: как только умер император, они вошли в его комнату. Ниласы наклонилась к лику покойного, незаметно просунула руку под подушку, извлекла опасные документы и сожгла их на одной из свечей, стоявших в комнате.

Члены Регентского совета от имени молодого наследника трона объявили о назначении Су Шуня главным регентом, но этот указ не имел императорской печати, поэтому его подлинность не могла быть признана. Они не осмеливались открыто искать императорскую печать — это могло бы ухудшить их положение, учитывая их непопулярность при дворе в Пекине. Чтобы закрепить свою власть, нужно было как-то освободиться от Нюхулу и Ниласы. Регенты догадывались, что печать находится у Ниласы, но заполучить ее сразу не было никакой возможности: соблюдался глубокий траур по кончине императора, и это связывало им руки.

Ниласы понимала, что заговор не сулил ей ничего хорошего. В случае исполнения плана заговорщиков великий князь Гун и обе вдовствующие императрицы должны были отойти на задний план. Более того, им грозило физическое уничтожение. Общая опасность предопределила союз Нюхулу и Ниласы с великим князем Гуном.

Но великий князь Гун в то время находился в Пекине, а с ним нужно было во что бы то ни стало срочно связаться,

Су Шунь и его сторонники в целях упрочения своей власти всеми средствами пытались помешать установлению связей между великим князем

Гуном и вдовствующими императрицами.

О том, как Ниласы удалось обмануть Су Шуня и связаться с великим князем Гуном, существует много версий. Приведем некоторые из них.

В 1957 г. в Пекине вышла в свет книга «Записки о цинском дворце». Ее автор - Юй Хунлин в 1903 г. состояла придворной дамой при Цыси и написала книгу о жизни вдовствующей императрицы.

Согласно этой книге, драматические события в Жэхэ разыгрались в такой последовательности. Узнав о грозившей им опасности, вдовствующие императрицы Нюхулу и Ниласы решили сообщить об этом в Пекин великому князю Гуну и его младшему брату великому князю Чуню.

Ниласы вызвала к себе нескольких преданных ей евнухов и спросила:

— Кто решится доставить мое письмо в Пекин? Среди евнухов вызвался небольшого роста юноша по имени Ань Дэхай. Встав на колени перед Ниласы, он сказал:

— Раб желает, рискуя своей жизнью, отправиться в Пекин.

Похвалив его за преданность, Ниласы дала ему 50 серебряных лянов на дорожные расходы. Дождавшись темноты, Ань Дэхай незаметно вышел из дворца и направился в Пекин. Там он передал письмо Ниласы великому князю Гуну, который, ознакомившись с его содержанием, немедленно поставил в известность о нем великого князя Чуня. И вот они во главе вооруженного отряда прибыли в Жэхэ. Их встретил Су Шунь. Проявив внешнюю вежливость, он сделал так, чтобы великие князья Гун и Чунь не смогли встретиться со вдовствующими императрицами.

Ночью евнух Ань Дэхай устроил тайную встречу великих князей Гуна и Чуня с Нюхулу и Ниласы. Об этом свидании заговорщики ничего не узнали.

Спустя два дня от имени вдовствующих императриц появился указ: вдовствующим императрицам, великому князю Гуну, великому князю Чуню, а также Дуань Хуа и Цзай Юаню отбыть вместе в Пекин, а Су Шуню — сопровождать гроб с покойным императором. Таким образом, заговорщики

были разъединены. По прибытии в Пекин Дуань Хуа и Цзай Юань были сразу же арестованы и им «даровали» самоубийство. Су Шуня схватили в пути, а потом обезглавили.

По другой версии, Ниласы через своих преданных евнухов послала письмо на имя великого князя Гуна. Получив тревожное письмо, он направил своего младшего брата великого князя Чуня, женатого на Дафэн — младшей сестре Ниласы, в Жэхэ, чтобы на месте узнать суть дела. Великий князь Чунь связался со вдовствующими императрицами, и они совместно выработали план действий во время возвращения в Пекин.

Дальнейшие события развивались следующим образом. 5 октября 1861г., в благоприятный день, определенный прорицателем, траурная процессия во главе с огромным императорским гробом, который несли 124 носильщика, медленно двинулась по направлению к столице. Путь был трудным и опасным: дикие безлюдные места покрылись водой от непрекращающихся сильных дождей; горные ущелья кишели бандитами, которые в любое время могли напасть на путников.

Эскорт с покойным императором Сяньфэном сопровождали восемь сановников — членов Верховного императорского совета вдовствующие императрицы Нюхулу и Ниласы и малолетний наследник Цзай Чунь. По ритуалу он должен был, как сын, сделать жертвоприношение покойному отцу у городских ворот Пекина.

Заговорщики решили убить Нюхулу и Ниласы, как только процессия с наступлением ночи достигнет горного перевала. Но маньчжурская гвардия под командованием Жун Лу сорвала этот замысел и тем самым сохранила жизнь двум женщинам.

1 ноября 1861г., за несколько дней до прибытия похоронной процессии, малолетний наследник, вдовствующие императрицы Нюхулу и Ниласы, великий князь Чунь, а/также регенты (за исключением Су Шуня, который сопровождал траурную процессию) прибыли в Пекин. Был ясный морозный день, когда процессия паланкинов проследовала по пекинским

улицам, посыпанным «императорским» желтым песком. По обеим сторонам следования паланкинов возвышались большие желтые ширмы, заслонявшие Сына неба от любопытных взоров толпы.

Солдаты Пекинской полевой армии, преданные великому князю Гуну, стояли тесными рядами, плечом к плечу, по обеим сторонам пути, по которому Цыси и сидевший на ее коленях сын в желтом паланкине въехали в Императорский город. У ворот их встретили великий князь Гун и один из заговорщиков, князь И.

Князь И выразил неудовольствие по поводу такой церемонии, на что великий князь Гун ответил:

— Вы видите наши войска! — сказав это, он сделал челобитье перед малолетним наследником и его матерью.

Когда они оказались в Запретном городе, регенты, вдовствующие императрицы, а также великий князь Гун собрались в одной из тронных комнат. От имени молодого наследника великий князь Гун зачитал императорский указ, повелевавший сместить со всех государственных постов заговорщиков и арестовать их. Указ был заверен императорской печатью, которая неизвестно каким образом оказалась во дворце.

Заговорщики, стоя на коленях, смиренно выслушали указ, затем встали, и их под охраной отвели в заключение. Это было сделано с помощью войск под командованием Жун Лу.

Первый обнародованный указ объявлял Цзай Чуня, сына императора Сяньфэна, наследником трона под девизом Тунчжи (Совместное правление). Второй указ даровал Нюхулу звание — «вдовствующая императрица Цыань», а Ниласы — «вдовствующая императрица Цыси». Первая была возведена в ранг «императрицы Восточного дворца», а вторая — в ранг «императрицы Западного дворца».

Девиз «Совместное правление» означал, что две вдовствующие императрицы делили между собой власть до совершеннолетия наследника трона.

Вдовствующие императрицы Цыань и Цыси с великим князем Гуном оказались у власти: у них находилась императорская печать — это давало им право издавать от имени наследника трона императорские указы, имевшие силу закона, и цензоры не могли оспаривать их достоверность.

Между тем младший брат покойного императора Сяньфэна великий князь Чунь в сопровождении телохранителей выехал из Пекина навстречу похоронной процессии, которая во главе с заговорщиком Су Шунем расположилась лагерем на отдых.

Великий князь Чунь застал Су Шуня развлекающимся в палатке с наложницей, а это рассматривалось как грубое нарушение церемонии императорских похорон. Су Шуня взяли под стражу, и похоронная процессия направилась в столицу.

Так с помощью великого князя Гуна Цыси, которой тогда исполнилось всего 22 года, оказалась у власти. Заговорщики потерпели поражение, их попытка стать регентами провалилась.

Великий князь Гун решил поддержать двух императриц, Цыань и Цыси, вовсе не потому, что питал к ним какие-то симпатии. Он рассуждал так: если верх возьмут заговорщики во главе с опытным и умным Су Шунем, тогда он будет отстранен от власти и окажется не у дел. Если же поможет двум незрелым молодым женщинам стать у власти, то он, как опытный князь-советник, станет фактическим главой правительства.

Хотя императрицы имели сторонников, они были неискушенными в политике, у них не было военной силы. Но с ними были наследник и императорская великая печать, что давало им право обнародовать указы от имени императора. К тому же на стороне Цыси были преданные евнухи Ань Дэхай и Ли Ляньин: они следили за действиями заговорщиков и обо всем сообщали своей повелительнице. Цыси через евнуха Ань Дэхая знала каждого, кто входил в Запретный город и с какой целью. Агентами Ли Ляньина были повара и прислужники в императорском дворце. Он имел шпионов в каждом ресторане Пекина, в увеселительных заведениях, на

главных улицах. Поэтому, какое бы событие ни произошло, незначительное или значительное, Цыси обо всем доносили.

В этой книге мы поместили портрет главного евнуха Ли Ляньина. В центре крупным планом написан иероглиф «шоу» (долголетие) — символ долгой жизни. На халате Ли Ляньина — вышивки иероглифа «шоу». Справа вышито: «Хорошо любоваться луной, когда и не холодно, и не жарко», слева — «Штора защищает от моросящего дождя и слабого дуновения ветра».

Ли Ляньин, подделываясь под ученого-книжника, имел в своем кабинете «четыре драгоценности»: библиотеку с конфуцианскими канонами, тушь, кисточку и тушечницу.

Су Шуня казнили в Пекине на Западном рынке, куда его доставили в открытой повозке. Он был облачен в длинный белый халат, сшитый из грубой ткани. Сильный порыв ветра окутал пыльными клубами место казни, отчего его лицо покрылось пылью и выглядело почерневшим и сумрачным. На виду у возбужденной толпы его поставили на колени, и палач сильным взмахом тяжелого меча отсек ему голову, которая покатилась по пыльной земле; она была на несколько дней выставлена на видном месте для всеобщего обозрения. Никому из родственников обреченного не разрешили присутствовать на его казни.

Цзай Юаню и Дуань Хуа была «дарована» казнь через самоубийство. В помещении, где предполагалось самоубийство двух князей в присутствии родственников, прикрепили на потолке две шелковые петли, а внизу, напротив них, на полу, сдвинули два низких стола. Цзай Юань первым надел петлю на шею. Присутствующие отодвинули стол, на котором он стоял, и его тело повисло на тонком шелковом шнурке. С Дуань Хуа возникло непредвиденное обстоятельство. Он был грузным и тяжелым. Петля обвила его шею, и, когда из-под него отодвинули стол, шелковый шнурок лопнул, тяжелое тело рухнуло на пол. Пришлось повторить «самоубийство».

Военный поход тайпинов против Пекина, начатый в мае 1853 г., окончился неудачей: решающее поражение маньчжурскому трону так и не

было нанесено. Разрозненные выступления повстанцев одно за другим были подавлены китайским помещичьим ополчением, маньчжурскими войсками и англо-французскими интервентами.

1 июня 1864 г. вождь тайпинского восстания Хун Сюцюань покончил жизнь самоубийством, а 19 июля 1864 г. правительственные войска захватили город Нанкин. Это стало поворотным пунктом в войне против тайпинов.

В ноябре 1864 г. тайпинское восстание было подавлено, и Поднебесное государство великого спокойствия перестало существовать. Девять провинций подверглись опустошению, было истреблено около 20 миллионов человек. Этому кровавому финалу содействовали англо-французские интервенты: они принимали непосредственное участие в подавлении восстания и оказывали китайским помещичьим ополченцам и маньчжурским войскам помощь оружием.

Цыси испытывала необычайную радость по поводу поражения тайпинов: ведь именно она рекомендовала императору Сяньфэну поставить во главе правительственных войск китайского сановника Цзэн Гофаня, и он оправдал ее надежды, проявив способности военачальника в войне с тайпинами. Она смотрела на него как на мудрого и опытного государственного деятеля.

После подавления тайпинского восстания Цзэн Гофань был назначен губернатором столичной провинции Чжили и членом Верховного императорского совета. Он умер 12 марта 1872 г. Его преемником стал Ли Хунчжан, также проявивший себя в кровавых расправах над участниками тайпинского восстания.

Трудные дни для Цыси миновали: тайпины потерпели поражение, маньчжурский трон был сохранен, заговорщики казнены. Она стала законной правительницей Китая при малолетнем императоре Тунчжи.

Доставленное в Пекин из Жэхэ тело императора Сяньфэна поместили во Дворце небесной чистоты, где оно находилось десять дней. В течение

этого времени дважды, а иногда и трижды в день исполнялся ритуал жертвоприношения перед гробом. В исполнении этого ритуала принимали участие малолетний наследник, две сорегентши, члены императорской фамилии, высшие чиновники и их семьи.

Жертвоприношения состояли из 81 мясного блюда, 9 видов мучных сладостей, 27 овец, 40 кувшинов вина. Кроме этого, у гроба императора было сожжено 250 тысяч имитированных бумажных «золотых слитков», 145 тысяч «жертвенных» бумажных денег, 50 тысяч бумажных «серебряных слитков» и 10 тысяч бумажных свертков, напоминавших шелк и атлас.

После окончания этой церемонии на территории Запретного города гроб с покойным перенесли в Зал соблюдения добродетели, где совершались публичные жертвоприношения. В течение траура, который продолжался 100 дней, не разрешалось устраивать свадьбы, театральные и вообще увеселительные зрелища, брить головы и носить шелковые костюмы; в храмах непрерывно раздавался похоронный звон по усопшему. Ребенок, зачатый в период такого траура, после рождения считался незаконнорожденным, поэтому при наречении в его имя включали иероглиф «собака», — чтобы все знали, что родители нарушили закон о соблюдении траурных правил.

Великому князю Гуну было поручено руководить сооружением мавзолея для покойного императора в районе Восточных гор, примерно в 135 километрах восточнее Пекина. Для сооружения посмертного жилища Сяньфэна потребовалось 10 миллионов лянов.

Вход к могильному кургану открывала большая мраморная арка (пай-лоу), за которой простиралась широкая вымощенная камнями Почетная дорога длиной около 1,5 километра. Дорога «охранялась» 18 парами скульптур огромных каменных людей и животных, которые были расположены друг против друга: львы, верблюды, слоны, единороги, кони, военные, ученые, чиновники, евнухи.

В конце Почетной дороги, пройдя величественные красные Ворота

дракона и феникса, путник попадал на Дорогу духов с арками, мраморными мостиками и чашами для сжигания жертвоприношений. Дорога духов прямо выводила в Великий двор, по сторонам которого виднелись галереи, небольшие уединенные площадки и комнаты отдыха.

На северной стороне Великого двора находился огромный Зал духов, или Зал жертвоприношений, возвышавшийся на мраморной террасе, украшенной бронзовыми журавлями, черепахами и оленями. В зале находился треножник, жертвенный стол, на нем стояли свечи, подставки для благовоний и большая урна для золы. Отсюда шел путь к могильному кургану, построенному из гранитных блоков; его внутренняя часть имела куполообразную форму и напоминала храм.

В августе 1865 г. великий князь Гун сообщил соре-гентам, что посмертное жилище императора Сяньфэна готово (оно сооружалось четыре года). Астрологи определили наиболее подходящий день для похорон. И вот рано утром в назначенный день траурная процессия тронулась из Пекина к Восточным горам. Сделанный из массивных брусков ценного дерева, императорский гроб покрыли густым слоем лака, задрапировали в желтый материал, разукрашенный вышивками. Гроб поставили на огромный катафалк, его несли 128 носильщиков. Траурная процессия состояла из большого количества людей: высшие сановники ехали на богато украшенных паланкинах, 8 тысяч евнухов несли фонари и другие предметы похоронного ритуала; сотни китайских, тибетских и монгольских монахов и несколько тысяч всадников императорской гвардии также сопровождали покойного.

По установившейся традиции тело покойного могло не погребаться в течение многих лет. И только при наступлении подходящего времени оно предавалось погребению. Гроб с покойником обычно оставался в храме, иногда в доме семьи умершего или в специальном склепе на родовой земле.

Когда траурная процессия достигла Великого моста за пределами ворот Дунчжимэнь, к ней присоединился еще один траурный кортеж — это был гроб с останками Сакоты, первой жены императора Сяньфэна, умершей в

1850 г., за месяц до восшествия его на престол. Гроб с телом Сакоты простоял в деревенском храме 14 лет, до захоронения ее мужа.

Объединенная траурная процессия продолжала движение по направлению к Восточным горам. На четвертый день она достигла Храма щедрого благоденствия, недалеко от Восточных гор. Здесь два гроба поставили рядом, и в течение десяти дней перед ними совершался траурный обряд. Одновременно такой обряд происходил в Храме неба, Храме земли и Храме императорских предков. Затем гробы поставили на траурные тележки, и их медленно по наклонной стали двигать к месту захоронения (в «могильную комнату»). В этой церемонии принимали участие наследник, члены императорской фамилии и высшие сановники. Гробы установили на мраморное ложе, вокруг которого разместили драгоценные камни, жемчуг, кипы шелка.

Вместо наложниц и евнухов, которых в доисторические времена хоронили живыми вместе с их покойным повелителем, у гроба Сяньфэна склонились бумажные и деревянные фигурки, готовые прислуживать императору на том свете. Книги и печати императора положили с правой и левой стороны смертного ложа. Затем зажгли огромные свечи, и монахи громко зачитали молитвы. Когда весь ритуал был исполнен, сверху опустили огромную каменную дверь, и император Сяньфэн вместе со своей супругой Сакотой навсегда остался в посмертном жилище.

Цыань и Цыси, как сорегентши, принимали участие в церемониях захоронения их повелителя.

НАСЛЕДНИК ТРОНА ТУНЧЖИ

Увлеченная государственными делами и будучи от природы человеком жестоким и бессердечным, Цыси не занималась воспитанием своего сына. В пятилетнем возрасте он почти полностью перешел на попечение евнухов, которые потворствовали его капризам, воспитывали в нем своенравного

тирана.

Свой нрав Тунчжи обнаружил, будучи мальчиком, и это доставляло Цыси немало неприятных минут. С возрастом у него росло чувство неприязни и к матери, и к укладу жизни в Запретном городе.

Чтобы как-то расположить к себе малолетнего сына, Цыси на Новый год устраивала для него театральные представления и игры — в течение двух недель мальчика освобождали от учебы, и он предавался забавам. Веселые дни Нового года проходили быстро и вновь наступали скучные, монотонные будни: Тунчжи должен был десять часов в день просиживать за школьной партой и внимательно выслушивать нравоучения строгих наставников, которые осуждали все современное, идущее с Запада, и прославляли китайскую старину. Мальчик хотел заниматься играми, проявлял любопытство ко всему новому, неизвестному, но этому противились его строгие учителя.

Цыси никогда не проявляла материнской ласки к своему сыну, не вникала в его душевный мир, не уделяла ему должного внимания, и это закончилось плохо.

Евнухи развращали наследника Тунчжи эротическими рассказами и порнографическими картинками. «Отдушиной» в его жизни стало скрытное посещение увеселительных мест за пределами Запретного города. До женитьбы он пристрастился бывать в театрах, где ставились вульгарные пьесы с сексуальными сюжетами, посещал публичные дома, где развлекался с «цветочными девушками».

Переодевшись простолудином, Тунчжи навещал знаменитый пекинский книжный базар Люличан и интересовался прежде всего порнографическими картинками и книгами. Его находили в компании пьяных и распущенных молодых людей, проводивших время в оргиях и разврате. «Духовным отцом» Тунчжи на этом поприще был преданный евнух по имени Чжоу. Он устроил потайной выход в стене императорского дворца и под покровом ночи на повозке отвозил своего повелителя в «злачные»

места, а затем, перед рассветом, привозил домой.

В 1869 г. наследнику исполнилось 17 лет — возраст, достаточный для женитьбы. Как положено по традиции, во дворец были собраны дочери маньчжурских чиновников на смотрины. В отличие от своего отца Сяньфэна, который не присутствовал при выборе жены, Тунчжи мог лицезреть своих будущих избранниц. Ему подобрали в невесты красивую девушку по имени Алутэ — дочь известного конфуцианского книжника-историка Чун И, члена императорской академии Ханьлинь. По описанию современников, это была незаурядная девушка: она знала классические конфуцианские книги, была знакома с высказываниями древних мыслителей Китая, хорошо владела китайской каллиграфией и даже неплохо рисовала.

Алутэ обладала независимым и решительным характером, который унаследовала от отца и его братьев. В ее семье только отец был конфуцианским ученым-книжником, а остальные его четыре брата служили в знаменитых войсках и отличались гордым нравом.

Самоубийство в феодальном Китае считалось признаком не малодушия, а мужества. В августе 1900 г., когда иностранные войска ворвались в Пекин, четыре брата отца Алутэ проявили такое мужество. Во дворе, где они жили, была вырыта большая яма. Все члены их семей разместились в ней в определенном порядке. Затем их слугам приказали засыпать яму землей — так заживо было погребено 27 человек. Покорению иностранцам четыре брата предпочли смерть.

Император Тунчжи, видимо, питал искреннюю любовь к своей гордой и красивой избраннице. После того как прорицатели определили, что жених и невеста соответствуют друг другу и что это будет счастливый союз, началась деятельная подготовка к свадьбе, которая была назначена на 16 октября 1872 г.

Вдовствующие императрицы Цыси и Цыань по этому поводу обнародовали указ, в котором говорилось: «Прошло уже одиннадцать лет с тех пор, как император Тунчжи взшел на Трон дракона в малолетнем

возрасте. Теперь пришло время, позволяющее избрать ему добродетельную девицу в супруги с согласия и с помощью его домашних. Он избрал Алутэ, дочь Чун И, в качестве императрицы, а посему Великая императорская свадьба состоится в девятой луне 11-го года правления Тунчжи».

В связи с таким важным событием интерьеры Дворца земного спокойствия, где обычно проводились церемонии бракосочетания императоров, убрали заново: развесили цветные парчовые свитки с изображением драконов и фениксов, позолоченные иероглифы «шуанси» (двойное счастье). Все блистало великолепием и подчеркивало торжественность момента.

После обнародования императорского указа о совершении помолвки Алутэ ее родителям отправили богатые подарки: куски шелка и хлопчатобумажные ткани, 20 оседланных лошадей с кольчугами, луками и стрелами (память о тех временах, когда маньчжурские женщины провожали своих мужей в военные походы); стадо овец (признак богатства маньчжурской семьи); слитки золота и серебра (древний обычай, обозначавший куплю невесты). Ее родителей также одарили зимней и летней одеждой, собольим мехом, золотым и серебряным чайными приборами. Среди даров невесте можно было видеть курильницы, позолоченные кувшины, роскошные сиденья, цветные знамена с различными изображениями, включая знамена с изображениями дракона и феникса — символами брачного союза.

Красочные «драконовы шатры» с подарками из императорского дворца доставили на паланкинах в дом невесты. Толпы народа с удивлением глазели на такую необычную процессию, которую сопровождали чиновники. Разодетая в яркое венчальное платье-халат, Алутэ, став на колени, приняла подарки и совершила челобитье.

За два дня до свадьбы высокопоставленные чиновники посетили Храм императорских предков и известили их о предстоящей свадьбе, прося ее одобрить. Церемония сопровождалась неоднократным челобитьем перед

табличкой духа каждого покойного императора цинской династии. После такого челобитья свадьба считалась одобренной.

За день до свадьбы символы императорской власти — Золотая печать и Золотой свиток, а также венчальный фениксовый паланкин были доставлены во Дворец высшей гармонии для показа императору. После этой церемонии глава придворных астрологов объявил о наступлении благоприятного часа для бракосочетания.

Император, одетый в церемониальный халат, под звуки большого барабана и большого колокола проследовал во Дворец высшей гармонии. Он осмотрел Золотую печать и Золотой свиток. После этого чиновник громким голосом зачитал указ вдовствующих императриц Цыси и Цыань о помолвке.

Император вернулся в свои покои, сменил халат и направился во Дворец материнского спокойствия, чтобы выразить почтение двум вдовствующим императрицам и сообщить о совершении предписанных церемоний и о прибытии невесты.

Утром 16 октября 1872 г. (время, определенное прорицателями) Алутэ покинула родительский дом и отбыла на фениксовом паланкине в Запретный город. Путь ее следования был усыпан желтым песком; по обеим сторонам стояли солдаты, запрещавшие жителям смотреть на невесту императора: с этой целью все окна домов на улицах, где проезжал императорский кортеж, были закрыты голубыми занавесками. Великий князь Гун в качестве посредника между женихом и невестой находился во главе процессии. Музыканты с желтыми перьями на шапках шли сомкнутым строем, плечом к плечу, за ними шествовали несколько сот слуг в ярко-красных халатах - они несли разукрашенные фонари на тонких палках и большие церемониальные зонты, на которых были вышиты мифическая птица феникс -эмблема невесты и печать новой императрицы. Процессию замыкал табун оседланных лошадей, покрытых позолоченными попонами.

На эту красочную процессию жители улиц смотрели через голубые занавески, боясь быть замеченными стоявшими рядом солдатами.

Свидетель свадебной церемонии французский китаевед Анри Кардье рассказывая о виденном: «Через полуоткрытую дверь мы стали свидетелями, как двигалась эта процессия среди глубокой тишины. Великий князь Гун и другие ехали верхом на лошадях. Мы увидели глашатаев с посохами, завернутыми в желтый шелк; сотни слуг в красных халатах и с белыми зонтиками в руках; сотни людей, идущих попарно, с фонарями; 20 лошадей, покрытых попонами; плотно закрытый желтый паланкин, который несли на красных палках 16 носильщиков, окруженных массой евнухов, одетых во все желтое».

Кортеж с императорской невестой, минуя Ворота небесного спокойствия, направился в Запретный город через Полуденные ворота, а затем оказался у Ворот высшей гармонии. Паланкин с невестой доставили во Дворец небесной чистоты. Здесь ее ждал император Тунчжи. Алутэ с помощью дворцовых дам спешила, и ее из Дворца небесной чистоты повели во Дворец земного спокойствия, где находилась спальня новобрачных. Пройдя высокий порог, она переступила через лежащее на полу седло, под которым находилось яблоко, - это означало, что невеста будет покорной и готовой следовать за своим мужем в сражении.

Брачная пара села на свадебное ложе, а между ними поместили перевернутую вверх дном большую круглую медную чашу. На все поставили тарелку с «пирожными сыновей и внуков», что означало пожелание иметь большое потомство. Молодожены отпили венчальное вино из единственного свадебного кубка. Дворцовые дамы занялись волосами невесты: прическа девушки была заменена прической замужней женщины. После этого молодых оставили в брачной комнате.

На следующий день молодожены, перед тем как принять пищу, отправились в Храм неба выразить свою почтительность и сообщить небу о своем брачном союзе; то же самое они сделали в Храме предков и Храме земли, а также совершили челобитье перед божеством семейного счастья и божеством очага. Затем они вернулись во дворец и вкусили первую брачную

трапезу — трапезу единения.

После этого молодые посетили Храм долголетия и воскурили фимиам перед именами императорских предков и в храме покойного императора Сяньфэна: ему «сообщили» о свадьбе и испросили его поучения и защиты.

Так закончилась свадебная церемония императора Тунчжи и Алутэ, получившей сан императрицы Сяо Чи.

Вдовствующие императрицы Цыси и Цыань спустя пять дней после свадьбы повелели прорицателям определить подходящий День для официальной передачи императорской власти — счастливая звезда указала на 23 февраля 1873 г.

Прошла неделя после свадьбы, и между Алутэ и Цыси произошла размолвка. Алутэ по праву считалась императрицей Китая. Она заявила, что вошла во дворец через передние ворота, а Цыси — через задние двери в качестве наложницы. Молодая Алутэ сделала смелый вызов могущественной Цыси в присутствии придворных. Вдовствующая императрица не могла простить эту дерзость, за которую впоследствии Алутэ расплатилась жизнью.

Евнухи донесли Цыси, что император только один-два дня в месяц уделяет внимание наложницам, а все остальное время проводит с Алутэ. Это вызвало недовольство вдовствующей императрицы, которая делала все возможное, чтобы восстановить Тунчжи против молодой жены, породить между ними раздор.

Как-то Цыси пригласила к себе Алутэ и строго ее отчитала за то, что молодая императрица якобы использует неприличные приемы для возбуждения у императора страсти и часто проводит с ним ночное время, а это разрушает его здоровье. Цыси попросила Тунчжи реже навещать Алутэ и обратить больше внимание на наложницу Хуэй Фэй. Чтобы заставить сына повиноваться себя, Цыси приказала евнухам дежурить у входа во дворец Алутэ. Если император подойдет ко входу дворца, им было велено упасть на колени и просить его не входить во дворец, где находится Алутэ, так как его мать повелела ему навещать наложницу Хуэй Фэй. Император при всем

своим хорошим отношением к жене не осмеливался ослушаться Цыси, хотя отказался и от наложницы Хуэй Фэй.

Император с помощью преданных евнухов в ночное время вновь стал посещать публичные дома во Внешнем городе. В конце концов его разгульная жизнь стала известна придворным. Великий князь Гун о похождениях Тунчжи сообщил Цыси, но она никак на это не реагировала и не предпринимала ничего, чтобы урезонить сына. Сложилось впечатление, что она, питая неприязнь к императору и императрице, сознательно поощряла разгульную жизнь сына, готова была рисковать его жизнью ради сохранения своей власти.

Настало время, когда сорегентши Цыси и Цыань должны были официально передать власть императору Тунчжи. В обычных условиях это сопровождалось пышными церемониями, парадом войск и богатым пиршеством. О распущенной жизни Тунчжи знали все во дворце, поэтому великий князь Гун не рекомендовал сорегентшам проводить большие церемонии по случаю передачи государственной власти молодому императору.

Передача власти ограничилась оглашением двух указов сорегентш и одного указа императора, в котором говорилось: «Принимая на себя тяжелую обязанность, оставленную покойным императором Сяньфэ-ном, моим отцом, мы взошли на престол шестилетним мальчиком. По случаю нашего малолетнего возраста мы вверили управление делами государства императрице Цыань и императрице Цыси, которые добродетельно вместо нас управляли государством в качестве сорегентш в течение одиннадцати лет».

После свадьбы Тунчжи две вдовствующие императрицы вынуждены были в соответствии с установившимися правилами отказаться от верховной власти, которая перешла в руки молодого императора.

Внешне казалось, что после того как Тунчжи стал во главе государства, Цыси устранилась от государственных дел. Она увлеклась разведением цветов и шелковичных червей, забавлялась собаками и

кошками. Ее любимцем стал старый попугай, который произносил многие китайские слова. Его учили повторять слова. Птицу помещали напротив зеркала, за которым находился евнух и громко произносил какое-либо слово; попугай принимал свое изображение в зеркале за другую говорящую птицу и повторял услышанные слова.

Увлечение домашними делами, однако, не помешало Цыси контролировать обстановку во дворце: через своих евнухов она хорошо знала все, что происходило в Запретном городе.

Пу И в своей книге «Первая половина моей жизни» писал: «Еще при жизни Тунчжи не было секретом, что мать и сын не ладят между собой. Когда Тунчжи правил государством, Цыси организовала при дворе группу своих сторонников. И хотя Цыси мало интересовалась государственными делами, однако император не мог ничего предпринять, не испросив прежде на то ее согласия. В этом была истинная причина разлада между матерью и сыном».

И хотя в связи с окончанием регентства Цыси и Цыань власть по закону перешла к императору Тунчжи, он хорошо знал — управлять государством по-прежнему будет его мать. Молодой же император выполнял формальные обязанности: присутствовал на государственных приемах, совершал жертвоприношения и другие церемонии. Цыси относилась к нему как к малолетнему сыну, не способному решать государственные дела.

Это приводило Тунчжи в уныние. Он чувствовал себя «полноправным» императором только тогда, когда совершал жертвоприношения в Храме неба, Храме земли и Храме предков. Существовали и другие жертвоприношения, в которых принимал участие Тунчжи: события, связанные с засухой, наводнением, голодом и другими национальными бедствиями. В то время как его предшественники посылали вместо себя придворных вельмож совершать многие жертвоприношения, Тунчжи делал это сам.

В китайских источниках было зафиксировано первое жертвоприношение императора Тунчжи, когда он пришел к власти, в Храме

неба, в день зимнего солнцестояния. О том, как это происходило, можно узнать из следующего описания.

По религиозным взглядам, тело любого человека, даже императора, считалось нечестивым, поэтому Тунчжи в течение трех дней соблюдал обряд воздержания, прежде чем принять на себя сан верховного священника в этой важной церемонии. Чтобы очистить свое тело, Тунчжи два дня провел во Дворце соблюдения поста, расположенного в отдаленном месте юго-западной части Запретного города. Здесь он, совершив омовение и сменив одеяние, соблюдал пост: не пил вина, не ел мяса животных и птиц, рыбу, сильные приправы — чеснок, перец, не курил табака и опиума, не играл в азартные игры и не предавался любовным развлечениям.

После двухдневного воздержания Тунчжи покидал Дворец соблюдения поста и направлялся во Дворец небесной чистоты. Здесь он облачался в халат дракона, надевал шапочку, украшенную жемчугом и драгоценными камнями, садился в церемониальный паланкин и направлялся через Ворота высшей гармонии в Храм неба, где также находился Дворец соблюдения поста.

Императорский кортеж, направлявшийся в Храм Неба во время зимнего солнцестояния, был наиболее пышным. В зимний вечер, когда темнота покрывала столицу Китая, тысячи огромных разноцветных фонарей освещали путь церемониальной процессии. Каждый паланкин, каждый человек, каждое животное имели неповторимые украшения. Сотни флагов различных размеров, форм и цветов украшали императорский кортеж, который состоял из шести групп, отделенных друг от друга разноцветными фонарями - их несли разодетые евнухи.

В первой группе находились четыре больших слона, покрытых яркими попонами, за ними шли еще пять слонов в богатой упряжи и с огромными сиденьями, на которых находились «вазы сокровищ». За слонами следовали чиновники, некоторые из них ехали верхом на лошадях, другие - на паланкинах, третьи - на двухколесной повозке, запряженной слоном. Затем шествовали музыканты, игравшие на различных инструментах (барабаны,

флейты, лютни, гонги, цимбалы, колокольчики).

Вторая группа состояла из евнухов, которые несли ритуальные сосуды, знамена и флаги. Их сопровождали военные и гражданские чиновники и религиозные деятели. В третьей группе несли знамена и балдахины. В четвертой группе несли веера - маленькие, большие, различных размеров и форм. В пятой группе находились лошади, нагруженные домашним скарбом, необходимым для императора и его спутников.

Шестая группа была самой красочной из всех: в нее входили красивые паланкины членов императорской фамилии и высших сановников. Их сопровождали стражники, но не с оружием в руках, а с фимиамом, чтобы с его помощью отгонять злых духов. В центре этой группы находился императорский паланкин. Накрытый золотой парчой паланкин несли 36 носильщиков — он напоминал миниатюрный дворец. Его сопровождали стражники, вооруженные луками, стрелами, копьями и другим древним оружием.

Прибыв к воротам Чжаохэн, Тунчжи сходил с паланкина и направлялся в Храм неба. Первая его обязанность состояла в том, чтобы воскурить фимиам и совершить челобитие перед табличками духов покойных императоров маньчжурской династии. Затем он шел во Дворец воздержания, где в третий день поста находился 24 часа. Здесь император предавался самосозерцанию и очищению своих мыслей и желаний, вспоминал все важнейшие события, которые произошли во время его царствования, а также допущенные им ошибки. Все это он записывал на специальной бумаге, а затем ее публично сжигал: клубящийся дым достигал неба.

Тунчжи по установившейся традиции громко произносил: «Я один буду отвечать перед небом за любую вину моего народа. Я приму на себя любую его вину».

В то время когда император Тунчжи пребывал 24 часа во Дворце воздержания, чиновники Палаты церемоний занимались соответствующими приготовлениями в алтаре Храма неба. В самом центре алтаря они

устанавливали большой шатер для обращения к верховному божеству неба — Шанди. Сделанный из шелка шатер имел круглую форму и был задрапирован голубым атласом. В нем помещали императорский трон, обращенный в южную сторону. Перед троном находились жертвенные предметы — послание императора к Шанди, фрукты, вино, нефрит, свитки шелка, туша молодого бычка.

По сторонам главного шатра были разбиты пять шатров голубого цвета. В каждом из них сооружали трон, раскладывали жертвоприношения и таблички духов покойных императоров.

На двух нижних террасах алтаря Храма неба также разбивали шесть дополнительных квадратной формы шатров голубого цвета. В них размещали таблички духов солнца, луны, звезд, грома, дождя, ветра и туч, а также различные жертвы этим божествам.

Под нижней террасой алтаря Храма неба выстраивались две группы мальчиков — музыканты и танцоры.

Они были одеты в древние одеяния и имели при себе древние музыкальные инструменты и оружие — щиты и алебарды.

Утром на третий день поста император покидал Дворец воздержания и в паланкине направлялся к алтарю Храма неба. Его сопровождали высшие чиновники и 132 стражника из императорской охраны. В это время на барабановой башне раздавались громкие звуки барабана и колокола — на колокольной башне, всего 49 ударов. Так жители Пекина оповещались о прибытии императора на алтарь Храма неба.

Тунчжи обходил шатры и приносил жертвы различным духам. Он наливал вино в золотой кубок и совершал возлияние в память духов усопших императоров; верховному божеству неба — Шанди зачитывал послание, которое здесь же сжигали на огне великого жертвоприношения. Танцы и музыка исполнялись все время, пока совершалась церемония, и прекращались только тогда, когда император отбывал в Запретный город.

Тунчжи испытывал моральное удовлетворение от совершаемых им

традиционных обрядов: и хотя Цыси фактически правила государством, но именно он, а не она имел право от имени всех подданных обращаться с молитвами к небу и совершать ему жертвоприношения. Это означало, что никто, кроме него, не мог быть Сыном неба.

Воодушевленный мужеством и решительностью своей жены, император предпринимал отчаянные попытки избавиться от контроля матери: отказывался давать на ее рассмотрение государственные бумаги, хотя она требовала их непосредственной передачи ей.

Иностранные дипломаты в Пекине длительное время не удостоивались аудиенции у маньчжурских императоров. В 1861 г. император Сяньфэн находился в изгнании в Жэхэ, где его мучил тяжелый недуг, и ни о какой аудиенции не могло быть и речи. Наследник Тунчжи был малолетним, и под этим предлогом иностранцам не разрешалось с ним встречаться. И вот, 5 марта 1873 г. в Палату по иностранным делам поступило коллективное послание от иностранных послов, аккредитованных в Пекине, с просьбой устроить аудиенцию у нового императора.

Великий князь Гун сообщил дипломатическому корпусу, что император, внимая просьбам иностранных дипломатов, дал великодушное согласие на аудиенцию.

29 июня 1873 г. послы Японии, Великобритании, Франции, России, США и Нидерландов отправились в Запретный город. Их принял великий князь Гун и 1 угостил чаем. После чаепития они прошли в Павильон цвета фиалки, где на троне восседал император Тунчжи. От дипломатов не требовали совершать челобитье: они в знак приветствия склоняли свои головы.

Аудиенция продолжалась всего полчаса. Император сказал что-то невнятное на маньчжурском языке стоявшему на коленях великому князю Гуну, последний с маньчжурского перевел на китайский.

Смысл сказанного императором был настолько пространным, что никто не мог точно определить его содержания,

«Пекинский вестник» по этому поводу опубликовал короткую информацию: «Хотя иностранные послы не совершали челобитья, тем не менее они испытывали дрожь во всем теле и страх перед образом императора, от которого исходила божественная добродетель».

Систематическое посещение публичных домов не прошло бесследно для Тунчжи: он серьезно заболел. Цыси пригласила для его лечения известных врачей, но состояние больного не улучшалось. Тогда она собрала Верховный императорский совет, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию. Совет предложил возобновить сорегентство Цыси и Цыань до выздоровления императора. Это соответствовало замыслам Цыси. От имени больного императора она обнародовала указ, в котором говорилось: «Мы счастливы, что во время нашей болезни оспой императрица Цыань и императрица Цыси после долгих уговоров согласились взять на себя ответственность за ведение государственных дел вплоть до нашего выздоровления. За такую их чрезмерную доброту и заботу о моей персоне мы глубоко признательны и поэтому даруем им свои почести и выражаем свою благодарность».

И если Тунчжи не вызывал особого беспокойства у Цыси, то его жена Алутэ стала причиной острых раздоров. Отношения между этими женщинами становились все более сложными. Цыси признавала красоту Алутэ. Впоследствии она говорила: «Мы допустили ошибку в выборе жены для императора. Она действительно была красивой, но ненавидела нас».

Цыси любила различные представления, особенно носящие эротический характер. Как-то шло представление с непристойной сценой. Присутствовавшая Алутэ отвернулась и не стала смотреть на эту сцену. Цыси, внимательно наблюдавшая за поведением Алутэ, пришла в ярость: выходит, невестка считает себя более пристойной, чем свекровь.

Неприязнь Цыси к Алутэ имела свои причины: молодая императрица могла занять место Цыси во дворце. Пока жив Тунчжи, Цыси оказывала на него влияние и была царствующей вдовой, однако в случае его смерти Алутэ становилась вдовствующей императрицей, и тогда Цыси должна была уйти

на задворки.

Перед смертью императора для его жены Алутэ наступили трудные дни. Цыси смотрела на нее не как на невестку, а, по существу, как на служанку.

Обнаружив на теле Тунчжи страшные сифилитические язвы от посещения домов терпимости, Цыси расценила его болезнь как следствие плохого внимания Алутэ к своему мужу.

Понимая, что ее муж умирает, Алутэ дни и ночи проводила у постели больного. На короткое время наступило облегчение, но затем его состояние резко ухудшилось.

Чувствуя приближение смерти и видя беззаветную преданность своей жены, Тунчжи собственноручно написал указ и поставил на нем императорскую печать. В указе говорилось, что после его смерти Алутэ должна быть регентшей. Вездесущие евнухи узнали об этом и донесли Цыси. Та незамедлительно явилась в комнату умирающего и потребовала показать указ. У императора, который всегда страдал робостью и нерешительностью, не хватило мужества отказать в ее требовании.

Заполучив указ, Цыси здесь же, у кровати больного, сожгла его на горящей свече. Охваченная дикой злобой, она прокляла Тунчжи и Алутэ и, не владея собой, с силой ударила рукой, унизанной кольцами, по лицу Алутэ. Большой перстень, словно острый нож, разрезал нежную кожу на лице молодой жены императора, и из раны хлынула кровь.

Свидетелем этой сцены стала вошедшая в комнату к умирающему сорегентша Цыань. Ее нервы не выдержали, и она упала в обморок. Стоявшая на коленях окровавленная Алутэ поднялась на ноги и не убоилась бросить в лицо Цыси гневные слова. Все это произошло на глазах Тунчжи, который тут же потерял сознание и уже больше не приходил в себя.

По другим источникам, дело происходило иначе. Алутэ явилась в комнату, где лежал больной Тунчжи, и начала ему жаловаться на произвол и жестокость Цыси. Алутэ пожелала супругу скорейшего выздоровления,

чтобы они смогли совместно править страной. Предупрежденная вездесущими евнухами, Цыси подслушала этот разговор, пришла в страшный гнев, ее озлоблению не было предела. Она схватила за волосы молодую женщину и начала наносить ей удары. Затем приказала евнухам выдворить ее из комнаты и избить.

Тунчжи умер 12 января 1875 г. на девятнадцатом году жизни. Он был облачен в «халат долголетия» — одеяние, специально предназначенное для удаления в «мир теней», а его лицо повернули в сторону юга.

Цыси изображала смерть сына как большое личное горе. В белом одеянии, она совершила траурную церемонию перед сыном, лежавшим на смертном одре. После традиционного оплакивания вдовствующая императрица завязала ленты на его саване и надела на него туфли, расшитые жемчугом: Много лет после смерти сына, вспоминая свою жизнь, Цыси лицемерно говорила приближенным: «Я думала быть счастливой с моим сыном, ставшим императором Тунчжи, но, к несчастью, он умер, когда ему не исполнилось и двадцати лет».

Царствование Тунчжи продолжалось недолго, менее трех лет: с февраля 1873 г. по январь 1875 г. Среди его предшественников на троне он был самым болезненным и развращенным правителем Китая — этому содействовали и окружение императора, и пренебрежительное отношение его матери Цыси.

Тело императора Тунчжи положили на Ложу доброго предзнаменования и перенесли во Дворец небесной чистоты, где оно находилось все время, пока совершались церемонии жертвоприношения. Затем гроб с телом покойного перенесли в Зал созерцания и добродетели: здесь покойный оставался четыре года до захоронения.

МОЛОДЫЕ ГОДЫ ГУАНСЮЯ

Молодой император Тунчжи не оставил после себя наследника, Кто же мог быть его преемником?

Спустя несколько часов после кончины Тунчжи в морозную ночь 12 января 1875 г. Цыси собрала Верховный императорский совет, на котором присутствовали члены императорской фамилии и высшие сановники, всего более 100 человек. Нужно было срочно принять решение о наследнике. Цыси не хотела, чтобы на совете присутствовала вдова Алутэ: ей поручили оплакивать покойного императора Тунчжи на его смертном ложе.

В центре зала Дворца воспитания сердца находились два трона: их заняли сорегентши Цыань и Цыси. Первой заговорила Цыси:

— Император умер, не оставив сына. Кто же будет наследником? Пусть каждый выскажет свое мнение.

Сорегентша Цыань предложила на трон сына великого князя Гуна. Соблюдая установленный веками этикет, Гун, сделав челобитье, сказал, что чувствует себя недостойным такой чести, выпавшей его семье. По мнению Гуна, наиболее подходящим наследником трона мог быть двадцатидвухлетний Пу Лунь — сын князя Цзай Чжи (он являлся старшим сыном императора Даогуана). В таком возрасте Пу Лунь считался вполне совершеннолетним и достаточно зрелым для управления государством. Цзай Чжи, в свою очередь, соблюдая этикет, заявил, что также недостойн такой чести, хотя на самом деле не возражал против возведения сына на престол.

Было высказано и другое мнение: не следует спешить с назначением нового наследника. Алутэ беременна и скоро должна разрешиться; родится мальчик — он и станет законным наследником трона; будет девочка, тогда следует подумать о выборе наследника. Подобное предложение не устраивало Цыси: при появлении на свет мальчика главной регентшей станет Алутэ, а она в таком случае будет отстранена от государственных дел. Цыси настояла на избрании наследником престола Цзай Тяня (сына великого князя Чуня), и это объяснялось следующими причинами.

Цзай Тянь родился 14 августа 1871 г. и был сыном младшего брата

императора Сяньфэна — великого князя Чуня, который по настоянию Цыси женился на ее младшей сестре Дафэн. По некоторым источникам, она была полной противоположностью своей старшей сестре: строго следовала общепринятой морали, всю жизнь усердно поклонялась Будде, возжигала благовония, выпускала на волю животных, а летом не гуляла по саду, потому что боялась, как она говорила, раздавить муравьев. «Гуманное» отношение к муравьям не мешало ей жестоко избивать своих слуг.

Из пяти детей, рожденных Дафэн, четверо (одна дочь и три сына) умерли в раннем возрасте. Остался в живых только второй сын, Цзай Тянь, будущий император Гуансюй. Следовательно, Цзай Тянь доводился племянником Цыси. О нем она говорила: «Когда Цзай Тяня приставили ко мне, это был трехлетний слабый болезненный мальчик. Его отцом является брат императора Сяньфэна — великий князь Чунь, а мать — моя сестра. Поэтому я смотрела на него как на своего собственного сына». В действительности Цыси смотрела на Цзай Тяня не только как на собственного сына, но и как на послушного исполнителя своих честолюбивых вожделений.

— Я желаю, — прозвучал не допускавший возражений ее голос, — сделать наследником трона Цзай Тяня, старшего сына великого князя Чуня.

Цыси до последнего момента держала в секрете свой план о намерении возвести на престол Цзай Тяня. Женив великого князя Чуня на своей сестре, она сделала его послушным человеком. Он не отличался умом и государственной мудростью, во всем слушался Цыси и безропотно выполнял все ее желания.

— Я не намерена избирать взрослого человека императором, — заявила Цыси. — Молодой наследник может получить хорошее образование и быть достойным императорского сана.

Ее возбужденный взор устремился в сторону, где находился великий князь Чунь, и она добавила:

— Вы поняли, о чем я говорю, князь Чунь! Услышав громкий и

повелительный голос Цыси, великий князь Чунь вздрогнул. Будучи от природы человеком трусливым и зная коварство и жестокость Цыси, он не хотел, чтобы его сын стал императором. Встав на колени, князь просил Цыси избрать другого наследника трона, но она была неумолима. После этого великий князь Чунь упал в обморок, а она спокойно приказала евнухам вынести его из зала в другую комнату.

— Если у кого-нибудь есть возражения, скажите об этом, — в заключение добавила Цыси.

Она хорошо знала, что подавляющее большинство присутствующих сановников своему возвышению и богатству обязано ей, поэтому они будут поддерживать ее кандидата.

Это событие произошло в студеную зимнюю ночь.

Холодный воздух и густой туман заполнили узкие улицы и переулки Пекина. Пыльные бури из пустыни Гоби окрасили в желтый цвет снег, лежавший по обочинам дорог. Порывистый ветер поднимал высоко снежные вихри, перемешанные с пылью. В такую ненастную погоду по приказу Цыси отряд дворцовой гвардии под командованием Жун Лу направился в резиденцию великого князя Чуня, чтобы доставить во Дворец воспитания сердца его четырехлетнего сына. Вместе с отрядом восемь носильщиков несли паланкин для избранника трона.

Дафэн, мать Цзай Тяня, разволновалась и расплакалась. Она знала, что у нее хотят навсегда отнять любимое дитя. Ее мучило сомнение: «Если Цыси невзлюбила родного сына Тунчжи, то как же она отнесется к своему племяннику?»

Суеверные отец и мать малолетнего Цзай Тяня видели в разбушевавшейся непогоде дурное предзнаменование. Они не хотели расставаться со своим чадом, словно угадав его несчастливое будущее.

Когда посланцы вдовствующей императрицы прибыли в дом великого князя Чуня, маленький Цзай Тянь крепко спал. Его разбудили и сказали, что сделают императором. Он, хныкая и зевая, спросонок проговорил: «Я не хочу

быть императором, я хочу спать!» Прибывшие стали уговаривать Дафэн не задерживать сына, убеждать, что для нее большая честь видеть его императором Китая и что ее неуступчивость вызовет гнев Цыси. Уговоры длились долго — с 10 часов вечера до 3 часов утра следующего дня. Дафэн все еще пыталась настоять на своем. Тогда начальник дворцовой охраны Жун Лу сказал:

— Если ты не разрешишь взять мальчика во дворец, мы должны все здесь умереть.

После такого сильного «внушения» родители вынуждены были уступить и расстаться со своим сыном.

Все это время, когда Жун Лу со стражей находился в доме великого князя Чуня, Цыси и присутствовавшие на Верховном императорском совете с нетерпением ждали их возвращения во Дворец воспитания сердца. И вот евнухи доложили: мальчик Цзай Тянь прибыл. Она приказала привести его. Мальчик, оказывается, заснул на руках евнуха. Цыси разбудила его и отвела во Дворец вечной весны, где для него еще при жизни Тунчжи была приготовлена императорская одежда. На мальчика надели эту одежду и усадили его на трон.

Так 13 января 1875 г. Цзай Тяня объявили императором династии Цин, а девиз его правления получил наименование Гуансюй (Блестящее наследие).

Первым официальным актом императора Гуансюя было преклонение перед гробом покойного Тунчжи. Затем его заставили выразить благодарность двум вдовствующим императрицам, Цыань и Цыси, за их согласие взять на себя регентство.

Год восхождения Гуансюя на трон был отмечен дурным предзнаменованием: от молнии сгорел алтарь Храма неба — самое священное место правителей Китая, где они от имени всех подданных Срединного государства обращались с молитвами к небу. Вместо дождя, который был так необходим для крестьянских полей, небо ниспослало яростный удар молнии — это привело в страшное смятение суеверных

людей.

В Пекин после возведения Цзай Тяня на престол было направлено из различных районов Китая множество петиций, осуждавших действия Цыси: императором стал малолетний мальчик, в то время как законным наследником должен был стать Пу Лунь — молодой человек, совершеннолетний и благовоспитанный. В петициях говорилось, что малолетний император очень слаб и болезнен. Цыси обвинялась в самых резких выражениях.

Некоторые считали, что такое грубое нарушение воли неба принесет несчастье и Цыси и империи. Такие упреки и обвинения, однако, совершенно ее не волновали: она не отступила ни на шаг от принятого решения.

Это было грубым нарушением установившихся правил престолонаследия, поэтому вызвало неодобрение и среди придворных.

Член палаты цензоров У Кэду стал наиболее ярким выразителем таких настроений. Он относился к тем редким столпам конфуцианства, которые твердо стояли на страже традиций, пришедших к современникам из глубины веков, и готовы были даже лишиться себя жизни во имя сохранения этих традиций.

После смерти императора Тунчжи У Кэду в течение четырех лет надеялся, что Цыси одумается и издаст соответствующий указ с целью восстановления древних правил наследования трона и умиловления духа Тунчжи, лишённого законного права определять наследника. Сам Тунчжи хотел сделать своим преемником Пу Луня, а Цыси, игнорируя волю умирающего императора, навязала преемником Цзай Тяня.

В знак протеста против незаконных действий Цыси цензор У Кэду покончил жизнь самоубийством: принял большую дозу опиума, а затем повесился в кумирне, расположенной вблизи могильного кургана покойного императора Тунчжи. Перед смертью самоубийца написал на имя настоятеля кумирни даосского монаха Чжоу письмо следующего содержания:

«Настоятель Чжоу, не бойтесь. У меня нет желания причинить вам зло.

Я вынужден позаимствовать у вас небольшой участок земли, расположенный на священном месте, для своего захоронения. Купите для меня дешевый гроб и покройте его внутреннюю часть черным лаком. Моя похоронная одежда находится в надлежащем виде, только срежьте кожаные подошвы с моих туфель, прежде чем положить меня в гроб. Я слегка надрезал себе пальцы, чтобы они кровоточили, и вы это сможете заметить. Приобретите небольшой участок земли рядом с могильным курганом покойного императора Тунчжи и похороните меня там. Вы найдете в моей сумке 45 лянов, и это будет достаточно для уплаты за гроб и на похоронные расходы. Положите мое тело в гроб и поставьте его в прохладное, тенистое место. Не разрешайте женщинам и детям глазеть на мои останки. В моей смерти нет ничего странного и аморального: моя смерть стала неизбежным долгом».

У Кэду написал также прощальное письмо своему сыну Чжи-хуаню, в котором есть такие слова: «В старые времена преданные слуги государства совершали самоубийства, выражая этим протест против вырождения их правителей».

Но самым примечательным было памятное письмо У Кэду на имя трона, имевшее целью побудить вдовствующую императрицу упорядочить правила престолонаследия в соответствии с установившимися традициями. Упрекая Цыси за незаконное выдвижение Цзай Тяня на императорский трон, У Кэду писал: «Таким образом, новый император стал таковым не по мандату покойного Величества Тунчжи, а по мандату вдовствующих императриц Цыань и Цыси».

Это трагическое событие произвело сильное впечатление на общественное мнение двора, который негласно порицал самоуправство Цыси. Последняя вынуждена была умиловить обиженный дух покойного императора Тунчжи, дав торжественное обещание упорядочить престолонаследие и соблюдать старые обычаи. Находясь во власти суеверий, она на всю жизнь запомнила самоубийство цензора У Кэду и считала это дурным предзнаменованием.

Но возникло еще одно препятствие: Алутэ — вдова покойного императора имела право на сан вдовствующей императрицы и в этом качестве временно наследовать трон. Более того, она была беременна, а это означало, что в случае появления на свет сына вдова становилась регентшей, и тогда Цыси лишалась власти.

Цыси решила избавиться от Алутэ и начала действовать через ее отца — Чун И. Она пригласила его во дворец и повела с ним разговор, как утверждают источники, в таком духе:

— Меня очень беспокоит ваша дочь. Я всегда старалась ее оберегать, но теперь ей угрожает такое несчастье, с которым даже я, вдовствующая императрица, не знаю, как справиться. Она беременна, и какое будет несчастье для нее, если родится сын, в то время как Верховный императорский совет уже решил, кто будет императором. В случае, если она разрешится мальчиком, то встанет вопрос об отречении Гуансюя. Но покойный император болел нехорошей заразной болезнью, и это скажется на здоровье новорожденного, — он может по наследству иметь такую же болезнь, как и отец, что доставит большие неприятности и его матери, и империи.

Встав в театральную позу, вдовствующая императрица со слезами на глазах стала упрашивать Чун И помочь ей найти выход из этого трудного положения. Он понял, чего от него хотят, и обещал подумать и помочь в решении этого трудного вопроса.

После такого разговора Цыси вызвала Алутэ и в присутствии ее отца сказала ей то же самое, напомнив, что в истории династии Цин были случаи, когда в подобной ситуации допускалось самоубийство во имя престижа империи. Алутэ ничего не ответила, но поняла, чего от нее ждут.

Вернувшись домой, Чун И нашел там записку своей дочери, которая просила срочно оказать ей помощь советом. И когда они с глазу на глаз беседовали за чашкой чая, было ясно, что отец одобряет самоубийство дочери, которая, отправившись в мир иной, воссоединится там с духом

покойного императора Тунчжи.

Алутэ повиновалась роковой судьбе: стала отказываться от еды, обрекая себя на голодную смерть. Она умерла в страшных муках, приняв большую дозу ртути.

27 марта 1876 г. ее не стало. Официально же смерть Алутэ объяснили тем, что она длительное время болела, переживая горечь разлуки с покойным мужем — императором Тунчжи.

Некоторые иностранные наблюдатели в Китае, став жертвой различных слухов, утверждали, что в смерти жены императора Тунчжи повинны обе вдовствующие императрицы. Так, известный немецкий путешественник Гессе-Вартег в 1900 г. писал:

«Тунчжи оставил молодую прекрасную вдову, которая подавала надежду подарить государству наследника. Если бы последний родился, мать его стала бы регентшей, а двум прежним регентшам, вдовам умершего в 1861 г. императора Сяньфэна, пришлось бы подать в отставку. Им этого, конечно, не хотелось, и они, как рассказывают, прибегли к порошку, который живо убрал с их дороги опасную соперницу. Тогда две старые императрицы созвали совет из принцев императорского дома и заставили провозгласить императором Цзай Тяня, трехлетнего сына князя Чуня».

Из сказанного следует, что в смерти Алутэ виноваты обе вдовствующие императрицы, что они действовали заодно.

Однако, как подчеркивали многие исследователи жизни Китая того времени, главным действующим лицом была вдовствующая императрица Цыси, а Цыань не имела никакого отношения к смерти вдовы императора Тунчжи.

Гуансюй оказался худеньким, болезненным, капризным и балованным мальчиком. Он кричал целыми днями, прося со слезами на глазах вернуть его домой к матери. За ним ухаживали многочисленные слуги-евнухи, няни и солдаты. Цыси смотрела на него как на собственного сына, старалась уделять ему большое внимание. Узнав, что мальчик по непонятным причинам боится

грома и вообще любого сильного шума, она в течение многих лет брала его спать в свои покои. И как бы императрица-регентша ни была занята, если гремел гром, спешила к молодому императору или посылала к нему евнуха. Чтобы приучить Гуансюя не бояться грома, евнухам вменялось в обязанность бить в барабаны и гонги, да так сильно, словно это гремел гром.

Шести лет Гуансюй сел за школьную парту. К нему приставили опытных конфуцианских учителей-книжников. Астрономическое ведомство, определявшее счастливое время для всех императорских свершений, назначило день начала его обучения — 14 мая 1876 г. В этот день он явился в сопровождении отца первый раз в классную комнату во Дворце воспитания сердца. Ученые-книжники, назначенные для обучения императора, встретили ученика стоя на коленях, произнося молитвы и отдавая земные поклоны. К этому времени он уже мог уверенно писать простейшие китайские иероглифы и даже цитировать некоторые изречения из конфуцианских книг — этому научила его Цыси. Его обучали верховой езде и стрельбе из лука.

Если ученик-император не выполнял положенного школьного задания, ему угрожали бамбуковой палкой. Но бить Сына неба, как простого смертного, не положено, и за него попадало другому мальчику. Этот мальчик-заменитель получал все удары, предназначавшиеся Гуансюю. Последний только наблюдал за исполнением наказания.

Молодой император, отмечали современники, отличался набожностью. Когда ему минуло семь лет, в течение трех зимних месяцев в Пекине не выпадал снег, так необходимый для крестьянских полей. Чтобы оказать «помощь» крестьянам, Гуансюй три дня молился, отбивая поклоны небу и прося его ниспослать снег. В десятилетнем возрасте он был свидетелем страшной засухи, по этому случаю его молитвы продолжались десять дней. Однако мольбы о ниспослании дождя так и не увенчались успехом. Когда же над страной нависла угроза голода, молодой император запретил приближенным есть мясо. Однажды, увидев, что его учителя едят мясо, он с упреком сказал:

— Боги не посылают нам дождя, поля гибнут от засухи, крестьяне в смятении, императорская семья питается овощами. Как же вы можете кого-либо учить, если сами нарушаете наш обычай?

Он повелел приближенным питаться только овощами до тех пор, пока божества не пошлют дождь.

Услужливые евнухи без всякого на то намерения привлекли внимание молодого императора к европейской технике.

Свободное от учебы время Гуансюй проводил в играх с причудливыми игрушками, которые евнухи доставляли ему из единственного иностранного магазина в Пекине. Мальчик поднимал сильный шум, требуя новые игрушки, и ему немедленно их приносили. Так он получил телеграфную установку и телефонное оборудование. По его настоянию в Запретном городе была проложена узкоколейная железная дорога, по которой курсировал маленький паровозик с двумя вагончиками. Мальчик с увлечением катался сам и катал других в этих вагончиках. Ему приобрели иностранную моторную лодку, он совершал на ней длительные прогулки по озеру Куньминху в Летнем дворце.

Технические новинки, доставленные из Европы в Китай, — настольные и ручные часы, телеграф и телефон, электрические лампы, кинематограф, фонограф и граммофон, велосипед, автомобиль и моторная лодка — все вызывало большое любопытство и неукротимый интерес у молодого императора, который начал изучать английский язык, химию, современное военное дело, систему государственного правления в европейских странах.

Американский китаевед Хэдланд, живший в Пекине во времена правления Гуансюя, в книге «Дворцовая жизнь в Китае», изданной в 1909 г. в Нью-Йорке, привел характерный пример.

Однажды евнух, увидев велосипед моей жены, стоявший на веранде, спросил:

— Что это за двухколесная телега? Как вы на ней ездите?

Я взял велосипед с веранды и проехал на нем два раза по двору перед изумленным взором евнуха. Когда я остановился, евнух с удивлением

спросил:

— Непостижимо! Почему же эта диковина не падает?

— Когда предмет находится в движении, он не может упасть, — пояснил я.

На следующий день этот евнух вновь явился ко мне и сказал:

— Император хотел бы иметь такой велосипед. Моя жена разрешила взять велосипед и передать его Гуансюю. Вскоре стало известно, что император пытался научиться кататься на велосипеде, но неудачно: его длинная коса запуталась в заднем колесе, и он упал на землю.

Как-то чиновники двора побывали в Пекинском университете и осведомились у преподавателей-иностранцев:

— Император слышал, что иностранцы изобрели говорящий ящик. Это верно?

— Совершенно верно, — ответили им и показали в физической лаборатории университета старый фонограф Эдисона, напоминавший швейную машину. Одному из чиновников было предложено что-либо сказать, и фонограф записал его слова. Затем машина воспроизвела слова чиновника, от чего он пришел в неописуемый восторг. Спустя несколько дней этот чиновник вновь явился в университет и попросил продать фонограф для императора Гуансюя.

Хэдланд дал такую оценку Гуансюю: «Поистине его интересовало каждое изобретение. В этом отношении он — полная противоположность всем китайцам, взор которых был обращен в прошлое. Самые возвышенные их надежды выражались в том, чтобы приблизиться к золотому веку прошлого, быть достойными добродетелей своих предков. Гуансюя можно считать первым обладателем Трона дракона, взор которого был устремлен в будущее: его главная цель состояла в том, чтобы овладеть всеми методами, которые давали возможность народам Запада унижать его народ».

Впоследствии все современное, что исходило от Запада, Гуансюй пытался применить в Китае.

Так возникли семена раздора между прогрессивными намерениями Гуансюя и консервативными взглядами Цыси, презиравшей все иностранное. На этой почве между ними постепенно росла неприязнь и вражда.

Ежедневные занятия, общение с учителями, весь церемониал приветствия и прощания после уроков были строжайше определены раз и навсегда. Учение императора продолжалось без перерыва до самой его помолвки.

В марте 1889 г. Гуансюю исполнилось 15 лет. По установившемуся правилу император,- вступивший на трон, должен был уже состоять в браке. Подготовка к свадьбе велась задолго до возведения его на трон. Цыси заранее присмотрела для него невесту, ею оказалась Лун Юй — дочь генерала знаменных войск Гуй Сяня, который доводился родным братом Цыси, а его дочь, следовательно, — племянницей. Началась церемония женитьбы молодого императора.

Весной 1888 г. во дворце были назначены смотрины, на которые собралось множество красивых маньчжурских девушек в возрасте от 12 до 16 лет. Императрица-регентша Цыси произвола им «смотр» и сделала первый выбор. Несколько дней спустя отобранные кандидатки были подвергнуты второму, более строгому отбору. Признанных достойнейшими занесли в список и отпустили по домам с тем, чтобы их отцы вновь явились с ними во дворец по первому требованию.

28 октября 1888 г. состоялся третий выбор. 30 девушкам было предложено во дворце угощение, с ними беседовал император. Свое мнение о них он сообщил императрице-регентше Цыси.

Выбор девушки в супруги императора Гуансюя, но некоторым описаниям, происходил так. Цыси восседала на троне. Слева от нее находился император, а сзади стояли жены князей и высших сановников. Здесь же присутствовал главный евнух Ли Ляньин, готовый выполнить распоряжения своей повелительницы.

Каждая девушка держала в руках сосновую дощечку, на которой были

написаны ее возраст, официальное звание отца и матери, дедушки и бабушки, прадедушки и прабабушки. При вызове по имени девушка проходила несколько раз около вдовствующей императрицы и императора Гуансюя. Те внимательно и придирчиво осматривали ее. Затем Цыси просила Гуансюя сделать свой выбор. На это он ответил:

— Избрание будущей императрицы — дело большой важности, поэтому пусть матушка сама делает выбор, как ей угодно, а ее сын не осмелится этого сделать.

Тогда Цыси указала Гуансюю на свою племянницу Лун Юй. Так была «избрана» императрица. Затем начался выбор наложниц. Император обратил внимание на красивую молоденькую девушку из семьи Дэ Син, но это не входило в расчеты Цыси: красивая и очаровательная наложница могла поставить в трудное положение ее племянницу в семейной жизни — она была отвергнута. Несправедливо отвергнутая девушка, говорили, не могла перенести такого позора: вернулась домой и покончила с собой. Ближайшими наложницами императора стали две дочери из семьи Чан Су.

28 октября 1888 г. в «Пекинском вестнике» появился императорский указ: «С тех пор как император с благоговением принял наследие предков, прошли годы, и он достиг возмужалости. Настало время избрать ему супругу особо выдающихся достоинств, которая могла бы помогать ему в его обязанностях и добродетельных устремлениях. Выбор пал на Лун Юй, дочь генерала знаменных войск Гуй Сяна. Она добродетельная девица, приятной наружности и обхождения. Мы и повелеваем возвести ее в сан императрицы». Это позволяло Цыси сохранить свое влияние на императора и укрепить позиции своего клана при дворе.

Сговор был отпразднован 4 декабря 1888 г. торжественным пиршеством. Невесте Лун Юй, а также ее отцу были поднесены дорогие свадебные дары: 200 унций золота, 10 тысяч лянов серебром, массивный золотой чайный сервиз, два серебряных умывальника, тысяча кусков дорогой шелковой материи, 20 монгольских верховых лошадей в полной сбруе и под

седлом и 20 вьючных лошадей без упряжи.

В день свадьбы в Тронном зале собрались высшие сановники и генералы в парадных одеждах и со всеми знаками отличия. На двух столах, покрытых желтым шелком, лежали предназначенные для вручения будущей императрице знаки отличия: позолоченная доска с выгравированной на ней брачной грамотой и золотая печать. Тогда же придворные прорицатели гадали насчет счастливого, т. е. угодного богам, времени начала брачных церемоний. Как только это время было определено, императора в одежде, расшитой золотыми драконами, внесли на желтом паланкине, и все пали ниц перед ним. Он прикоснулся к знакам достоинства императрицы, после чего главный глашатай громко прочитал брачную грамоту, в которой были такие слова: «Указом императрицы-регентши в супруги императора избрана Лун Юй, дочь Гуй Сяна, генерала знаменных войск. Согласно указу, должно состояться возведение ее в сан императрицы и вручение ей скипетра». Скипетр был передан в руки одному из князей. После этого император покинул зал под звуки музыки.

Золотую печать и брачную грамоту возложили на богато украшенный паланкин, который и открыл торжественную процессию. Впереди на паланкине несли скипетр будущей императрицы, золотую печать и брачную грамоту, желтый императорский зонтик. Затем следовали паланкины с высшими сановниками и министрами. Шествие замыкали евнухи, которые несли одеяния для императрицы.

Свадьба была назначена на 28 февраля 1889 г. За два дня до нее император послал одного из князей в Храм неба и Храм земли принести жертвы богам, а также усопшим маньчжурским правителям. Оповещение о свадьбе было написано на свитке атласа и сожжено перед алтарем усопших правителей.

Лун Юй в соответствии со счастливым днем, определенным Астрономической палатой, была доставлена во дворец. Путь движения паланкина, который несли 16 носильщиков, был закрыт от любопытных

взоров: никто не смел разглядывать невесту Сына неба. Красочный паланкин сопровождал эскорт всадников, состоявший из высокопоставленных маньчжуров. Когда процессия прибыла в императорский дворец, глашатай громко объявил: «Паланкин феникса прибыл!» Сразу же воздух потрясли приветственные звуки труб, барабанов, цимбал, колоколов, гонгов.

Паланкин внесли во дворец и поставили в Тронном зале. К нему подошли евнухи, помогли сойти невесте и отвели ее к трону. Затем вновь раздались громкие слова глашатая: «Наступил благоприятный момент; все готово для счастливого единения».

Император, одетый в халат с вышитыми драконами, в сопровождении свиты евнухов вошел в Тронный зал и, возможно, впервые увидел так близко свою невесту. Встав на колени, императорские слуги из сосуда с длинным горлышком налили вино в драгоценные кубки. В торжественной обстановке под звуки музыки при воскурении фимиама брачная пара выпила вино за здоровье друг друга.

Евнухи доставили скипетр, грамоту и печать в покои Лун Юй, она приветствовала эти знаки достоинства коленопреклонением. Так закончилась официальная часть императорской свадьбы

Непосредственно за женитьбой Гуансюя последовало его восшествие на престол. Все князья императорского дома отправились в Храм неба, Храм земли и Храм предков императора, где объявили духам умерших о восшествии на трон нового императора. На следующий день сам император посетил вдовствующую императрицу, а 4 марта 1889 г. состоялось торжество по случаю коронации. В этой церемонии приняли участие сотни придворных сановников и чинов императорской гвардии.

Как только придворные прорицатели объявили, что наступил благоприятный момент для начала нового царствования, император в парадном одеянии, расшитом драконами, вышел из своих внутренних покоев и в паланкине был доставлен в зал, где ему присягнули чиновники и военачальники. Оттуда его отнесли в Тронный зал Дворца высшей гармонии

— здесь Сына неба встретили под громкие звуки музыки все придворные и сановники. Приветствуя присутствующих, он вошел в зал и сел, согласно маньчжурским обычаям, с поджатыми ногами на поставленный посередине трон, представлявший собой широкий стул с высокой спинкой, стоящий на четырехугольном возвышении со ступеньками. Музыка умолкла, и к трону стали подходить для принесения присяги принцы императорского дома, князья, высшие сановники. Затем по данному знаку, все встали на колени, и глашатай прочитал императорский манифест по поводу вступления на престол. Так было совершено воцарение Гуансюя, который после этого вернулся в свои покои уже официальным владыкой всего Китая.

Главные обязанности императора Гуансюя сводились к принесению жертв предкам, посещению вдовствующей императрицы Цыси, вознесению молитв в храмах неба и земли, назначению аудиенции высшим сановникам, во время которых решались все текущие государственные дела.

После вступления на престол Гуансюй совершил жертвоприношения своим предшественникам — усопшим императорам, а это была очень сложная и утомительная церемония, требовавшая большого физического напряжения.

Как только Гуансюй в полном парадном одеянии вошел в Храм предков, перед табличками духов каждой императорской четы расставили жертвы: кубки с вином, жидкий суп, одеяния, шелковые ткани; на длинном столе поставили курильницы с фимиамом и курительные свечи, а также разложили туши быка, свиньи и барана.

Император встал на колени, совершил земные поклоны и произнес вслух имена и титулы своих предшественников — это была наиболее утомительная и длительная процедура. Затем он прочитал написанную на небольшой желтой дощечке молитву, в которой просил покойных предков принять жертвы в знак его забот и почтительности. Дощечка с молитвой под звуки музыки и пение хора была передана главному жрецу. После этого жертвенные шелковые ткани и дощечку с молитвой поместили в жертвенник

и предали сожжению.

Главный жрец поднес императору кубок с «вином благодати». Прежде чем его принять, он трижды совершил челобитье. Затем ему преподнесли на блюде «мясо благодати», которое он принял с теми же земными поклонами. Во время таких церемоний император 18 раз преклонял колени и совершал 54 земных поклона. То же самое проделали все присутствовавшие князья и сановники.

Гуансюй, как император, молился богам о даровании хорошей погоды. 29 июня 1885 г. в «Пекинском вестнике» появился императорский указ.

«В последние недели в окрестностях столицы выпало много дождей, а небо все еще покрыто облаками, и это заставляет опасаться за жатву. Глубоко озабоченные этим, мы считаем за благо вознести божествам молитвы о даровании благоприятной погоды, посему 1 июля отправимся в храм Даогаодянь для принесения жертв и молитв небесным силам, дабы они ниспослали дождь и солнце вовремя и обеспечили жатву».

Во дворце первой персоной по-прежнему оставалась Цыси. Приближенные называли ее «Почтенный предок» или «Почтенный будда». Слово «будда» не означало, что Цыси была отнесена к сонму мужских божеств (будды все были мужчинами), а подчеркивало ее особое положение в государстве. Второй персоной был молодой император Гуансюй: его именовали «Десятитысячелетний император». Он должен был почитать вдовствующую императрицу как родную мать и обязан был совершать перед ней челобитье. Отношения между ними были сложные.

Гуансюй относился к вдовствующей императрице с подобострастием, но без всякой любви, и это не ускользнуло от ее взора. Он рано почувствовал себя неполноценным и более низким существом в ее присутствии. Укоренившееся чувство робости и боязливости при встрече с Цыси в дальнейшем нанесло непоправимый урон его государственной деятельности.

И хотя Цыси пыталась завоевать доверие и уважение со стороны Гуансюя, этого ей не удавалось сделать. Она часто выходила из терпения, и

тогда ее голос становился резким и грубым. Окружавшие боялись ее гневного взгляда, который обжигал их, словно огонь.

Возводя на престол Гуансюя, вдовствующая императрица Цыси рассчитывала, что он будет ее политической марионеткой. В 1886 г., когда ему исполнилось 16 лет и он, по китайским представлениям, стал «взрослым», Цыси объявила, что с первого месяца следующего года «передает власть императору». Передача власти практически вылилась в «политическую опеку»: прежде чем представить доклад императору, нужно было испросить позволения Цыси.

В 1889 г. Гуансюю исполнилось 19 лет. Императрица сочла неудобным продолжать «политическую опеку» и объявила, что устраняется от дел, мол, отныне Гуансюй будет править государством единовластно. Но это не изменило положения вещей. Разница заключалась лишь в том, что если при «политической опеке» доклады вначале представлялись на рассмотрение Цыси, а затем передавались императору, то при «личном правлении» доклады сначала просматривал император и после этого испрашивались указания Цыси.

Вынужденная уступить власть молодому императору, Цыси, в то время в возрасте 55 лет, еще полная энергии и сил, хотя и отстранилась формально от государственных дел, не перестала следить за событиями и деятельностью императора, окружив его своими наблюдателями и шпионами.

В 1905 г. в Китае был опубликован роман Цзэн Пу «Цветы в море зла» - яркое обличительное произведение, сатирический памфлет на жизнь маньчжурских правителей Китая. В нем, в частности, показано, что не только общественная деятельность, но и личная жизнь молодого императора Гуансюя, в том числе его отношения с наложницами, находились под полным контролем вдовствующей императрицы Цыси.

В романе говорилось, что император Гуансюй не испытывал любви к навязанной ему в жены Лун Юй, а увлекался наложницей Бао. Это вызвало ярость со стороны Цыси. Воспроизведем характерный отрывок из этого

романа с некоторыми сокращениями и пояснениями.

По старому дворцовому обычаю каждая ночь, проведенная императором со своей супругой, фиксировалась специальными евнухами Палаты важных дел. Когда Его величество выходили от государыни, евнух должен был, стоя на коленях, спрашивать императора, как прошла ночь. Если государь изволил осчастливить супругу, евнух записывал в специальной книге: «Такого-то числа, такого-то месяца, такого-то года, в такой-то час государь осчастливил императрицу». В других случаях император просто говорил: «Уходи!»

В Летнем дворце церемонии соблюдались менее строго, но заполнять книгу все равно было необходимо. Поэтому, едва государь покинул императрицу, коленопреклоненный евнух из Палаты важных дел дважды осведомился, что ему следует записать,

— Чего тебе надо? — молвил удивленный император.

— Эту книгу каждый день требует к себе вдовствующая императрица, — ответил евнух. — Сейчас Ваше величество провели у государыни подряд две ночи, а я вынужден оставить в книге обе графы пустыми. Старая императрица снова будет гневаться. Нижайше прошу Ваше величество подумать об этом!

Император изменился в лице.

— Как ты смеешь вмешиваться в мои личные дела?!

— Это вовсе не моя дерзость, а священный приказ вдовствующей императрицы, — ответил евнух.

Император, который и без того весь кипел от злости, пришел в страшную ярость при вести о том, что тетка старается подавить его с помощью своих приказов. Не раскрывая рта, он с силой пнул евнуха ногой. Тот, схватившись за голову и недовольно бормоча, опрометью бросился в сторону.

Вечером император велел привести любимую наложницу Бао. Он рассказал ей о словах евнуха из Палаты важных дел.

— Старая государыня и в самом деле чересчур забывчива! — произнесла наложница Бао.— На словах передала власть Вашему величеству, а по существу никакой свободой вы не пользуетесь! Теперь изволила добраться до вашей постели! Неудивительно, что Ваше величество так рассердилось!

Как уже говорилось, Гуансюй был сыном Дафэн — родной сестры Цыси. Следовательно, он доводился племянником Цыси, а она была его теткой. Жена императора Гуансюя Лун Юй была дочерью генерала Гуй Сяна — младшего брата Цыси, т. е. доводилась ей племянницей, а императору — двоюродной сестрой. Смысл такого брака состоял в двойном скреплении родственных уз: по крови род Айсинь Гиоро (к нему принадлежали все маньчжурские императоры) сливался с племенем Нира (из него вышла Цыси). Такова была цель вдовствующей императрицы, когда она устроила помолвку Гуансюя с Лун Юй.

Лун Юй — супруга государя — занимала видное место среди фрейлин. Особой красотой она не отличалась. Будучи от природы очень доброй и привязчивой, она всем сердцем льнула к старой императрице, вовсе не интересуясь ее царственным племянником. Император не только не любил, но даже презирал ее, и вот теперь она стала его женой. Гуансюя охватила злость, но ослушаться приказа тетки он не смел. Оставалось только затаиться и согласно обычаю пойти к старой императрице с благодарностью за выбор жены.

Отдавая предпочтение своим наложницам Цзинь и Бао, император мало обращал внимания на законную супругу, что приводило в ярость вдовствующую императрицу. Как-то она вызвала великого князя Чуня — отца молодого императора и сделала ему строгое нравоучение:

— Такая распущенность и безрассудство не соответствуют обычаям, установленным нашими предками. Я уже неоднократно увещевала его, но он не слушается меня. Сейчас я самым строжайшим образом приказываю вам воздействовать на сына и убедить его жить с императрицей в согласии!

На увещевания отца император ответил:

— Неужели даже в личных делах я не могу быть себе хозяином?! Но раз этим можно навлечь беду на вас, отец, я поступлю Так, как вы просите. Сегодня же отправлюсь в покои супруги.

Молодой император обычно жил в Запретном городе, а Цыси — в Летнем дворце. Чтобы принять какое-либо решение, он должен был часто совершать утомительные поездки в Летний дворец, где все лето проводила Цыси. В 1896 г. цензор Ван Пэньюнь представил меморандум с протестом против частых поездок императора в Летний дворец для выражения своего почтения Цыси. В меморандуме было сказано: «Такие поездки туда и обратно занимают много времени и отвлекают внимание Его величества от государственных дел. Через каждые несколько дней он на рассвете покидал дворец и с сумерками возвращался в Пекин. Если бы император не страдал от холода и утомления, никто бы не выражал беспокойства за его здоровье. Поэтому я осмелюсь высказать мнение о том, чтобы император занимался своими делами и не растрачивал время на эти церемониальные поездки».

Смысл этого меморандума состоял в том, что император находился под постоянным контролем Цыси и не мог принять ни одного важного решения без ее одобрения. Иными словами, цензор Ван Пэньюнь желал бы видеть Гуансюя свободным от ее опеки.

Говорили, что, когда с меморандумом ознакомили Цыси, она была в хорошем настроении, поэтому он не повлек серьезных последствий для того, кто его писал. Если бы у нее было плохое настроение, то цензор поплатился бы жизнью за такую дерзость.

Всего лишь за месяц до этого евнух по имени Коу был обезглавлен за то, что осмелился посоветовать императору самостоятельно подбирать себе личных слуг, чтобы избежать шпионажа со стороны вдовствующей императрицы.

Гуансюй настолько был морально и физически подавлен властолюбивой Цыси, что даже во времена его номинального управления

страной (1889—1898) не мог проявить в полную меру своих способностей и воли. Во время «самоустранения» Цыси от государственных дел, когда, казалось бы, государственная власть была сосредоточена в руках Гуансюя, последний проявлял осторожность в принятии решений, потому что везде, в центре и на местах, были ставленники вдовствующей императрицы Цыси.

«Историю его жизни, — сообщал «Тяньцзинский вестник» в 1915 г., — можно написать следующими словами: он ничего не сделал, потому что ничего сделать не мог. Если верить словам тех, кому удалось побывать около него, то вся его жизнь была цепью огорчений, неприятностей и печали. Он был царственным пленником, которому отказывали в друзьях и который не мог рассчитывать ни на чью привязанность».

СОРЕГЕНТШИ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ГУН

Сорегентши Цыань и Цыси находились в сложных отношениях: их неприязнь друг к другу росла постепенно и в конце концов вылилась в настоящую вражду.

Первое проявление неприязни Цыси к Цыань было отмечено еще во время похорон императора Сяньфэна в августе 1865 г. Великий князь Гун, отвечавший за похороны императора, определил местонахождение вдовствующих императриц на траурной церемонии. Центральное место отводилось Цыань, как жене императора. Место с правой стороны предназначалось для духа Сакоты, первой жены императора. Для Цыси, которая в момент смерти императора считалась его наложницей, отвели место с левой стороны и несколько позади. Это возмутило Цыси, и она, внешне проявляя спокойствие, заняла место первой жены покойного императора, а сорегентше Цыань предложила встать слева от себя. И хотя такое грубое нарушение правил похоронной церемонии означало дерзкий вызов присутствующим, Цыси оставила это без внимания.

Похоронив своего повелителя, Цыань и Цыси от имени малолетнего наследника продолжали управлять страной как сорегентши, но на самом деле первое слово принадлежало Цыси.

Когда у Цыси родился сын Цзай Чунь — наследник престола, бездетная Цыань вспылала к нему материнским чувством, проявила к мальчику большую любовь и привязанность. Мать, занятая своими делами, не уделяла особого внимания сыну. Он проводил почти все время в покоях Цыань, которая нежно ласкала его, прижимала к груди, часто носила на руках.

Цыань видела, что Цыси почти забывала свое чадо, перепоручая воспитание и уход за ним евнухам, что роль матери тяготит ее. Угадывая чувства своей сорегентши, Цыси приходила в ярость, но до поры до времени не могла предпринимать каких-либо ответных мер. Неустанные заботы Цыань о молодом наследнике раздражали его мать.

Цыси все чаще стала предаваться необузданным оргиям, у нее появился вкус к нарядам. Мало кто из придворных дам мог соперничать с ней в пышности головного убора. Она тщательно следила за модой и содержала свою «крылатую прическу» в идеальном порядке.

Полной противоположностью Цыси была ее сорегентша Цыань. Она вела строгий и однообразный образ жизни, приличествующий ее высокому сану, выглядела болезненной и угрюмой. На самом деле она обладала мягким и терпеливым характером, проявляла в своих поступках слабование и медлительность. Ее доброта и великодушие совмещались с инертностью и безынициативностью. Будучи крайне набожной, Цыань много времени проводила перед алтарем Будды, перебирая бусины на четках и возжигая курительные палочки.

И хотя Цыань была доброй и уступчивой, однако рано или поздно ее поведение и взгляды должны были прийти в противоборство с сорегентшей: Цыань не только считала стремление Цыси к удовольствиям и власти безнравственным, но и находила ее поведение наглым и агрессивным.

Так постепенно росла неприязнь, а затем и ненависть между двумя царствующими женщинами, хотя проявлялось это не всегда открыто: Цыань стремилась создать видимость мира и дружелюбия.

Воспитанная на конфуцианских классических книгах, Цыань ревностно следила за обучением малолетнего наследника, радовалась его первым успехам в умственном развитии. Между ними росла взаимная привязанность. Но на этом пути она встретила немало препятствий и душевных огорчений: мальчик становился упрямым и эгоистичным — его портили и развращали и мать, и евнухи.

После трехлетнего траура по усопшему императору Цыси решила развлечься: ей наскучило общение с чопорными обитателями дворцов. Она устраивала оргии и пирушки, давая полную волю своим плотским страстям. Помогал ей в этом главный евнух Ань Дэхай, получивший такое высокое звание за беспредельную преданность Цыси, когда ей в 1861 г. угрожали заговорщики.

Легкомысленное поведение Цыси вызвало неудовольствие Цыань и Палаты цензоров. Осуждали и главного евнуха Ань Дэхая — организатора непристойных оргий. Но уговоры остались безрезультатными. Главный евнух Ань Дэхай, будучи человеком самоуверенным и наглым, не стеснялся грубить сорегентше Цыань, унижать ее в присутствии придворных. До поры до времени она вынуждена была молча сносить оскорбления и обиды, потому что он пользовался покровительством своей влиятельной повелительницы — вдовствующей императрицы Цыси.

Наставником, образцом для подражания, государственным мужем, у которого Цыси училась искусству управления страной, был великий князь Гун. В годы правления Тунчжи он ежедневно навещал апартаменты Цыси и давал ей различные советы. Великий князь Гун считался человеком неординарным: гордым, раздражительным, независимым и даже резким. Его союз с Цыси был основан не на дружбе, а на необходимости объединить свои усилия против общих противников.

Великий князь Гун пользовался популярностью среди придворных, и это объяснялось тем, что он настоял на присутствии иностранных войск в Китае во время тайпинского восстания. Политику Гуна оценила и Цыси: она понимала, что справиться с тайпинским восстанием без иностранной помощи невозможно.

В начале своего регентства Цыси проявляла к Гуну внимание, даровала ему титул «князя императорской крови» и «князя — советника правительства». Она прислушивалась к его советам и уважала его государственную мудрость. По утверждению многих современников, великий князь Гун считался одним из наиболее опытных и способных государственных деятелей и представлял собой определенную опасность для единоличного правления Цыси.

По мере того как вдовствующая императрица постепенно приобретала опыт при решении государственных дел, росло ее честолюбие. Амбициозность и властолюбие этой царствующей женщины породили в ней чувство нетерпимости к советам других.

В 1852 г. император Сяньфэн подарил своему брату, великому князю Гуну, сказочной красоты дворец, расположенный к западу от Запретного города. Ранее дворец принадлежал Хэшэню — главному советнику и фавориту императора Цяньлуна. В этом дворце великий князь Гун принимал высокопоставленных чиновников без согласия двора, и это вызывало раздражение Цыси.

Будучи деспотичной по натуре, Цыси не переносила чьего-либо вмешательства в ее дела. Но если она при решении государственных дел обходилась без советов великого князя Гуна, последний не скрывал неудовольствия.

Гун обычно самостоятельно, без согласования с Цыси, принимал решение о назначении высших чиновников из своих людей, непосредственно устанавливал связи с провинциальными властями. Живя в Пекине за пределами императорских дворцов, Гун свободно общался с любыми

китайцами и иностранцами, что не одобряла Цыси.

Во время проведения Верховного императорского совета существовало правило, согласно которому две вдовствующие императрицы сидели рядом, отдельно каждая на своем троне. Впереди тронов спускался желтый шелковый занавес, так что члены совета не могли видеть лиц императриц, которые принимали их поочередно в соответствии с чиновничьим рангом. Гун, как князь императорской крови, получал аудиенцию первым. За тронами находились евнухи, внимательно следившие за поведением членов Верховного императорского совета, чтобы последние не нарушали установленный этикет. Никто из сановников, даже высшего ранга, не имел права приблизиться к трону без вызова главного евнуха. Однако великий князь Гун считал необязательным для себя придерживаться этого правила и приближался к трону без вызова. Он повышал голос при разговоре с Цыси и даже осмеливался просить ее повторить слова, только что сказанные ею, под предлогом того, что он их не понял.

Между Цыси и великим князем Гуном установились сложные и противоречивые отношения. Оказывая поддержку Цыси во время смерти императора Сяньфэна, он ничего не выиграл, верховная власть перешла в ее руки. До поры до времени ему приходилось скрывать свои неприязненные чувства к властолюбивой вдовствующей императрице, однако постепенно они проявлялись все более открыто. Цыси явно давала понять Гуну свое недовольство таким его поведением, его вмешательством в управление государством и нарушением установленного этикета. Тогда он решил изменить тактику: стал убеждать сорегентшу Цыань больше проявлять независимости в своих действиях.

Так отношения между Цыси и Гуном становились все более натянутыми. Она понимала, что пока не пришло время проявить власть. И вот представился случай опозорить и наказать великого князя Гуна.

По установившемуся этикету члены Верховного императорского совета во время аудиенции со вдовствующими императрицами становились

на колени на подушечки, положенные перед троном.

В апреле 1865 г. на государственном приеме, когда всем присутствующим было положено стоять на коленях, Гун осмелился встать на ноги раньше, чем Цыси закончила тронную речь. Об этом евнухи немедленно сообщили ей. Усмотрев в этом грубое нарушение этикета, она вызвала стражу и приказала немедленно удалить его из Тронного зала. По этому поводу был обнародован указ, в котором говорилось, что великий князь Гун «проявил непочтительность к их Величествам — вдовствующим императрицам. Цыань и Цыси». Его лишили титула «советник правительства» и освободили от участия в работе Верховного императорского совета, обвинили в произволе при назначении высших чиновников.

Такие действия Цыси вызвали неблагоприятный отклик во дворце и за его пределами. Опасаясь невыгодных для нее последствий, она спустя месяц вынуждена была отменить санкции против Гуна.

От имени двух императриц-регентш был обнародован указ следующего содержания:

«Сегодня утром мы удостоили великого князя Гуна аудиенции с тем, чтобы разрешить ему вернуться к прежним служебным обязанностям. В знак своего безграничного почтения он смиренно совершил челобитье и горько плакал. Пользуясь случаем, мы сказали ему несколько покровительственных слов, содержащих предупреждение и советы. Нам казалось, что князь искренне переживал горечь от совершенных им ошибок и испытывал угрызения совести за неправильное поведение, которое полностью признал. Подобные искренние чувства не могут не вызвать нашего сострадания.

Вот уже несколько лет мы взяли на себя бремя регентства и назначили великого князя Гуна нашим главным советником в правительстве. В таком качестве мы возлагали на него большую ответственность. Занимаемый им пост в служении трону был необычным, поэтому мы ожидали от него многого. Наказание, которое мы вынуждены наложить на него за

совершенную ошибку, считалось довольно строгим. Ныне он раскаивается в своей ошибке и признает свои грехи. Что касается нас, мы были тронуты таким строгим беспристрастием. Считалось необычным, что мы выразили желание так жестоко наказать главу Императорского совета и лишить себя такого ценного помощника. Поэтому ныне мы восстанавливаем его пост в Верховном императорском совете. Однако в целях ограничения его власти мы не намерены восстанавливать его должность в качестве «советника правительства». Князь Гун, обратите внимание на это и не забывайте позора, который вы навлекли на себя, и своего раскаяния. Отплатите за нашу доброту и проявите надлежащий самоконтроль при исполнении своих обязанностей. Оправдайте наше высокое доверие и выбросьте из головы непростительную подозрительность и опасение».

Противоборство Цыси с великим князем Гуном на этом не закончилось. Под его командованием находилась Новая полевая армия, вооруженная современным оружием и обученная европейской тактике ведения боя. Этот пост усиливал позиции великого князя Гуна при дворе. Цыси решила ослабить его позицию: она перевела в штаб армии своего фаворита Жун Лу, а затем под предлогом повышения в должности освободила великого князя Гуна от командования Новой полевой армией, а вместо него назначила Жун Лу.

В свое время, как уже говорилось, Цыси воспользовалась поддержкой брата покойного императора великого князя Гуна, когда ей угрожали заговорщики. Но это было давно. Теперь Гун склонялся на сторону преданной старым обычаям сорегентши Цыань. Это видела Цыси, и чувство неприязни к князю императорской крови стало заполнять ее сердце.

Зная, что Цыси относится неприязненно к великому князю Гуну и в то же самое время побаивается его, главный евнух Ань Дэхай тоже решил выказать ему дерзость.

Князь столкнулся во дворце с Ань Дэхаем, и последний нагло спросил его:

— Почтенный господин (так евнухи называли князей), хорошо ли мое синее перо (евнухам не разрешалось носить разноцветные перья, они носили только синее)?

Великий князь Гун на это холодно ответил:

— Синее перо красивое, только оно не прикроет твою шею.

Сказанные слова означали, что рано или поздно голова Ань Дэхая будет снесена.

Ань Дэхаю было известно, что великий князь Гун любил носить на большом пальце красный перстень с нефритовым камнем. Как-то, обращаясь небрежно к князю, он сказал:

— Мне очень нравится ваш перстень, князь, не смогли бы вы подарить его мне?

Гун был разгневан дерзостью этого человека и с возмущением пресек такое наглое вымогательство.

Но Ань Дэхай на этом не успокоился. Зная, что ни один член императорской фамилии не осмелится отказать в просьбе, исходящей от Цыси, он умолял свою повелительницу попросить князя подарить перстень. На это Цыси ответила:

— Великий князь Гун очень любит этот перстень, поэтому лучше ему не досаждать такой просьбой. Мы имеем во дворце много драгоценностей, в том числе и разнообразные кольца и перстни. Выбери себе то, что тебе по душе, и дело с концом.

И хотя повелительница убеждала преданного слугу отказаться от этой затеи, последний упорствовал на своем. И тогда Цыси, желая удовлетворить прихоть главного евнуха, при встрече с Гуном спросила его:

— Скажите, великий князь, сколько стоит ваш прекрасный перстень?

Гун почтительно поклонился, молча снял перстень с большого пальца и преподнес его Цыси. Она поблагодарила за подарок и удалилась в свои покои. Затем вызвала Ань Дэхая и сказала:

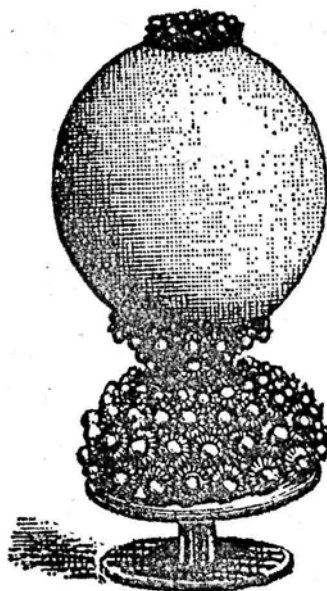
— Вот тебе перстень, о котором ты мечтал, но не показывай его

великому князю Гуну и не появляйся с ним в его присутствии.,

И хотя просьба Цыси воспринималась во дворе как повеление, Ань Дэхай счел возможным нарушить ее. В один из ближайших дней после разговора с Цыси главный евнух встретился с великим князем Гуном и на виду у всех стал хвастаться перстнем, подаренным ему Цыси. Он хотел унижить великого князя Гуна, потому что все знали, кому принадлежал этот перстень.

Подобной наглой выходки великий князь никак не ожидал. И если до этого случая он просто презирал главного евнуха, то теперь дал себе слово отомстить за такое унижение его персоны.

Угроза Гуна стала известна Цыси, и она, обеспокоенная исходом дела, решила на время удалить главного евнуха из Пекина. Для этого был найден подходящий случай. В 1869 г. три шелкоткацкие мануфактуры из южных городов Китая — Цзяннани, Сучжоу и Ханчжоу — прислали Цыси различные образцы шелковой материи. Но ни один из образцов ей не понравился. Узнав об этом, Ань Дэхай выразил готовность отправиться на юг Китая и лично подобрать подходящие образцы шелка.



Шарик на шапочке мандарина
(в увеличенном виде)

Это решение было продиктовано и другим обстоятельством. Накануне Цыси, будучи очень суеверной женщиной, обратилась к прорицателю, и тот

предсказал ей, что главного евнуха ожидает насильственная смерть; поэтому ему было предложено отбыть по служебным делам в Южный Китай. Цыси знала, что это противоречит обычаям императорской династии: евнухи не имели права покидать столицу под страхом смерти. Но, уверенная в своей безнаказанности, она решила нарушить обычай.

На двух правительственных джонках Ань Дэхай, разместив музыкантов, красивых танцовщиц и слуг, отправился в путешествие по Великому каналу. Эти джонки с виду напоминали настоящие плавучие дворцы, украшенные резьбой и позолотой, вымпелами и флагами. Они пользовались правом первенства при проходе в шлюзы.

Ань Дэхай требовал, чтобы во всех городах, где останавливались джонки, ему отдавали дань большого уважения и даже совершали перед ним челобитье, как перед императорским посланником.

Казалось бы, уютная роскошная обстановка, мирный пейзаж вдоль канала, императорские флаги — все предвещало спокойное и приятное путешествие для Ань Дэхая. Но судьба уготовила ему трагическую развязку.

Среди пассажиров на джонке главный евнух, к своему большому удивлению, обнаружил неприятного для себя человека — губернатора провинции Шаньдун Дин Баочжэня. Между этим высокопоставленным чиновником и Ань Дэхаем давно существовала глубокая вражда.

Несколько лет тому назад Дин Баочжэнь, назначенный на пост губернатора провинции Шаньдун, отправился в Пекин, чтобы отблагодарить вдовствующую императрицу Цыси. Войдя во дворец, он нечаянно обронил головной убор-шапочку на ступеньку, ведущую в Тронный зал. Это произошло в присутствии главного евнуха Ань Дэхая. Тот быстро схватил шапочку и, несмотря на настойчивые требования вернуть ее владельцу, отказался это сделать. Когда возмущенный таким наглым поступком губернатор вошел в Тронный зал, главный евнух, обращаясь к нему, со злобной усмешкой заметил:

— Вы, такой почтенный и важный чиновник, и вдруг потеряли свою

шапочку. Какой позор! Хотите ее получить — давайте десять тысяч лянов.

— Десять тысяч лянов! — воскликнул оскорбленный и возмущенный губернатор. — Вы что, шутите? Верните мне немедленно шапочку!

— Не хотите заплатить? — в голосе главного евнуха прозвучала угроза. — Тогда я распоряжусь повесить вашу шапочку на Южные ворота с запиской: «Это шапочка Дин Баочжэня, назначенного губернатором провинции Шаньдун».

Шапочка считалась непременным атрибутом убора чиновника: появление во дворце без головного убора рассматривалось как грубое нарушение установленных правил. Поэтому Дин Баочжэнь с помощью посредника вынужден был выкупить шапочку за 3 тысячи лянов. Такой наглой и оскорбительной выходки главного евнуха губернатор провинции Шаньдун не мог забыть и поклялся при случае отомстить ему.

И вот они оказались вместе на одной джонке: Скрывая чувство неприязни, Дин Баочжэнь вынужден был поддерживать беседу с главным евнухом, выслушивать его наглые требования и наставления. Во время этой беседы у губернатора возник план мести. Он вспомнил, что по законам цинской династии любому евнуху запрещалось под страхом смертной казни покидать столицу. Значит, главный евнух нарушил императорский закон, а посему должен понести суровое наказание.

Во время одной из остановок джонки Дин Баочжэнь послал с гонцом в Пекин на имя великого князя Гуна депешу, в которой сообщалось, что главный евнух Ань Дэхай покинул столицу, прибыв в провинцию Шаньдун, и тем самым совершил преступление против закона. Депеша губернатора была доставлена великому князю Гуну в то время, когда Цыси забавлялась театральными представлениями.

Великий князь Гун, питавший вражду к Ань Дэхаю, решил воспользоваться подходящим случаем: он рассказал о депеше сорегентше Цыань. Ее глаза блеснули злобной радостью: еще бы, такой хороший случай для мести. При ее согласии великий князь Гун составил ответ на депешу - в

ней Цыань предписывала губернатору провинции Шаньдун без промедления казнить главного евнуха Ань Дэхая за нарушение императорского закона цинской династии. В предписании Цыань говорилось:

«Дин Баочжэнь докладывает, что евнух создает беспокойства в провинции Шаньдун. Согласно сообщению главы города Дэчжоу, евнух по имени Ань Дэхай и его приближенные проезжали по Императорскому каналу в этом месте на двух пышно разукрашенных драконовых джонках. Он заявил, что направляется с императорской миссией для приобретения драконового одеяния. На его джонке развевался черный флаг, в центре которого находились три императорские эмблемы солнца, а по бортам джонки развевались флаги с драконом и фениксом. Компанию Ань Дэхая обслуживала большая группа мужчин и женщин, среди них находились девушки-музыкантши, игравшие на струнных и духовых инструментах.

На берегах канала собирались толпы зевак, чтобы поглазеть на это забавное зрелище. По случаю своего дня рождения Ань Дэхай облачился в драконовый халат, стал в центре джонки с тем, чтобы выслушать похвалы по поводу его одеяния. Местные городские власти намерены арестовать Ань Дэхая, когда его джонки проследуют в южном направлении. Губернатор сообщил, что он уже отдал приказ о его немедленном аресте».

Затем в предписании говорилось: «Доклад вызвал наше удивление. Как мы можем надеяться на сохранение моральной чистоты во Дворце и устрашать грешников, если перед нами пример такого наглого евнуха, который осмелился покинуть Пекин без нашего разрешения и совершил такие неблагоприятные дела. Приказываем губернаторам трех провинций — Шаньдуна, Хэнани и Цзянсу — разыскать и арестовать Ань Дэхая, которого мы ранее удостоили звания евнуха шестого класса и наградили вороньим пером. Исходя из сказанного, повелеваем немедленно его обезглавить без каких-либо формальностей, не обращая внимания на изощренные объяснения. Губернаторы названных провинций будут нести ответственность в случае, если попытка арестовать Ань Дэхая окажется тщетной».

Получив такое предписание, губернатор провинции Шаньдун приказал немедленно схватить главного евнуха. На его шею надели деревянный ошейник и втокнули во двор присутственного места. Ань Дэхай кричал, вопил, отчаянно сопротивлялся, боролся за свою жизнь, но все было напрасно. Его поставили на колени, и палач тяжелым мечом быстро обезглавил жертву. Казнь происходила в присутствии местных чиновников, со злорадством наблюдавших, как обреченный бесплодно пытался себя спасти. Его тело закопали на кладбище, где хоронили нищих.

Спустя десять дней после этого Цыань обнародовала второй указ, составленный великим князем Гуном, в котором говорилось: «Дин Баочжэнь ныне доложил, что евнух Ань Дэхай арестован в местечке Тайань и обезглавлен. Законы нашей династии требуют от евнухов строго соблюдать установленные порядки и предусматривают строгое наказание, если они нарушат эти законы. Им запрещено совершать поездки в провинции и создавать там беспорядки. Тем не менее Ань Дэхай грубо нарушил закон и за это нарушение поплатился жизнью. В будущем пусть этот пример послужит предупреждением для всех евнухов. Впредь, если кто-либо из евнухов решится покинуть Пекин и отправится по императорским делам в провинции, будет закован в цепи и возвращен в Пекин для наказания».

Одновременно с обезглавливанием Ань Дэхая в провинции Шаньдун несколько его компаньонов-евнухов также были казнены путем удушения. Шести евнухам удалось бежать, но пятеро из них были пойманы и казнены. Оставшийся в живых добрался до Пекина и сообщил о трагическом событии приближенному вдовствующей императрицы евнуху Ли Ляньиню. Последний немедленно донес об этом Цыси. Она не могла поверить, что застенчивая и пугливая ее сорегентша Цыань осмелилась обнародовать такой указ и возложить на себя ответственность за смерть Ань Дэхая.

Придя в дикую ярость, Цыси тут же направилась в резиденцию Цыань и потребовала от нее объяснения. Перепуганная Цыань попыталась всю вину возложить на великого князя Гуна, но такие аргументы не помогли ей. После

резкой ссоры Цыси поклялась отомстить и Цыань, и великому князю Гуну.

На следующий день после ссоры с Цыань Цыси встретила с великим князем Гуном, сделала ему строгий выговор и пригрозила сместить с высоких должностей и лишить всех титулов.

Существовала и другая версия. После отправления указа об обезглавливании Ань Дэхая Цыань сообщила об этом Цыси. Последняя, услышав такое известие, внешне оставалась спокойной, но внутренне вся клокотала от злобы и ярости. Поняв, что допустила ошибку, она для предотвращения казни своего верного слуги направила собственную депешу, предписывающую Ань Дэхаю вернуться в Пекин. Но ее гонец, посланный в Тяньцзинь, опоздал.

Как бы то ни было, с этого трагического события усилилась вражда Цыси к сорегентше Цыань и великому князю Гуну. Цыси считала их прямыми виновниками гибели ее любимца — главного евнуха Ань Дэхая.

После казни Ань Дэхая главным евнухом при вдовствующей императрице Цыси стал Ли Ляньин. Он происходил из бедной крестьянской семьи, рано остался сиротой и в полной мере познал нужду и голод. В своей деревне ему пришлось некоторое время отсидеть под стражей за контрабанду, затем он рискнул искать счастья в Пекине, где устроился учеником сапожника. На углу одной из пекинских улиц, недалеко от ворот Запретного города, его можно было увидеть склонившимся на маленькой скамейке и орудовавшим бесхитростным сапожным инструментом.

Однажды в один из летних солнечных дней возле него остановился прохожий. Пристально посмотрев на молодого сапожника, он опознал в нем своего земляка из родной деревни.

— Это ты, Ли, — окликнул его прохожий, который оказался евнухом по имени Шэнь при императорском дворце, — какими ветрами тебя занесло в Пекин?

Ли Ляньин объяснил своему другу детства, как он попал в город, и просил подыскать ему более подходящую работу. Евнух Шэнь обещал

помочь оказавшемуся в беде земляку.

Через несколько дней Ли Ляньин при содействии друга оказался в императорском дворце в качестве рядового евнуха. Он старательно учился прислуживать, познавал правила вежливости и церемоний в общении, осваивал элементарные основы дворцового этикета.

За высокий рост и физическую силу Ли Ляньина определили носильщиком паланкина вдовствующей императрицы Цыси. Через некоторое время его повысили по службе, сделав придворным парикмахером. На этом поприще он проявил свои способности, предложив более удобную наколку для дворцовых дам. Старомодная маньчжурская наколка, по форме ничего общего не имевшая с европейской, была чрезвычайно громоздкой и причудливой: украшенная цветами и драгоценными камнями, с двумя большими крыльями, сделанными из жесткого каркаса, обтянутого атласом, она напоминала необычный головной крылатый убор. Прическа с величественной и красочной наколкой легко портилась от небольшого дождя или легкого дуновения ветра и выглядела нелепой. Это приводило в отчаяние Цыси, но отменить такую неудобную прическу она не решалась.

Чтобы наколку сделать более устойчивой и избавить дворцовых дам от излишних волнений за ее сохранность, Ли Ляньин придумал особый каркас. Это новшество понравилось Цыси, и она повелела всем дворцовым дамам воспользоваться его выдумкой.

Так Ли Ляньин стал постепенно завоевывать влияние во дворе, где царили зависть и интрига. Обладая врожденной хитростью и рассудительностью, он подавал разумные советы окружающим, и это способствовало росту его собственного авторитета среди чиновников двора.

Цыси оценила способности и преданность Ли Ляньина, сделав его своим главным евнухом. Она приблизила его к себе и даже позволяла ему разговаривать с ней сидя, в то время как всем остальным разрешалось разговаривать только стоя. Ему дозволялось первому обращаться к Цыси, если она не вызывала его на разговор, а иногда разрешала ему даже разделять

с ней трапезу.

Его в шутку называли «девятитысячелетним господином» (в отличие от императора, называемого «десятитысячелетним господином»). Это был высокий, крупного телосложения человек. Сильные челюсти, крупный нос, колючие глаза, толстые губы и рельефный подбородок придавали его лицу особую выразительность,

Во время пребывания в Жэхэ Ли Ляньину было поручено делать массаж страдавшему от нестерпимой боли императору Сяньфэну. Такая служба дала ему возможность быть свидетелем разговоров высших сановников с правителем, о чем он сообщал Цыси.

По древнекитайским религиозным воззрениям, больной человек мог восстановить свое здоровье, принимая лекарство, состоявшее из кусочка человеческого мяса от сына больного, его близкого родственника или преданного друга. Такое суеверие основывалось на убеждении, что божества, тронутые самопожертвованием, позволят больному вылечиться.

Незадолго до японо-китайской войны (1894— 1895) Цыси серьезно заболела. Ее навестил главный евнух Ли Ляньин. Сделав театральную позу, выражавшую глубокую печаль, вдовствующая императрица сказала:

— Я чувствую приближение моей смерти, потому что нет у меня ни одного преданного человека, который бы дал мне единственное лекарство, способное вылечить меня.

Ли Ляньин понял без дальнейших объяснений, на что она намекала — на мясо живого человека.

Вскоре после такого необычного разговора Цыси выздоровела и обратила внимание, что Ли Ляньин отсутствовал на службе несколько дней. Когда она осведомилась о причине его длительного отсутствия, ей ответили, что главный евнух был болен. Впоследствии стала известна причина его болезни: он отрезал кусочек мяса от своего бедра, сварил его и подал к столу больной вдовствующей императрицы. Такой самоотверженный поступок главного евнуха заслужил высокой похвалы Цыси, и она одарила его

всевозможными почестями.

Обладая природными способностями и большой проницательностью, Ли Ляньин хорошо изучил характер и повадки Цыси. По выражению ее лица он безошибочно определял настроение своей своенравной повелительницы и знал, как в том или ином случае повлиять на нее.

Главный евнух прежде всего отвечал за охрану личных покоев Цыси, и никто не мог войти в ее апартаменты без его разрешения. Добившись полного доверия вдовствующей императрицы, он, по существу, стал хозяином и распорядителем финансов императорского двора — любой обитатель двора без его согласия не мог быть разжалован, понижен в должности или казнен.

Зная скупость вдовствующей императрицы, Ли Ляньин вкладывал ее деньги в выгодные финансовые и торговые сделки, которые приносили ей большие прибыли.

Немалым источником обогащения была продажа должностей. Все чиновничьи должности в императорском дворце и за его пределами покупались и продавались: сановник за высокопоставленную должность шанхайского даотая (начальника области) платил 70 тысяч лян; маньчжуры, чтобы приобрести должность чиновника третьего класса в императорском дворе, должны были уплатить 130 тысяч лян. Один высокопоставленный чиновник был освобожден от тюремного заключения и восстановлен в прежней должности за взятку в 100 тысяч лян. Значительная часть этих денег присваивалась Цыси и ее главным евнухом.

Вплоть до своей смерти (по некоторым источникам, его отравили) Ли Ляньин с помощью интриг, вероломства, лести и подкупа преданно служил своей повелительнице, извлекая из этого огромные выгоды.

Ли Ляньин, пользуясь почти безграничным доверием Цыси, употреблял свою власть по своему усмотрению. В минуты гнева он с садистским наслаждением наблюдал, как молодью евнухи корчились и кричали на скамейке от боли под ударами палки или плетки. Иногда он самолично

принимал участие в экзекуциях. Для этой цели у него была длинная кожаная плеть с вплетенными кольцами из проволоки. От ударов такой плети по обнаженному телу рвалась кожа и обнажалось мясо.

Поведение главного евнуха Ли Ляньина не нравилось Цыань, и она возненавидела его так же, как и покойного евнуха Ань Дэхая. Как-то вечером, неожиданно войдя в покои Цыси, она стала свидетельницей такой картины; ее сорегентша сидела на коленях главного евнуха. Это еще более обострило отношения между Цыань и Цыси.

Цыань в душе возмутилась увиденным. И если бы она обладала твердым характером, то могла бы без всякого труда унижить и опозорить Цыси, предав огласке ее неблагоприятные дела: за грубое непочтение вдовы к духу императора Сяньфэна ей грозила смерть. Но, будучи слабовольной, Цыань не решалась на такой шаг, боясь, что за это последует возмездие.

Между Цыси и Цыань часто возникали ссоры по самым различным поводам. Так, одной из причин ссор была церемония воздаяния почестей их усопшим отцам.

Отец Цыси, бывшей наложницы, не был причислен к знатым вельможам двора. К тому же он умер в тюрьме как преступник.

Отец Цыань считался отцом императора. Цыси хотела уравнивать почести обоим усопшим родителям сорегентш, однако Цыань не могла с этим согласиться, и это служило поводом для бурного раздражения Цыси.

Ежегодно две сорегентши посещали могилу императора Сяньфэна и приносили ему жертвоприношения. Так было и в 1880 г., но теперь при жертвоприношении возникла размолвка между ними, ставшая известной всему двору. И это произошло при следующих обстоятельствах. Цыань пыталась вынудить Цыси занять третье место при совершении жертвоприношений, оставив первое место для духа покойной императрицы Сакота, а второе — для себя. Такое предложение Цыси с возмущением отвергла, заняв место рядом с Цыань. Это означало грубое нарушение культа предков и было безмолвно осуждено всем двором.

Цыси относилась равнодушно и к добру и к злу, была неразборчива в средствах, пренебрегала всякой пристойностью, давала полную волю своим необузданным страстям.

В феврале 1881 г. Цыси заболела и оставалась в уединении в течение двух месяцев. Ходили слухи, что она забеременела и родила ребенка, отцом которого был ее давний фаворит Жун Лу. Императорскому врачу считалось неудобным осматривать ее во время беременности — это нарушало культ предков. Поэтому ее лечили как больную дизентерией.

Цыань хорошо понимала двусмысленное положение Цыси и старалась проявить к ней внимание и сочувствие. После ее выздоровления она пригласила Цыси провести вместе вечер. Они предавались воспоминаниям, говорили о первых днях их знакомства, об опасности, угрожавшей им после смерти императора Сяньфэна, когда заговорщики пытались узурпировать трон. Тронутая такой встречей, Цыси даже прослезилась при воспоминании о прошлом, о превратности судьбы.

Во время пребывания в провинции Жэхэ после бегства из Пекина в 1860 г. у императора Сяньфэна появилось чувство неприязни к Цыси: он запретил ей бывать в его покоях и даже повелел изолировать в отдельное помещение, где она чуть не умерла от голода.

Чувствуя, как его покидают силы, Сяньфэн одобрил заготовленный главой заговорщиков Су Шунем указ, в котором говорилось: «После моей смерти отдайте приказание о казни императорской наложницы Цыси с тем, чтобы она могла прислуживать моему духу на том свете. Наложница не должна оставаться живой. Ее неблагоприятные поступки могут нанести вред нашей династии».

Сяньфэн передал названный указ Су Шуню, повелев ему лично проследить за его исполнением. Роковой документ был до поры до времени спрятан под подушку умирающего императора.

Цыси донесли об этом указе — он не сулил ей ничего хорошего: чтобы спасти себе жизнь, следовало во что бы то ни стало похитить и уничтожить

его.

Указ неизвестно при каких обстоятельствах оказался в руках императрицы Цыань. По некоторым источникам, Цыси удалось уговорить императрицу сжечь злополучную бумагу. Она якобы сделала это добровольно, потому что не хотела обострять напряженную обстановку во время похорон императора. К тому же ходили слухи, что Цыань имела другой подобный документ — императорское завещание, дававшее ей право казнить Цыси в любое время, если действия последней будут наносить ущерб государству.

Цыань поведала своей сорегентше эту историю в таких примерно словах:

— Моя сестра, мы обе стареем. Возможно, пройдет немного времени, как одна из нас снова соединится с нашим повелителем Сяньфэном на том свете. Мы прожили вместе двадцать лет, и за такое длительное время между нами не было серьезной размолвки. Покойный император оставил мне завещание, которое теперь не имеет никакого значения. Боюсь, что, если его обнаружат после моей смерти, люди могут подумать, что наши отношения выглядели хорошими только внешне, а на самом деле они были враждебными. Это было бы достойно сожаления и нарушило бы волю покойного императора.

С этими словами Цыань вынула из длинного рукава завещание императора Сяньфэна и передала его Цыси, в котором было написано: «Наложница Западного дворца, будучи матерью нового императора, заслуживает того, чтобы ее возвели в ранг Вдовствующей императрицы. Но она слишком лжива и способна на любое преступление. Не позволяйте ей вмешиваться в государственные дела, решайте все дела сами. Если ее поведение будет хорошим и добропорядочным, относитесь к ней с добротой. Если же ее неблагоприятные дела примут скандальный характер, ты должна собрать главных министров и показать им это завещание, которое даст тебе право заставить ее совершить самоубийство».

Цыси, прочитав завещание, побледнела и с трудом сдерживала свое волнение. И это было вполне понятно: Цыань на основании этого документа могла без труда расправиться с ней.

Заметив растерянность регентши, Цыань старалась успокоить ее:

— Не волнуйся, сестра. Я бы не показала это завещание, если бы питала к тебе враждебность. Я хочу, чтобы ты убедилась в моих дружеских чувствах.

Сказав это, Цыань взяла завещание из рук Цыси, поднесла к свече и сожгла его.

— Теперь оно потеряло прежнее значение и лучше его уничтожить. Я чувствую, что выполнила волю покойного императора, — на лице Цыань появилась мягкая улыбка, а глаза ее излучали добро и всепрощение.

Такой поступок сорегентши взволновал Цыси. Слезы выступили у нее на глазах, и она разразилась громкими рыданиями. Было ли это лицемерие или искреннее выражение чувств — трудно сказать. Скорее всего, здесь преобладали театральность и наигранность, потому что Цыси давно вынашивала мысль избавиться от сорегентши.

Спустя несколько дней после этой памятной встречи Цыань вновь побывала в покоях Цыси. Беседа между сорегентшами, носившая мирный дружеский характер, затянулась. Цыань призналась, что проголодалась и не возражала бы чем-либо полакомиться. Цыси предложила ей сладкие лепешки из отварного риса. Это было любимое лакомство Цыань. Поглощая с аппетитом лакомства, она отзывалась о них с большой похвалой.

— Если тебе нравятся такие сладкие лепешки, — сказала Цыси, — я велю прислать их завтра в твой дворец.

На следующий день несколько коробок с лепешками из отварного риса были доставлены в покои Цыань. Говорили, что, отведав их, сорегентша почувствовала горечь во рту — лепешки были отравлены.

Ближайшим родственником сорегентши Цыань был ее брат Гуан Кэ, а его жена являлась сестрой князя Дуня — пятого брата покойного императора

Сяньфэна. Князь Дунь испытывал чувство неприязни к Цыси, ее разделяла и его сестра, жена Гуан Кэ. Князь Дунь и его сестра жили за пределами Императорского города, связь с Цыань они поддерживали через преданного молодого евнуха Ма Вэньфу. Цыань с ним передавала конфиденциальные сообщения князю Дуню и своему брату Гуан Кэ.

Евнух Ма Вэньфу сообщил князю Дуню и Гуан Кэ, что Цыси отправила Цыань лепешки из отварного риса. Когда об этом узнала жена Гуан Кэ, она сразу же заподозрила что-то недоброе и срочно отправилась во дворец. Обычно ее, как жену высокого сановника, пропускали во дворец в любое время дня и ночи. На сей раз ей не разрешили войти во дворец. На вопрос, почему ее не пускают во дворец, стража ответила, что выполняет приказ Цыси. Это еще более усилило ее волнение за Цыань.

Когда она рассказала об этом своему мужу Гуан Кэ, он понял, что его сестре грозит опасность.

На следующее утро, как только открылись ворота Императорского города, Гуан Кэ поспешил во дворец. Он увидел, что все его обитатели надели траур по поводу кончины сорегентши Цыань. Гуан Кэ потребовал, чтобы ему показали тело усопшей, однако Цыси отказала ему. Тогда он попытался найти своего преданного евнуха Ма Вэньфу, но его, оказывается, заповороли до смерти под предлогом совершенной кражи.

Так 9 апреля 1891 г. в 45-летнем возрасте при таинственных обстоятельствах скончалась Цыань. У всех подозрение в виновности ее смерти пало на Цыси и главного евнуха Ли Ляньиня, однако документально доказать это очень трудно.

Члены Тайного совета, сделав перерыв в своей работе, совершили траурную церемонию в зале, где лежала усопшая. Они были крайне удивлены, увидев спокойно сидящую Цыси, которая, как им сказали, была серьезно больна. Всех их поразило то, что сутки назад они видели Цыань вполне здоровой, а сейчас она скоростижно скончалась. Понимая, что ее подозревают в смерти сорегентши, Цыси пыталась рассеять подозрения

словами:

— Так как почти год я плохо себя чувствовала, сорегентша Цыань много работала, и это плохо сказалось на ее здоровье. Теперь она покинула меня и взлетела на небо. Я глубоко опечалена. Прошу, взгляните на ее лицо последний раз.

Эти слова призваны были внушить мысль членам Тайного совета о том, чтобы они не подумали о насильственной смерти Цыань. Однако такое объяснение Цыси вызвало еще большие подозрения.

Все знали, что Цыань серьезно заболела спустя несколько часов после того, как съела лепешки, присланные Цыси. Неожиданная смерть Цыань наводила на мысль, что она была отравлена лепешками, начиненными мышьяком.

Доктор сорегентши Цыань, видевший ее за день до трагической развязки, был крайне удивлен случившимся.

— Я не могу поверить, — воскликнул он, — что такая неожиданная смерть могла быть естественной!

Слова эти могли навлечь гнев Цыси, и он поспешил покинуть дворец и скрыться в неизвестном направлении. Многие были согласны с его мнением, но не осмелились высказать это вслух.

Говорили, что видный сановник Цзо Цзунтан, узнав о неожиданной смерти Цыань, с возмущением произнес:

— Я видел ее на приеме сегодня днем, и она со мной разговаривала вполне нормально. Я не могу поверить, что такая смерть была естественной. Почему ничего не сообщалось о ее болезни? Почему не был немедленно вызван доктор из императорского дворца? Кажется странным, что после ее смерти не был сразу обнародован указ, как того требовал обычай.

Как только Цыси узнала от евнухов такое «крамольное» суждение Цзо Цзунтана, ей стало ясно, что старый сановник подозревает ее в смерти сорегентши Цыань. Она решила избавиться от него: он был назначен наместником в город Нанкин.

Неожиданная смерть Цыань вызвала среди придворных переполох и породила всевозможные версии по поводу того, что произошло в тот памятный вечер, когда Цыань последний раз навестила Цыси. По одной версии, неожиданный визит Цыань застал Цыси врасплох: в ее покоях находился молодой любовник. По другой — Цыань якобы увидела новорожденного младенца Цыси. В связи с этим говорили, что спустя несколько месяцев после смерти императора Сяньфэна главный евнух Ли Ляньин, внимательно наблюдая за поведением своей повелительницы, обнаружил, что ее стали интересовать сексуальные книги и непристойные театральные представления. Главный евнух в свое время ухаживал за больным императором Сяньфэном и имел большой опыт. Теперь он почти каждый день массажировал Цыси перед сном. Вдовствующая императрица так привыкла к этому, что не стеснялась перед главным евнухом ложиться для массажа в легком одеянии.

Ли Ляньин сделал вывод, что Цыси нужна интимная жизнь, и он решил помочь ей в этом. Провалившийся на государственных экзаменах в Пекине красивый юноша по имени Яо Баошэн зарабатывал на жизнь пением и рассказами в дешевых ресторанах Пекина. Его заметил главный евнух Ли Ляньин и пригласил во дворец. Здесь Яо Баошэна одели в красивый халат, научили изысканным манерам и элементарным медицинским знаниям. Вскоре Цыси заболела и к ней пригласили знаменитого дворцового врача Фан Шоусиня, но по старости он страдал рассеянностью и поэтому не пользовался ее благосклонностью: Представился удобный случай показать Цыси под видом врача Яо Баошэна. Он пленил своей юной красотой повелительницу Китая.

Узнав о появлении во дворце неизвестного врача Яо Баошэна, Палата императорских врачей написала протест на имя императрицы-регентши, прося ее отказаться от не ведомого никому доселе врача, который не имеет права лечить такую великую личность, как Цыси. Она быстро устранила это затруднение: назначила Яо Баошэна главным врачом и разрешила ему

посещать ее покои в любое время дня и ночи.

Яо Баошэн задерживался в ее личных апартаментах сверх положенного времени: читал ей книжки с любовными историями, рассказывал о слышанных в пекинских ресторанах эротических сценах. Это возбуждало горячую натуру Цыси. Кончилось все это тем, что вдовствующая императрица забеременела. Когда стало неудобно показываться на виду у любопытных глаз, Цыси удалилась на время в личные покои. А чтобы не муслировались слухи, был издан императорский указ: ввиду серьезной болезни она не может присутствовать на Верховном императорском совете и все вопросы до ее выздоровления будет решать Цыань.

Под предлогом серьезной болезни Цыси длительное время находилась в уединении, пытаясь скрыть свою беременность и рождение младенца. Врачи якобы рекомендовали Цыси принимать женское молоко. С этой целью во дворец пригласили нескольких здоровых китайнок. А чтобы избежать контакта с посудой, вдовствующая императрица якобы сосала молоко непосредственно из груди этих китайнок. Но имелось и другое мнение: Цыси никогда не пила женского молока, оно предназначалось не ей, а ее младенцу.

Цыси родила мальчика, и его нужно было во что бы то ни стало удалить из дворца. На сей раз, как говорили, все обошлось благополучно: его отца, Яо Баошэна, снабдив большими деньгами, отправили вместе с сыном в родную провинцию и пригрозили, чтобы он держал язык за зубами.

Если бы раскрылось, что Цыси смешала свою «благородную» маньчжурскую кровь с китайской, ей бы этого не простили. Возможно, боясь разоблачения, она и решила устранить опасного свидетеля — свою сорегентшу.

Цыань похоронили на том месте, где покоились другие императорские жены, в соответствии с ее высоким саном, и Цыси в возрасте 40 лет стала единственной регентшей.

В книге читатель увидит портрет Цыань (см. вклейку), нарисованный неизвестным китайским художником. Следует сказать несколько слов о том,

как рисовали портрет покойника в феодальном Китае.

Считалось непристойным, если художник рисовал с натуры лицо покойного. Процедура рисования портрета усопшего была чрезвычайно сложной и необычной.

Умирал глава семьи. Его клали в гроб. После этого сыновья и их жены собирались вместе и обсуждали вопрос о том, каким должен быть портрет покойного предка. По этому случаю приглашали художника, который приносил с собой большой альбом, содержащий образцы изображений глаз, уха, носа, подбородка, лба и лица. Художник, приступая к рисованию портрета предков, выслушивал мнение его родственников и прежде всего его старшего сына: они отыскивали в принесенном альбоме соответствующие «части» лика покойного: глаза, нос, уши, лоб и т. п. Художник перерисовывал эти изображения — так воссоздавался лик покойного предка. Дорисовать позу, шляпу, посмертное одеяние, знаки различия было уже не так сложно.

К подобному методу зарисовки покойного предка прибегали все состоятельные семьи. Так же был нарисован и посмертный портрет покойной Цыань: у нее изящное нежное лицо, тонкий нос, маленькие губы, острый подбородок. Ее роскошное одеяние, богатый головной убор, увенчанный сложной наколкой и двумя жемчужными фениксами, выглядели громоздкими на хрупком теле.

Цыси проявила неприязнь к Цыань даже после ее смерти. Свой отказ надеть траурное одеяние и совершить траурный обряд перед гробом покойной она объяснила так: «Цыань была такой же сорегентшей, как и я, почему же я должна совершать челобитие перед ее мертвым телом?» Цыси отказалась даже сопровождать похоронную процессию, как этого требовал этикет.

После исполнения другими положенного ритуала перед гробом покойной Цыси издала указ, в котором говорилось: «По повелению императора я вынуждена взять на себя обязанности единственной регентши и

в будущем заниматься государственными делами».

29 мая 1898 г. скончался великий князь Гун, председатель Верховного императорского совета, обладавший большим влиянием в маньчжурском правительстве. Ему устроили пышные похороны. Гроб с телом поставили в помещение монастыря впредь до предания земле. Спустя более двух месяцев после этого состоялась церемония похорон.

По пути похоронной процессии были расставлены жертвоприношения, построены легкие павильоны из тростника и циновки. В павильонах находились эмблемы воинов, оружие старинных образцов, имитированные золотые и серебряные деньги, сделанные из бумаги изображения слуг, беседок, драконов, мостов, через которые должен будет переходить дух покойного. Все эти эмблемы предавались огню как жертвоприношение различным духам.

Во главе процессии несли на мачте большое красного цвета знамя как указатель пути для духа усопшего, — по убеждению верующих, дух отправлялся в «царство теней», в семью предков. За знаменем вели верблюдов, навьюченных юртами. Верблюды подтверждали принадлежность покойного к кочевникам. За верблюдами гнали табун лошадей — это указывало на то, что покойник владел землями и был богатым человеком. За табунем вели на веревках нескольких охотничьих собак, что должно было означать: покойный был охотником. Наконец, табун оседланных лошадей, за которым следовал отряд всадников, показывал, что покойный был князем и воином.

На высоких древках желтого цвета несли шелковые круглые щиты с изображением дракона: покойный был царской крови; затем — таблички с именами предков, щиты с надписью заслуг и должностей покойного, деревянные мечи, копья, секиры, знамена.

Далее шествовало несколько буддийских и даосских монахов, которые исполняли религиозные песнопения. За ними следовали многочисленные плакальщики — все в белом траурном одеянии, в длинных белых балахонах,

белых шапках и белых башмаках. Они держали в руках различные предметы домашнего обихода покойника и издавали протяжные, но негромкие заунывные звуки. За ними шли родственники-мужчины, а самых близких родственников вели под руки.

Наконец, на огромном паланкине, который держали 84 носильщика, несли гроб под богато расшитым балдахинном. Перед гробом в большом количестве разбрасывали жертвенные бумажные «деньги» круглой формы, они подобно снегу разлетались по воздуху и покрывали землю белым слоем. Эти «деньги» приносили в жертву злым духам, и тогда они не препятствовали духу покойного вознестись в небеса.

Так как великий князь Гун был царской крови, то покров на его гробе и балдахин были из желтой материи с вышитыми драконами. Процессию сопровождали музыканты: они на флейтах исполняли нежные мелодии, успокаивающие дух усопшего.

Со смертью сорегентши Цыань и великого князя Гуна вдовствующая императрица Цыси стала полновластной повелительницей императорского двора и правительницей Китая.

Современники утверждали, что Цыси, став единственной регентшей, проявляла еще больший деспотизм: она уже не просила советов сановников, а приказывала в резких повелительных выражениях. Говорили, однако, что не все перед ней раболепствовали: цензоры продолжали критиковать ее поступки, а Гуан Кэ — брат покойной сорегентши Цыань простаивал длительное время у дворцовых ворот и, заливаясь слезами, громким голосом требовал воздать должное покойной. Подобная сцена проходила на глазах Цыси, но она не могла воспрепятствовать исполнению этого древнего маньчжурского обычая.

Единственным препятствием Цыси на пути к неограниченной власти стал ее пол — она была женщиной, которая по строгим законам китайской империи считалась неполноценным человеком и уступала место мужчине. Строгие правила этикета создавали серьезные препятствия на ее пути. И тем

не менее Цыси постепенно и настойчиво отбрасывала некоторые традиционные установления, сковывавшие ее действия.

ГУАНСЮЙ И РЕФОРМАТОРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

После смерти в 1891 г. сорегентши Цыань, которая проявляла большую заботу о Гуансюе, его единственным другом и защитником остался учитель и наставник Вэн Тунхэ. Это был смелый и честный человек, способный чиновник и выдающийся конфуцианский ученый. Его рассказы о бесправном положении китайского народа, о произволе и жестокости чиновников производили сильное впечатление на Гуансюя, и он проникся к своему учителю большим доверием и уважением. Так в ранние годы молодой император узнал о повсеместных злоупотреблениях, коррупции и жадности чиновников. Воображение юноши, не развращенного еще дворцовыми интригами, подогревалось свободолобивыми идеями, которыми были заражены передовые люди его поколения.

Поражение в войне с Японией (1894—1895) принесло Китаю национальный позор, взбудоражило умы мыслящей части китайского общества и породило сильную оппозицию маньчжурскому правительству во главе со вдовствующей императрицей Цыси. Японо-китайская война показала полную неспособность маньчжурских правителей организовать защиту страны, а это усилило «бунтарские» настроения императора Гуансюя, с именем которого связано движение за реформы.

Сторонники реформаторского движения боялись революционных взрывов — они все сводили к реформам. И тем не менее всякое выступление против абсолютизма, против утвердившихся столетиями традиций рассматривалось кликой Цыси как неслыханное бунтарство. Вот почему нужно было обладать большим мужеством, чтобы в таких условиях не бояться пропагандировать реформы.

Одним из выдающихся руководителей реформаторского движения в Китае конца XIX в. был Кан Ювэй, оставивший глубокий след в истории борьбы китайского народа против абсолютизма.

В 1898 г. учитель Вэн Тунхэ познакомил императора Гуансюя с Кан Ювэем, который поражал современников широтой своего мышления, страстностью и убежденностью суждений. Незаурядный ум, широкая эрудиция, пламенное красноречие, страстность, глубокая вера в свои идеи, смелость суждений Кан Ювэя произвели неизгладимое впечатление на молодого императора.

Сущность политической программы Кан Ювэя состояла во введении в Китае конституционной монархии и осуществлении умеренных буржуазных реформ. Он выступал против революционного преобразования китайского общества, утверждал, что маньчжуры и китайцы объединены общей религией и культурой. Назначение маньчжурским правительством Ли Хунчжана, Юань Шикая, Чжан Чжидуна, Цзэн Гофаня и других китайцев на высокие посты он рассматривал как доказательство разделения власти между маньчжурами и китайцами. Кан Ювэй выдвинул лозунг: «Единство маньчжуров и китайцев, монарха и народа».

На формирование политических идей Кан Ювэя большое влияние оказало учение Конфуция. Поэтому следует хотя бы вкратце напомнить читателю о сущности этого учения.

Великий мыслитель древнего Китая, живший 2500 лет назад, Конфуций создал этико-политическое учение, получившее название «конфуцианство». Суть этого учения состояла в совершенствовании нравственной природы человека, в советах правителю, как лучше управлять государством и своими подданными.

На первое место Конфуций ставил нравственные аспекты воспитания, и они включали в себя «пять добродетелей»: 1) человеколюбие (жэнь), 2) долг (и), 3) нормы поведения (ли), 4) знание (чжи), 5) верность (синь). Кроме того, сюда же относится сыновняя почтительность (сяо). Заметим, что

русский перевод содержания «пяти добродетелей» весьма условен: каждая из этих категорий конфуцианской этики представляет собой слишком емкое понятие, чтобы его можно было выразить одним русским словом.

Существо «пяти добродетелей» состоит в следующем:

1) Человеколюбие (жэнь) воплощает все лучшие нравственные ценности и нормы поведения человека: милосердие, сдержанность, скромность, доброту, сострадание, любовь к людям, правдивость, искренность. «Жэнь» синтезирует в себе идеальные качества, которыми якобы наделены легендарные правители Яо, Шунь и Юй. Конфуций призывал современников брать с них пример и руководствоваться «жэнь», т. е. стремиться к нравственному совершенствованию. Все добродетели человека, считал он, происходят от «жэнь» — основного принципа, на котором базируется здание общества.

2) Долг (и). Высший закон человеколюбия (жэнь) материализуется в жизни посредством долга (и). Само понятие «и» многозначно. Оно суммирует определенные моральные обязательства, которые добродетельный человек добровольно на себя принимает.

3) Нормы поведения (ли) составляют основу основ учения Конфуция. Они включают в себя такие понятия, как «церемонии», «благопристойность», «правила этикета», «обряды». Но и все эти понятия, вместе взятые, лишь приблизительно передают значение «ли».

Принципом «ли» регламентировались взаимоотношения между людьми, нормы поведения человека в обществе. Китайский этикет исходил из того, что извечно и неизменно существуют три вида отношений: правителя и подданных, старшего и младшего, отца и сына. И хотя отношения между старшим и младшим, отцом и сыном, казалось бы, лишены классового содержания, однако все эти догматы конфуцианства были призваны сохранить на века патриархальную семейную и социальную систему во главе с «просвещенным и совершенным правителем».

Экономические отношения, которые лежат в основе любых отношений

между людьми, подменялись Конфуцием морально-этическими категориями, выраженными в его учении о сущности «ли».

4) Знание (чжи). Вопрос о знании и его источнике Конфуций сводил к изучению древних книг и заимствованию опыта предков. Основным методом получения знаний он считал обучение, а источником их — древние предания и летописи. Вот почему конфуцианцам было чуждо критическое осмысливание прежнего и нового опыта развития общества, а естественные науки вообще не принимались ими во внимание. Знания приобретались только посредством усвоения традиционных установлений, изречений и подражания авторитетам, т. е. древним, совершенно мудрым правителям. Всякое новое явление оценивалось с позиции старого опыта и подгонялось под старое.

Конфуций считал себя хранителем и толкователем мудрости древних, которые служили примером для подражания. К ним относились легендарные правители Яо, Шунь и Юй. Благодетельные деяния этих правителей передавались в народных сказаниях из поколения в поколение.

В своих проповедях Конфуций всегда ставил в пример Яо, Шуня и Юя, призывал учиться у них, подражать им во всем. О себе он говорил: «Я толкую, но не создаю. Я верю в древность и люблю ее». И еще: «Учение мое не что иное, как учение, которое преподали и оставили нам древние. К учению этому я ничего не прибавляю, ничего от него не отнимаю, но передаю его в первоначальной чистоте. Учение это неизменно — само небо создатель его. Я сам только уподобляюсь земледельцу, который бросает зерно в землю и поливает ее, но который сам по себе не имеет силы заставить посеянное зерно пустить ростки и принять формы растений иного рода».

Многие китайские историки и социологи отмечали большую приверженность китайцев к старине. «На протяжении целых тысячелетий, — писал китайский социолог Шэнь Найчжэн в 1924 г., — лицо Китая было обращено к прошлому. Китайцы видели идеальный золотой век в древнем прошлом, когда, по их предположениям, народ был просвещеннее и

устойчивее в моральном отношении и когда политические, экономические и социальные условия вполне соответствовали умственному и нравственному уровню народа. Китай настойчиво стремился к тому, чтобы возможно ближе подойти к этому идеализированному им положению вещей, и к достижению этой цели он в течение веков направлял все свои усилия».

Понятно, что в таком рассуждении китайская старина идеализируется и рассматривается вне классовых позиций. Старину пытался законсервировать прежде всего господствующий класс в стране, исходя из своих классовых интересов. И тем не менее культ старины глубоко проник в сознание различных классов и сословий Китая.

5) Верность (синь). Верность подданного, основанная на покорности и искренности по отношению к правителю, является неотъемлемым элементом этико-политического учения Конфуция.

Сыновняя почтительность (сяо). Согласно конфуцианскому учению, существует пять основных видов взаимоотношений между людьми: 1) императором и чиновниками; 2) отцом и сыном; 3) старшим братом и младшим братом; 4) мужем и женой; 5) между друзьями. Среди этих пяти видов основных взаимоотношений между людьми главное место отводится сыновней почтительности.

Будучи перенесенной из семьи на государство, почтительность к родителям расширялась до культа покорности народа императору. Китайская нация рассматривалась как одна большая семья, отцом и матерью которой (одновременно!) был император. В феодальном Китае имела широкое хождение поговорка: «Государь — отец и мать народа». Всем членам этого «большого семейства» предписывалось проявлять к императору сыновнюю любовь и почтительность.

Кто же мог овладеть «пятью добродетелями?» Ими мог овладеть «благородный человек» (цзюнь цзы). Ему отводилась роль идеального и наглядного примера для подражания, учителя, наставника народа, образца добропорядочности.

И хотя «благородный человек» оценивался прежде всего по его моральным качествам, однако он не мыслился в отрыве от государственной службы, административной деятельности. Он отождествлялся с благородным чиновником, сановником, вплоть до самого правителя.

Чтобы стать «благородным человеком», нужно было обладать определенными знаниями духовной культуры предков (вэнь). Это открывало широкие возможности для чиновничьей карьеры. «Благородный человек», по существу, олицетворял собой господствующие классы китайского общества.

На другом полюсе китайского общества стоял «ничтожный человек» (сяо жэнь) — так Конфуций называл простолюдинов, уделом которых был тяжелый физический труд, создание материальных благ для жизни всех классов и сословий общества.

Если «благородный человек» наделялся всеми лучшими качествами, отвечал всем требованиям человеколюбия (жэнь), то «ничтожный человек» был синонимом всего отрицательного, что встречалось в людях. Он думал лишь о себе, об удовлетворении своих потребностей, данных от природы. Долг же «благородного человека» — заботиться о совершенстве морали и добродетели, ценить и поощрять справедливость и честность. Ему не к лицу помышлять о хлебе и пахотном поле — это удел «ничтожного человека».

«Ничтожный человек» также мог стать «благородным» путем самоусовершенствования, путем приобщения к духовной культуре предков (вэнь), потому что не богатством оценивается человек, а нравственностью, потому что по изначальной природе все люди равны. Однако в жизни «ничтожный человек», т. е. мужик, крестьянин, в силу бедности и жестокой эксплуатации, не мог овладеть духовной культурой предков (вэнь).

Конфуцианство пыталось решать социальные проблемы не экономическими средствами, а с помощью морализаторских поучений и строжайшего соблюдения этических догм.

По учению Конфуция, знатные люди мудры и самим небом наделены властью; простолюдины глупы, поэтому их удел работать на полях и кормить

своих благородных господ — таковы исходные классовые посылки его этико-политического учения. А чтобы простолюдины не возмущались своим тяжелым положением, их следует воспитывать в духе покорности. Идея покорности пронизывает все его учение, сын подчиняется отцу, жена — мужу, нижестоящий чиновник — вышестоящему, а все вместе — правителю. Эта идея нашла свое отражение в понятии «преданность» (чжун).

Конфуций понимал, что в обществе существует социальное неравенство, деление людей на высших и низших, богатых и бедных. Но как покончить с несправедливостью на земле? Этого можно достичь, оказывается, путем морально-этического воспитания людей, независимо от их социального положения, путем внутреннего совершенствования личности; если угнетатель и угнетенные, эксплуататор и эксплуатируемые, правитель и его подданные будут придерживаться установленных морально-этических принципов, следовать примеру легендарных правителей Яо, Шуня и Юя, то на земле восторжествует гармония и справедливость.

Эти этические категории Конфуций обосновывал, ссылаясь на древность, которую он отождествлял с «золотым веком» китайской истории. Преклонение перед древностью составляло квинтэссенцию этико-политического учения Конфуция: идеализация прошлого, культ древности должны были играть роль идеального будущего. Он призывал вернуться к какой-то золотой патриархальной старине, к какому-то легендарному, давно минувшему веку благоденствия, когда народ шел безропотно за своим правителем, наделенным небом мудростью и титанической силой укрощать природную стихию.

Современному миру, погрязшему в пороках, мудрец противопоставлял «золотой век», во время которого страной правили легендарные правители. Апелляция к «золотому веку» стала символом китайской цивилизации. По убеждению Конфуция, искоренение пороков в обществе возможно только при возврате к идеализированным порядкам прошлого.

В основе духовного воспитания в феодальном Китае лежало изучение

классических конфуцианских книг, написанных или составленных Конфуцием и его последователями. Они считались священными во всех слоях общества и на протяжении более чем двух тысячелетий были канонами, по которым велось воспитание и обучение во всех школах Срединного государства.

Смысл, язык и стиль этих классических книг были чрезвычайно трудными для понимания, поэтому тексты сопровождались многочисленными комментариями, без которых вообще невозможно их читать. Такие комментарии, написанные в разные эпохи, по-разному трактовали содержание канонов.

Для получения выгодной чиновничьей должности нужно было сдать государственные экзамены, которые проводились в три тура: уездные — на первую ученую степень, сюцай; провинциальные — на вторую ученую степень, цзюйжэнь, и, наконец, столичные — на третью (высшую) ученую степень, цзиньши.

Чтобы успешно сдать государственные экзамены, требовалось знание наизусть конфуцианских книг и умение написать философское сочинение в стиле багу.

Что же такое стиль багу? Это восьмичленное сочинение, состоявшее из восьми разделов, строго ограниченных числом иероглифов: 1) тема; 2) разъяснение темы; 3) основные положения сочинения; 4) подход к изложению; 5) начало изложения; 6) середина изложения; 7) конец изложения; 8) заключение.

Два главных раздела сочинения, содержавших изложение основной идеи трактуемого канона, должны были состоять из четырех положений. Каждое из них заключало в себе тезис и антитезис, причем требовалось, чтобы фразы, в которых излагались эти противопоставления, точно соответствовали друг другу ритмически и синтаксически.

«Тема» включала две фразы, раскрывающие основное содержание сочинения. «Разъяснение темы» излагалось в трех-четырех фразах; здесь

формулировалась цель сочинения. В разделе «Основные положения сочинения» предварительно в общих чертах передавалось содержание всей работы. «Подход к изложению» связывал первые разделы с изложением самой темы. И только четыре последних раздела представляли собой сочинение, как таковое.

Для наглядного представления о восьмичленном сочинении приведем одно из них с некоторым сокращением.

1. Тема. Удельный князь Цыгун спросил Конфуция: «Предположим, есть такой человек, который обладает безграничным милосердием и силой, благодаря чему он в состоянии оказать помощь любому, кто в ней нуждается. Что бы вы сказали о таком человеке? Может ли он быть назван человеколюбивым?» Конфуций ответил: «А правильно ли употребляется слово «човеколюбие»? Должно ли человеколюбивого считать святым человеком?»

2. Разъяснение темы. Приведенные слова Конфуция означают, что человеколюбивый в подлинном смысле этого слова не в состоянии обладать безграничным милосердием и силой, как предполагает Цыгун. Безграничное милосердие и силу не может иметь никто, а только святой. Вот почему Конфуций, отвечая на вопрос Цыгуна, сказал: «Должно ли человеколюбивого считать святым человеком?»

3. Основные положения сочинения. Слово «човеколюбие» применимо к такому человеку, который по всем своим признакам удовлетворяет всем требованиям человеколюбия. Но если этому слову придать слишком большой смысл, то истинные признаки человеколюбия могут быть отнесены только к такому человеку, который обладает ими. Вопрос Цыгуна вызван его горячим желанием проявить все свои способности, чтобы человеколюбивый был бы в состоянии Даровать мир и благополучие своему поколению. Конфуций, отвечая Цыгуну по поводу оценки человека, способного обладать безграничным милосердием, указал, что такую большую силу и большое милосердие могли иметь только

несколько святых людей древности, вроде правителей Яо и Шуня. Цыгун считал, что достижение человеколюбия невозможно. Он полагал, что лишь тогда будет успешно развиваться человеколюбие, когда симпатиями человека будут пользоваться все люди и живые существа. Но Цыгун забыл, что благодеяния и добродетели снизошли на нас с давних времен и что существует различие между обыкновенными смертными и святыми, наделенными большой силой, вроде правителей Яо и Шуня.

4. Подход к изложению. Его священное величество, нынешний глава государства, защитник своего народа, думает о его нуждах. Наступит «золотой век», когда ни один человек не будет страдать от нужды. Безграничное милосердие и сила, о которых говорил Цыгун, могут быть достоянием только правителя. Может ли человеколюбивый достичь таких качеств? Слова Цыгуна поистине звучат странно.

5. Начало изложения. В Поднебесной каждый мужчина и каждая женщина, которым небо даровало плоть и душу, должны в радости и горечи чувствовать мою заботу. Получая от меня помощь, никто не должен испытывать чувство страдания. Таким путем я выполню долг человеколюбия, и оно не будет для меня каким-то отдаленным.

Предположим, я проявлю сострадание к моим близким и обеспечу им благоденствие, тогда мои симпатии одновременно будут распространяться повсюду и на всех людей. Но если скажут, что моя щедрость должна быть везде, где падает луч солнца и луны, я смогу достигнуть высшего предела человеколюбия, и это не будет столь трудным делом.

6. Середина изложения. Предположим, есть такой человек, который обладает безграничным милосердием и силой, благодаря чему он в состоянии оказать помощь любому, кто в ней нуждается. Что же это за человек? Какую работу он должен осуществить? Когда Цыгун сомневался, может ли такой человек достигнуть всех признаков человеколюбия, насколько он переоценивал эти признаки и недооценивал возможности, необходимые для достижения безграничного милосердия!

7. Конец изложения. Цзыгун, задавая вопрос, твердо знал, что сделать такую большую и трудную работу нелегко. Поэтому он дал волю воображению и представил себе человека, обладавшего безграничным милосердием и добродетелью, человека, чья работа, возможно, будет в состоянии удовлетворить его собственные чувства любви ко всем людям.

8. Заключение. Конфуций ответил на такой вопрос без колебаний. Может ли человеколюбие достигнуть своего предела? Разве мир не полон разнообразными людьми, разве все они едины во мнениях? Природа может сотворить хорошего и великого человека, но нужно ждать столетия, чтобы человек с такими необыкновенными способностями появился на свет и был признан всеми.

Почему же мы все же верим в возможность появления подобного человека? Потому что необыкновенно тяжелая работа нуждается в таком человеке, который был бы связан с небом и землей. С самых ранних времен для свершения необыкновенно трудных дел необходим был правитель, наделенный особой силой. Это — император, который своим мудрым правлением обеспечивал равновесие и гармонию, что создавало счастливый порядок для жизни всех существ, сотворенных небом и землей.

При возникновении бедствий, если такой человек не появлялся, то народ не мог быть спасен. Человеколюбивый в состоянии выполнить такую работу в том случае, если люди смотрят на него с надеждой.

Могут ли люди всегда наслаждаться благоденствием и довольством? Когда наступает время несчастий, жизнь и имущество народа могут быть спасены способным правителем. Однако как мы можем быть уверены, что святой человек неожиданно появится для спасения народа? Время, когда все люди будут пользоваться счастьем и довольством, настанет только в том случае, если события будет предопределять мудрый человек. Правитель, который намерен осчастливить своих подданных, должен обладать высшими моральными качествами и иметь согласие с природой. При необходимости спасти людей от голода и наводнения никто не в состоянии этого сделать,

кроме такого правителя. Человеколюбие может сильно помочь ему. Помышляя о необходимости иметь мудрого и великого правителя, почему бы нам не вернуться к временам правителей Яо и Шуня?

Вот в чем состоит смысл ответа Конфуция: «А правильно ли употребляется слово «человеколюбие»? Должно ли человеколюбивого считать святым человеком?»

И вот такое схоластическое и отвлеченное рассуждение считалось верхом мудрости, ставилось образцом для подражания,

Стиль багу сковывал живую мысль и все сводил к строгому соблюдению раз и навсегда данной формы, к начетничеству и талмудизму. Однако на всех государственных экзаменах требовалось при написании сочинения строго придерживаться такого стиля.

Древние китайские мыслители выражали свои мысли неясными, отвлеченными рассуждениями и встречными вопросами, прибегали к риторике и аналогиям. Поэтому зафиксированные в литературных памятниках их беседы и суждения можно толковать по-разному. В последующем такая манера выражения мысли стала стереотипом, считалась признаком учености и мудрости: она преобладала и при написании восьмичленного сочинения багу.

Написание сочинения стилем багу усложнялось трудностью китайской письменности. Китайская письменность — иероглифическая, в ней отсутствует алфавит. Каждый предмет, каждое явление и каждое понятие выражается на письме особым знаком — иероглифом или соединением нескольких иероглифов, которые состоят из различных черт и штрихов и имеют разнообразное начертание. Иероглиф пишется в определенной последовательности, количество черт в нем доходит до 52. Чтобы читать китайскую литературу, надо знать не менее 4 тысяч иероглифов, а это требует огромного напряжения памяти. Люди, долгое время не писавшие иероглифы, могут забыть их написание. Поэтому китайская иероглифическая письменность была недоступна широким народным массам.

Великий китайский писатель-демократ Лу Синь так оценивал китайскую письменность: «Цивилизованные люди отличаются от дикарей прежде всего тем, что у них есть письменность, при помощи которой они могут выразить свои мысли и чувства, передать эти мысли и чувства всем и оставить их для будущих поколений. Хотя в Китае есть своя письменность, но она не имеет связи с народными массами. Грамотные люди употребляют такую древнюю письменность, которую даже трудно понять самым грамотным. По своему содержанию наша письменность толкует только о старой и отсталой идеологии; все ее выражения настолько устарели, что это сводит ее значение к нулю. Поэтому-то мы, китайцы, не можем понимать друг друга и живем мы как отдельные песчинки в большом корыте». И еще: «К нашей письменности относятся как к антикварной драгоценности. Чем она труднее для понимания, тем она ценнее — все это может быть забавно, однако какой толк от всего этого?»

С такими трудностями китайской словесности столкнулся молодой Кан Ювэй, уроженец уезда Наньхай, провинции Гуандун, сын образованного помещика. С пяти лет его стали приобщать к чтению конфуцианских книг. И уже в этом возрасте мальчик выделялся среди сверстников феноменальной памятью. Семи лет он уже писал серьезные сочинения на конфуцианские темы, одиннадцати лет приступил к систематическому изучению китайской истории; четырнадцати лет впервые написал восьмичленное сочинение багу, но неудачно.

Дед Кан Ювэя требовал от внука научиться писать сочинения в стиле багу. Выдержав экзамены на аттестат зрелости в 1873 г., он готовился на соискание ученой степени цзюйжэнь, но провалился в 1876 г. при написании сочинения в стиле багу. В конце концов ему все же удалось получить ученую степень цзюйжэнь. Высшую ученую степень цзиньши он так и не получил в связи с плохим состоянием здоровья, хотя его книги, изданные большим тиражом, были написаны на прекрасном классическом языке и пользовались большой популярностью среди ученого сословия.

В зрелом возрасте Кан Ювэй отправился в Пекин держать государственные экзамены и по пути побывал в Гонконге и Шанхае, «наблюдал совершенство политического правления европейцев». Причину успеха европейских стран он видел в их морали и просвещении. Отдавая дань уважения Конфуцию, Кан Ювэй пытался приспособить конфуцианство к реформам и нововведениям.

В его книге «Великое единение» будущий Китай изображался в таком виде: Поднебесная будет принадлежать всем, не будет классов и все будут равны, но это можно сделать после уничтожения частной собственности, когда промышленность, сельское хозяйство и торговля будут в руках общества. Тут же утверждалось, что в Китае не было классов и их можно в будущем избежать путем реформ — так выражалась боязнь молодой китайской буржуазии классовой борьбы.

В своей неустанной пропаганде необходимости проведения реформ в Китае Кан Ювэй постоянно ссылаясь на авторитет древнего китайского мыслителя Конфуция. В 1891 г. им был издан «Новый комментарий к классическим книгам», в котором доказывалось, что сам Конфуций признавал эволюционный порядок развития народа и его учреждений. За приверженность к конфуцианскому учению современники в шутку называли Кан Ювэя «современным Конфуцием».

Воспитанный на конфуцианстве, Кан Ювэй пытался привлечь авторитет этого учения для достижения своих политических целей. Он пользовался испытанным в Китае приемом: для подтверждения справедливости собственных взглядов ссылаясь на древнюю историю. Считалось, что так легче добиться доверия народа, которому ближе и понятней прошлый исторический опыт, чем неизвестные и не проверенные жизнью нововведения.

Главным содержанием учения Конфуция, утверждал Кан Ювэй, является учение о реформах государственного строя. Таким путем он предполагал провести историческую параллель между конфуцианским

учением и проектами о необходимости проведения реформ в Китае.

Учение Конфуция о божественной природе императорской власти Кан Ювэй переносил на современность: правители царствуют лишь по воле неба, нарушив которую, они теряют все законные права на престол, и небо передает право на царствование другому правителю.

Конфуций создал образы легендарных правителей Яо, Шуня и Юя, считавшихся примером добродетели и, следовательно, объектами подражания для современников. Кан Ювэй считал, что Конфуций выдумал образы этих легендарных правителей, чтобы завоевать доверие современников. «Без исторического примера, — писал Кан Ювэй, — трудно добиться доверия, а без доверия народ не будет повиноваться, поэтому во всех своих проектах Конфуций ссылается на предыдущих правителей».

Одним из ближайших учеников и соратников Кан Ювэя был Лян Цичао (1873—1929) — выходец из помещичьей семьи, также уроженец провинции Гуандун.

Группировка Кан Ювэя — Лян Цичао представляла интересы просвещенных помещиков и торговцев, стремившихся стать капиталистами и мечтавших получить необходимые политические гарантии, т. е. определенные демократические права.

Кан Ювэя и Лян Цичао меньше всего интересовали насущные нужды китайского народа: являясь сторонниками расистской теории, они стояли за объединение народов желтой расы для сопротивления агрессии со стороны белой расы. Поэтому они уповали на Японию, которая рассматривалась ими как образец для Китая. Единство маньчжуров и китайцев предполагалось осуществить на основе расизма. Лян Цичао говорил: «Мы, китайцы, пропитаны до мозга костей национальной гордостью и презрением к иноплеменникам. Очевидно, мы не можем смотреть на них без чувства отвращения». Понятно, что речь шла не о национальной гордости, а о великодержавном национализме и расизме.

Кан Ювэй и Лян Цичао не призывали к свержению монархического

строю, а лишь мечтали о конституционной монархии, чтобы власть императора была ограничена законом. Их реформы не затрагивали существа экономического и политического строя, а касались создания сильной армии, распространения образования, привлечения талантливых людей к управлению государством, защиты частных предприятий от произвола чиновников-казнокрадов, развития национальной промышленности, товарного сельского хозяйства, транспорта, торговли, прикладных наук.

Эти реформы отражали интересы молодой китайской буржуазии, которая добивалась проведения реформ усилиями самого императора, а не «снизу» — она боялась народных восстаний.

Власть монарха должна была быть ограничена законодательным комитетом, выражавшим волю китайских либеральных помещиков и буржуазии, которая в тех исторических условиях отвечала интересам всего китайского народа, поэтому борьба реформаторов во главе с Кан Ювэем объективно была направлена против гнета маньчжурского абсолютизма и иностранной агрессии. А чтобы заставить маньчжурский двор согласиться на перемены, реформаторы запугивали его угрозой народных восстаний. Среди реформаторов не было единства, что отрицательно сказалось на судьбах движения, лишило его необходимой организованности и целеустремленности.

Группировка Вэн Тунхэ представляла собой группу чиновников, поддерживавшую императора Гуансюя. Выступая за некоторые реформы, Вэн Тунхэ думал осуществить их по «единоличному распоряжению императора», изменить некоторые негодные методы правления государством и оказать сопротивление партии вдовствующей императрицы Цыси. Он считал, что не следует вмешиваться в вопросы политической власти.

Группировка Тань Сытуна была выразителем взглядов наиболее радикально настроенной части либеральных помещиков и национальной буржуазии Центрального Китая. Тань Сытун идеализировал капиталистический строй, противопоставляя его отсталым феодальным

порядкам, господствовавшим в Китае.

Кан Ювэй допускал компромисс между китайцами и маньчжурами. Тань Сытун был непримиримым врагом маньчжуров, говорил о них как о самых свирепых и грубых из всех иноземных завоевателей, когда-либо вторгавшихся в пределы Китая. Его антиманьчжурские идеи переплетались с антимонархическими.

Если Кан Ювэй стоял за конституционную монархию, за правление гуманного, добродетельного маньчжурского императора Гуансюя, то Тань Сытун выдвигал идею упразднения монархии и учреждения республики.

Существовали и другие группировки среди реформаторов: их идеологические разногласия предопределили и слабость реформаторского движения.

В этот период 'между императором и Кан Ювэем росло взаимопонимание. Став друзьями-единомышленниками, они долгие часы проводили за разговорами в одной из комнат Дворца небесной чистоты. Беседы шли о неурядицах, поразивших империю, о коррупции чиновничества в правительстве, о японо-китайской войне 1894-1895 гг.

Одна из причин поражения Китая в этой войне состояла в гнилости и разложении правящей маньчжурской верхушки: слабо подготовленная и отсталая китайская армия была разбита, а китайский военно-морской флот потоплен. На его строительство были выделены огромные средства, большинство которых по настоянию вдовствующей императрицы Цыси пошло на сооружение и украшение ее Летнего дворца.

В то время как молодой император Гуансюй и Кан Ювэй обсуждали планы спасения Китая, Цыси в своем сказочном Летнем дворце наслаждалась жизнью, любовалась картинами, мраморными террасами и безмятежным озером, предавалась эротическим оргиям. При всем увлечении земными наслаждениями она тем не менее внимательно следила за действиями реформаторов, была противницей любых нововведений в государстве, особенно западного образца.

Планы реформ, которые разрабатывали молодой император и его вольнодумствующий друг Кан Ювэй, сохранялись до поры до времени в тайне: они знали, что шпионы Цыси рыскали по дворцу и обо всем докладывали ей.

Находясь под сильным влиянием незаурядной личности Кан Ювэя и его реформаторской деятельности, император Гуансуй пытался ограничить власть назначенных Цыси наместников, губернаторов, глав приказов и других начальников столичных и провинциальных учреждений путем выдвижения на ответственные должности в центре и на периферии молодых чиновников и ученых — сторонников реформ.

Передовые демократические представители китайской интеллигенции настойчиво выступали за отмену заскорузлой системы образования и воспитания, за использование иностранной науки в интересах Китая, против засилья консервативных элементов в маньчжурском правительстве, и это нашло отражение в движении за реформы.

С 11 июня по 21 сентября 1898 г., т. е. в течение 103 дней, император Гуансуй издал большое количество указов, которые составлялись участниками движения за реформы. Указы касались самых различных вопросов: отмены сочинений стилем багу на государственных экзаменах, перевооружения войск Пекинского гарнизона по иностранному образцу, поощрения научных методов ведения сельского хозяйства, поощрения изобретательства и научных открытий, реорганизации школьного дела, изменения программы государственных экзаменов, срочного перевода на китайский язык иностранных книг и т. д.

Период времени, когда были изданы эти указы, в китайской истории получил наименование «сто дней реформ».

Многим из этих указов не суждено было претвориться в жизнь, и тем не менее они свидетельствовали о смелом вызове прогнившему монархическому строю.

В одном из императорских указов, обнародованном 10 августа 1898 г.,

говорилось:

«В переживаемое нами тяжелое время необходимо покончить со всеми старыми традициями и проводить новые преобразования, если только мы хотим идти по пути самоусиления. Так как большинство сановников в правительстве и в провинциях стремятся сохранить в неизменном виде старые правила и консервативный режим, нами неоднократно издавались указы, обязывающие всех взяться за изучение современных вопросов и отказаться от порядков династий Сун и Мин. Несмотря на это, как крупные сановники, так и простые чиновники еще не поняли намерений двора. Да будет всем известно, что в настоящее время необходимо широко проводить новые начинания, для чего следует отобрать самые лучшие из многочисленных предложений и привести их в единую систему».

Кан Ювэй вел настойчивую борьбу за отмену написания сочинений стилем багу на государственных экзаменах, и эта борьба увенчалась успехом. 23 июня 1898 г. был обнародован императорский указ, в котором говорилось:

«За последнее время обычаи и дух интеллигенции стали приходить в упадок и литературный стиль деградировал. Экзаменационные сочинения в большинстве случаев пишут небрежно и формально, в них не разъясняют подлинного смысла классических книг. В результате ученые степени присуждаются недостойным людям, обладающим посредственными, поверхностными знаниями... Многочисленные злоупотребления, происходящие из-за порочной экзаменационной системы, настолько тяжки, что мы вынуждены были обратить на это наше внимание и произвести необходимые изменения с тем, чтобы положить конец пагубному влиянию на интеллигенцию пустых литературных форм», Гуансюй своим указом отменял систему экзаменационных сочинений классическим стилем багу на отвлеченные темы из классических конфуцианских канонов.

Экзаменуемым предлагали перечень конкретных вопросов, на которые они должны были дать ответы в письменном виде. Экзаменационные темы включали проблемы государственного управления,

вопросы из китайской истории и современных западноевропейских наук.

Императорский указ об отмене стиля багу рассматривался как серьезная победа над силами консервативного лагеря. Учащаяся молодежь, отбросив зубрежку шаблонных форм, начала с большим интересом изучать книги по политико-экономическим вопросам, знакомиться с жизнью иностранных государств, западной наукой и техникой, европейскими общественно-политическими теориями.

Во время «ста дней реформ» многие правительственные чиновники были освобождены от занимаемых должностей, богатые облагались большими налогами, бедные освобождались от налогов. От чиновников требовали отказаться от ношения роскошных шелковых халатов и облачиться в простые европейского стиля костюмы. Такие радикальные нововведения Гуансюя перепугали бюрократию императорского двора.

Цыси, понимая всю сложность обстановки, пыталась маневрировать: не возражала против некоторых реформ, проводимых императором Гуансюем, и даже пыталась выглядеть в глазах своих приближенных в известной мере сторонницей нововведений. Чтобы нагляднее подчеркнуть отказ от прежних традиций, она с императором Гуансюем и всем двором как-то прибыла из загородной прогулки в Пекин по железной дороге в особом императорском поезде. Населению было разрешено вопреки традициям наблюдать за поездкой высоких особ. Это было неслыханное «новшество» и грубое нарушение устоявшихся веками правил.

Цыси дала согласие на обнародование 23 июня 1898 г. императорского указа об отмене системы экзаменационных сочинений стилем багу. Она сочувственно отнеслась к кампании за запрещение бинтования ног китайским девочкам. Но это был всего лишь фарс.

Кан Ювэй пытался настроить Гуансюя против Цыси, говорил, что она расточительно относится к государственным средствам: тратит огромные суммы денег на сооружение своего мавзолея и на устройство Летнего дворца-парка Ихэюань. Он предлагал покончить с властью вдовствующей

императрицы, окружить Летний дворец, арестовать Цыси и заточить ее на одном из островов озера Наньхай на территории Запретного города.

Слабовольному, не имевшему влиятельных друзей, армии и фактической власти Гуансюю трудно было противостоять решительной и опытной Цыси, которая в столице и провинциях, повсюду имела своих агентов и сторонников.

Отношения между консерваторами во главе с Цыси и реформаторами все более обострялись. Летом 1898 г. Цыси заставила Гуансюя отдать указ об отстранении его наставника и учителя Вэн Тунхэ и высылке его из столицы.

Реформаторы знали, что наиболее влиятельные государственные деятели Ли Хунчжан и Жун Лу преданно служат Цыси, поэтому на них нельзя положиться.

Видный сановник и дипломат маньчжурского правительства Ли Хунчжан выступал против движения за реформы. Это не мешало ему поддерживать тесную связь с иностранным капиталом в Китае, вкладывать свои капиталы в промышленные предприятия и судоходство, считаться одним из лидеров «проиностранный» группировки. В 1853 г. он принимал активное участие в подавлении восстания тайпинов, в 1867 г. стал наместником провинций Цзянсу и Аньхой, а в 1870 г. — наместником столичной провинции Чжили.

Ли Хунчжан особенно проявил себя на дипломатическом поприще, участвовал в дипломатических переговорах с Францией во время франко-китайской войны (1884—1885), подписал Симоносекский договор после поражения Китая в японо-китайской войне (1894-1895).

В мае 1896 г. состоялась коронация русского царя Николая II. Ли Хунчжан направился в Россию в качестве специального посла Китая для вручения русскому царю поздравления от имени маньчжурского императора. Во время коронации царя в Москве проходил торжественный спектакль в Большом театре, где был исполнен гимн «Боже царя храни». При исполнении гимна все встали. Ли Хунчжан оставался сидеть. Когда его спросили, почему

он не встал, китайский сановник ответил, что по одному из 10 тысяч правил придворного этикета он, как высший сановник, во время исполнения какого-либо национального гимна должен сидеть.

Кроме России, Ли Хунчжан посетил Германию, Голландию, Бельгию, Францию, Англию и США.

В феодальном Китае одним из испытанных средств избежать наказания за совершенное служебное злоупотребление считалось признание в содеянном. Лицемерно обвиняя себя в каком-либо мелком проступке и ходатайствуя о назначении наказания, мандарин прикрывал таким путем свои крупные злоупотребления. И ни один проверяющий цензор не решался обличить такого мандарина. За Ли Хунчжаном водилось немало серьезных злоупотреблений, и чтобы отвести от них внимание двора и общественности, он прибегал к таким приемам. В 1892 г. он подал доклад на имя императора о вреде, причиненном разливом реки Хуанхэ. Хотя, по его словам, предупредить наводнение было почти невозможно, тем не менее он смиренно признал себя виновным в бедствии и просил определить наказание для него и его чиновников, якобы допустивших наводнение. Такое чистосердечное раскаяние Ли Хунчжана произвело хорошее впечатление на двор, а его серьезные злоупотребления были преданы забвению.

Другим наиболее преданным сторонником Цыси был Жун Лу, который, по некоторым источникам, находился в интимных связях с ней и считался ее возлюбленным. На пути своей долгой служебной карьеры он занимал различные должности: был помощником начальника отделения дворцового казначейства, инспектором государственных экзаменов, начальником дворцового управления, главой Приказа общественных работ, главой Верховного императорского совета, командующим столичными войсками, наместником столичной провинции Чжили.

Как уже говорилось, Жун Лу со своим гвардейским отрядом охранял императриц Цыань и Цыси во время следования траурной процессии с гробом императора Сяньфэна из Жэхэ в Пекин. Когда Цыси стала

вдовствующей императрицей, она назначила великого князя Гуна временным командующим новой Пекинской полевой армии, вооруженной и обученной по европейскому образцу. Жун Лу служил в штабе этой армии. После повышения великого князя Гуна по служебной лестнице Жун Лу в 1864 г. получил из рук Цыси пост командующего этой армией, которая дислоцировалась в окрестностях Пекина. Он одновременно командовал императорской гвардией и столичной полицией.

Жун Лу слыл ярким противником всех реформ, добивался отстранения от престола Гуансюя и передачи всей полноты власти Цыси. В долгой жизни вдовствующей императрицы, пожалуй, не было ни одного важного события, когда бы этот человек не приходил ей на помощь.

В октябре 1898 г. по императорскому указу были сформированы четыре армии. Их командующими назначались генералы Сун Цин, Юань Шикай, Не Шичэн и Дун Фусян. Верховное командование было возложено на Жун Лу — наиболее ревностного сторонника консерваторов. Войска располагались вблизи Пекина и, по существу, являлись охраной маньчжурского правительства.

Если реформаторы получили право составлять проекты и издавать указы, то консерваторы во главе с Цыси обладали реальной военно-политической властью. На их стороне был Жун Лу, под командованием которого находились почти все вооруженные силы страны.

Консерваторы, сгруппировавшись вокруг трех лидеров — Цыси, Ли Хунчжана и Чжан Чжидуна, были яростными противниками реформ.

Император Гуансюй, очевидно, понимал, что реформаторы могут взять верх над консерваторами только в том случае, если они будут обладать военной силой. А для этого нужно было устранить Жун Лу, командовавшего по-европейски обученной армией, и использовать эту армию против консерваторов во главе с Цыси.

Один из вариантов плана реформаторов сводился к следующему. Во время смотра императорских войск в октябре 1898 г. в Тяньцзине

предполагалось убить Жун Лу, а также арестовать Цыси и сторонников консервативной партии. Был и другой вариант плана: убить Жун Лу в его резиденции в Тяньцзине, а затем быстро перебросить в Пекин его войска (около 10 тысяч человек) и с их помощью арестовать Цыси в Летнем дворце-парке Ихэюань. Речь шла не о ее физическом уничтожении, а о содержании под стражей до тех пор, пока указы Гуансюя о реформах не будут обнародованы и не обретут силы. Если этого не сделать, то вдовствующая императрица не только наложила бы вето на его указы, но просто уничтожила бы их. Официально же обнародованные императорские указы не так-то просто аннулировать.

В начале сентября 1898 г. отношения между императором Гуансюем и вдовствующей императрицей Цыси настолько обострились, что о компромиссе между ними не могло быть и речи. Все противники реформ объединились вокруг Цыси. Друзья императора уговаривали его принять решительные меры против вдовствующей императрицы и ее сторонников. Намечалось превратить ее дворец в тюрьму, откуда она лишилась бы возможности вмешиваться в государственные дела.

Сторонники реформ не могли рассчитывать на поддержку Жун Лу и Ли Хунчжана — верных приверженцев политики Цыси. Они решили привлечь на свою сторону Юань Шикая.

Кто же такой был Юань Шикай? Китаец по национальности, выходец из влиятельной феодально-бюрократической семьи. В 1880 г. поступил на военную службу и принимал участие в усмирении антикитайского восстания в Корее. В 1885 г. его назначили китайским наместником в Корее, где он длительное время выполнял военно-дипломатическую службу. В результате поражения китайских войск в японо-китайской войне Корея была потеряна для Китая, и это вызвало резкое недовольство Юань Шикаем со стороны Цыси и маньчжурского двора.

Юань Шикай слыл богатым промышленником: он вкладывал свои капиталы в фабричные предприятия, шахты и железнодорожное

строительство Северного Китая. Он усиленно пропагандировал идеи модернизации армии, поддерживал некоторые реформы и принимал участие в деятельности реформаторской организации «Союз усиления государства».

Будучи учеником и протеже Ли Хунчжана, Юань Шикай, как и его учитель, понимал, что Китаю нужны преобразования, чтобы догнать передовые европейские страны. Но он не верил, что император Гуансюй и его наставник Кан Ювэй способны осуществить свои многочисленные реформы.

14 сентября 1898 г. Юань Шикай прибыл из Тяньцзиня в Пекин и был принят Гуансюем в Летнем дворце. Понятно, что молодой император в первой беседе проявлял осторожность в суждениях и не мог сразу раскрыть планы реформаторов. Он заговорил о модернизации вооруженных сил, о создании современной армии. На вопрос Гуансюя, будет ли Юань Шикай предан императору, если его поставят во главе вооруженных сил страны, ответил:

— Ваш слуга рад стараться отблагодарить за императорскую милость, если даже его заслуга будет мизерной, как капля воды в океане или как песчинка в пустыне. Он готов преданно исполнить свой долг до последнего дыхания, «словно собака или лошадь».

Цыси донесли о беседе императора с Юань Шикаем. Она сразу же после этого вызвала его к себе и с пристрастием расспросила о содержании беседы. Так как во время этой беседы Гуансюй не раскрыл планы реформаторов, а только говорил о модернизации вооруженных сил, Цыси не могла что-либо выявить, однако стала подозревать подготовку заговора.

Искренне поверив Юань Шикаю, император Гуансюй пригласил его на следующую беседу во Дворец небесной чистоты в Запретном городе. Были приняты меры, чтобы никто не подслушал их разговора. И вот, восседая на лакированном троне дракона в сумрачном Тронном зале, куда едва проникал утренний свет, Гуансюй раскрыл ему планы реформаторов: пусть Юань Шикай немедленно возвращается в Тяньцзинь и убьет Жун Лу, затем во

главе войск вернется в Пекин и возьмет под стражу Цыси в Летнем дворце.

— Желает ли Юань Шикай быть преданным императору и выполнить этот план с помощью войск, находящихся под его командованием? — спросил в конце беседы Гуансюй.

Почтительно выслушав императора, Юань Шикай склонил колени и заверил его в своей преданности и готовности выполнить императорское повеление.

В конце беседы Гуансюй даровал Юань Шикаю золотую стрелу — символ власти при исполнении императорского повеления. Ему было передано также два императорских указа: первый — о казни Жун Лу, второй — о взятии под стражу Цыси. В случае выполнения этих указов Юань Шикай назначался наместником столичной провинции Чжили.

Юань Шикай торжественно пообещал все исполнить, но предал доверчивого императора. Вернувшись 20 сентября 1898 г. в Тяньцзинь, он сразу же направился в резиденцию Жун Лу и передал ему императорские указы, раскрыв замыслы реформаторов.

Пораженный полученным известием, Жун Лу спустя час после беседы с Юань Шикаем отправился на специальном поезде в столицу. Прибыв в Летний дворец, он, нарушив все установленные церемонии, добился немедленной встречи с Цыси.

Став на колени и совершив трехкратное челобитье, Жун Лу обратился к Цыси с такими словами:

— Защитите, Ваше величество!

— От кого вы просите защиты, — непонимающе спросила Цыси, — кто может причинить вам вред?

Жун Лу, поняв, что ему простят нарушение этикета, здесь же быстро пересказал разговор с Юань Шикаем и передал указы Гуансюя о казни Жун Лу и взятии под стражу вдовствующей императрицы.

Цыси молча слушала сообщение своего фаворита. Ее лицо, словно маска, сохраняло спокойствие и только глаза выражали ярость.

Юань Шикай выдал все планы реформаторов, и это поставило их под удар со стороны консерваторов во главе с Цыси.

В слепой злобе и страхе за свою жизнь вдовствующая императрица в срочном порядке созвала Верховный императорский совет, хотя уже наступила глубокая ночь. Она приняла решение совершить государственный переворот. Поздно ночью вся дворцовая стража была заменена преданной Цыси гвардией под командованием Жун Лу.

На следующий день рано утром Цыси должна была исполнить предписанные ей обязанности: совершить жертвоприношения и произнести молитвы в честь богини шелковичного червя. Но прежде чем исполнить эту церемонию, она направилась в Запретный город, чтобы наказать Гуансюя.

Существовало правило: если Цыси отправлялась из Летнего дворца в Пекин, то зажигали яркий факел, который видели в столице. Это служило сигналом для евнухов Запретного города быть готовыми к встрече вдовствующей императрицы.

Утром 21 сентября 1898 г. Гуансюй спал крепким сном, не подозревая, что над его головой сгустились грозные тучи и, конечно, не предполагая о предательстве Юань Шикая. Его преданный евнух, заметив сигнал о прибытии Цыси, поспешил в спальню императора, разбудил его и предупредил о приближении паланкина вдовствующей императрицы.

Интуитивно почувствовав недоброе, Гуансюй быстро встал и оделся. Первая мысль, пронзившая его мозг, была — предупредить Кан Ювэя о грозящей опасности. Он передал евнуху написанную второпях записку для Кан Ювэя, в которой говорилось: «Мое сердце охвачено великой печалью, и это невозможно выразить на бумаге. Вы должны немедленно отбыть за границу и изыскать средства для моего спасения».

Всего лишь за несколько часов до предполагаемого ареста Кан Ювэй был предупрежден и бежал в Тяньцзинь, где его встретил японский консул, под защитой которого он прибыл в Дагу, а оттуда на английском пароходе — в Шанхай.

Едва пароход с Кан Ювэем прибыл в Шанхай, как представители маньчжурских властей явились на его палубу с требованием выдать Кан Ювэя, но встретили энергичный отказ со стороны капитана, который заявил, что Кан Ювэя на пароходе нет (в то время как он был спрятан в трюме).

Представители маньчжурских властей возвратились в город ни с чем. А вслед за ними на берег сошел Кан Ювэй и отдался под защиту английского консула. Затем он направился в Японию, а оттуда — в Гонконг.

Когда императорский кортеж въехал в Запретный город, Гуансуй, как обычно в этих случаях, встретил Цыси челобитьем. И хотя во время «реформы ста дней» император при издании своих указов проявлял решимость и мужество, он всегда терялся при встрече со вдовствующей императрицей: он лишался нормальной речи, а его тело дрожало, словно от лихорадки.

Цыси внушала себе, что Гуансуй замышлял не только взять ее под стражу, но и физически уничтожить. А это считалось матереубийством, самым страшным преступлением в империи.

Видя, как дрожащий Гуансуй совершил перед ней челобитье, вдовствующая императрица приказала ему встать. Они вошли в просторный темный зал, освещенный мерцающими свечами и цветными фонарями. И здесь она учинила допрос своему племяннику:

— Знаешь ли ты, какое наказание предусматривает принятый Императорским советом закон в отношении того, кто поднимает руку на мать?

Гуансуй молчал и только кивнул головой в знак того, что это ему известно.

Гнев Цыси постепенно нарастал, и она, как драматическая актриса, бросила в опущенное лицо племянника гневные и колкие слова, которые, естественно, доподлинно воспроизвести невозможно. По некоторым источникам, эти слова звучали так:

— Я относилась к тебе как к сыну. Ты заменил мне покойного моего

сына. Как же ты вознаградил меня за это! Я сохраню тебе жизнь, хотя ты домогался моей. Какой ты неблагодарный! Ты не способен управлять тронem. Ты попал в западню, расставленную этим кантонцем Кан Ювэем, который пытался изгнать маньчжуров и узурпировать трон. Все, что ты делал, могло привести к падению великой династии Цин!

— Знаешь ли ты, какое наказание ждет тебя, — повторяла несколько раз Цыси, — за то, что поднял руку на ту, которая считалась твоей матерью на троне?

Гуансюй не пытался оправдываться или защищать себя. Он лишь сказал:

— Накажите меня по закону. Я заслужил это. Я не гожусь управлять страной.

Цыси, окинув Гуансюя презрительным взглядом, процедила сквозь зубы:

— Составь указ об отречении от трона и о передаче мне власти.

Евнухи тут же принесли кисточку, тушь и бумагу. Гуансюй, все еще дрожа от страха, сел за маленький стол и написал под диктовку Цыси указ следующего содержания: «Наша империя в настоящее время переживает огромные трудности, и для их преодоления необходимо умелое руководство. Мы денно и нощно трудились над разрешением многочисленных дел, но, несмотря на все наши старания, мы находимся в постоянном беспокойстве, сталкиваясь с таким множеством самых разнообразных вопросов, что мы не в силах их разрешить.

Сейчас мы почтительно вспоминаем о том, что после правления покойного императора Тунчжи Ее величество Вдовствующая императрица дважды управляла государством в качестве регентши и за это время, руководя всеми делами, проявила свои совершенные качества».

Далее в указе говорилось: «Сознавая огромную ответственность, которую мы несем перед нашими царственными предками, мы несколько раз почтительно умоляли Ее величество дать всемилостивейшее согласие

помогать нам своими мудрыми советами в деле управления государством. К великому счастью всех чиновников и народа Империи, Ее величество снизошла к нашим мольбам, и с сегодняшнего дня Ее величество будет решать все государственные дела».

Так было «узаконено» регентство Цыси над молодым императором Гуансюем. Для лишения даже формальной власти у него отобрали императорскую печать. Все распоряжения императора по поводу реформ были аннулированы, вновь были восстановлены официальные государственные экзамены с применением стиля багу.

21 сентября 1898 г. в сопровождении четырех евнухов во главе с главным евнухом Ли Ляньином императора Гуансюя доставили в небольшой дворец Иньтай, расположенный на крохотном острове посреди озера Наньхай, внутри Запретного города. Все евнухи, обслуживавшие Гуансюя, были заменены, 14 из них по приказу Цыси были казнены.

Жилище пленника состояло из четырех небольших сырых комнат, обставленных словно хижина бедняка: дешевое постельное белье, бамбуковые занавески, превращенные в лохмотья; продырявленная бумага на окнах, заменявшая стекла. Его пища мало чем отличалась от пищи простолудина. Четыре евнуха, охранявших Гуансюя, относились к нему с нарочитой грубостью. Они брали пример с их повелительницы.

Дворец Иньтай, где томился Гуансюй, соединялся с другими дворцами лишь единственным подъемным мостом, император-узник практически мог общаться только с евнухами, назначенными для наблюдения за ним. Даже его жена Лун Юй редко могла навещать его. Иногда к нему приходила Цыси, делая вид, что пытается воодушевить его.

«Можно себе представить, - писал современник этих событий, — что перечувствовал несчастный император в своем заточении в одиноком помещении среди озера, в могильной тишине дворца. Как прежде - один со своими горькими думами, несбывшимися надеждами, с погубленным делом, над которым все они так горячо, так беззаветно работали. Где его друзья, где

этот удивительный человек Кан Ювэй, который своими пламенными речами пробудил дремавшую его душу и заставил ее затрепетать в неудержимом порыве к свету и добру? Жив ли он, удалось ли ему спастись. Вот те мысли, которыми терзался Гуансюй в своем одиночестве».

Сразу же после разгрома реформаторского движения вдовствующая императрица Цыси предложила большое вознаграждение за живого или мертвого Кан Ювэя. Иностранные дипломаты помогли главным руководителям движения за реформы бежать за границу. Игнорируя указ от 15 февраля 1900 г. об аресте Кан Ювэя и Лян Цичао, державы не выдали их маньчжурскому правительству. Цыси была в бешенстве.

— Врагу следует отомстить, — сказала она своим приближенным и, схватив нефритовый чайник, разбила его вдребезги со словами «Вот так!».

Когда ей не удалось расправиться с руководителями реформаторского движения, она приказала схватить Кан Гуанжэня (младшего брата Кан Ювэя), Тань Сытуна и еще четырех единомышленников и обезглавить их.

Реформаторскому движению был нанесен серьезный удар со стороны консерваторов, а его организаторы либо спаслись бегством, либо были казнены. Сам Гуансюй стал жертвой предательства Юань Шикая и до последних дней своей жизни лелеял надежду отомстить ему за вероломство. Он как-то нарисовал огромного дракона — символ его императорской власти, — а затем в ярости разорвал рисунок на куски. В другой раз нарисовал черепаху — символ гнусного пресмыкающегося, — наклеил на стену и стал стрелять в нее из лука. Затем разрезал ножницами рисунок на мелкие бумажки и бросил их в воздух, тихо произнося в это время имя своего предателя: «Юань Шикай, Юань Шикай».

«Китайский благовестник», издававшийся русским духовенством в Пекине, в 1913 г. дал такую оценку Гуансюю:

«Во время своего девятилетнего царствования он ввел японскую систему государственного управления, вместо того чтобы ходить по стопам своих предков, которым подражали уже более 2 тысяч лет. Однако он

ошибся, вообразив, что может создать новую нацию только посредством простых объявлений на бумаге».

Подавив движение за реформы, клика Цыси символически продемонстрировала свою приверженность старине, провела смотр знаменных войск Тяньцзинского гарнизона, оснащенных традиционными китайскими видами оружия: луками, стрелами и мечами.

Цыси заставила императора Гуансюя подписать 4 апреля 1900 г. указ, в котором он публично отрекся от Кан Ювэя. В указе было сказано: «В наших поисках людей талантливых, достойных мы в значительной степени руководствовались мнением и помощью нашего воспитателя Вэн Тунхэ. Этот человек однажды убедительно рекомендовал нам Кан Ювэя, который, по его словам, обладал во сто раз большими талантами, чем сам Вэн Тунхэ. Мы, естественно, вполне поверили ему. Каково же впоследствии было наше крайнее изумление и негодование, когда оказалось, что этот самый Кан Ювэй добивается тайком произвести революцию, собрал вокруг себя шайку людей разбалованных, эгоистичных и почти увлек нас в переворот против империи. Он же чуть не навлек на нас обвинение в сыновней непочтительности ко вдовствующей императрице, погубил наше имя и сделал нас посмешищем и пародией для будущих поколений».

Евнухи по приказанию Цыси бдительно охраняли место заключения Гуансюя — дворец Иньтай. Их меняли каждый день, боясь, что они смогут проявить симпатию к узнику и помочь ему освободиться от заточения. Ежедневно во время смены караула разводился подъемный мост, соединявший остров с императорскими дворцами Запретного города.

Чжэнь Фэй — любимой наложнице императора — вначале разрешили ухаживать за ним в заточении, и она это делала с большим усердием. Как-то при встрече с Цыси она осмелилась сказать:

— Гуансюй — законный император цинской династии, и даже вы, вдовствующая императрица, не имеете права нарушать волю неба и держать его под арестом.

Такой смелый упрек вызвал гнев у Цыси, и она повелела поселить Чжэнь Фэй в отдаленной части Запретного города и запретить ей видеться с Гуансюем. Свои пылкие чувства к императору опальная наложница выражала в многочисленных письмах, которые, однако, не доходили до адресата.

После того как Гуансюй был заточен во дворце Иньтай, он заболел, лишился аппетита, его и без того слабое здоровье стало ухудшаться. Обессиленный император должен был исполнять свои обязанности Сына неба: приносить жертвоприношения божествам. Было объявлено, что прописываемые лекарства для лечения больного оказались неэффективными.

Из города Сучжоу вызвали знаменитого доктора Чэнь Ляньфана для наблюдения за больным. Ему, однако, не разрешали осматривать Гуансюя. Он становился на колени перед тронем и выслушивал объяснения Цыси о симптомах болезни Сына неба. На основании таких объяснений доктор сделал диагноз: серьезное воспаление гортани и языка и сильная лихорадка как следствие большой нервной напряженности.

Доктор также обнаружил, что у больного не в порядке легкое. Но эти болезни были только побочными к его главному недугу: серьезное нервное расстройство. В заточении Гуансюй ежедневно получал «Пекинскую газету», из которой узнавал, как по указу вдовствующей императрицы Цыси отменялись одна за другой его реформы, а иногда это делалось и от его имени. Вся последующая жизнь императора-узника была лишь медленным угасанием. Слабый по природе, он уже не мог поправиться от пережитых страшных потрясений. Все, кто хоть раз видел Гуансюя, писал современник, не забудут страдальческого выражения лица и грустной улыбки этого мученика-императора, вся жизнь для которого была лишь цепью горя и унижений.

Ж. Ж. Матиньон, врач французской миссии в Пекине (1891 — 1901), в упомянутой книге «Суеверия, преступления и нищета в Китае» собрал высказывания современников об императоре Гуансюе, относящиеся ко

времени, когда он был заточен вдовствующей императрицей Цыси во дворце Иньтай. Воспроизведем эти высказывания с некоторым сокращением.

Несчастный Гуансюй, Сын неба, пленный властелин, не имеет никаких прав. После многих лет царствования император Китая не мог избавиться от опеки вдовствующей императрицы. Старая женщина держит взаперти молодого императора. Гуансюй, существо слабое, выглядит слабосильным и нездоровым. При его 33 годах ему нельзя дать больше 15—16. Он кажется маленьким, хрупким подростком с большими черными глазами, с мягким, сдержанным и застенчивым взглядом. Овал его лица, правильный по форме, по чистоте своей мало походит на типичное китайское лицо. Рот императора постоянно полуоткрыт, и легкая гримаса со сдвинутыми немного влево губами обнажает ряд сильных красивых белых зубов.

Самыми характерными чертами этого пленного императора являются скука, усталость и лень. Создается впечатление при виде Гуансюя, что его голова постоянно склоняется влево, а его лицо, хотя и интересное и симпатичное, похоже на лицо больного подростка.

То, что император выглядит печальным и больным, объяснимо и естественно. Жизнь, которую он ведет во дворце, малопривлекательна. Окруженный мелочной опекой, лишенный власти и возможности проявить себя и свою волю, он глубоко страдает. Его самолюбие, угнетаемое отсутствием собственных детей, страдает от сознания своей беспомощности.

Гуансюй, пленный властелин, запертый в своем Дворце, окруженный сетью дворцовых ритуалов и условностей, не имеет ни физической, ни моральной свободы. Он не может ходить пешком, когда ему захочется, даже во дворце: в одно место его несут в паланкине, в другое — везут в лодке, в третье — в карете или на лошади. На все случаи жизни существуют письменные правила, неизменные в течение многих веков. И того, кто попытался бы хоть в малой степени изменить эти правила, посчитали бы дерзким и безумным.

Ж. Ж. Матиньон посетил дворец Иньтай, где был заточен Гуансюй, в

сентябре 1898 г., и вот как ему представились императорские покои.

Спальня императора находится в маленькой комнате, где расположена походная кровать, задернутая пологом из светло-голубой марли. Другой мебели в спальне нет. Но там стояло старое расстроенное пианино и было нагромождение различного рода вещей, подобранных на редкость с плохим вкусом: безделушки, вазы, рожки, стаканы, канделябры, различного размера коробочки, т. е. весь ассортимент из лавки ярмарочного старьевщика. Но самое большое удивление вызывает невероятное количество часов, будильников, кукушек самых различных форм и размеров. Прибавьте к этому значительное количество музыкальных ящиков, фонографов и граммофонов. Все эти различные вещи, собранные по воле странной и смешной фантазии в одной комнате, придают ей вид не спальни императора, а ломбардного зала или лавки ярмарочного торговца.

Рабочий кабинет императора находится в длинном одноэтажном павильоне, хорошо освещенном широкими оконными проемами. Главное украшение кабинета — огромная карта звездного неба.

Подступы к апартаментам императора, заканчивает свой рассказ Ж. Ж. Матиньон, выглядят жалкими: стены облезлые и вздутые; штукатурка, желтая или красная, отстала, угрожая свалиться вам на голову; везде вид разрушения и упадка, как физического, так и морального.

Находясь в изоляции, император иногда покидал свое место заточения, когда требовалось его присутствие при совершении церемоний в Запретном городе или Летнем дворце. И если для Цыси поездка из Запретного города в Летний дворец носила увеселительный характер, то для Гуансюя это была смена одного места заточения на другое. В Летнем дворце местом его заточения считался Зал воды и журчащего нефрита.

В 1909 г. в Нью-Йорке, как уже было сказано, вышла в свет книга Хэдланда «Дворцовая жизнь в Китае». Жена автора этой книги, врач по специальности, много лет оказывала медицинскую помощь родственникам Цыси. Хэдланд привел в своей книге следующее впечатление своей жены о

Гуансюе:

«Я видела императора много раз. Мне часами довелось бывать в его присутствии, и всегда император сопровождал вдовствующую императрицу. Он шел не рядом с ней, а несколько шагов позади ее. Когда она сидела, он всегда оставался стоять сзади ее на расстоянии нескольких шагов и никогда не осмеливался сесть, если она не предлагала ему. Это был одинокий человек с нежными чертами лица, хорошо воспитанный. Носил он простой черный халат. Среди прислуживающих евнухов, блестящих дворцовых дам и пышно наряженной вдовствующей императрицы он выглядел незаметным человеком. Ни один министр государства не совершал челобитья, когда слушал его дрожащий и неясный голос; ни один услужливый евнух не становился на колени в его присутствии. Наоборот, я постоянно видела его, окруженного стеной неприязни раболепных слуг Ее величества. Однажды, когда мы были во дворце, высокомерный евнух остановился перед императором и сделал вид, что он его совершенно не замечает. Я видела, как Гуансюй положил свои руки на плечи этого рослого человека и спокойно заставил его повернуться, чтобы он мог увидеть, кто перед ним находится. На лице Гуансюя не было и признака возмущений: оно излучало вежливую и задумчивую улыбку, словно он смотрел на своего главного слугу. Я ожидала, что евнух совершит челобитье перед императором, но вместо этого он отошел немного влево и продолжал стоять впереди Его величества. Я ни разу не видела, чтобы кто-либо во дворце склонял колени перед императором».

Сидя рядом с Цыси на официальных приемах, Гуансюй выглядел подавленным, напуганным и растерянным. Никто с ним не советовался и не слушал его, даже если он что-либо говорил.

Самым большим унижением для императора-узника было челобитье в присутствии всего двора перед Цыси. Сын неба никогда не совершал челобитье перед смертным человеком: он совершал это только перед божествами. Подобный ритуал преследовал цель унижить императора в глазах придворных и продемонстрировать его покорность вдовствующей

императрице.

Во время одной из встреч с Гуансюем Цыси сделала ему нравоучение:

— Я сохраню тебе жизнь, разрешу вернуться на трон. Но ты будешь под постоянным строгим наблюдением, и любые твои слова или поступки будут известны мне. Что же касается твоих реформ, которые вначале я поощряла, то они все будут отменены.

Затем, приняв драматическую позу, она продолжала:

— Как ты осмелился забыть все мои благодеяния? Я содействовала твоему восхождению на трон, поощряла тебя в самостоятельном управлении государством. Все высшие маньчжурские сановники рекомендуют освободить тебя от престола, чтобы я возобновила регентство.

Так Цыси заставляла Гуансюя разуввериться в своих силах и полностью положиться на свою царствующую тетку.

Какая ирония судьбы! Ведь эра правления Гуансюя называлась «Блестящим наследием»! Сам Гуансюй номинально оставался императором, но, по существу, находился во дворце Иньтай на положении узника, хотя в знаменательные дни обязан был, как первосвященник, совершать жертвоприношения верховным божествам.

И хотя Гуансюй находился под арестом, он по-прежнему представлял большую опасность для консерваторов: если бы после смерти Цыси власть перешла в его руки, он смог бы расправиться со своими противниками.

Для того чтобы предотвратить эту опасность, надо было либо совершить тайное убийство императора, либо низложить его. В этом состоял вопрос жизни и смерти для консерваторов.

Вначале была предпринята попытка тайно физически уничтожить Гуансюя и объявить, что «император тяжело болен». Но такой план не удался: посланники держав, получив такое сообщение, направили во дворец французских врачей для освидетельствования больного. Тогда попытались низложить его с престола. Но на стороне Гуансюя оказалось много сочувствующих.

В октябре 1899 г. Жун Лу предложил Цыси назначить преемника, который постепенно утвердился бы на троне. Это предложение было поддержано консерваторами. Цыси назначила Пу Цзюня - сына князя Дуаня (Цзай И) преемником императора. Князь Дуань, являясь старшим среди маньчжурских князей императорской крови, был женат на дочери генерала Гуйсяна, брата Цыси, и, следовательно, доводился ей племянником.

Предполагалось, что в первый день нового года Гуансюй совершит обряд отречения. Ли Хунчжану было приказано заняться подготовкой церемонии принесения поздравлений со стороны иностранных дипломатов.

Но этому плану не суждено было осуществиться: он не одобрялся посланниками. Кроме того, более 3 тысяч шанхайских купцов, а также несколько сот тысяч китайских эмигрантов прислали телеграммы протеста.

Кан Ювэй, находясь за пределами Китая, обратился к европейским державам с воззванием о помощи заточенному императору-узнику Гуансюю. В этом воззвании были такие слова:

«Китай возродится, если Гуансюй будет восстановлен на троне. Страдания, которые император лично перенес за свое старание преобразовать правительство и спасти империю, были ужасны:

1. Прежде он был здоров; теперь он исхудал, и китайские доктора получили приказание давать ему яд.

2. Он томится на острове Иньтай как обыкновенный преступник, и ему запрещено видеть кого бы то ни было.

3. Все его верные слуги или изгнаны, или погибли под ножом палача.

4. Его ноги обожжены раскаленным железом.

5. На свои просьбы относительно какой-нибудь лучшей пищи он получает отказ и должен довольствоваться самым грубым рисом.

6. Его супруга, даже в продолжение самого сурового времени года, не смеет надевать на него теплого платья, и он должен оставаться в летних одеждах.

Не должны ли возмущать нас до глубины сердца весь позор и лишения,

которым подвергается наш великодушный государь?»

Расправа с реформаторами и заточение императора Гуансюя вызвали отрицательную реакцию среди китайской буржуазии. И когда слухи о болезни и скорой смерти Гуансюя дошли до южных провинций Китая, это взбудоражило общественное мнение: в Пекин последовали многочисленные письма с протестами и сочувствием.

Мэр Шанхая Цзин Юаньшань от имени конфуцианских ученых, торговцев и общественности города направил в Пекин телеграмму, в которой умолял вдовствующую императрицу Цыси и Верховный императорский совет разрешить Гуансюю возобновить управление страной, несмотря на его болезнь, и отказаться от намерения отстранить его от трона.

Созданная за пределами Китая среди китайских эмигрантов «Партия защиты императора» (Баохуандан) направила в Пекин много телеграмм с «пожеланием императору полного благополучия» и с требованием вернуть ему власть.

Цыси и ее сподвижники поняли, что Гуансюй не одинок. Все это помешало им физически расправиться с императором или осуществить план его отречения от престола.

В течение девятилетнего правления Гуансюя империя пережила страшное лихолетье: голод как следствие небывалой засухи и ужасное наводнение, ставшее национальным бедствием, унесли из жизни миллионы людей; война с Японией, окончившаяся поражением Китая, раздел иностранными державами китайской территории на сферы влияния нанесли огромный ущерб стране.

Молодая китайская буржуазия боялась народа, не имела с ним связей. Найдя себе союзника лишь в среде либеральных помещиков, она отвергала революционный, демократический путь свержения маньчжурского абсолютизма.

«Реформаторы, — писал академик С. Л. Тихвинский, — считали, что только выдающиеся люди, одиночки делают историю, а народные массы

неспособны к сознательным, организованным действиям и могут лишь повиноваться героям. Они даже не пытались проводить какую-либо революционную работу среди широких трудящихся масс китайского народа. Это во многом и предопределило поражение движения за реформы».

Клика, державшая в руках государственную власть в Китае, размежевалась на две крупные группировки: твердолобых и консерваторов во главе с Цыси и сторонников политики самоусиления с помощью иностранцев.

Группировка твердолобых и консерваторов представляла собой феодальную клику, социальной базой которой были маньчжурская аристократия, чиновничество, консервативные помещики. Она порицала тех, кто стремился учиться у европейских стран, заявляя, что это «вредит народу и развращает интеллигенцию».

Группировка сторонников политики самоусиления представляла собой новую военную клику и включала китайских милитаристов, компраторов и чиновников «прогрессивного» направления.

Наиболее известными лидерами группировки сторонников политики самоусиления были китайские сановники Ли Хунчжан, Цзэн Гофань, Цзо Цзунтан, Чжан Чжидун. Существование политики этой группировки состояло в следующем: использовать иностранную технику для создания материальной базы великодержавного курса при одновременном сохранении системы императорского деспотизма и конфуцианской идеологии.

«Если Китай хочет быть сильным, — писал Ли Хунчжан, — то для этого самое лучшее — научиться изготовлению иностранного оружия». И еще: «Для Китая — позор, что его вооружение далеко отстает от иностранного. Каждый день я настойчиво советую старшим и младшим офицерам забыть, что такое стыд, и заняться серьезным изучением некоторых секретов европейцев с тем, чтобы извлечь для себя выгоды».

В 1865 г. Цзэн Гофань и Ли Хунчжан совместно учредили в Шанхае с помощью Англии и США машиностроительные мастерские. В 1866 г. Цзо

Цзунтан с помощью Франции основал кораблестроительную верфь. В этом городе был построен арсенал по производству пушек. В 1880 г. при содействии Ли Хунчжана в Китае был открыт телеграф. Он обратился к императору с просьбой разрешить строить железную дорогу.

Группировка Ли Хунчжана обосновалась в северных приморских районах, ее сторонники обращали особое внимание на создание северного флота, закупами множество иностранных корабельных пушек.

Придавая большое значение политике «самоусиления» с помощью создания современного европейского оружия, «проиностранный» группировка одновременно решительно выступала против европейского «образа жизни». Так, например, Чжан Чжидун в своем трактате «Сочинение о поощрении наук» писал: «Китайская наука совершенна; в ней говорится обо всем — о взаимоотношениях между людьми, о культуре и воспитании, о законах управления государством. И нам не нужно заимствовать западные одеяния. Европейские обычаи, учения, формы правления — все это, несомненно, невежество дикарей».

ВОССТАНИЕ ИХЭТУАНЕЙ И МАНЬЧЖУРСКИЙ ДВОР

В 1898—1901 гг. маньчжурское господство в Китае было потрясено восстанием ихэтуаней (отряды справедливости и мира). Их называли также ихачуанями (кулак во имя справедливости и мира). В иностранной печати выступление ихэтуаней именовали Боксерским восстанием, а его участников — боксерами.

...Середина и конец XIX века. На протяжении более 50 лет, от «опиумных войн» (1840—1860) до японо-китайской войны (1894—1895), капиталистические государства «осваивали» Китай главным образом посредством ввоза товаров. С этой целью иностранный капитал вынуждал маньчжурское правительство открывать морские и речные порты для

торговли, силой приобретал права на судоходство по рекам Китая, брал под контроль его таможеню.

В конце XIX в., когда развитие мирового капитализма достигло монополистической стадии и на смену свободной конкуренции пришли монополии, важное значение приобрел вывоз капитала в Китай.

Державы начали строить в Китае промышленные и горнорудные предприятия, железные дороги, шахты, служебные и жилые здания, проводить телефонные и телеграфные линии, создавать в городах концессии, где законы маньчжурской династии не имели силы.

Империализм развязывал против Китая захватнические войны. В 1884—1885 гг. происходит франко-китайская война из-за Индокитая, находившегося формально под протекторатом Китая. Война закончилась присоединением Индокитая к Франции.

Корея, находясь в вассальной зависимости от Китая, оказалась объектом японо-китайской войны. Буржуазные реформаторы Кореи пытались с помощью военной силы Японии освободиться от протектората маньчжурской династии и превратить страну в «независимое» государство, Япония, со своей стороны, добивалась признания маньчжурским правительством «независимости» Кореи от Китая с тем, чтобы захватить Корею.

Руководитель «проиностранный» группировки, видный сановник Ли Хунчжан длительное время отвечал за все внешнеполитические акции маньчжурского правительства, был одно время его эмиссаром в Корее. Он оставил в Корее своего приближенного Юань Шикая в качестве «верховного комиссара» для контроля за политическим курсом корейского правительства. Великодержавная политика Юань Шикая, направленная на ликвидацию самостоятельности корейского государства, грубое вмешательство во внутренние дела этой страны вызвали резкое недовольство корейцев: они пытались покончить с вассальной зависимостью от Китая. Империалистическая Япония использовала корейско-китайские

противоречия для укрепления своего господства в Корее.

В 1894 г. Япония спровоцировала конфликт с Китаем из-за Кореи, Это привело к японо-китайской войне, которая явилась одним из звеньев борьбы империалистических государств на Дальнем Востоке за раздел мира. Накануне этой войны Англия фактически превратила Центральный Китай в сферу своего влияния. Франция после захвата Вьетнама распространила свое влияние на Южный Китай. Япония и Россия стремились захватить Северо-Восток Китая (Маньчжурию).

В войне Китая с Японией китайские войска терпели непрерывные поражения на суше и на море. Китайский военно-морской флот проиграл битву на Желтом море, в районе порта Вэйхайвэй.

Известный китайский историк Фань Вэньлань писал, что главным действующим лицом маньчжурско-цинской династии во время японо-китайской войны был Ли Хунчжан, а Цыси и император Гуансюй, независимо от того, поддерживали его или были против него, оба играли второстепенную роль.

В 1895 г. начались японо-китайские переговоры, которые со стороны маньчжурского правительства вел Ли Хунчжан. Он выразил согласие на совместную опеку Китая и Японии над Кореей. Но это не устраивало японскую военщину: захват Кореи предполагался в ближайшие годы.

20 февраля 1895 г. Ли Хунчжан на пароходе прибыл в японский город Симоносеки, где вел переговоры с представителями японского правительства. 28 февраля после окончания третьего заседания на него было совершено покушение: японский юноша, член японской шовинистической организации «Кокурюкай» (Черный дракон), выстрелил из револьвера в паланкин, где находился Ли Хунчжан, слегка его ранив: пуля разбила его очки и засела в левой скуле. Рана была несерьезная, и переговоры продолжались.

Война с Японией закончилась для Китая подписанием 17 апреля 1895 г. униженного Симоносекского договора, по которому: 1) Корея объявлялась

полностью независимой; 2) от Китая отторгалась южная часть Мукденской провинции (Ляодунский полуостров); 3) Японии уступался весь остров Тайвань; 4) уступались также острова Пэнхуледао (Пескадорские); 5) Китай обязан выплатить 230 миллионов ляннов контрибуции;

6) японские граждане могли заниматься любым видом деятельности в торговых портах и городах Китая;

7) Шаши, Чунцин, Сучжоу, Ханчжоу объявлялись открытыми портами.

Этот кабальный Симоносекский договор, подписанный Ли Хунчжаном, вызвал бурю возмущения во всей стране.

Выплата Японии контрибуции легла тяжелым бременем на плечи китайского народа, прежде всего крестьянства: оно подвергалось жестокому гнету, обязано было выплачивать многочисленные прямые и косвенные налоги.

Японо-китайская война ускорила процесс территориального расчленения Китая. В ноябре 1897 г. в провинции Шаньдун были убиты два немецких миссионера. В ответ на это Германия захватила порт Циндао на берегу Бохайского залива и принудила Пекин на 99 лет «сдать в аренду» порт и земли вокруг порта Цзяочжоу, а также предоставить особые права на разработку природных богатств в провинции Шаньдун и на строительство железных дорог.

Действия Германии послужили сигналом для проникновения в Китай других держав. Англия навязала соглашение об уступке ей в аренду порта и бухты Вэйхайвэй. Франция утвердила сферу своего влияния в южных провинциях Китая — Гуандун, Гуанси и Юньнань. Россия добилась у маньчжурского правительства аренды портов Люйшунь (Порт-Артур) и Далянь (Дальний) сроком на 25 лет.

Проникновение иностранного капитала сопровождалось разорением местного национального промысла, надругательством над китайцами и их древней культурой.

Неравноправные договоры, которые вынуждено было заключать

маньчжурское правительство с державами, широко открыли двери для проникновения иностранцев в Китай. Промышленные и коммерческие дельцы, миссионеры, врачи, инженеры и техники, служители культа, различного рода авантюристы — военные и гражданские хлынули словно потоп в неизведанную страну, мечтая поживиться за счет китайского народа, который окрестил их общим именем — «иностранные дьяволы».

Для духовного порабощения китайского народа в Китай направлялись иностранные служители культа — католические и протестантские миссионеры, проповедовавшие христианскую религию. Почти не было провинции, где бы они ни обосновывались, ни сооружали соборы и ни вовлекали в христианскую веру китайцев. «Миссионеры строили церкви, — писал китайский историк Фань Вэньлань, — и старались привлечь туда массы верующих. Однако китайцы находились под влиянием конфуцианства, буддизма и даосизма, верили в многочисленных духов. Заставить их отказаться от поклонения душам усопших предков, от жертвоприношений духам и уверовать в одного иностранного бога было делом весьма трудным».

Настоящих верующих-христиан среди китайцев было чрезвычайно мало. Они пользовались покровительством со стороны миссионеров, а последние находились под защитой посланников иностранных государств.

Население страны в целом отрицательно относилось к обращению в христианство. Миссионерам удавалось обратить в свою веру либо наиболее ненавистных народу помещиков-тиранов, либо бедняков, дошедших до крайней степени обнищания. Принимали христианство и преступные элементы, пытавшиеся таким путем уйти от наказания. Миссионеры заставляли своих прихожан-китайцев отказаться от традиционных «трех религий» — конфуцианства, даосизма и буддизма, что восстанавливало местное население против китайцев-христиан.

Попытка Китая противостоять проникновению держав не увенчалась успехом. Над огромной страной нависла реальная угроза потери независимости и превращения в колонию империалистического государства.

Голод, словно неумолимый кроважадный дух, преследовал простого китайца всю его жизнь. Миллионы людей страдали от голода со дня рождения и умирали, ни разу не насытившись. В первой половине XIX в. во время четырех голодных сезонов погибло 45 миллионов человек. Только в одном 1878 году голод поглотил более 9 миллионов человеческих жизней. Накормить такую огромную массу людей всегда было трудной проблемой. В условиях социального неравенства эта проблема не могла быть решена. В 1899 г. широко разлилась река Хуанхэ: были затоплены обширные сельскохозяйственные районы, где погибло около 200 тысяч человек. Одновременно крестьянские поля в провинциях Северного Китая на протяжении ряда лет страдали от сильной засухи, и крестьяне вынуждены были питаться корой деревьев и корнями растений.

В таких условиях оживилась деятельность тайных крестьянских обществ. Среди них наиболее популярным стало общество «Ихэтуань», состоявшее главным образом из молодых крестьян. Обладая по молодости лет горячими сердцами и пылким воображением, невежественные и суеверные молодые люди стали тем человеческим материалом, который маньчжурские и китайские феодалы пытались воспламенить в нужном для них направлении. Молодых крестьян призывали уничтожать всех иностранцев в Китае и китайцев, принявших христианскую веру.

Внешне ихэтуани отличались от членов других тайных обществ особыми признаками: они подпоясывались красными кушаками и на голове носили красные повязки; некоторые имели желтые кушаки и желтые повязки. Их отряды делились на «красные» и «желтые», отличавшиеся друг от друга цветом повязок. Вооружены они были мечами и копьями. Их боевые знамена вначале имели надписи: «Поддержим династию Цин, уничтожим иностранцев» или «Отряды мира и справедливости осуществляют веления неба».

Среди женщин также были созданы отряды ихэтуаней. Организация девушек называлась «Красный фонарь», замужних женщин - «Голубой

фонарь», старых женщин — «Черный фонарь», вдов — «Синий фонарь».

Девушек в отряде «Красный фонарь» обучали чудодейственной гимнастике, их учили созерцанию и самоусыплению. Во сне и в состоянии транса они говорили непонятные слова, якобы имевшие пророческое значение. От женщин, вступивших в отряды, требовали соблюдения правил: не причесываться по воскресеньям и не бинтовать ног. Они распевали песни: «Женщины, не причесывайте волос — отрубим головы чужеземцам. Женщины, не бинтуйте ног - убьем чужеземцев и посмеемся».

Мистика, суеверия, вера в различные заклинания, талисманы и амулеты, религиозные гимнастические упражнения — таков был духовный мир восставших.

Молодые крестьяне, прежде чем стать настоящими ихэтуанями, проходили соответствующий «курс обучения»: заучивали заклинания, исполняли особые гимнастические упражнения, которые приводили их в транс. Только после прохождения такого «курса обучения» человек становился «неуязвимым» для пуль и осколков снарядов.

«Боксерское восстание, — писал русский дипломат И. Я. Коростовец, — подобно многим народным движениям в Китае, также заключало в себе элемент сверхъестественного. Провозгласив своим девизом защиту империи и уничтожение иностранцев, боксерские вожди стали привлекать последователей обещанием бессмертия и неуязвимости. Установилось мнение, что настоящий боксер не мог умереть, а в случае смерти должен воскреснуть. Этот элемент сверхъестественности, магической силы стал привлекать в ряды боксеров простолюдинов не только из городской, но и из деревенской среды, вообще более склонной к суевериям».

Перед тем как выступить с оружием в руках против иностранцев, ихэтуани под руководством своих наставников заучивали заклинания. Таким путем, по их убеждению, достигалось «бессмертие» и обреталась большая сила в борьбе с врагом. О заклинаниях говорилось: «Тот, кто знает семь-восемь слов, может противостоять 10 тысячам человек, а знающий

шестнадцать-семнадцать слов может легко разрушить дома иностранцев».

Заклинания, как правило, были написаны на малопонятном языке. Вот образец одного из них:

Отворись дверь северной пещеры, и покажись
Будда, ведающий ружьями.
Железное божество восседает в железной кумирне
На железном лотосовом троне;
Железные люди в железных одеждах стоят за
Железными крепостями.

Подобные заклинания должны были защитить ихэтуаней от смертоносного огня иностранных ружей и пушек.

Вожаки отрядов ихэтуаней понимали, что детская натура наиболее доступна для внушения. Пекин и другие города наполнились детьми, прорицавшими на улицах таинственные предсказания и волновавшими суеверное китайское население как божьи посланцы.

Особое предпочтение отдавалось девочкам: им приписывалась большая духовная сила. Девочки, одетые в красные одеяния с красными фонарями в руке, ехали на осликах впереди вооруженных отрядов ихэтуаней. Они первыми падали от пуль иностранцев, становясь жертвами народного фанатизма.

Все несчастья, выпавшие на долю китайского народа, — неурожай, наводнение, засуха, голод и нищета — приписывались иностранцам. По этому поводу в 1898—1900 гг. среди ихэтуаней распространялись различные воззвания. Приведем содержание одного из них.

«Протестантская и католическая религии разрушили и уничтожили буддизм. Их приверженцы оскорбили наши божества и священные места, ни во что не ставят законы будды. Они разгневали небо, поэтому не выпадает благодатный дождь. Восемь миллионов духовных воинов будут посланы небом, чтобы очистить нашу землю от иностранцев. И тогда пойдет благодатный дождь. Незадолго до того времени, как начнут действовать эти

воины, произойдут бедствия среди войск и народа. Буддийская религия и общество «Справедливого согласия» смогут защитить империю, обеспечить мир и спокойствие народу.

Кто увидит это писание и размножит его в шести экземплярах, тот избавит от бедствия 100 человек. Кто размножит это писание в 100 экземплярах, тот избавит от бедствия целую деревню. Кто увидит это писание и не будет его распространять, тот совершит преступление и будет обезглавлен. Если иностранцы не будут уничтожены, дождь не пойдет».

Вину за страшную засуху, охватившую в конце XIX в. многие районы Северного Китая, возлагали на иностранцев и христианские церкви: «Как только убьешь иностранного дьявола, с неба прольется обильный дождь». Или: «Дождь не идет и земля сохнет лишь потому, что христианские церкви заслонили небо».

Борьба ихэтуаней против иностранных агрессоров в Китае сводилась к изгнанию и уничтожению всего иностранного — религии, книг, товаров, специалистов, орудий производства и всевозможной техники. Китайский историк Фань Вэньлань писал об ихэтуанях, что при виде человека или предмета, на которых был отпечаток чего-либо иностранного, «они не могли сдерживать гнева и успокаивались, лишь уничтожив этот предмет или убив такого человека».

Преследовалась цель — разрушить все иностранное: железные дороги, железнодорожные составы, телеграфные линии, современные здания, а также физически истребить иностранцев. Ихэтуани распевали песни:

Изорвем электрические провода.

Вырвем телеграфные столбы.

Разломаем паровозы,

Разрушим пароходы.

Убитые дьяволы уйдут в землю,

Убитые дьяволы отправятся на тот свет.

Железные дороги, грохочущие паровозы (буквально «огненные

телеги»), телеграфные провода — все это рассматривалось ихэтуанями как какое-то наваждение нечистой силы, которая нарушила покой добрых духов на китайской земле. В одной из листовок ихэтуаней говорилось:

«Железные дороги и огненные телеги беспокоят дракона земли и сводят на нет его хорошее влияние на землю. Красные капли, которые капают с железной змеи (ржавчина, отлетающая от телеграфных проводов), являются кровью оскорбленных духов, летающих в воздухе. Эти духи не в силах помочь нам, когда эти красные капли падают возле нас».

Среди повстанцев распространялись самые невероятные слухи о действии заклинаний. Говорили, например, что наклеенное на иностранное здание специальное заклинание после громкого возгласа «гори» вызывало пожар, что железнодорожное полотно недалеко от города Тяньцзиня было разрушено от одного прикосновения стебля гаоляна, что некая девушка Ван Юйцзе могла свободно взбираться на высокие иностранные здания и вызывать пожар; ее не брали пули иностранцев.

В. В. Корсаков, свидетель восстания ихэтуаней, так описывает посвящения в мистерию участников восстания: «Участники становились на открытом месте лицом на юго-восток, поставив перед собой предварительно зажженные жертвенные свечи или факел. Затем читали нараспев заученную заклинательную молитву и сжигали на свече жертвенные бумажки. После этого они становились на четвереньки, сложив особым способом руки, и начинали делать туловищем качательные движения из стороны в сторону. Со многими скоро начинали делаться судороги подобно эпилептическим, они падали на землю, бились, затем вскакивали, размахивали руками, прыгали. Глаза у них наливались кровью, у рта появлялась пена».

Известный русский китаевед А. Рудаков отмечал, что прототипом союза «Ихэтуань» послужили религиозные общины, в которых мальчики с раннего возраста под руководством старших занимались даосской гимнастикой. Монахини вводили девочек в тайные общества. Они искали «философский камень», который обеспечивал бессмертие.

Важным элементом ритуала ихэтуаней были земные поклоны. К ним прибегали всюду, где только возможно. Степень святости человека была пропорциональна числу челобитий (кэтоу), которые исполнялись с большим усердием. Нужно было бить челом о камни или о землю, и от такого постоянного челобитья на голове образовывалась плешь — отличительный признак ихэтуаней. Земные поклоны сопровождались воскурением фимиама.

Исполнение различных обрядов преследовало одну цель — вызвать сошествие духа и вселение его в молящегося, чтобы его тело наполнилось сверхъестественными силами.

Духов вызывали по-разному. Например, глава секты сжигал жертвенные бумаги с изречениями и одновременно произносил заклинания. Посвящаемый простирался ниц перед алтарем и, крепко стиснув зубы, часто дышал, его рот покрывался пеной — это служило признаком явления духа. Сильное порывистое движение во время физических упражнений считалось предвестником появления небесных сил.

Каждый ихэтуань носил при себе маленький кусочек желтой бумаги, на которой был грубо намалеван таинственный образ. Вокруг этого изображения было нацарапано несколько слов мистического содержания. Эти слова он распевал, когда шел в бой, часто умирая со словами заклинания.

Амулет не спасал человека на поле брани, и смерть его объяснялась тем, что дух отказался войти в тело тех, кто предстал перед врагом со «скверной» нравственной природой,

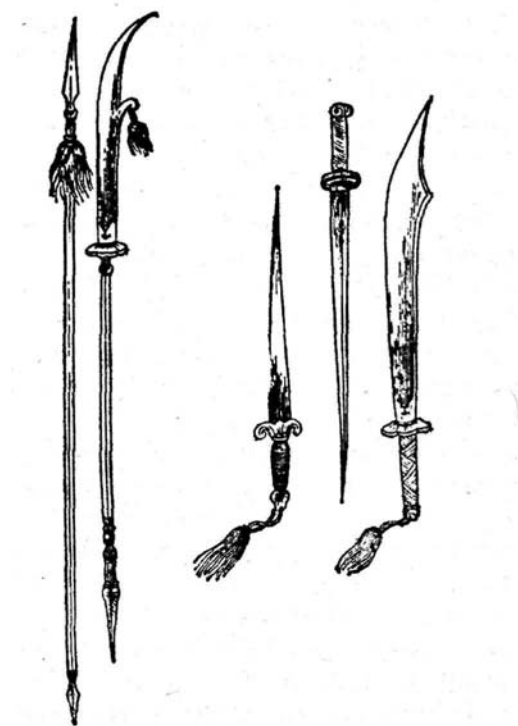
Вера в потусторонние силы нашла свое отражение и в прокламациях ихэтуаней. Приведем отрывок из одной:

«Настоящее время представляет знаменательную эру в истории империи, когда вмешательство небесной силы должно спасти ее от иностранцев и очистить ее от оскверняющего присутствия всех иностранных нововведений. Для достижения этой цели небо ниспосылает на землю бесчисленные полчища духовных воинов-меченосцев. Так как эти воители невидимы и бессильны без посредничества человека, то необходимо, чтобы

они вселились в обыкновенных людей для выполнения своего назначения».

В Тяньцзине были расклеены анонимные воззвания с таким содержанием: «Духи помилуют ихэтуаней»; «Ихэтуани нарушили спокойствие в Срединной равнине только из-за дьяволов»; «Склонять к принятию христианства — значит нарушать предписания неба, не почитать духов и Будду и позабыть предков».

Ихэтуани устраивали шумные собрания и расклеивали прокламации, призывавшие всех китайцев восстать против иностранцев. На некоторых европейских домах появлялись пометки, сделанные кровью. Это означало, что помеченный дом обречен на сожжение, а его обитатели — на гибель. Ихэтуани давали клятву, что на месте иностранных концессий не будет оставлено камня на камне: все будет разрушено, земля вспахана, а на костях убитых будет посеян гаолян. Об иностранцах писали: «Мужчины у них безнравственны, женщины маловоздержанны — эти дьяволы рождены не людьми».



Оружие ихэтуаней

Такие призывы должны были вселить патологическую ненависть к иностранцам.

В народе об ихэтуанях говорили так: «Если железная дорога, железные мосты и железные вагоны разрушены одними ихэтуанями; если ими порвана удивительная железная проволока, передающая на расстояние известия; если зарево и дым пожарищ, учиненные ими, окутали небо от Пекина до Тяньцзиня; если смелые ихэтуани осадили уже самих посланников в Пекине и старая царица Цыси назвала их «своими возлюбленными сынами», то как же не верить в силу и чудеса этих небесных посланников, которые возродят Срединное государство, прогонят ненавистных иностранцев и откроют для китайцев зарю новой жизни».

В апреле 1900 г. на улицах и в чайных домах Пекина распространился слух о том, что глубокой ночью в одном из храмов недалеко от императорских дворцов были слышны поразившие верующих божественные слова:

«Я, божество невидимого мира Юй Хуан. Слушайте меня! Рвите провода, передающие слова на расстоянии! Разрушайте железные дороги! Отрубайте головы иностранным дьяволам! В день, когда вы уничтожите иностранных дьяволов, пойдет дождь, прекратится засуха и вы будете свободными!»

Понятно, что никто не мог слышать такого божественного веления: этот слух преднамеренно распускали главари ихэтуаней, которые пытались привлечь жителей Пекина на свою сторону. На людей, находившихся во власти религиозных суеверий, подобное божественное «откровение» производило сильное эмоциональное воздействие и побуждало поступать в соответствии с «предписанием» божества Юй Хуана,

Вскоре после этого телеграфные провода в Пекине были порваны в нескольких местах. Толпа напала на рабочих, ремонтировавших вагоны и паровозы. Железнодорожное полотно, соединяющее Пекин с Тяньцзинем, было разрушено. В Пекине ихэтуани распространяли листовки, в которых призывали начать всеобщий бунт, как только «божество Юй Хуан даст священный сигнал».

Восстание ихэтуаней вспыхнуло в провинции Шаньдун, а затем распространилось в другие провинции — Чжили, Шаньси, а также в Маньчжурии.

Тяньцзинь — крупный промышленный город и морской порт в Северном Китае, где были сильны позиции иностранного капитала, стал центром восставших.

На всем пути между Тяньцзинем и Пекином восставшие разрушали железнодорожное полотно, предавали огню паровозы и вагоны, рвали телеграфные и телефонные провода, разрушали станционные постройки.

Губернатор провинции Шаньдун Ли Бинхэн слыл ярким противником следования Китая по пути европейской цивилизации и сочувствовал ихэтуаням. Он возражал против промышленного развития провинции, не одобрял строительства железных дорог, телеграфа, создания армии по западному образцу, европейской системы обучения, осуждал китайцев, принявших христианскую веру.

Убийство двух немецких миссионеров в Шаньдуне 1 ноября 1897 г. усилило агрессивные действия держав против Китая. Стремясь как-то смягчить свои отношения с державами, маньчжурское правительство сместило Ли Бинхэна с поста губернатора.

Назначенный в марте 1899 г. губернатором провинции Юй Сянь также считался наиболее активным поборником антииностранного движения, был вдохновителем и организатором ихэтуаней, противником распространения христианской религии в Китае. Американский посланник в Пекине Конжер потребовал от маньчжурского правительства смещения Юй Сяня: в декабре 1899 г. он был снят и назначен губернатором провинции Шаньси. Там было сильное влияние английских и американских миссионеров, и Юй Сянь в 1900 г. устроил массовое побоище иностранцев. Он приказал привести к нему всех миссионеров, живших в главном провинциальном городе Тайюане. Когда они были приведены, им велели пасть ниц перед губернатором. Вначале обезглавили двух католических священников и трех миссионеров, а затем —

остальных мужчин, женщин и детей.

В декабре 1899 г. губернатором провинции Шаньдун стал Юань Шикай — сторонник жесткого курса в отношении ихэтуаней. В одном из его приказов войскам говорилось: «При встрече с бандитами — расстреливать их. При появлении бандитов — открывать огонь из орудий. Отвечать за это вы не будете. Если же при появлении бандитов им не будет нанесен сокрушительный удар, то всех вас, начиная с командира, ожидает смертная казнь». Его войска истребляли все население деревень, где обнаруживали ихэтуаней.

Юань Шикай преследовал цель установления союза с иностранными войсками и истребления восставших крестьян-ихэтуаней. Он подходил к европейской цивилизации прагматически: мечтал с помощью европейского оружия создать в Китае сильную армию и сильный флот.

28 мая 1900 г. ихэтуани сожгли вблизи Пекина железнодорожную станцию Фэнтай, а спустя день порвали протянутые вдоль городской стены электрические провода, предназначенные для снабжения электроэнергией трамвайных линий, повредили трамвайные вагоны, многие из которых были сожжены, убили водителей и кондукторов трамваев, 4 июня они прервали телеграфную связь между Пекином и Тяньцзинем, а 7 июня убили двух английских миссионеров.

Участилось «братание» между ихэтуанями и императорскими войсками, и это еще более накаляло обстановку в Пекине. Маньчжурское правительство понимало: почти все китайцы заражены антииностранными настроениями, поэтому открытое выступление против ихэтуаней не сулило ничего хорошего — массовый взрыв возмущения мог плачевно окончиться для маньчжурских правителей.

Учитывая общий антииностранный настрой в Пекине, Цыси 28 мая 1900 г. издала указ, обращенный к ихэтуаням: «Пришло время следовать старому и испытанному пути наших предков. Помогите нам, божество Юй Хуан! Повинуйтесь и следуйте его наставлениям! Смерть иностранцам!»

Маньчжурские и китайские феодалы не хотели делить с европейскими колонизаторами право господства над китайским народом: проникновение иностранного капитала в Китай объективно подрывало это монопольное право. Вот почему они отравляли сознание китайского народа ядом слепой вражды и ненависти ко всему европейскому. Маньчжурское правительство опубликовало указ о выдаче вознаграждения за голову убитого иностранца: за каждого мужчину — 50 лянов, за женщину — 40 лянов, за ребенка — 20 лянов.

О том, как правители Срединного государства изощрялись в изображении «заморских дьяволов», можно судить по циркуляру, опубликованному губернатором провинции Гуандун в 1884 г. В этом циркуляре имеются такие слова:

«Европейцы не принадлежат к человеческому роду: они происходят от обезьян и гусей. Вы, может быть, спросите, откуда эти дикари овладели такой ловкостью в сооружении железных дорог, пароходов и часов? Знайте же, что они под предлогом проповеди религии приходят к нам, вырывают у умирающих китайцев глаза и вынимают мозг и собирают кровь наших детей. Из всего этого делают пилюли и продают их своим соотечественникам, чтобы сделать их умными и во всем искусными. Только те из них, которые отведали нашего тела, приобретают такой ум, что могут изобретать вещи, которыми они гордятся».

Китаец, приученный столетиями верить всему, что исходило от властей, вполне возможно, не находил в таком фантастическом утверждении ничего сумасбродного.

Правители Китая признавали превосходство европейцев в материальной культуре. Но свою духовную культуру они ставили превыше всего. По этому поводу американский миссионер Грэйвс в 1889 г. писал: «Китайцы не могли не видеть превосходства западных народов в военных кораблях, заходящих в их порты; лучшее вооружение и современную выучку войск; комфорт и роскошь в мостах проживания иностранных купцов,

прекрасные дороги, освещенные улицы и водопровод в Гонконге и Шанхае». Но, замечает Грэйвс, «многие китайцы подчеркивали, что это всего лишь чистая материальная цивилизация, которая проявляется в грубой силе, а в интеллектуальном отношении европейцы не могут идти ни в какое сравнение с китайскими мудрецами, с их знаниями добродетели, с их утонченными рассуждениями».

Вторжение иностранных держав в Китай, несомненно, было актом произвола, агрессии и вандализма против китайского народа. Оно не только вызвало героическое сопротивление китайских патриотов, но и внесло переполох в стан правителей Китая, которые увидели в этом угрозу своим привилегиям, покушение на их великодержавные амбиции. Эту мысль выразил выдающийся русский китаевед XIX в. В. П. Васильев: «Считая тысячелетиями свое мировое значение, презирая все остальное человечество, как не могущее проникнуться его великими принципами, Китай вдруг был выбит из своей проторенной колеи. Не по доброй воле вступил он в сношения с другими народами, открыл иностранцам свободный доступ в свои гавани; скрепя сердце, увидел он себя поставленным в необходимость учиться у тех, которых он считал такими невеждами».

Некоторые китайские историки, идеализируя движение ихэтуаней, пытались изобразить их только в «розовом свете». Они якобы не допускали жестокости к своим противникам. Так, Фан Вэньлань в книге «Новая история Китая» писал, что «жестокость и разнузданность были характерны не для ихэтуаней, а для миссионеров и перешедших в христианство китайцев». Такое утверждение недостаточно объективно. Не обеляя иностранных миссионеров и китайских христиан, следует подчеркнуть, что ихэтуани на своем пути истребляли всех, независимо от возраста и пола, миссионеров и соотечественников-христиан и превращали их жилища в пепелище. В такой жестокости надо винить не ихэтуаней, а их главарей, отравлявших сознание восставших ядом ненависти ко всему иностранному.

Иностранные миссионеры, жившие в глубинных районах провинций

Шаньдун, Шэньси и Шаньси, были истреблены. Их головы выставлялись в китайских храмах. Их детей мучили и убивали на глазах матерей, которых затем насиловали, пытали и обезглавливали. Тела убитых выбрасывались за городские стены. Один из главарей ихэтуаней, прибыв из Пекина в Тяньцзинь в июне 1900 г., похвалялся перед своими подопечными:

— В Пекине мы казнили японского переводчика из японского посольства. Мы схватили его, отрезали ему нос, уши, губы, пальцы; искололи тело, а из кожи на его спине вырезали себе пояса; из груди вырвали его сердце.

Потрясая копьём перед ихэтуанями, он с гордостью продолжал:

— Вот это мое заговоренное копьё было воткнуто в землю, а рядом с ним лежало теплое, ещё трепещущее сердце японца. Перед живым сердцем врага мы совершили челобитие и неистово молились, чтобы божество Гуаньлао даровало нам неслабеющую силу и храбрость в бою и охраняло нас от вражеских козней. Затем мы рассекли сердце на кусочки и съели их. И если в моей груди есть частица вражеского сердца, то мне не страшен никакой враг.

Речь шла о секретаре японского посольства Сугияма, зверски убитом 11 июня 1900 г. в Пекине.

Жестокость ихэтуаней имела свои социально-классовые причины. Невыносимый классовый гнет, отчаянная борьба за существование, голод, нищета, моральное угнетение — все это явилось той объективной почвой, на которой культивировалось их озлобление.

Еще древние китайские мыслители правильно подходили к объяснению причин ожесточенности китайского народа и связывали это не с какой-то патологией, а с социальными условиями. Китайский мыслитель Мэнцзы, живший в III в. до н. э., писал: «В урожайные годы большая часть молодежи бывает доброй, а в голодные — злой. Такая разница происходит не от тех природных качеств, которыми наградило их небо. А случается это так оттого, что бедствия от голода погружают их сердца во зло». Здесь верно

подмечена природа ожесточения: полуголодное существование обостряет чувства человека, ожесточает его.

Природа жестокости иностранных пришельцев носила совсем иной характер. Империалистические державы вели войну против китайского народа под флагом «единства» национальных интересов: так затушевывались «проклятые» классовые противоречия. Солдатам и офицерам союзных войск внушали, что китайцы — их заклятые враги, поэтому с ними следует расправляться беспощадно.

Приведем в связи с этим наблюдения и размышления русского журналиста Д. Янчевецкого, очевидца военных действий против ихэтуаней, автора книги «У стен недвижного Китая», изданной в 1903 г. И хотя книга написана в духе оправдания колониальной политики царской России, тем не менее надо отдать должное ее автору, который в мрачные времена господства русского царизма не убоился дать объективную оценку поведения иностранных войск в Китае во время подавления восстания ихэтуаней. Он писал: «В китайцах не уважали никаких человеческих прав. Установился какой-то средневековый взгляд, что с китайцами можно все делать. Их считали за какую-то жалкую тварь, которую можно и даже должно безнаказанно преследовать, насиловать и даже можно убивать, если они осмелятся сопротивляться».

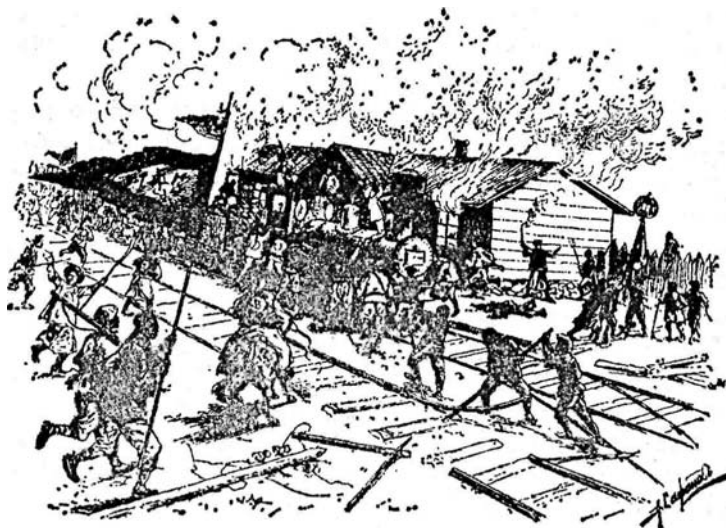
В другом месте Д. Янчевецкий передает разговор раненого русского офицера с доктором, начальником военного госпиталя в осажденном Тяньцзине. Доктор жаловался, что китайцы обстреливают госпиталь Красного Креста и тем самым грубо нарушают международное право и законы войны. «Неужели вы думаете, доктор, — возразил раненый офицер, — что китайцы что-нибудь поймут из вашей галантности? Цивилизованные европейцы столько лет не признавали основных человеческих прав за китайцами, не уважали ни их национальных чувств, ни религиозных, ни политических, грубо издевались над их самыми священными обычаями и законами, отнимали и расхищали у них все, что только могли, — и вы хотите,

чтобы в такое разнузданное и незаконное время, называемое войной, китайцы верили, что мы будем признавать какие-то законы и права, которые мы постоянно нарушали».

Так раненый русский офицер, находясь в осажденном Тяньцзине и подвергаясь обстрелу, объективно оценил империалистическую политику иностранных держав в отношении Китая и правильно объяснил причины ненависти китайцев к иностранцам.

Движение ихэтуаней создало реальную угрозу привилегиям иностранных держав в Китае, и они решили применить военную силу: 40-тысячная союзная армия восьми держав (Англии, Франции, России, Германии, США, Италии, Японии, Австро-Венгрии) обрушила на китайский народ всю мощь тогдашней военной техники.

Ихэтуани противостояли вторжению в Китай восьми империалистических держав не как представители различных классов, а как масса, объединенная единым «национальным духом». Забитый и отсталый китайский крестьянин в годы такого лихолетья считал всех иностранных пришельцев своими заклятыми врагами.



Ихэтуани подожгли станцию и разрушили рельсы железной дороги Пекин — Тяньцзинь

Два смертельных врага противостояли друг другу: на одной стороне находились союзные войска восьми держав, а на другой — восставшие крестьяне-ихэтуани. К третьей силе относились войска маньчжурского

правительства, которые хотя и предназначались для борьбы с ихэтуанями, но были настроены против иностранцев.

В мае 1901 г. ихэтуани фактически завладели Пекином: всюду пылали в огне католические храмы и магазины, торговавшие иностранными товарами. Вооруженные примитивными мечами, копьями и пушками, они осаждали посольский квартал в Пекине. Все это привело к обострению отношений между маньчжурским правительством и державами.

Наиболее влиятельными сановниками времен восстания ихэтуаней были: Ли Хунчжан (наместник провинций Гуандун и Гуанси), Лю Кунь (наместник провинций Цзянси и Аньхой), Чжан Чжидун (наместник провинций Хунань и Хубэй), Юань Шикай (губернатор провинции Шаньдун). Они не только были влиятельными сановниками, но и располагали собственными войсками. Их политический курс был един - избегать конфронтации с державами и расправиться собственными силами с ихэтуанями.

При поддержке Англии предполагалось объявить об отделении Юга от Севера Китая и поставить во главе «независимого» правительства Юго-Востока Ли Хунчжана, Чжан Чжидун или Лю Кунь.

После того как 21 июня 1900 г. маньчжурское правительство объявило войну иностранным державам, наместники Лю Кунь и Чжан Чжидун пытались договориться с Ли Хунчжаном о проведении независимой политики по отношению к маньчжурскому правительству. Лю Кунь и Чжан Чжидун планировали создание «независимого» Юго-Восточного Китая.

Английский план отделения Юга от Севера Китая встретил сопротивление других держав и не мог быть осуществлен.

«Оппозиция» к Цыси со стороны названных сановников продолжалась недолго: страх перед движением ихэтуаней объединил всех, кто стоял над китайским народом.

Чтобы сохранить свой режим, а затем постепенно подчинить движение ихэтуаней своему контролю, маньчжурское правительство прибегло к

политике маневрирования. Губернатор столичной провинции Чжили Юй Лу с большим почетом встретил главарей ихэтуаней, их приняла и вдовствующая императрица Цыси.

После вступления в Пекин и Тяньцзинь отряды ихэтуаней начали громить религиозные миссии, осадили иностранные миссии в Тяньцзине и посольский квартал в Пекине, разрушили железные дороги и телеграфные линии, сожгли здания правительственных учреждений, казнили чиновников-деспотов. Все это вызвало панику в маньчжурском правительстве.

Под давлением массовой антиимпериалистической борьбы вдовствующая императрица Цыси вынуждена была 21 июня 1900 г. объявить войну иностранным державам. Она хорошо понимала, что проникновение иностранного капитала в Китай подрывало феодальные устои, а следовательно, и ее деспотическую власть. Это нашло отражение в ее секретных указах: «Уничтожайте всех иностранцев, где бы вы их ни обнаружили. Даже если они собираются покинуть вашу провинцию, их надо уничтожать». И еще: «Я приказываю, чтобы все иностранцы — мужчины, женщины и дети были немедленно уничтожены. Не позволяйте ни одному избежать смерти. Тогда наша империя может быть очищена от отвратительного источника разложения и мир будет восстановлен для моих преданных подданных».

Чтобы отвести от себя возмущение обездоленных крестьянских масс, клика Цыси пыталась направить их гнев против иностранных миссионеров. Любой иностранец, независимо от занимаемой должности, пола и возраста, считался врагом Китая, а посему подлежал уничтожению. Подлежали истреблению и китайцы-христиане, которые изменили китайским религиям и учениям — конфуцианству, буддизму и даосизму.

Объявив войну иностранным державам, Цыси ежедневно 70 раз перечитывала вслух заклинания ихэтуаней, после чего ее главный евнух Ли Ляньин говорил ей, что «этим уничтожен еще один заморский дьявол».

Попытка Цыси расправиться с иностранцами в Пекине с помощью

ихэтуаней не увенчалась успехом. Ихэтуани, количество которых иногда доходило до 10 тысяч, не могли овладеть иностранными миссиями, оборонявшимися 500 профессиональными военными. Росло разочарование клики Цыси в возможностях ихэтуаней. Вскоре в политике маньчжурского правительства наметился новый поворот. Верх взяла группировка князя Дуаня-Ган И, стоявшая за поддержку ихэтуаней.

Во время восстания ихэтуаней особенно воинственно были настроены против иностранцев войска генерала Дун Фусяна: их ввели в Пекин, где они побратались с ихэтуанями. Обстановка в столице все более накалялась, и иностранные дипломаты потребовали от маньчжурского правительства удаления за пределы столичной провинции войск генерала Дун Фусяна, поддерживавших враждебные действия населения против иностранцев. Эти войска вывели из Пекина, однако 27 мая 1900 г. они вновь вступили в столицу.

Маньчжурское правительство пыталось заключить перемирие с осажденными и настойчиво предлагало посланникам выехать из Пекина под конвоем правительственных войск. В иностранных миссиях возникли дебаты по поводу дальнейшего пребывания в Пекине: некоторые посланники склонялись к тому, чтобы подчиниться ультиматуму и покинуть столицу; другие считали, что в такое смутное время следует отсидеться на месте и никуда не выезжать. Наконец, все согласились покинуть Пекин и укрыться в Тяньцзине. Так как железная дорога была разрушена, предполагалось отправиться на телегах.

После длительных дебатов посланники в Пекине решили обратиться в Палату по иностранным делам (Цзунли ямынь) с просьбой разрешить выезд иностранных дипломатов в Тяньцзинь. Ввиду отсутствия ответа на последнее письмо посланников по поводу эвакуации из Пекина, утром 20 июня 1900 г. во французской миссии состоялось совещание глав дипломатических миссий, на котором обсуждался этот вопрос, и было принято решение послать ноту маньчжурской стороне. Присутствовавший на совещании германский

посланник барон Кеттлер заявил, что он один объяснится с маньчжурами. Его уговаривали не делать этого, не подвергать себя риску в такое смутное время, но уговоры оказались тщетными.

Барон Кеттлер решил отправиться в паланкине, взяв с собой драгомана-переводчика Кордеса, шестерых солдат охраны и двух конных. С полпути он отпустил свою охрану домой, оставив при себе только переводчика. Впереди несли паланкин Кордеса, а за ним следовал паланкин Кеттлера. При повороте на улицу Хадамэнь Кордес видел, как из группы китайских солдат выделился один и выстрелил из винтовки в паланкин Кеттлера. Из паланкина не доносилось никакого звука и не видно было никакого движения. Кеттлера поразили наповал: пуля попала в шею и пробила шейную артерию. Стрелял в германского посланника солдат из войск генерала Дун Фусяна.

Кордес приказал носильщикам остановиться, те бросили паланкины и, упав на землю, поползли в безопасное место. За ними последовал и Кордес — по нему открыли огонь, и он был ранен в бедро, но все же смог доползти до американской миссии, расположенной недалеко от посольского квартала.

Когда от Кордеса стало известно о трагическом событии, иностранные дипломаты решили послать поисковую группу, чтобы забрать труп Кеттлера. Сделать это не удалось: китайские солдаты блокировали все подходы к месту происшествия.

Труп Кеттлера представители властей пытались спрятать в помещении Палаты по иностранным делам, однако ихэтуани потребовали передать его им. Это требование не было выполнено. Тогда ихэтуани подожгли здание палаты, а обнаруженный труп изрезали на куски.

Это трагическое событие вызвало панику в посольском квартале, и план бегства из Пекина в Тяньцзинь был отложен. Убийство германского посланника Кеттлера послужило началом осады иностранных посольств.

Впоследствии стало известно, что пребывание иностранных дипломатов в Пекине удерживало маньчжурское правительство от

применения артиллерии и войск для штурма посольского квартала. В противном случае все иностранцы были бы уничтожены. Цыси руководствовалась не какими-то гуманными соображениями. Логика ее рассуждения была примерно такова: если все посланники будут убиты, то державы в отместку смогут настоять на физическом уничтожении императора Гуансюя, вдовствующей императрицы Цыси, Жун Лу и других правительственных сановников.

Иностранные дипломаты в Пекине оказались осажденными, и над ними нависла угроза смерти. Осада посольского квартала продолжалась 56 дней, с 20 июня до 14 августа 1900 г. Около 900 европейцев и американцев и 3 тысячи китайцев-христиан находились под защитой всего лишь 525 иностранных солдат и офицеров.

Осада началась с обстрела австрийской миссии. Незадолго до этого Палата по иностранным делам обратилась к дуайену дипломатического корпуса испанскому посланнику Де-Кологану с предложением иностранным дипломатам покинуть Пекин. В то же самое время маньчжурское правительство выразило готовность продолжать переговоры с посольским кварталом и справлялось о намерении иностранных правительств в отношении Китая.

Наименее пострадавшим от обстрела артиллерии маньчжурских войск оказалось английское посольство, окруженное высокими стенами, и это позволяло иностранцам отбивать многочисленные атаки ихэтуаней и маньчжурских войск. На территории английского посольства укрылись оставшиеся в живых сотрудники иностранных миссий.

Положение осажденных с каждым днем становилось все более критическим: не хватало боеприпасов, продовольствия, воды, уменьшалось число защитников.

У всех городских ворот была расставлена стража ихэтуаней, которая перехватывала и убивала гонцов, посланных иностранными дипломатами с депешами, в которых они просили о помощи. Только одному гонцу удалось

проскользнуть мимо стражи и сообщить союзным войскам в Тяньцзине о бедственном положении иностранцев в Пекине. В сообщении говорилось: «Мы находимся в смертельной опасности. 30 тысяч войск атакуют нас. У нас осталось продовольствия лишь на три дня. Если не подоспеет помощь, нет надежды на спасение. Итальянская, голландская и американская миссии сожжены, британское посольство тоже частично сожжено».

Союзные войска приняли решение подавить восстание ихэтуаней и вызволить осажденных иностранных дипломатов в Пекине. С этой целью из Тяньцзиня в Пекин под началом командующего британской Тихоокеанской эскадрой вице-адмирала Э. Сеймура был направлен двухтысячный отряд союзных войск, в который вошли: 915 англичан, 450 немцев, 358 французов, 312 русских, 112 американцев, 54 японца, 40 итальянцев и 25 австрийцев. О направлении международной военной экспедиции был поставлен в известность Юй Лу — губернатор столичной провинции Чжили.

Утром 10 июня 1900 г. первый железнодорожный состав с иностранными солдатами тронулся в путь из Тяньцзиня, за ним отправились еще четыре состава, груженные войсками, оборудованием для ремонта железнодорожного полотна и с продовольствием на три дня. Э. Сеймур рассчитывал в тот же день добраться до Пекина, хотя знал, что между Тяньцзинем и Пекином находится большое количество ихэтуаней и маньчжурские войска под командованием генерала Но Шичэна.

Расчеты Э. Сеймура прибыть в тот же день, т. е. 10 июня, в Пекин не оправдались: железнодорожное полотно повсеместно было разрушено, ремонтировать его при постоянных набегах ихэтуаней не представлялось возможным. 18 июня 1900 г. войска иностранцев во главе с Сеймуром на станции Ланфан были атакованы ихэтуанями и армией Дун Фусяна.

Когда попытка достигнуть Пекина железнодорожным путем провалилась, Э. Сеймур решил добраться туда на лодках по Великому каналу. 127 километров отделяло Тяньцзинь от Пекина, и это расстояние Э. Сеймур почти преодолел: осталось всего 22 километра до китайской

столицы. 11 июля сотрудники иностранных миссий в Пекине вышли встречать отряд Э. Сеймура на пекинский железнодорожный вокзал, однако на разрушенном вокзале никого не оказалось.

Под ударами ихэтуаней Э. Сеймур вынужден был принять решение отступить и вернуться в Тяньцзинь за подкреплением. Изрядно потрепанный отряд союзных войск 22 июня 1900 г. укрылся в арсенале Сигу, расположенном на левом берегу реки Бэйхэ, недалеко от Тяньцзиня. Здесь его атаковали со всех сторон войска генерала Не Шичэна и ихэтуани. И только 26 июня, получив сильное подкрепление, отряд прорвал кольцо окружения и возвратился в Тяньцзинь, захватив с собой 238 носилок с ранеными.

Экспедиция Э. Сеймура показала, что подавить восстание ихэтуаней не так-то просто: их поддерживало, по существу, все население городов и сел. Империалистические державы сделали из этого вывод: для достижения своих агрессивных целей надо нанести Китаю более мощный удар. Разыгрались драматические события, в которые были вовлечены мощные военные силы империалистических держав.

В такое смутное время Палату по иностранным делам возглавлял князь Цин (И Куан). Обладая незаурядными способностями дворцового интригана, князь Цин добился расположения вдовствующей императрицы, которая постоянно повышала его в титулах — так он возвысился до великого князя, председателя Палаты по иностранным делам и даже председателя Верховного императорского совета.

В воспоминаниях последнего маньчжурского императора Пу И о князе Цине (И Куане) и его сыне Цзай Чжэне говорилось: «И Куан официально стал председателем Верховного императорского совета, а сын его Цзай Чжэнь — министром торговли. Отец и сын купались в славе. Несмотря на то, что противники Цина тайно строили ему всякого рода козни, а цензоры открыто говорили о его корыстолюбии, нарушении законов и продажности, его положение никак не менялось. Один из цензоров обвинил князя Цина в

том, что он сам назначил себя на должность члена Верховного императорского совета, что дом его всегда полон гостей и он не знает счета деньгам, что отец и сын тратят огромные средства на пищу, одежду и разезды, что 1 200 000 лянв их капитала направлены на хранение в английский банк в посольском квартале. Другой цензор доложил, что кто-то подарил князю Цину (И Куану) в день рождения 100 000 лянв серебра; за 12 000 лянв в подарок сыну он купил певичку. Результат был самый неожиданный: один из цензоров был отозван, а другой вообще разжалован».

Когда тучи над головой Цыси стали все более сгущаться, она решила поставить во главе Палаты по иностранным делам «сильную личность»: ее главой вместо податливого и трусливого князя Цина (И Куана) стал известный своими антииностранными настроениями князь Дуань (Цзай И).

Наиболее решительными противниками примирения с державами были сановники Дуань, Лань, Ган И и Сюй Тун. Они отражали настроения довольно значительной части правительственных чиновников, которые враждебно относились к появлению в стране западной цивилизации, европейской техники и тем более к вмешательству держав в китайские дела.

13 июня 1900 г. войска ихэтуаней под покровительством князя Дуаня вошли в Пекин, и это вызвало большой переполох в правящей верхушке маньчжурского правительства. Глава Верховного императорского совета Жун Лу об ихэтуанях писал: «В столице их несколько десятков тысяч; они напоминают саранчу, с которой очень трудно справиться». Он считал, что к восставшим надо применять решительные меры, что истребление иностранцев в посольском квартале может вызвать возмездие со стороны иностранных держав и это приведет к худшим последствиям. Поэтому предлагалось направить правительственные войска для защиты посольского квартала. Жун Лу просил вдовствующую императрицу обнародовать указ, в котором говорилось бы, что ихэтуани — это тайное общество и никто не должен верить их религиозному учению, а также дать приказ начальникам девяти ворот города немедленно изгнать ихэтуаней из Пекина. Цыси приняла

это предложение.

Однако в правящей верхушке князь Дуань, сановник Лань и другие воспротивились этому предложению Жун Лу. Князь Дуань заявил: если такой указ будет обнародован, ихэтуани уничтожат всех обитателей императорского дворца, поэтому к восставшим не следует применять грубые действия.

На склоне лет Цыси, делясь своими впечатлениями о пережитом, говорила:

«Я хотела издать указ, предписывающий немедленно прекратить религиозные упражнения ихэтуаней, однако князь Дуань и сановник Лань сказали мне — ихэтуани посланы небом помочь Китаю избавиться от всех нежелательных людей и ненавистных иностранцев. Конечно, они имели в виду главным образом миссионеров, и вы знаете, как я ненавижу их и какой набожной являюсь я. Поэтому я ничего не ответила, решив выждать и посмотреть, что произойдет дальше.

Я была убеждена, что они на этом не остановятся и пойдут дальше. Так оно и получилось. Однажды князь Дуань привел руководителя ихэтуаней в Летний дворец, собрал всех евнухов и стал выяснять, кто из них христианской веры. Я возмутилась поведением князя Дуаня за то, что он без моего разрешения привел ихэтуаней в Летний дворец. На это Дуань ответил: ихэтуани обладают большой силой и могут уничтожить всех иностранцев, не боятся иностранных пушек, так как все божества являются их защитниками. На следующий день наставник ихэтуаней пришел во дворец в сопровождении князя Дуаня и сановника Ланя. Тогда всех евнухов обязали зажечь курительные палочки — доказать этим, что они не христиане. В последующие дни я с удивлением обнаружила, что все евнухи были одеты в форму ихэтуаней: в красные жакеты, красный головной убор и желтые штаны. Мне было больно смотреть, что все мои слуги сбросили официальные халаты и облачились в одеяние ихэтуаней».

«С каждым днем обстановка все более накалялась. В один из таких

тревожных дней князь Дуань и сановник Лань пришли просить меня обнародовать указ, согласно которому ихэтуаням приказывалось уничтожить прежде всего иностранцев в посольском квартале, а затем всех остальных иностранцев. Я возмутилась и отказалась подписать этот указ. Мы долго говорили по этому поводу, и князь Дуань настаивал на подписании такого указа незамедлительно, так как ихэтуани буквально на следующий день намеревались обстрелять посольский квартал. Я приказала выдворить его из дворца, и он предупредил меня: «Если вы откажетесь обнародовать такой указ, я сам издам его. Я сделаю это помимо вашей воли». Он это сделал и несет ответственность за гибель многих людей, но не мог полностью выполнить свой план, потому что иностранные войска приближались к Пекину».

Так Цыси на склоне лет пыталась переложить ответственность за антииностранные выступления в Пекине на князя Дуаня и ихэтуаней, а самой остаться в стороне.

* * *

...На политической карте мира встречаются небольшие пункты, которые в силу определенных событий длительное время приковывают к себе всеобщее внимание. На рубеже XIX и XX вв. таким пунктом стал китайский военный форт (он же морская гавань) Дагу, расположенный вблизи главных центров антииностранных волнений — Тяньцзиня и Пекина.

Дагу находился на территории столичной провинции Чжили, у устья реки Бэйхэ — самой большой реки, впадающей в Чжилийский залив, названный европейцами Печилийским. Теперь его называют Бохайским заливом. Провинция Чжили (нынешнее название — Хэбэй) называлась столичной потому, что на ее территории расположена столица Китая — Пекин, соединенный с городом Тяньцзинем Великим каналом, а также железнодорожной линией.

Устье реки Бэйхэ носило общее название Дагу. Восточный городок с пристанями и железнодорожной станцией, расположенный на левом берегу

реки, называется Тангу, а западный городок с заводами и мастерскими на правом берегу реки — Сигу.

На отлогих берегах Бэйхэ при впадении в Чжилийский залив были сооружены земляные и каменные укрепления, поэтому Дагу считался одновременно и портом и фортом, оберегавшим с моря крупный торговый и промышленный центр Тяньцзинь. Между Дагу и Тяньцзинем осуществлялась оживленная связь по железной дороге и реке.

В июне 1900 г. иностранные военные корабли стали сосредоточиваться перед фортами Дагу. Маньчжурское командование, видя угрозу иностранной агрессии, стало укреплять форты, минировать подходы к устью реки Бэйхэ и усиливать свои гарнизоны.

Используя навязанные Китаю неравноправные кабальные договоры, иностранные державы захватили в Тяньцзине лучшие участки земли и создали на них базы своей экспансии в виде так называемых концессий. В Тяньцзине насчитывалось восемь иностранных концессий: английская, французская, японская, германская, итальянская, австрийская, бельгийская и русская. Занимаемая иностранцами часть Тяньцзиня составляла более четверти городской территории.

Свидетель событий в Тяньцзине русский корреспондент Дмитрий Янчевецкий так описал обстановку в городе тех тревожных дней: «Грозовая туча уже нависла над Тяньцзинем. Тяньцзинь пустеет. Напуганные слухами о неистовствах боксеров и об их скором нападении на город, встревоженные боевым видом Тяньцзиня, движением войск и бегством китайцев из европейских концессий, европейские семьи одна за другой покидали город и спешили уехать по железной дороге, пока она еще не разрушена, в Тангу, а оттуда на пароходе — в Шанхай, а из Шанхая — за границу.

Красивые улицы Тяньцзиня пустынные и запущенны. Тысячи рикш, которые прежде стояли на всех перекрестках и как комары налетали на пассажиров, желавших поехать, бесследно пропали. На улицах можно встретить только военных разных наций».

Тяньцзинь превратился в арену ожесточенных и кровопролитных схваток между китайцами и иностранцами. 12 июня 1900 г. ихэтуани решили дать бой «заморским дьяволам». Чтобы воодушевить участников боя, ночью в одном из городских храмов был устроен сбор. И вот как, по свидетельству очевидца, этот сбор выглядел.

Ихэтуани держали в руках зажженные красные бумажные фонари на палках. Их головы были обмотаны красными повязками, под которыми виднелись свернутые косы. На груди каждого висел красный платок с написанными таинственными иероглифами. Красный кушак, свернутый веревкой, с заткнутым большим кривым ножом, туго сжимал худошавое смуглое тело. На их ногах были широкие синие шаровары, перехваченные у щиколоток красными тесемками.

В глубине Храма духа огня на помосте находился бог войны Гуаньлао. С длинной седой бородой и нахмуренными мохнатыми бровями он сидел в пышном одеянии. В тускло-желтом сумраке алтаря сверкали золотая парча его халата и позолоченные священные надписи, развешанные под потолком, на стенах и деревянных колоннах. Курительные палочки, воткнутые в золу курильницы, обдавали фимиамом лик бога.

Тихо и мрачно было в глубине храма, но во дворе толпа гудела и волновалась, становилась на колени и совершала земные поклоны.

Старый монах с высохшим восковым лицом, изрезанным морщинами, стоял посреди толпы перед жертвенником, над которым из зажженной курильницы вились струйки дыма. Монотонным голосом он читал молитву. Ему вторили стоящие рядом в просторных халатах с безжизненными лицами монахи, нараспев тянувшие заунывную молитву и одновременно бившие в медный колокол и деревянный барабан. Толпа горячо молилась.

Один из вожаков восставших поднялся на паперть храма и обратился к собравшимся со словами:

— Сегодня настала первая ночь крови и мести, указанная великим божеством войны. В эту ночь мы должны поразить иностранных дьяволов

первым решительным и могучим ударом нашего чудесного кулака. Полвека иностранные дьяволы, словно ножами, врезались в нашу землю своими железными дорогами, высасывали нашу кровь. Полвека они расхищали плоды наших полей, золото и богатство, вонзали свои когти в наши земли — Цзяочжоу, Люйшунькоу и Вэйхайвэй.

Ныне их железные дороги уже разрушены, а столбы для быстрой передачи известий вырыты. Настал час великого возмездия. Десять тысяч китайских семейств, изменивших вере предков, вырезаны. Теперь очередь за теми изменниками, которые живут в городе Тяньцзине.

Сделав небольшую паузу, оратор возбужденным взглядом обвел притихшую толпу, озаренную тусклым светом фонарей, и его громкий с надрывом голос прозвучал словно набат:

— Ни одному изменнику и ни одному заморскому дьяволу не давать пощады. Пусть небо накалится от пожаров, пусть земля побагровеет от крови! И пусть все заморские дьяволы задохнутся от дыма их собственных пылающих дьявольских храмов! Помните, чем больше вы прольете вражеской крови, тем больше небо прольет своего благодатного дождя. Подвергайте изменников самым ужасным наказаниям, и ни одного сердца заморского дьявола не оставляйте невырезанным!

Свою возбужденную речь оратор закончил такими словами:

— Мы должны перебить иностранные войска, пришедшие сюда. Сегодня на берегу реки Бэйхэ мы начнем с того, что сожжем дотла большой собор католиков. Уничтожим всех известных вам изменников, чтобы они не смогли помочь иностранным дьяволам. Ровно в полночь мы соберемся на могилах наших предков перед вокзалом и дружно нападём на иностранных солдат, охраняющих вокзал, перережем их, сожжем вокзал и по деревянному мосту ворвемся в Цзычжулин, где живут французы, спалим все французские храмы и дома, а затем перебьем всех иностранцев и тех китайцев, которых мы найдем у них.

Вдруг за оградой храма раздался звон конских копыт. Всадники

соскочили с коней и быстро вошли во двор. Толпа расступилась на две стороны, и слышались крики:

— Дайте дорогу! Дайте дорогу! Приехал почтенный Чжан!

Один из «предводителей ихэтуаней, Чжан, быстро прошел вперед и стал на ступеньке храма. Он был одет во все красное: красная чалма на голове, красная шелковая кофта, красные шаровары; пояс, подвязки и надетые поверх шароваров набедренники имели нашитый иероглиф «счастье». На его груди был вышит таинственный знак, под ним скрывалась ладанка с зашитыми в ней тремя корешками имбиря, 21 зерном черного гороха и 21 зерном красного перца. В руках он держал длинное копье с красной кистью под острием. За поясом торчали нож и две кривые сабли, а за плечами висел колчан с луком и стрелами.

Сделав три поклона богу войны, Чжан повернулся к толпе и начал говорить. Он еще не успел отдышаться от быстрой езды, но его зычный, отрывистый голос среди наступившей тишины слышал каждый во дворе храма.

— Внимательно слушайте то, что я вам скажу. Моими устами говорит небо, дарующее счастье и богатство и охраняющее ихэтуаней. Иностранные дьяволы возмутили мир и благоденствие народа Срединного государства. Они побуждают народ следовать их учению, отвернуться от неба, не почитать наших божеств и забыть предков. Заморские дьяволы порождены не человеческим родом. Если вы не верите, взгляните на них пристально: их глаза светлые, как у всех дьяволов. Небо, возмущенное их преступлениями, не посылает нам дождя и уже третий год жжет и сушит землю. Иностранные храмы сдавили небеса и теснят духов. Божества в гневе, духи в негодовании. Ныне божества и духи сходят с гор, чтобы спасти нашу веру. Пойте наши молитвы и повторяйте волшебные слова. Возжигайте желтые молитвенные бумажки и воскуривайте курительные палочки. Вызывайте из пещер божеств и духов! И тогда они выйдут и помогут нам.

Если вы будете верны вашему сердцу, как вы верны небу и земле,

будете чисты сердцем, как чист горный источник, будете верить в наше дело всем вашим сердцем, то станете неуязвимы и бессмертны. Знайте же это!

После такой речи Чжан сделал паузу и, обращаясь к толпе, воскликнул:

— У всех ли на груди есть спасительные амулеты?

Толпа вздрогнула, и послышался общий крик:

— У всех, у всех!

Чжан вновь обратился к толпе:

— У всех ли зажжены красные фонари?

— У всех, у всех! — зашумела толпа и подняла их вверх.

— У всех ли хорошо отточены ножи, сабли и копья? — кричал Чжан, размахивая своим длинным копьём.

— У всех, у всех! — закричала толпа еще громче и потрясала над головами оружием.

— Монахи, совершите последнюю молитву и призовите духов! — крикнул предводитель ихэтуаней.

Мгновенно застучали барабаны и колотушки, зазвенели медные тарелки, загудел колокол. Монахи, а за ними и вся толпа стала петь хором:

Небо, раствори небесные врата!

Земля, раствори земные врата!

Пусть сойдут сонмы небесных духов.

Свет красного фонаря,

Будь нашим проводником и охранителем...

Лаое, Гуаньлаое!

Спаси нас и сохрани

От огня заморских пушек!

После молитвы из боковой кельи храма появились мальчики и девочки с красными повязками на голове и в длинных красных одеждах. Дети упали ниц перед жертвенником посреди двора — так началось вызывание духов. Еще громче застучали колотушки и барабаны, еще звонче забил колокол. Еще неистовее стала молиться толпа.

Мальчики и девочки с выпученными глазами и с пеной у рта поднимались с плит, на которых стояли на коленях, и начинали безумно прыгать вокруг жертвенника; затем снова падали на землю и простирались без движения, выпускали сквозь стиснутые зубы пену и издавали глухое хрипение.

— Огненный дух спустился! — раздался крик.

— Спустился! Спустился! Спустился! — вторила толпа.

Подняв фонари и размахивая мечами и копьями, толпа вышла со двора храма на улицу, неся впереди детей, совершенно обессилевших от моления. Возбужденные исполненным ритуалом и готовые биться с «иностранными дьяволами» и их приспешниками смертным боем, ихэтуани то и дело выкрикивали:

— Хун дэн чжао! (Пусть светит красный фонарь!)

— И саор гуан! (Сметем всех помелом!)

— Ша янгуйцзы! (Смерть заморским дьяволам!) После ухода толпы во дворе храма вновь наступила тишина, она нарушалась лишь громкой молитвой монаха:

— О Великий старец! Десять тысяч лет ты взираешь из недр вечности на нашу землю, по которой когда-то сам ходил. Сохрани наш народ в годину смуты и тревог! Спаси ихэтуаней и помоги им свершить великое дело.

Великий старец неподвижно сидел на помосте и, думая свою вековую думу, не знающую земных ничтожных тревог и волнений, безмолвствовал.

Уверенные, что дух вселился в их плоть, ихэтуани приступили к действиям. В ночь на 2 июня 1900 г. недалеко от железнодорожного вокзала Тяньцзиня засверкали красные фонари — отличительный знак ихэтуаней. Очевидец этого события вспоминал: «Точно огненный дракон, вереница бесчисленных красных огней показалась из китайской части города; то останавливаясь, то извиваясь и собираясь в круги, то рассыпаясь, исчезая и снова светясь, приближалась она к городскому железнодорожному вокзалу.

Все поле искрилось, но это были не синие пугливые болотные огни, а красные угрожающие фонари ихэтуаней».

Ихэтуани решили в течение трех месяцев уничтожить всех иностранцев в Тяньцзине. Христианским церквям в этом городе был предъявлен ультиматум: «Доводим до сведения всех христианских церквей: даем вам срок в одну недолгу, в течение которой весь персонал церкви должен выехать. Во всех церквях обитают духи нашего общества. Если вы осмелитесь не выполнить этого, мы будем вынуждены применить силу, уничтожить и сжечь все ваши строения. Тогда сожалеть будет уже поздно».

Боевые действия развернулись вокруг железнодорожного вокзала Тяньцзиня. Укрытая в фортах китайская батарея открыла огонь прежде всего по французской концессии, французскому консульству и католическому монастырю.

16 июня 1900 г. союзные войска направили губернатору Чжилийской провинции Юй Лу и коменданту крепости Дагу генералу Ло Жунгуаню ультиматум о сдаче всех фортов: двух — на левом берегу и двух — на правом берегу Бэйхэ. Командование фортов отказалось принять ультиматум, и союзные войска 17 июня 1900 г. открыли ожесточенный огонь по китайским батареям.

Форт Дагу обороняли 2 тысячи китайских солдат, вооруженных современной военной техникой. Защитники форта имели 13 кораблей, в том числе пять сравнительно новых, закупленных за границей.

Бои за форты длились шесть часов и носили ожесточенный характер: более половины китайских солдат погибло. Очевидец штурма Дагу вспоминает: «Штурм сопровождался страшным кровопролитием. Орудия были разбиты; напившаяся кровью земля покрыта трупами людей и животных». Оставшиеся в живых солдаты и офицеры бежали из Дагу по направлению к Тяньцзиню.

Город Тяньцзинь с миллионным населением был окружен стенами, построенными еще в середине XIX в. для защиты от тайпинского восстания.

Стены замыкали населенный китайцами район, известный под названием Старый город. К юго-востоку от него находились иностранные селтльменты и концессии: большая французская концессия вдоль южного берега Бэйхэ, английская концессия и немецкий селтльмент,

30 июня 1900 г. союзные войска после штурма фортов Дагу повели наступление на защитников Тяньцзиня: правительственные войска и ихэтуани укрепились в Старом городе и вдоль реки Бэйхэ. Они разрушили железную дорогу, открыли шлюзы, чем вызвали наводнение, ихэтуани устраивали засады, однако это не остановило агрессоров.

Население города опустело почти наполовину: многие бежали, многие были убиты. Остатки правительственных войск и ихэтуани отступили в сторону Пекина.

Командиры правительственных войск во время боевых действий с иностранцами посылали вперед ихэтуаней, а если последние отступали, то гибли от пуль правительственных солдат.

Войска генерала Не Шичэна получили приказ атаковать селтльмент в Тяньцзине. Не Шичэн относился враждебно к ихэтуаням и в то же самое время вынужден был прибегать к их помощи.

С каким коварством использовались ихэтуани, можно судить по следующему описанию очевидца: «Во время совместной атаки на селтльмент правительственные войска шли сзади, а ихэтуани — впереди. Иностранцы открыли по ним огонь. На рассвете, после подсчета, оказалось более 2 тысяч убитых ихэтуаней, а правительственные войска отделались немногими ранеными. Шедших с мечами впереди ихэтуаней встречал ружейный и орудийный огонь иностранных войск, а с тыла по ним стреляли из винтовок солдаты правительственных войск. Поэтому в ту ночь огромные потери ихэтуаней были не только делом рук иностранных войск».

Вскоре, 9 июля, войска генерала Не Шичэна потерпели поражение, а он сам был убит. Его заменил Сун Цин, также враждебно относившийся к ихэтуаням. 13 июля союзная армия начала артиллерийский обстрел

Тяньцзиня, и именно в это время Сун Цин организовал массовое истребление ихэтуаней.

Военные действия между союзными войсками и ихэтуанями, носившие кровопролитный характер, развернулись в Старом городе: в ход были пущены штыки, приклады, ножи, все виды холодного оружия. Стычки озарялись пламенем горящих домов. Мужчины, женщины, дети, охваченные паникой, с криками и воплями метались из одной улицы в другую. Многие были затоптаны насмерть обезумевшей толпой.

Очевидец писал: «Трупы убитых покрывали все улицы города. Не осталось ни одного целого здания».

Д. Янчевецкий, свидетель этих военных действий, увидел на одной из улиц Тяньцзиня окровавленного убитого русского солдата. Взволнованный увиденным, он свои мысли выразил такими словами: «Что же это? Первая жертва? Первая капля невинной крови? Что же это такое? Настоящая война с регулярными войсками, с ружьями, пушками, ранеными и убитыми? Жестокость и кровопролитие, не знающие ни жалости, ни снисхождения. Но чем виноват этот солдатик, которого за тридевять земель пригнали из родной деревни, везли по жарким южным морям, держали в суровом Порт-Артуре и прислали сюда усмирять мятежников, которых он в глаза не видел и о которых слышал разве только в сказках? Что он сделал боксерам и что они сделали ему? Чувствуют ли в деревне его батька и matka, что их родимый уже сложил свою буйную головушку и лежит, раскинувшись, на горячем китайском песке, не приласканный и не оплаканный».

После падения Тяньцзиня вдовствующая императрица Цыси 8 июля 1900 г. назначила Ли Хунчжана наместником провинции Чжили и одновременно верховным правителем Северного Китая.

Ли Хунчжан считался одним из ведущих лидеров «проиностранной» группировки в маньчжурском правительстве. И хотя Цыси не разделяла его проиностранных взглядов, она не могла с ним не считаться: он располагал военной силой и на него делали ставку иностранные агрессоры. «Ли

Хунчжан,— писал китайский историк Фан Вэньлань,— хотел, чтобы Китай, управляемый помещиками и компрадорами, искал спасения у иностранцев, а внешнюю политику он рассматривал как средство, которое должно привести государство к могуществу и независимости. Все это он именовал «новой политикой».

В маньчжурском правительстве не было единого мнения о том, как относиться к иностранным державам и ихэтуаням. Одна группировка, во главе с начальником Приказа церемоний Юань Чаном и помощником начальника Чиновничьего приказа Сюй Цзинчэном, настаивала на сохранении мирных отношений с державами и беспощадной расправе с ихэтуанями. Другая группировка, во главе с князем Дуанем (Цзай И), сановниками Ган И и Сюй Туном, стояла за войну с державами и за использование ихэтуаней в этой войне.

Сторонники дружбы с державами и борьбы с ихэтуанями Юань Чан и Сюй Цзинчэн после падения Тяньцзиня писали на имя вдовствующей императрицы Цыси:

«Тяньцзинь уже пал; иностранные войска с каждым днем все больше приближаются к Пекину. До сих пор магическое искусство ихэтуаней ни в чем не оказало нам помощи. По нашему мнению, не пройдет и месяца, как враг постучится в ворота нашей столицы. Мы просим Ваши величества (имелись в виду Цыси и Гуансюй) учесть ужасные последствия сложившейся обстановки и возможность осквернения храмов ваших священных предков. Наши сердца наполнены ужасом при мысли о том, что может произойти. И в это время Сюй Тун, Ган И и другие посмеиваются и занимаются интригами. Корабль тонет, а они остаются совершенно беспечными, словно они верят в ихэтуаней, как в башню спасения. От таких людей государство не может получить советов, так же как от идиотов и пьяниц. Даже некоторые высшие сановники, министры и члены Верховного императорского совета становятся на колени перед ихэтуанями. Многие дворцы князей и дома сановников превращены в храмы для отправления культа ихэтуаней.

Ихэтуани — глупые люди, но они намного умнее таких одураченных, как Сюй Тун, Ган И и их последователи. Сюй Тун, Ган И и их последователи глупы, но они, в свою очередь, хотят одурачить князей и сановников императорского клана. Все наши несчастья непосредственно происходят от министров Сюй Туна и им подобных. И если Ваши величества не отдадут приказ немедленно обезглавить их и таким путем восстановить силу закона, то чиновники двора и провинций неизбежно воспримут ересь ихэтуаней».

Цыси колебалась, и это сказывалось на ее противоречивых указах: то предлагала поддерживать ихэтуаней и истреблять иностранцев, то вести войну с державами, то идти с ними на уступки и истреблять ихэтуаней.

Ихэтуани под началом руководителя антииностранной группировки князя Дуаня 25 июня 1900 г. приступили к штурму посольств в Пекине. Цыси тайно приказывала «повсюду на месте казнить иностранцев без различия пола и возраста с тем, чтобы ни один из них не ушел живым». И в то же самое время по ее распоряжению в осажденные посольства доставлялись подарки в виде арбузов, вина, овощей, фруктов, риса, муки и т. п.

Выполняя приказ Цыси направить войска для атаки иностранных казарм в посольском квартале, Жун Лу не обеспечил их артиллерийскими снарядами и одновременно тайком — в знак своего расположения — переслал в иностранные казармы свежие фрукты.

Жун Лу не применил артиллерию и пехоту против посольского квартала отнюдь не потому, что проявил чувство человечности к иностранцам. Он опасался, что это могло привести к более жестким ответным мерам со стороны держав.

Очевидец этих событий писал: «Официальные сношения осажденных с маньчжурским правительством продолжались все время. При обмене письмами между посланниками и маньчжурскими сановниками устанавливалось перемирие, и противники переговаривались друг с другом, обменивались новостями, что облегчалось близостью окопов и баррикад. После окончания таких переговоров бомбардировка и взаимные атаки

возобновлялись с прежней яростью».

Обозленные ихэтуани с копьями и мечами начали нападать на квартал, где были размещены иностранные посольства. Но что они могли сделать, если их встречали смертоносные пули? В посольский квартал были выпущены сотни снарядов из орудий, размещенных на городских стенах. Так как орудия оказались устаревшей конструкции и не имели прицела, то снаряды пролетали высоко над целью и никакого вреда не причиняли. Понеся большие потери от огнестрельного оружия иностранцев, окопавшихся в посольских помещениях, ихэтуани свою ненасытную злобу возмещали на китайцах-христианах.

Свидетель и участник похода союзных войск на Пекин русский корреспондент Д. Янчевецкий о позиции маньчжурского правительства в отношении осажденных иностранных посольств в Пекине писал: «Более благоразумные и осторожные члены маньчжурского правительства при всей своей фанатичной ненависти к иностранцам понимали, какой ответственности и какому возмездию они подвергают Китай и его династию, если в самом деле было бы совершено истребление членов иностранных посольств в Пекине».

Чтобы, с одной стороны, не допустить этого, а с другой — дать некоторый исход ярости ихэтуаней и правительственных солдат, охваченных одним чувством мести и ненависти и требовавших уничтожения иностранцев, было приказано не давать ихэтуаням и солдатам новых винтовок и орудий, а вооружить их старыми ружьями и чугунными пушками и позволить исподволь обстреливать посольства из подобных ружей и пушек, выстрелы которых большей частью давали перелет. Кроме того, солдатам не было разрешено производить общего штурма и нападения на посольства, чего, конечно, не выдержал бы охранявший их ничтожный гарнизон.

В такой критический момент истории Китая Цыси оказалась в трудном положении: движение ихэтуаней могло перерасти во всенародное восстание и тогда маньчжурский трон будет обречен; в то же время агрессия

иностранных держав угрожала ее власти в стране.

Цыси испытывала страх перед движением ихэтуanei, о чем свидетельствует ее указ от 26 июня 1900 г.: «На этот раз в течение нескольких месяцев действий ихэтуanei вся столица оказалась переполнена ими. Число их составляет не менее 100 с лишним тысяч. Все, начиная с народа и солдат вплоть до знаменных князей и членов правительства, в один голос заявляют о своей вражде к чужеземным религиям. Никто не может противостоять силе ихэтуanei. Если их разогнать, то близлежащие местности немедленно же пострадают, а жизнь народа окажется в опасности. Остается лишь постепенно принимать меры к восстановлению нормального положения». Было найдено половинчатое решение: пусть ихэтуани сражаются с иностранными войсками и обескровливают друг друга.

Выступление крестьянских масс грозило самому существованию маньчжурского режима. 29 июня 1900 г. вдовствующая императрица Цыси издала указ, в котором об ихэтуанях говорилось: «Двор никогда не отказывался от мысли отдать приказ о расправе с этими бунтовщиками. Но обстоятельства крайне препятствуют осуществлению этого плана в близлежащих районах. Мы опасаемся, что это навлечет еще большее зло, и боимся, что в провинциях Чжили и Шаньдун одновременно вспыхнет восстание».

Перед маньчжурскими властями во главе с Цыси встала очень трудная дилемма: бороться с ихэтуанями или поддерживать их?

Расправа с ихэтуанями могла привести к тому, что гнев китайского народа обернется не против иностранцев, а против царствующей династии. Одновременно это облегчило бы агрессивные действия иностранных держав в Китае и создало бы серьезную угрозу для трона. Поддержка ихэтуаней означала бы поощрение крестьянских выступлений и ожесточение иностранных интервентов, что также не сулило ничего хорошего маньчжурскому режиму.

Вот почему политика Цыси в отношении ихэтуаней была

непоследовательной, противоречивой и в конечном счете предательской и вероломной: вначале ихэтуани использовались для расправы с иностранцами, а затем иностранцы — для расправы с ихэтуанями.

Понимая опасность создавшегося положения, губернаторы южных провинций Китая направили на имя Цыси доклад, в котором говорилось: «Телеграммы из разных мест показывают, что жестокие убийства, совершаемые ихэтуанями, без сомнения, вызовут мщение против Китая. Если ихэтуани не будут теперь же уничтожены, то, конечно, державы будут озлоблены. Мы глубоко огорчены известиями, что столица в опасности. Прикрываясь своими чудесами, ихэтуани подстрекают народ присоединиться к ним и восстать против правительства». И далее: «Необходимо повелеть властям по всей империи принять строжайшие меры по охране иностранных купцов и миссионеров. Это может успокоить гнев иностранных держав. Только тогда мы будем в состоянии снова направить дела государства по хорошему пути. В настоящее время государство находится на краю величайшей гибели, и промедление в несколько дней может привести к крушению всей империи. Тогда будет слишком поздно. Вследствие этого все мы крайне потрясены и уstraшены».

* * *

Овладев Тяньцзинем, союзные войска 2 августа 1900 г. двинулись по обоим берегам Великого канала в поход на Пекин под предлогом освобождения от осады посольского квартала.

Участник этого похода союзных войск так выразил свое душевное состояние: «Гневное небо было умиловлено неисчислимыми и неисчерпаемыми потоками пролитой китайской и заморской крови и само наконец пролило первые тяжелые капли небесной влаги. Весь день и всю ночь шумел сильный и настойчивый южный дождь и заливал лужами пыльные улицы Тяньцзиня, дороги и изнемогающие от засухи поля. В ответ на смертоносные раскаты еще недавно гремевших стальных орудий откликнулся небесный гром.

Но, видно, еще мало было пролито крови. Сквозь шум ливня и среди торжествующих ударов грома было слышно, как тысячи людей шли в поход, ружья и сабли бряцали, колеса орудий и телег скрипели, погонщики кричали, мулы и ослы ревели».

Маньчжурские правители оказались в опасности: войска держав находились у стен Пекина, а в самой столице хозяйничали ихэтуани. Потерявшая голову Цыси находилась в состоянии шока; она то и дело собирала своих приближенных для выработки плана действий: только в течение двух дней накануне падения Пекина в ее апартаменты Жун Лу был вызван восемь раз, а князь Дуань — пять раз.

Древнее китайское изречение гласит: «Когда государь оскорблен, чиновники умирают». Это означало, что если государство постигали бедствия и смуты, то в них повинны все служилые люди — своим дурным управлением страны они не сумели предотвратить народных несчастий и, быть может, даже сами навлекли их, поэтому недостойны жизни. Преданные чиновники не могут перенести позора, когда император из-за нашествия варваров вынужден покинуть столицу.

Несчастье и позор, обрушившиеся на Пекин, повергли в страшное смятение верных чиновников, и многие из них решили покончить жизнь самоубийством, чтобы не видеть ни солнца, которого они недостойны созерцать, ни лик императора, которого они огорчили своими дурными делами.

Накануне штурма Пекина союзными войсками многие высшие гражданские и военные чиновники давали отраву своим женам, сыновьям, дочерям и прислуге, чтобы никто из близких не остался в живых, а затем сами кончали жизнь самоубийством.

В момент захвата Пекина иностранными войсками его жители сжигали себя, принимали яд, бросались в колодцы. По китайским источникам, таким путем добровольно лишили себя жизни 1798 человек. Иногда уходили из жизни целые семьи. Сын сановника Чун Ци выкопал во дворе яму и

похоронил в ней себя вместе с матерью и малолетним сыном. Узнав о его смерти, Чун Ци повесился.

12 августа 1900 г. бывший губернатор столичной провинции Чжили, видный маньчжурский сановник Юй Лу покончил с собой выстрелом из револьвера.

Видный военный мандарин Ли Бинхэн принял яд. Наставник императора Сюй Тун повесился в своем доме и за ним последовали 18 членов его семьи — жены, дочери, наложницы и служанки.

Когда иноземные завоеватели проходили по узким улицам китайской столицы, население, охваченное паникой, разбегалось, спасая свою жизнь. На улицах и во дворах бродили без присмотра мулы и верблюды; бежавшие оставили в беспорядке разбросанные повозки, паланкины и предметы утвари. Многие женщины, соблюдая древний китайский обычай, бросались в колодцы; мужчины вешались, будучи не в силах пережить позора поражения.

Паника усиливалась смятением и растерянностью трона, который издавал противоречивые указы, и это вносило деморализацию в ряды ихэтуаней и правительственных войск. В ночь на 13 августа 1900 г. вооруженные силы держав приблизились к стенам столицы, не встречая организованного сопротивления, за исключением отдельных небольших очагов.

События стремительно развивались. 17 июня 1900 г. войска Англии, США, Германии, Японии, России, Франции, Италии и Австро-Венгрии овладели фортами Дагу. 14 июля был взят Тяньцзинь, а 14 августа союзные войска ворвались в Пекин. Утром следующего дня вдовствующая императрица Цыси и император Гуансуй, переодетые, бежали в Сиань. 16 августа 1900 г. был захвачен Пекин.

Почти все маньчжурские войска складывали оружие перед иностранными захватчиками. Героическое сопротивление агрессорам оказывали лишь ихэтуани, которые тысячами гибли под смертоносным артиллерийским огнем иностранцев.

Цыси вначале заявила, что она скорее покончит с собой, чем покинет столицу. Но это был всего лишь театральный жест: она не хотела расставаться с жизнью, которая доставляла ей слишком много наслаждений. Во имя собственного спасения вдовствующая императрица решила бежать из Пекина в административный центр провинции Шаньси — город Тайюань.

«Бегство правительства и народа из столицы,— писал очевидец,— было такое отчаянное, такое внезапное и беспорядочное, что все думали только о спасении жизни, но не об имуществе. Дома богачей и бедняков, дворцы и учреждения, магазины и кумирни — все было брошено со всеми своими богатствами: серебром, одеждами, шелком и мехами, жемчугами и драгоценными вазами. Двор бежал в таком смятении, что в дорогу не были взяты ни съестные припасы, ни носилки, ни одежда в достаточном количестве. По слухам, двор бежал на запад в провинцию Шаньси и терпел лишения по дороге от недостатка пищи и одежды, так как жители городов и деревень, услышав о бегстве двора, также разбегались».

Собираясь тайно покинуть Пекин, Цыси размышляла над тем, как быть с заключенным молодым императором Гуансюем. Она хорошо понимала, что оставить Гуансюя в Пекине невозможно: он считался законным императором Китая, и в случае, если окажется в руках союзных войск, то может быть вновь возведен на трон, а она лишится власти и будет изгнана. Такой исход ее не устраивал, «Лучше взять императора с собой; имея его при себе, легче будет договориться с союзными державами» — так решила Цыси и стала готовиться к бегству из Пекина.

Собрав своих приближенных, вдовствующая императрица обратилась к ним:

— Я намерена с императором оставить Пекин и хотела бы выслушать ваше мнение: куда лучше нам уехать, где бы наше правительство могло находиться в безопасности?

Все сошлись на одном — лучше всего выехать в Тайюань, а если возникнет необходимость, то оттуда можно переехать в Сиань — столицу

провинции Шэньси, куда иностранным войскам непросто проникнуть.

В ночь на 15 августа 1900 г. двор Запретного города напоминал растревоженный улей: слышались крики, приглушенный плач, ругань, проклятия, шум торопливых шагов. Повсюду стояли двухколесные повозки с запряженными в них выносливыми мулами. Рядом с повозками находились одетые в грязные рубища погонщики, готовые по первому сигналу пустить в ход свои длинные кнуты. Возбужденные люди загружали повозки различными предметами, доставляемыми из дворцов: готовилось «самоизгнание» вдовствующей императрицы Цыси и молодого императора-узника Гуансюя.

Цыси по-прежнему относилась к Гуансюю как к пленнику и распоряжалась им по своему усмотрению. Это подтверждается, в частности, жестокой расправой над его любимой наложницей Чжэнь Фэй перед бегством из Пекина.

Как ни оберегала Цыси императора Гуансюя от очарования красивых наложниц, ей этого не удалось сделать. Младшая дочь из семьи Чан Су, избранная императорской наложницей, по имени Чжэнь Фэй, стала предметом особого внимания императора. Живая, остроумная, общительная 15-летняя очаровательная девушка Чжэнь Фэй искренне полюбила императора Гуансюя. Полной противоположностью ей была Лун Юй — первая жена императора. Обладая холодным нравом, она преданно служила своей царствующей тетке, неотступно следовала за ней и подражала ей во всем. Этикет требовал, чтобы императрица Лун Юй постоянно сопровождала Цыси в ее частых поездках в Летний дворец. Предоставленный самому себе в Зимнем дворце, император Гуансюй беззаботно и весело проводил время с наложницей Чжэнь Фэй: они увлекались театральными представлениями, катались на лодке по озеру Бэйхай, устраивали пикники, с удовольствием проводили время в уединении.

Такое частое интимное общение императора с Чжэнь Фэй не осталось незамеченным Цыси, которой постоянно доносили об их

времяпровождении. Но вдовствующая императрица ничего не могла предпринять против этого, ограничившись лишь выслушиванием сообщений ее соглядатаев. Дело могло принять серьезный оборот, если бы Чжэнь Фэй одарила императора сыном, но наложница оказалась бесплодной.

Чжэнь Фэй проявляла интерес к внешней политике двора, географии, к системе управления в других государствах. Эти знания были приобретены ею в семье родителей: ее отец отличался образованностью и прогрессивными идеями. Чувствуя к себе большую привязанность императора, она становилась все более решительной и смелой, начала высказывать самостоятельные суждения о государственных делах. Когда же произошли трагические события, вызванные реформой «ста дней», и император Гуансюй оказался заточенным в небольшом дворце на озере Наньхай, наложница Чжэнь Фэй вынуждена была жить, отвергнутая всеми, в Запретном городе.

В течение двух лет Чжэнь Фэй находилась в немилости, и тем не менее она оставалась в курсе всех событий: знала об агрессии союзных армий, о восстании ихэтуаней, о блокаде посольского квартала, об антииностранный политике трона. Вечером 14 августа 1900 г. ей стало известно, что иностранные войска находятся уже у стен Пекина. До ее слуха долетели крики и стенания со стороны гарема: некоторые наложницы, боясь, что будут обесчещены «иностранными дьяволами», кончали жизнь самоубийством, бросаясь в колодцы.

В полночь Чжэнь Фэй вызвали в покои Цыси. И здесь она вновь увидела любимого императора. Его лицо было бледным и угрюмым, а поза беспомощной.

Лун Юй, первая жена императора, помогала Цыси переносить ее сокровища в тайник, а затем обе стали переодеваться в крестьянские одежды. Видя такой поспешный сбор к бегству, Чжэнь Фэй решилась на последний шаг: она упала на колени перед Цыси и стала умолять оставить императора Гуансюя в Пекине. «Я осмелюсь просить вас, — ее голос дрожал от волнения, — оставить Его величество здесь. Ему нечего бояться

иностранцев».

Цыси на время прекратила свои приготовления, сердито посмотрела на просительницу и подумала: «Иметь при себе императора крайне необходимо. Тогда можно торговаться с иностранными державами о спасении ее собственной жизни. Оставить наложницу Чжэнь Фэй в Пекине опасно: она может попасть в руки «иностранных дьяволов». Но еще хуже, если она будет сопровождать императора в ссылке и возбуждать в нем дух непокорности и содействовать тайным интригам». Так созрело решение Цыси о физическом уничтожении Чжэнь Фэй.

Об этом трагическом событии распространялись различные версии. Говорили, что сама Цыси посоветовала наложнице покончить жизнь самоубийством — броситься в колодец и тем самым сохранить свою честь. Но несчастная девушка, став на колени, ответила отказом. Ее горький плач был прерван резким криком: «Исполняйте повеление ее величества!» Говорили, что император Гуансюй, присутствовавший при этой трагической развязке, умолял Цыси отменить это повеление. Последняя резко отвергла его просьбу, сказав: «Пусть она умрет немедленно!» После этих слов евнухи схватили жертву и на глазах у Цыси и Гуансюя бросили в колодец.

Цыси сказала стоявшему рядом Гуансюю, лицо которого было искажено горем и гневом: «Садись в повозку, закройся занавеской, чтобы никто тебя не видел!» Император, переодетый в крестьянскую одежду, уселся в повозку и печально смотрел вперед через отверстия в плотной занавеске.

Опасаясь, что Цыси будет опознана в пути и тогда не миновать возмездия, придворные предложили ей переодеться в платье старой служанки и покинуть дворец в неприметной двухколесной повозке, запряженной мулом, а старую служанку нарядить в одеяние вдовствующей императрицы и отправить в императорском паланкине.

Известный в те времена конфуцианский ученый Цзин Шань, хорошо знавший маньчжурский двор, оказался свидетелем поспешного бегства Цыси

из Пекина. Свои наблюдения он зафиксировал в дневнике, который был обнаружен в его доме 18 августа 1900 г. После вступления союзных войск в Пекин и бегства Цыси жена, наложница и дочь этого конфуцианского ученого отравились, приняв" яд. Сам он погиб в колодце, куда его сбросил старший сын.

Ниже переданы в сокращенном виде некоторые места из дневника Цзин Шаня, передающие атмосферу панического состояния маньчжурской верхушки.

12 августа. Иностранцы подходят все ближе и ближе. Юй Лу, наместник столичной провинции Чжили, застрелился из револьвера в местечке Цайцунь. Он укрылся с этой целью в лавке гробовщика — место с дурным предзнаменованием! Его войска трижды терпели поражение — в Бэйцане, Янцуне и Цайцуне. Ли Бинхэн, губернатор провинции Шаньдун, 14 августа прибыл в Хэсиу, и, несмотря на предпринятые усилия восстановить порядок в войсках, два дивизионных начальника, Чжан Чуньфа и Чэнь Цзэлин, отказались сражаться. Ли Бинхэн, видя безвыходное положение, покончил с собой, приняв яд. Жун Лу сообщил Цыси прискорбную новость: император и министры вместе оплакивают бедствие, в котором оказалась наша славная империя по вине некоторых сановников и бунтовщиков. Жун Лу воздержался от самооправдания: он был мудрым человеком. Цыси сказала, что непременно покончит жизнь самоубийством и побудит это сделать и императора, но не покинет Пекин. Жун Лу умолял ее воспользоваться его советом — остаться в Пекине и издать указ об обезглавливании князя Дуаня и его сообщников и таким путем доказать миру свою невиновность. Однако она все еще цеплялась за надежду, что сверхъестественные силы ихэтуаней смогут спасти Пекин, и жестокая бомбардировка посольского квартала продолжалась.

14 августа. Город Тунчжоу пал, и теперь иностранцы начали бомбардировать столицу. Сегодня Верховный императорский совет собирался пять раз во Дворце спокойствия и долголетия. Ее величеству

доложили о необходимости выехать в Калган. Сановник Лань вбежал в помещение и крикнул: «Старая Будда, иностранные дьяволы ворвались в город». Сановник Ган И, прибывший вслед за Ланем, подтвердил: «Ваше величество должны немедленно укрыться, иначе они убьют вас».

Поздно ночью вновь собрался Верховный императорский совет, на котором присутствовали сановники Ган И, Чжао Шуцяо и Ван Вэньшао. «Где остальные? — спросила Старая Будда и продолжала: — Предполагаю, что разбежались по домам, оставив нас здесь, надеясь, что мы сами изберем себе лучший выход из создавшегося положения. В любом случае вы, три сановника, должны сопровождать меня в пути». Обращаясь к Ван Вэньшао, она добавила: «Вы слишком стары, и я не хотела бы, чтобы вы взяли на себя такие тяготы. Отправляйтесь быстрее и, когда сможете, присоединитесь ко мне». Затем она сказала остальным двум сановникам: «Вы оба хорошие наездники и будьте всегда при мне».

15 августа. Мне сказали, что сегодня утром Цыси поднялась рано, поспешно оделась в обычное голубое платье крестьянской женщины. Это платье заранее было для нее приготовлено. Первый раз в жизни ее прическа выглядела на китайский манер. Три обычные повозки подъехали к помещению, где находилась Цыси.

Всем наложницам ведено было собратся вместе, и Цыси объявила, что никто из них не должен покидать дворцы и сопровождать ее. Любимая наложница императора Гуансюя по имени Чжэнь Фэй также присутствовала здесь и осмелилась обратиться к Цыси с просьбой разрешить императору остаться в Пекине. Такая просьба вызвала гнев Цыси, и она резко крикнула дежурному евнуху: «Сбросьте это вредное существо в колодец!» Стоявший здесь же император Гуансюй, охваченный горем и волнением, встал на колени, стал умолять вдовствующую императрицу отменить свое повеление, но она резко отвергла его просьбу. «Пусть она умрет немедленно», - повторила она свое повеление. Евнухи Ли и Сун схватили наложницу Чжэнь Фэй и сбросили ее в большой колодец, недалеко от Дворца спокойствия и

долголетия. Цыси повелительно сказала Гуансюю, лицо которого исказили гнев и горе: «Садись в повозку и плотно закрой занавеску, чтобы тебя никто не видел».

Рано утром 14 августа 1900 г. кортеж беглецов покинул Пекин через ворота Дэшэнмэнь. Беглецов сопровождали войска (тысяча человек) под командованием генерала Ма Юйкуня и примерно такое же количество императорской гвардии. Спустя несколько часов в эти же ворота вступили японские солдаты.

Одетая в короткую хлопчатобумажную кофту крестьянки и шаровары, доходившие до щиколоток, Цыси уселась, скрестив ноги, в поданную ей повозку. Ее длинные пышные волосы были в беспорядке завязаны сзади простой сатиновой лентой, которая спускалась на лоб. Она вынуждена была остричь длинные ногти и снять драгоценные наконечники, предохранявшие их от поломки. Трудно было представить, что сидящая на корточках маленькая старая женщина является грозной повелительницей огромной страны.



Китайский художник изобразил
«самоизгнание» Цыси из Пекина

— Трогай! — властно приказала Цыси погонщику и добавила: — Если иностранные дьяволы попытаются остановить тебя, ничего им не говори. Я сама скажу им, что мы, бедные беженцы, возвращаемся в свои семьи.

Так вдовствующая императрица «самоизгнала» себя из столицы Китая.

Первую остановку беглецы сделали в Летнем дворце. Солдаты, охранявшие дворец, вначале не могли признать в женщине, одетой в скромные крестьянские одежды, свою повелительницу. И только когда услышали ее повелительные распоряжения, пришли в себя и убедились, что перед ними вдовствующая императрица. Немного отдохнув здесь, императорский кортеж двинулся дальше. В целях безопасности Цыси повелела генералу Дун Фусяну направить его войска в район Датун — Сюаньхуа для сопровождения императорского кортежа.

«Самоизгнание» Цыси проходило в трудных условиях: приходилось питаться грубой пищей, спать на жестких лежанках, совершать длительные и утомительные переезды без отдыха, испытывать волнение перед неизвестностью. Ее бегство из Пекина было настолько поспешным, что не хватило времени захватить с собой нужную одежду. Одевание вдовствующей императрицы выглядело настолько скромно, что ее невозможно было узнать: простая прическа, скромные сандалии, деревенская одежда придавали ей вид женщины из простолюдин. Вид у императора Гуансюя также оставлял желать лучшего: его волосы были всклокочены, лицо покрылось густой щетиной и почернело от пыли, коса расплелась.

В первую ночь после бегства из Пекина беглецы спали как путешественники из простолюдин, на глиняном кане (род лежанки) в скромной гостинице, где невозможно было достать на ужин даже риса, и они вынуждены были довольствоваться кашей из проса.

Следующую остановку беглецы сделали в небольшом городе Хуайлай, расположенном в 100 километрах севернее Пекина. Глава города У Юн с нескрываемым волнением встретил Цыси, совершил перед ней челобитие и, извиняясь много раз, предложил подкрепиться пшенной кашей: больше у него ничего съедобного не оказалось. Цыси, привыкшая к богатой еде, состоявшей из ста и более блюд, сделала добродушное лицо и, внешне сохраняя спокойствие, сказала:

— Хорошо, что есть хотя бы пшенная каша. Принесите ее скорее. В такое лихолетье и такая еда — божий дар.

Спустя некоторое время У Юн после тщательных розысков обнаружил в покинутом кухонном столе пять яиц и передал их главному евнуху Ли Ляньину. Последний с радостью взял такую драгоценную находку: три яйца передал вдовствующей императрице и два — императору Гуансюю,

— Мы настолько спешно покидали дворец, — пояснила Цыси, — что не захватили с собой никакой одежды. Я имею только то, что на мне. Мне очень холодно. Не могли бы вы достать для меня какую-либо одежду?

У Юн, почтительно выслушав просьбу вдовствующей императрицы, ответил:

— У меня недавно умерла жена; после нее осталось несколько халатов, но они настолько грубые, что я не осмелюсь предложить их почтительной Будде.

— Это не имеет никакого значения, — прервала его Цыси. — Главное, чтобы одежда согрела мое тело.

В городе Хуайлай Цыси и Гуансюй сменили неудобные для длительной поездки повозки на легкие паланкины, сделанные из ивовых прутьев.

О своем бегстве из Пекина Цыси вспоминала: «Я провела долгие мучительные дни в паланкине с раннего утра до позднего вечера, когда мы останавливались в какой-нибудь деревушке. Питание было грубым. Нам потребовалось более месяца, чтобы добраться до города Сианя. После такой поездки я заболела и пришла в себя только через три месяца».

31 августа 1900 г. Цыси приказала князю Дуаню объединить рассеянные войска, приостановить дальнейшее наступление союзных войск и защитить тыл, где двигалась императорская процессия. 10 сентября 1900 г. Цыси и Гуансюй прибыли в Тайюань — столицу провинции Шаньси, губернатором которой был грозный и жестокий Юй Сянь, смещенный с такой же должности в провинции Шаньдун.

Бегство Цыси из Пекина 14 августа 1900 г. напоминало бегство

императора Сяньфэна в 1860 г. из Пекина во время тайпинского восстания. Тогда брат императора — великий князь Гун был оставлен в Пекине для ведения переговоров с англичанами и французами и заключения с ними соглашения на любых условиях. Теперь повторялось примерно то же самое.

7 сентября 1900 г. во время следования императорского кортежа из Пекина в Тайюань от имени императора Гуансюя Цыси издала указ, предписывавший Ли Хунчжану и князю Цину (И Куану) начать переговоры с державами. В указе говорилось: «Ныне мы почтительно сопровождаем Ее величество в поездке на временное жительство в Тайюань. В свое время сановникам было приказано остаться в столице и заниматься государственными делами. Затем было приказано князю Цину (И Куану) возвратиться в столицу, чтобы совместно с Ли Хунчжаном вести переговоры с иностранными государствами».

8 течение 30 лет Ли Хунчжан слыл видным государственным деятелем маньчжурского правительства. Его восхождение началось с назначения в 1870 г. на пост наместника столичной провинции Чжили. В 1894— 1895 гг., проиграв войну Японии, Китай вынужден был принять унижительные условия побежденной страны. Надо было найти виновника поражения в войне, и им стал Ли Хунчжан: его сместили с поста наместника Чжили, но оставили членом Палаты по иностранным Делам. В этой должности он принимал участие в переговорах с иностранными государствами.

В октябре 1898 г. Ли Хунчжана направили в провинцию Шаньдун обследовать состояние реки Хуанхэ, а в декабре 1899 г. — в южные провинции Гуанчжоу и Гуанси в качестве наместника. Тогда ему исполнилось 76 лет. Такое назначение расценивалось как удаление его от активной государственной деятельности. Некоторые считали, что оставшуюся часть своей жизни он проведет в провинции Гуанчжоу и на этом завершит свою служебную карьеру. Но судьба уготовила ему иной конец жизни.

18 июня 1900 г., когда казалось, что война Китая с державами

неизбежна, Верховный императорский совет предложил Ли Хунчжану немедленно прибыть в Пекин. Вначале он думал направиться в Дагу пароходом, присланным из Шанхая. Но затем этот план был изменен. Ли Хунчжан в силу усложнившейся обстановки на Севере Китая не спешил с отъездом в Пекин. «Князь Цин и Жун Лу ничего не смогли сделать, — рассуждал Ли Хунчжан, — то что же я смогу сделать, если союзные войска находятся недалеко от Пекина?»

3 июля 1900 г. Верховный императорский совет вновь подтвердил свое прежнее решение и настаивал на немедленном прибытии Ли Хунчжана в Пекин. 17 июля он отплыл на судне из Гуанчжоу в Шанхай, куда прибыл 21 июля 1900 г. Здесь он получил телеграмму от Юань Шикая, в которой говорилось о решении трона объявить войну державам и о том, что иностранные посольства в Пекине находятся в серьезной опасности. В другой телеграмме сообщалось о падении Тяньцзиня. Юань Шикай не советовал в такое сложное и опасное время отправляться на Север Китая. После получения таких телеграмм Ли Хунчжан решил временно остаться в Шанхае.

7 августа 1900 г. указом трона Ли Хунчжан был назначен главой маньчжурской делегации на переговорах с державами. Это был уже дряхлый седой старик с длинной бородкой. Обе его ноги были частично парализованы, и он мог ходить только с помощью своих слуг. Находясь в Хуайлае (в 100 километрах севернее Пекина), Цыси 11 сентября 1900 г. повелела князю Цину (И Куану) вернуться в Пекин и также принять участие в переговорах с державами. Понимая сложность переговоров, он с неохотой принял такое повеление и, перед тем как отбыть в Пекин, имел длительную беседу со вдовствующей императрицей. Цыси дала указание проводить в отношении союзных держав такую же политику, какую проводил князь Гун в 1860 г. в отношении англичан и французов.

Князь Цин (И Куан) был нерешительным, беспринципным, без определенных убеждений человеком, поэтому вся работа по подготовке и

проведению переговоров с державами и подписанию заключительного протокола легла на плечи Ли Хунчжана.

После падения Пекина трон возлагал большие надежды на Ли Хунчжана. 19 августа 1900 г. Цыси издала указ, предписывавший Ли Хунчжану незамедлительно вступить в переговоры с представителями держав. Однако он все еще находился в Шанхае и медлил с возвращением в Пекин. Это вызвало раздражение императрицы.

Чем же объяснить медлительность Ли Хунчжана? Историки объясняли это различными причинами. Вот некоторые из них.

Во-первых, не было уверенности, что его преждевременное прибытие в Пекин могло разрешить создавшийся кризис и изменить политику правительства. Выход из кризиса Ли Хунчжан видел в защите иностранных посольств в Пекине и в подавлении ихэтуаней. Но блокада посольств продолжалась, а ихэтуани заполонили столицу и пользовались покровительством тропы. В таких условиях не могло быть и речи о переговорах.

Во-вторых, державы выдвинули предварительное условие для перемирия — это безопасный переезд посольства из Пекина в Тяньцзинь. Ли Хунчжан предлагал прекратить блокаду и штурм посольского квартала, если посланники откажутся покинуть Пекин. Его предложение не было принято.

В-третьих, отношение держав к Ли Хунчжану было неодинаковым. Так, например, вновь назначенный германский посланник Мумм после убийства Кеттлера заявил, что не может признать Ли Хунчжана главой маньчжурской делегации на переговорах. Когда Мумм прибыл в Шанхай, он отказался встречаться с Ли Хунчжаном. Английская печать в Шанхае поносила Ли Хунчжана за его якобы прорусские убеждения.

14 сентября 1900 г. Ли Хунчжан на китайском судне отправился из Шанхая в Тяньцзинь, куда прибыл 19 сентября. Русский корреспондент навел на него и затем написал, как он выглядел: «Ли Хунчжан был очень стар, дряхл, высок и грузен, все время кашлял. По его лицу можно было подумать,

что он тяжело страдал и от собственной болезни, и от тех бедствий, которые стряслись над его родиной. Под левым глазом был виден шрам раны, нанесенной ему в Японии фанатиком-японцем».

Когда его спросили, кто повинен в возникновении восстания ихэтуаней, он ответил:

— Князь Дуань и окружавшие его министры. Вместо того чтобы пресечь вовремя все волнения, они только еще более разжигали их, покровительствовали ихэтуаням. Они и должны быть ответственны за происшедшие последствия, но нельзя карать невинный китайский народ, который был вовлечен в бедствия своим собственным невежеством.

Вместо того чтобы немедленно следовать в Пекин, Ли Хунчжан около трех недель находился в Тяньцзине. Он понимал всю сложность переговоров с державами. В частности, Германия настаивала, чтобы руководители ихэтуаней были наказаны не маньчжурским правительством, а непосредственно державами.

Предвидя, что это предложение может быть принято державами, Ли Хунчжан настоял на незамедлительном опубликовании указа о наказании руководителей ихэтуаней. 25 сентября 1900 г. появился императорский указ о наказании пяти князей и двух сановников.

Его просьба к Цыси вернуться в столицу, чтобы ускорить ведение переговоров с державами, была отклонена: она боялась, что державы задержат ее в качестве военного преступника.

Находясь в изгнании, Цыси не забывала о своем верном прислужнике Юань Шикае — «ученике» и «выдвиженце» Ли Хунчжана.

В 1900 г., когда вдовствующая императрица с приближенными бежала из Пекина и находилась в Сиани, Юань Шикай занимал пост губернатора провинции Шаньдун. По установившимся обычаям, сын после смерти своей матери должен оставить государственные дела, отправиться в родные места и соблюдать траур в течение трех лет. Именно в это время умерла мать Юань Шикая, и по этому случаю он послал на имя вдовствующей императрицы

прошение об отставке. Он понимал, что в такое трудное время его присутствие в Шаньдуне необходимо и что Цыси вряд ли согласится с его отставкой. Но это поднимало акции Юань Шикая в глазах двора. Так и получилось. Цыси ответила ему телеграммой с выражением соболезнования по поводу смерти его матери, родившей замечательного сына, и написала, что не может принять его отставки, так как в такой сложной обстановке ему нельзя покинуть пост губернатора. И Юань Шикай продолжал находиться на службе, не прерывая ни одного дня для совершения траура по матери.

За его ревностную службу он был награжден Цыси желтой курткой для верховой езды.

Покидая Пекин, Цыси повелела остаться в нем Жун Лу и другим сановникам для ведения государственных дел. Однако когда в столицу вошли союзные войска, Жун Лу ослушался повеления Цыси и направился в Баодин. Его бегство из Пекина объяснялось тем, что иностранные посланники относились к нему враждебно: его войска принимали участие в нападении на посольский квартал. Боясь возмездия держав, Жун Лу пытался остаться вдали от Пекина.

Когда же по предложению японского правительства Жун Лу был рекомендован в состав маньчжурской делегации для ведения переговоров и трон незамедлительно одобрил это предложение, Жун Лу вернулся в Пекин. Однако после подписания Заключительного протокола враждебное отношение к нему посланников не ослабло; по совету Ли Хунчжана 11 ноября 1901 г. Жун Лу вернулся в Сиань, где в это время находилась Цыси.

В начале октября 1900 г. французская сторона предложила проект ведения переговоров, который 22 декабря был одобрен державами. 23 декабря 1900 г. дипломатический корпус в Пекине в соответствии с французским проектом выдвинул программу мирных переговоров.

Между державами возникли разногласия: представители России и США стояли за более мягкие условия, в то время как представитель Германии настаивал на самых жестоких репрессиях в отношении Китая;

проявило неуступчивость по ряду пунктов и маньчжурское правительство — все это затянуло подписание Заключительного протокола почти на год.

Заключительный протокол, состоявший из 12 статей, предусматривал следующие обязательства Китая:

Статья 1 (а). Направить в Берлин искупительную миссию во главе с князем императорской крови для выражения сожаления императора Китая и китайского правительства по поводу убийства германского посланника барона Кеттлера.

б) Соорудить на месте, где было совершено убийство, мемориальный монумент, соответствующий рангу покойного. На монументе сделать на латинском, немецком и китайском языках надпись, выражающую сожаление императора Китая по поводу убийства.

Статья 2 (а). Строжайше наказать лиц, сообразно вине каждого, в соответствии с императорским указом от 25 сентября 1900 г., а также тех, которые будут определены представителями держав.

б) Приостановить государственные экзамены в течение пяти лет в местах, где совершалось убийство иностранцев или они подвергались жестокому обращению.

Статья 3. Китайское правительство направляет в Японию искупительную миссию для выражения соболезнования по поводу убийства секретаря японского посольства Сугияма.

Статья 4. Китайское правительство устанавливает искупительные памятники на всех иностранных кладбищах, которые были осквернены или разрушены.

Статья 5. Согласно условиям, определенным державами, запрещается ввоз оружия, а также материалов, которые могут быть использованы для производства оружия и боевых припасов.

Статья 6 (а). Справедливо вознаградить сотрудников провинциальной администрации, общественных организаций и отдельных лиц, а также тех китайцев, которые в последних событиях пострадали лично или понесли

убытки в имуществе, находясь на службе у иностранцев.

б) Китай выплачивает державам контрибуции в размере 450 миллионов лянов в течение 39 лет.

Статья 7. Каждая держава сохраняет за собой право иметь постоянную охрану своего посольства, а на территории посольского квартала устанавливается система обороны. Китайцы не имеют права проживать на территории посольского квартала.

Статья 8. Форты Дану и другие форты, препятствующие свободному сообщению между Пекином и побережьем, подлежат полному разрушению.

Статья 9. Право на военную оккупацию некоторых пунктов определяется соглашением между державами с целью поддержания коммуникаций между Пекином и морским побережьем.

Статья 10 (а). Китайское правительство в течение двух лет во всех административных центрах вывешивает для всеобщего обозрения императорские указы о запрещении на неопределенный срок под страхом смертной казни участия в антииностранных обществах. В городах, где совершалось убийство иностранцев или они подвергались жестокому обращению, будут временно приостановлены государственные экзамены...

в) Все наместники, губернаторы, провинциальные и местные чиновники обязаны нести ответственность за порядок в соответствии с их юридическими правами. Где бы ни произошло антииностранное выступление или нарушение Заключительного протокола, если это не будет немедленно пресечено и виновные не будут наказаны, то официальные лица будут уволены со службы без права занять новый пост или получить хороший отзыв.

Статья 11. Правительство Китая обязуется внести поправки в договоры, касающиеся торговли и мореплавания, в интересах держав, а также -обязуется произвести работы на реках Бэйхэ и Хуанхэ для облегчения судоходства между Тяньцзинем и Шанхаем.

Статья 12. Правительство Китая осуществит реформы в области

отношений с иностранцами, упразднит дворцовые церемонии (челобитье) при приеме иностранных представителей по форме, которая будет предложена державам.

7 сентября 1901 г. под Заключительным протоколом поставили свои подписи представители маньчжурского правительства Ли Хунчжан и князь Цин (И Куан), а также посланники 11 государств (Германии, Австрии, Бельгии, Испании, США, Франции, Англии, Италии, Японии, Голландии и России).

Заключительный протокол создавал благоприятные условия для дальнейшего усиления позиций держав в Китае. В Пекине был учрежден посольский квартал, который полностью находился под юрисдикцией Держав; улицы посольского квартала патрулировались иностранной полицией. Китайцы, кроме слуг, не имели права здесь проживать и иметь имущество. Ни один вооруженный китаец не смел появляться на территории посольского квартала. По существу, в черте столицы Китая — Пекине находился иностранный город, где державы имели свои банки, клубы, гостиницы, магазины.

Так проводилась капитулянтская политика маньчжурского правительства: клика Цыси больше всего боялась не иностранных захватчиков, а китайского народа.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЦЫСИ И ГУАНСЮЯ ИЗ «САМОИЗГНАНИЯ»

Со времени восстания ихэтуаней и вторжения союзных войск в Пекин Цыси охватило чувство страха за свою судьбу, нерешительности, колебания и тревоги. Это чувство все время не покидало ее после бегства из столицы. Отличаясь необыкновенным стяжательством, она особенно беспокоилась о запрятанных в тайниках Запретного города при бегстве из Пекина

сокровищах: не обнаружены ли они союзными войсками? Давали себя знать и преклонный возраст, и приверженность к суевериям. Всегда в минуту опасности она с особым вниманием прислушивалась к предсказаниям прорицателей.

В сентябре 1900 г. Цыси находилась в Тайюане — административном центре провинции Шаньси, губернатором которой был Юй Сянь, переведенный сюда из провинции Шаньдун. Ей донесли, что державы направили карательную экспедицию с целью наказать тех, кто расправлялся с иностранными миссионерами. Опасаясь за свою жизнь, она в спешном порядке решила перебраться в город Сиань — административный центр провинции Шэньси. Но чтобы никто не подумал, что это было бегством, вдовствующая императрица издала указ, в котором говорилось: «Провинция Шаньси страдает от голода, и нам трудно удовлетворить наши нужды. Так как здесь отсутствует телеграфная связь, то это создает множество неудобств. Посему мы вынуждены продолжать свой путь в Сиань».

Ближайшие советники вдовствующей императрицы Жун Лу в Сиане и Ли Хунчжан в Пекине настойчиво уговаривали ее вернуться в столицу, но повелительницу Китая все еще мучили сомнения. Что, если при подписании Заключительного протокола державы потребуют ее отстранения от верховной власти? Как она сможет вернуться в Пекин, если ей будет предъявлено обвинение в убийстве иностранных миссионеров?

Действительно, вначале державы склонялись восстановить на троне молодого императора Гуансюя, но затем пришли к выводу: лучше оставить у власти Цыси, так как Гуансюй заражен «демократическими реформами», а это может породить смуту в стране. Таким образом, Цыси получила помилование, когда еще находилась в изгнании.

Убедившись на основании достоверной информации, что державы не собираются требовать ее отстранения от верховной власти и тем более не предъявляют обвинения за последствия восстания ихэтуаней, Цыси решила вернуться в столицу. Если при бегстве из Пекина она и ее свита испытывали

большие лишения в пути, то теперь все изменилось: местные власти оказывали ей всевозможные почести и создавали максимум удобств.

Суеверная Цыси поручила прорицателям определить, какой день наиболее благоприятен для возвращения в столицу. После сложного подсчета они пришли к выводу: таким счастливым днем является 7 января 1902 г.

В октябре 1901 г. императорский кортеж, состоявший из 3 тысяч повозок, покинул Сиань и направился в Пекин. Путь предстоял дальний и трудный, поэтому приходилось делать остановки. Первая длительная остановка в ожидании подписания Заключительного протокола была сделана в столице провинции Хэнань — городе Кайфэне. Цыси отметила здесь свое 66-летие. По этому случаю проходили театральные представления с привлечением самых знаменитых актеров Китая. При переезде через реку Хуанхе она принесла жертвоприношение духам реки, прося искупления ее грехов. Местные власти для высокопоставленных путешественников построили специальную декоративную башню, напоминавшую дракона.

Путь из Кайфэна до Пекина был обставлен со всеми императорскими почестями: дорога от Кайфэна до Чжэндина протяженностью около 370 километров была тщательно подметена и посыпана желтым песком. Только после проезда императорского кортежа по этой дороге населению разрешалось ходить и ездить.

Императорская свита состояла из кавалерийского отряда, 75 фрейлин и многочисленных евнухов. Цыси и ее ближайшее окружение ехали в паланкинах, сановники пониже рангом — на повозках, евнухи — верхом на лошадях и мулах. Несметное количество повозок предназначалось для личных вещей Цыси, которые состояли из утвари и предметов туалета, слитков золота и серебра, подаренных губернаторами провинций. Процессия растянулась на несколько километров и выглядела красочно и эффектно.

Прибыв в Чжэндин, Цыси заявила встречавшим ее чиновникам из Пекина, что по возвращении в столицу император Гуансуй назначит прием посланникам держав в Тройном зале, а она сама примет их жен. Этим Цыси

хотела подчеркнуть свое желание нормализовать отношения Китая с державами. Она по-прежнему ненавидела иностранцев, но понимала, что изгнать их из Китая невозможно.

Желая нагляднее подчеркнуть отказ от прежних традиций, вдовствующая императрица Цыси с императором Гуансюем впервые в китайской истории совершила переезд от станции Чжэндин до последней станции перед Пекином, Мацзябу, по железной дороге в особом императорском поезде.

Городок Чжэндин в то время считался конечной станцией железной дороги между Пекином и Ханькоу. Бельгийские официальные лица в Китае предоставили в распоряжение Цыси специальный железнодорожный состав. Она, как дитя, удивлялась поезду, на котором ехала впервые в жизни, с любопытством рассматривала паровоз и вагоны, внимательно следила за погрузкой, боясь, как бы что-либо не осталось забытым. За погрузку ее личных вещей отвечал главный евнух Ли Ляньин.

Железнодорожный состав состоял из 21 вагона. Девять вагонов предназначались для слуг, охраны, паланкинов, железнодорожников, двухколесных повозок, мулов и т. п.; два вагона первого класса — для императорских принцесс; специальный вагон — для императора Гуансюя; специальный вагон — для вдовствующей императрицы Цыси; специальный вагон — для молодой императрицы и императорских наложниц; вагон первого класса — для высших сановников — Жун Лу, Юань Шикая и других, два вагона второго класса — для евнухов и прислуги; вагон первого класса — для главного евнуха Ли Ляньина, один вагон — для бельгийских инженеров и два вагона для багажа Цыси.

В вагонах Цыси и Гуансюя были установлены троны, оборудованы приемные комнаты, обитые императорским желтым шелком. Плотные дорогие занавески на окнах скрывали пассажиров от любопытных взоров.

6 января 1902 г. железнодорожный состав прибыл на временную станцию, сооруженную недалеко от южных стен Пекина и примыкавшую к

конечной остановке Мацзябу. Недалеко от станции был разбит нарядный красочный шатер для вдовствующей императрицы Цыси и императора Гуансюя. В шатре разместили позолоченный трон, алтарь с жертвенными сосудами из перегородчатой эмали, фарфоровые украшения. Несколько сот высших чиновников прибыли сюда для встречи повелительницы Китая. Здесь же был поставлен павильон для иностранных гостей.

Железнодорожный состав медленно приближался к станции. В окне вагона появилось сосредоточенное лицо Цыси, сохранявшее еще печать озабоченности и тревоги. При ее виде прибывшие для встречи чиновники встали на колени, а иностранцы сняли шляпы.

Первым из вагона вышел главный евнух Ли Ляньин со списком багажа вдовствующей императрицы, доставленного в столицу на поезде. Он отвечал за сохранность вещей Цыси. Затем из вагона вышел император Гуансюй. На его лице застыло выражение сильного нервного напряжения. Он быстро сел в паланкин, не сказав ни слова приветствия встречающим.

После Гуансюя на перроне появилась Цыси. При виде иностранных дипломатов она приветствовала их в традиционной китайской манере: поклоном головы и сложенными крест-накрест руками. Ей предложили сесть в огромный паланкин с императорскими регалиями, но она не спешила: около пяти минут разговаривала с сановниками на виду у толпы. К ней подошел главный евнух Ли Ляньин и передал список ее багажа. Внимательно просмотрев его, Цыси, видимо, успокоилась, что все вещи доставлены в целости.

Наместник столичной провинции Чжили Юань Шикай представил вдовствующей императрице иностранных специалистов — железнодорожников. Она поблагодарила их за хорошо организованную поездку.

Один из очевидцев писал: «Многие европейцы, которые были свидетелями прибытия вдовствующей императрицы, остались на железнодорожной станции наблюдать за разгрузкой ее багажа из вагонов, и

это было любопытное зрелище. Вначале разгрузили желтые паланкины молодой императрицы и императорских наложниц. Некоторые дворцовые дамы отправились на двухколесных повозках, а две из них — на рикшах. Всех их было 90. После их отбытия внимание евнухов и низших чиновников привлекла огромная груда личного багажа Цыси».

Первым тронулся в путь с железнодорожной станции в Запретный город князь Цин (И Куан). За ним последовали солдаты в пешем порядке и на конях, евнухи и различная прислуга, красные повозки сановников, желтые паланкины вдовствующей императрицы Цыси и императора Гуансюя, его наложниц, а также наложниц покойного императора Сяньфэна, разодетые гражданские и военные чины. Шествие украшали красивые знамена. Когда желтое знамя проносили мимо толпы зевак, в знак почтительности они становились на колени. Паланкин императора Гуансюя несли восемь носильщиков в длинных красных халатах, расшитых малинового цвета иероглифами «шоу» (долголетие). Император сидел молча, неподвижно, как будто бы все, что происходило вокруг, не трогало его. Совсем иначе вела себя Цыси. При виде иностранцев она отдергивала занавеску на паланкине, улыбалась и грациозно склоняла голову; если встречалось знакомое лицо маньчжура, она махала рукой или показывала палец в знак дружелюбия.

Пекин повсюду сохранял следы разрушения и нашествия иноземных пришельцев. Внешний город заполнили бедные лачуги и палатки для иностранных солдат. Священные места императорских дворцов были осквернены. Шесть восточных дворцов и шесть западных дворцов, императорская библиотека и священные храмы подверглись разграблению, их сокровища, имевшие историческую ценность, исчезли. В Храме неба похитили девять табличек предков маньчжурских императоров. Астрономические инструменты, подаренные маньчжурскому императору Канси королем Франции Людовиком XIV, были вывезены в Германию, где демонстрировались в Потсдаме. Художественные произведения (картины и росписи) и предметы прикладного искусства, украшавшие стены Запретного

города, оказались в руках грабителей. На полу императорских дворцов повсюду валялись обломки фарфора, нефрита, мрамора, слоновой кости, бронзы, клочки шелковой материи.

Цыси вернулась в разоренный и наспех восстановленный пекинский дворец. Она приказала откопать свои сокровища, зарытые перед бегством, и занялась достройкой летнего роскошного дворца Ихэюань.

Вдовствующая императрица, сидя на золоченом троне, принимала представителей держав, высказывала сожаление по поводу смут и благодарность державам за оказанную помощь в подавлении «бунтовщиков», говорила о желании поддерживать в будущем дружественные отношения с иностранными государствами.

С 14 августа 1900 г. по 6 января 1902 г. во время восстания ихэтуаней и оккупации столицы союзными войсками Гуансюй вместе с Цыси находился в «самоизгнании» за пределами Пекина. Вернувшись в Пекин, Гуансюй вновь был заточен во дворце Иньтай, хотя изредка выезжал в Летний дворец для исполнения положенных церемоний. Как он выглядел после возвращения в столицу?

Автор книги «Два года в Запретном городе» Дерлин, часто встречавшаяся и разговаривавшая с молодым императором после восстания ихэтуаней, так описала его наружность: «У него выразительные черты лица: крупный нос, широкий лоб, поблескивающие черные глаза, волевой рот, белые ровные зубы. В целом его внешность производила хорошее впечатление. Но я заметила, что он выглядел печальным, хотя все время улыбался». И еще: «Он превращался в совершенно другого человека, когда находился с нами: смеялся и шутил. Однако в присутствии Ее величества он становился таким серьезным, словно был напуган до смерти».

Дерлин о поведении императора Гуансюя во время приема высокопоставленных лиц писала: «Во время таких приемов хотя император всегда присутствовал, однако никогда не открывал рта, чтобы высказать свое мнение, безмолвно сидел на одном месте. Как правило, Цыси спрашивала его

мнение, соблюдая чистую формальность. Он неизменно отвечал, что полностью согласен с тем, что говорила Ее величество, или с тем, какое решение она принимала».

Пытаясь выяснить, как иностранцы относятся к нему, он говорил: «Я хорошо знал, что они смотрят на меня не больше чем на мальчика, существо, ничего не сознающее. У меня много идей относительно развития страны, но я знаю, что не в состоянии осуществить эти идеи, так как не являюсь хозяином положения».

Чтобы унижить императора Гуансюя, Цыси заставляла его постоянно совершать челобитье перед ней. Это позволяло вдовствующей императрице каждый раз напоминать Гуансюю, что он является беспомощным пленником и обязан удовлетворять ее необузданное честолюбие.

В один из августовских дней 1908 г. Гуансюй явился во Дворец спокойствия и долголетия, чтобы, как обычно, совершить челобитье. У него был жалкий вид: опущенная голова, крайне истощенное и изнуренное лицо. Поддерживаемый евреями с обеих сторон, он, шатаясь, приблизился к вдовствующей императрице. Челобитье совершалось при обоюдном молчании. Но на сей раз Цыси нарушила молчание словами: «Вам нет необходимости совершать челобитье». В ответ на это Гуансюй невнятным голосом ответил: «Я совершу челобитье, и оно будет последним в моей жизни».

Цыси в дальнейшем пыталась «облегчить» существование Гуансюя: ему разрешалось не становиться на колени в Верховном императорском совете во время прихода и ухода Цыси.

Коленопреклонение и челобитье, как уже говорилось, было неременным правилом для всех высокопоставленных сановников: они становились на колени и в таком виде слушали повеления Цыси, которая восседала на троне, а слева от нее иногда на стуле сидел император Гуансюй.

Заключительный протокол упрочил власть вдовствующей императрицы, но при одном условии: она должна быть послушной

марионеткой в руках держав, и это проявлялось и в большом, и в малом. По возвращении из «самоизгнания» Цыси провела ряд мер с целью улучшения отношений с иностранными представителями в Пекине.

Император Гуансую принял шесть иностранных послов, которые были аккредитованы в Пекине и с августа 1900 г. ждали случая, чтобы вручить свои верительные грамоты. Китайскому высокомерию был нанесен серьезный урон: впервые в истории Срединного государства иностранные представители вошли через фронтальные ворота Запретного города в Тронный зал. Они увидели императора Гуансюя, а затем вдовствующую императрицу Цыси.

28 января 1902 г. весь дипломатический корпус был принят Гуансюем и Цыси. Она сидела на возвышенном троне, а рядом Гуансую занимал скромное сиденье, покрытое собольим халатом. Повелительница Китая расточала улыбки тем, кого совсем недавно называла «заморскими чертями». Это был необычный дипломатический прием. После многих лет ожидания официального приема посланники держав наконец впервые были приняты безо всяких унижительных церемоний. Они облачились в дипломатические парадные мундиры, украшенные золотыми нашивками и галунами. Но возникла совершенно неожиданная проблема: наступило похолодание, а Тронный зал, где проходил прием, не отапливался. Если не снимать пальто, то холод был не страшен, но тогда дипломатические парадные мундиры никто бы не увидел. Или, рискуя здоровьем, снять пальто и появиться в парадном мундире. Во имя престижа своей страны дипломаты пошли на этот риск.

Особенность этого приема состояла в том, что никому не навязывался в качестве обязательного при встрече с императором маньчжурский язык. Кроме этого, вдовствующая императрица впервые в жизни открыто заняла трон в присутствии иностранцев: они оказались, как говорят, визави, лицом к лицу.

На обращения иностранных послов, адресованное непосредственно

императору, отвечал от его имени глашатай князь Цин (И Куан). Послы выразили сожаление по поводу событий, связанных с Боксерским восстанием, и надежду, что подобные события в Китае не повторятся.

Дипломатический корпус преподнес Цыси адрес: «Приветствуем возвращение Императорского величества в ее прекрасную столицу».

Цыси приглашала во дворец жен и детей дипломатов и разыгрывала из себя друга иностранцев, сторонника установления хороших отношений Китая с державами.

Жены дипломатов стали частыми гостями Цыси. Для них устраивали банкеты по европейскому образцу: стол накрывали белоснежной льняной скатертью и украшали бутылками с шампанским, серебряными и хрустальными вазами с цветами. Иностранных дам одаривали всевозможными дорогими подарками, сделанными из нефрита, золота и жемчуга, катали на лодках по императорским озерам, устраивали для них пикники на лоне природы. К ним часто на квартиру доставляли красивые корзины с яствами и фруктами. Однажды Цыси даже пригласила жен посланников посмотреть ее личные апартаменты в Запретном городе и показала им свои украшения.

Как-то, взяв за руку одну из дам, Цыси театрально прослезилась и сказала: «Я глубоко сожалею о том, что произошли такие тревожные события. Ихэтуани одно время пересилили правительство и даже свое оружие хранили на стенах дворца. Такое никогда не повторится».

29 мая 1902 г. в летнем дворце Ихэюань вдовствующая императрица Цыси второй раз приняла жен иностранных дипломатов. Среди них находилась А. В. Корсакова — дочь русского врача, служившего в российском посольстве. Она подробно описала этот прием.

Все дамы вошли в аудиенц-залу, в которой уже на троне находилась вдовствующая императрица. Трон, возвышавшийся на помосте, устланном красным ковром, представлял собой кресло, обтянутое шелковой желтой материей; перед ним стоял небольшой столик, также покрытый желтой

шелковой материей. В нескольких шагах от Цыси, с левой стороны, на таком же троне сидел император Гуансюй.

Она среднего роста, хорошо сложена, но держится несколько сутуловато. Ее лицо продолговатое, чистое, смуглое, не набелено и не нарумянено. Глаза черные, небольшие, в них видны ум и проницательность, очень живые и нисколько не косые, а напоминают своим размером миндалину. На голове типичная маньчжурская прическа, состоящая из черного парика с широким поперечным бантом. Вся прическа скреплена опоясывающим голову черным, плетеным из шелка обручем, унизанным почти сплошь жемчугом.

К прическе прикреплены искусственные цветы жасмина и букетики других цветов. С нее спускаются вниз подвески из жемчуга, а в самую прическу воткнуты булавки с золотыми бабочками в натуральную величину, крылья которых сделаны из мелкого жемчуга.

На вдовствующей императрице был надет летний светло-сиреневый полупрозрачный красочный шелковый халат, весь затканый голубым и зеленым шелком; рисунок изображал гроздь винограда и листья.

На ее шее была надета шелковая сиреневого цвета лента, вся унизанная крупными жемчугами, составляющими китайский иероглиф «счастье» (фу).

Руки вдовствующей императрицы маленькие и очень изящные, на мизинце и безымянном пальце — два длинных ногтя, на которые для предохранения от поломки надеты золотые футляры. На пальце левой руки надет перстень с большим камнем из зеленого нефрита. На этой же руке надет браслет из полосы, сделанной из целого куска беловато-зеленого нефрита, наиболее любимого и ценимого у китайцев камня.

Когда все дамы вошли, госпожа Конжер, жена американского посланника, произнесла по-английски краткую приветственную речь, которую американский драгоман-переводчик перевел на китайский язык. После этой речи австрийский посланник по алфавиту стал представлять всех прибывших дам. Гости подходили к столику вдовствующей императрицы и

делали реверанс. Цыси пристально вглядывалась в каждое лицо и протягивала свою руку, которую дамы пожимали, делали реверанс и в том же порядке подходили к императору.

Оглядев всех дам, вдовствующая императрица вместе с императором Гуансюем перешла в следующую комнату. Некоторые дамы подошли к императору. Он имел чрезвычайно болезненный и утомленный вид, ни с кем не заговаривал и отвечал только молчаливой улыбкой. В его больших черных и грустных глазах виделось одно безысходное уныние. Лицо у императора узкое и продолговатое. Он невысокого роста, одет в черный легкий шелковый летний халат с вышитыми драконами на груди и плечах. На голове легкая белая шапочка с красными шелковыми кистями, какую носят летом все китайские чиновники. На шее свисала длинная цепь из красных круглых кораллов. Ноги и руки у него очень маленькие, почти детские. На ногах китайские мягкие атласные черные туфли.

Подали чай, в каждую чашечку была положена высушенная розочка. После чая Цыси пригласила следовать за нею в Тронный зал. Здесь все столпились у ее трона и ждали, что будет дальше. Но вот вышел чиновник со списком в руках и произнес фамилию госпожи Конжер. Когда она подошла к столу, Цыси выбрала одну из вещей и вручила супруге американского посланника. Госпожа Конжер, сделав глубокий реверанс, отступила, и чиновник стал вызывать дам по фамилиям в алфавитном порядке. Сувениры все были сделаны из кипарисового дерева.

Одарив всех подарками, вдовствующая императрица встала из-за столика и пригласила отведать китайские блюда. Все последовали за нею в другую комнату, где были накрыты два длинных стола. Завтрак состоял из следующих блюд: 1) суп из ласточкиных гнезд, 2) окорок в меду, 3) цыплята в масле, 4) пирожки, 5) жареные толченые креветки, 6) утка, жаренная на вертеле, 7) жареная свинина, 8) пирожки на цветах корицы, 9) суп из бамбука, грибов и курицы, 10) жаренная на вертеле свинина, 11) пекинская утка, 12) вареная свинина с толченом рисом, 13) пирожки с начинкой, 14)

битки свинины, 15) свинина с соусом, 16) копченая свинина, 17) жареные лепешки.

На десерт подали многочисленные и разнообразные сладости, пастилу, фрукты и сладкие пирожки.

Стол, за которым на первом месте сидела вдовствующая императрица, поблескивал лаком, его украшали цветистые костюмы стоявших придворных дам. Недалеко от вдовствующей императрицы за отдельным столиком в простом кресле из черного дерева без всякой пышности сидел император Гуансюй. Ему подавали кушанья двое слуг. Подойдя к столу, слуга опускался на колени; император брал чашечку и кушал, слуга же все это время стоял на коленях и, получив из рук императора опорожненную чашечку, вставал и уходил, а его место занимал другой слуга, принесший новую смену кушанья.

После завтрака вдовствующая императрица пригласила всех послушать китайских актеров. Представление длилось около получаса. Так как столы, за которыми сидели дамы, были полны вкусных сладостей, то все они охотно лакомились, совершенно не понимая, что происходило на сцене.

«Демократизм» Цыси к иностранцам проявлялся не по доброй воле: она понимала, что Китай проиграл войну с державами и обязан подчиниться их диктату.

Заискивая перед державами, Цыси пыталась изобразить дело так, что она выступала против ихэтуаней, пытавшихся истребить иностранцев в Китае, и что во всем виноваты ее советники.

Державы в соответствии с Заключительным протоколом потребовали наказать 12 маньчжурских сановников, принимавших участие в антииностранном движении.

Испив горечь позорного «самоизгнания», Цыси стала послушной при исполнении Заключительного протокола. В соответствии с императорским указом от 25 сентября 1900 г. о наказании руководителей антииностранного движения князь Дуань был сослан в Восточный Туркестан, князя первой степени Чжуан (Цзай Сюнь) и И (Пу Цзин), князя императорской крови

третьей степени Цзай Лань и Цзай Ин лишались всех титулов и освобождались от занимаемых должностей; подвергались наказанию начальник чиновничьего приказа Ган И, начальник уголовного приказа Чжао Шуцяо и др. Как выполнялся этот императорский указ, можно видеть из следующего описания.

Князь первой степени Чжуан (Цзай Сюнь) с наложницей и сыном направился в местечко Пучжоу, провинции Шаньси, где ждал своей участи. Как-то ранним утром тишина провинциального местечка была нарушена резкими взрывами хлопучек — так обычно приветствовали прибытие почетного гостя.

— Что означает этот шум в такой ранний час? — с раздражением крикнул князь Чжуан.

— Прибыл императорский посланец, — ответил его слуга.

Князь заволновался и, стараясь держать себя спокойно, спросил:

— Не за мной ли он приехал?

— Нет, он проездом по своим делам, — успокоил его слуга.

Но слуга ошибся. Императорский посланец, начальник Приказа общественных работ Гэ Баохуа, прибыл по делу князя и направился в его апартаменты.

Когда они поприветствовали друг друга, князь Чжуан забросал пришельца вопросами о дворцовой жизни. Последний давал лаконичные ответы.

После короткой беседы императорский посланец Гэ Баохуа, осмотрев покои князя, выбрал пустую комнату, где предполагалось объявить указ вдовствующей императрицы. Затем он вернулся к князю Чжуану и заявил, что имеет императорское поручение зачитать ему приговор о его самоубийстве и присутствовать при исполнении приговора. Князю было предложено стать на колени и выслушать приговор.

— Вы хотите лишить меня жизни? — прозвучал сдавленный голос обреченного.

Императорский посланец не ответил и продолжал читать указ стоявшему на коленях князю. Когда чтение было закончено, обреченный промолвил:

— Значит, нужно совершить самоубийство.

Князь Чжуан попросил разрешения попрощаться с семьей. В комнату вошел его сын. Обращаясь к нему, князь сказал: «Помни — наш долг делать все, что в силах, во имя родины. Любой ценой нельзя допустить, чтобы иностранцы завладели славой империи, завоеванной для нас нашими предками». Его сын зарыдал и не мог в волнении ничего ответить. Стоявшая рядом наложница от сильного переживания упала в обморок.

— Где моя смертная комната? - осведомился князь Чжуан.

— Прошу Ваше высочество пройти в отведенную для вас комнату в задней части дома, — ответил императорский посланец.

Приговоренный последовал в указанную комнату, где увидел приготовленную перекладину и петлю из шелкового шнура. Он сам надел себе на шею петлю и удушился.

Начальник Уголовного приказа Чжао Шуцяо слыл любимцем вдовствующей императрицы Цыси. Стараясь спасти ему жизнь, она вначале приговорила его к пожизненному заключению; и хотя он был заточен в городе Сиане, но имел возможность встречаться с родственниками.

До вынесения приговора вдовствующая императрица как-то на одном из совещаний Верховного императорского совета сказала: «Я не могу поверить, что Чжао Шуцяо симпатизировал ихэтуаням. Его ошибка состояла в том, что он недооценил серьезность положения». Когда до Чжао Шуцяо дошли эти слова Цыси, он воспрянул духом и был уверен, что его жизнь вне опасности.

Однако спустя несколько дней стало известно, что державы настаивают на смертной казни Чжао Шуцяо. Такая новость вызвала сильное возбуждение в его родном городе. Около 300 именитых граждан Сианя направили в канцелярию Верховного императорского совета петицию, в которой от имени

всей общины просили сохранить ему жизнь. Совет не решился передать эту петицию вдовствующей императрице, но ее составителям было сказано, что смертный приговор — акт чудовищной несправедливости.

Когда слухи о смертном приговоре Чжао Шуцяо стали устойчивыми, возбужденная толпа собралась возле места его заключения и пригрозила: если приговоренного будут переводить из тюрьмы для исполнения приговора, его освободят силой. Опасаясь, что это приведет к смуте, Верховный императорский совет решил испросить разрешение у Цыси: пусть Чжао Шуцяо будет дозволено покончить жизнь самоубийством на месте его заключения. Такое разрешение было получено. Губернатору провинции было поручено прибыть в тюрьму и объявить Чжао Шуцяо императорский указ, согласно которому вдовствующая императрица Цыси всемилостиво разрешила ему покончить жизнь самоубийством. Выслушав в глубоком молчании приговор, осужденный спросил:

— Больше не будет других указов?

— Нет, — последовал ответ.

— Безусловно, так должно и быть, - сказал Чжао Шуцяо.

Находившаяся здесь его жена вмешалась в разговор:

— Если нет надежды на его спасение, разрешите мне умереть вместе с ним.

Жена дала мужу яд, но доза оказалась недостаточной и не возымела действия на его крепкий организм: он оставался в здравом уме, нормально разговаривал о церемонии его похорон. Стало очевидно, что такая доза яда не угрожает его жизни. Губернатор приказал служителю дать осужденному опиум, но и это не свалило его с ног. Тогда ему дали дозу мышьяка. Обреченный упал на пол и, корчась от нестерпимой боли, в страшных конвульсиях застонал, стал бить кулаками в свою грудь: сильный организм оказывал упорное сопротивление смерти. Чтобы ускорить развязку, было предложено намочить в ханшине бумагу из коры тутового дерева и заткнуть ею рот и ноздри несчастного. Чжао Шуцяо задохнулся и умер. Вместе с ним

покончила жизнь самоубийством и его жена.

Юй Сянь — бывший губернатор провинции Шаньдун, а затем провинции Шаньси, приговоренный к самоудушению, написал перед смертью прощальную оду:

«Чиновник умирает за своего властелина; жены и наложницы умирают за своего господина. Кто может сказать, что это непристойно? Печально, что моя старая мать в возрасте 90 лет и маленькая дочь 7 лет останутся одинокими. Кто защитит старую женщину и нежную девочку? Как будет исполнена сыновия почтительность к родителю? Властелин повелевает, чиновник повинуется. Я убивал других; теперь пришел мой черед - убивают меня. Почему же я должен сожалеть по этому поводу? Только одно вызывает во мне стыд — я служил моему повелителю все эти годы и имел высокий ранг в трех провинциях, но заслуги мои были словно песчинка в пустыне или капля воды в океане. Увы! Я недостойно оплачивал императорскую щедрость».

Так писал человек, руки которого были обагрены кровью тысяч людей. Была ли его прощальная ода изливанием искренних чувств или лицемерной театральщиной — трудно определить. Но суть состоит в другом — она написана в духе покорности и смирения, в духе рабской готовности принять смерть от правителя государства.

Исполнение императорского распоряжения о наказании руководителей ихэтуаней несколько ослабило гнев держав, а Цыси, пытаясь обелить себя в глазах потомков, 13 февраля 1901г. обнародовала указ следующего содержания:

«Летом прошлого года ихэтуани довели дело до состояния войны, овладели нашей столицей и захватили наш трон. Указы, обнародованные в то время, были составлены злонамеренными князьями и чиновниками государства. Они, извлекая выгоду из хаотического состояния дел, обнародовали не заверенные императорской печатью официальные документы, которые полностью противоречили нашим желаниям. Мы не

один раз косвенно намекали на чрезвычайно трудное положение, в котором оказался двор. И нам ничего не оставалось делать, как действовать по своему усмотрению. Наши чиновники и подданные, читая указ, без труда поймут это между строк и высоко оценят наши намерения».

И далее: «Ныне мы уже наказали виновников. Повелеваем Императорскому секретариату представить нам на рассмотрение все указы, обнародованные между 20 июня и 14 августа 1900 г. на тот предмет, чтобы все подложные и незаконные документы могли быть изъяты и уничтожены. Таким путем будет соблюдена историческая истина, и наше императорское словоизлияние с почтительностью воспримется теми, кто этого заслуживает».

Так Цыси пыталась изобразить для потомков свое поведение во время восстания ихэтуаней в нужном ей свете.

После трагических событий, связанных с агрессией восьми держав и подавлением восстания ихэтуаней, Цыси распространила версию о том, что она оказалась «мученицей» и «жертвой» вероломных князей и сановников, объяснила свое бегство из Пекина как вынужденное, навязанное ей другими.

На склоне лет Цыси говорила приближенным: «Что бы ни произошло, я решила покинуть дворец, и для меня уже было безразлично — умру ли я или нет, однако князь Дуань и сановник Лань настояли, чтобы мы немедленно покинули столицу».

«Бедная» Цыси жаловалась, что даже евнухи - эти забитые и фанатично преданные люди - изменили ей и «обижали» ее царственную особу. Об этом можно судить по ее высказыванию: «Как плохо ко мне относились мои слуги! Никто из них не хотел следовать со мной. Многие из слуг сбежали задолго до того, как у нас возникла идея покинуть столицу. А те, которые остались, не занимались своим делом, а выжидали что будет дальше. Я решила определить, сколько слуг пожелает отправиться со мной, и сказала: «Кто желает, тот может последовать за мной, а кто не желает, может покинуть меня». Я была очень удивлена, что так мало слуг окружало меня:

17 евнухов, две старые женщины и одна девушка-служанка. Они выразили готовность следовать за мной, что бы ни случилось. Я имела 3 тысячи евнухов, но они почти все разбежались. Некоторые из этих негодяев грубили мне, сбрасывали ценные вазы на каменный пол, где они разбивались вдребезги. Они знали, что я не смогу их наказать в такой напряженный момент, так как мы собирались покинуть Пекин. Я сильно плакала и молилась духам наших великих предков защитить нас».

Единственной допущенной в жизни ошибкой Цыси считала уступку восставшим ихэтуаням и ее бегство из Пекина. Причем всю вину за свою непоследовательную политику она возлагала на своих приближенных: князей Дуаня и Чжуана, Чжао Шуцяо и других сановников. Об этом она говорила так: «Это — единственная совершенная за всю мою жизнь ошибка, которую я допустила в момент слабости. Прежде я была словно кусок чистого нефрита. Все восхищались мной и моими делами во имя страны. Но со времени восстания ихэтуаней нефрит оказался с изъяном, и этот изъян останется до конца моей жизни. Много раз я сожалела, что полагалась на злонамеренного князя Дуаня, верила ему. Он был ответствен за все».

Так вся ответственность за трагические события во время восстания ихэтуаней была переложена на придворных, которые-де, мол, давали Цыси неверные советы.

Правда, какую-то долю вины она признавала за собой. Но какую? Оказывается, предсказатели предупреждали ее, что август 1900 г. является по китайскому календарю дополнительным месяцем, а это дурное предзнаменование. Но Цыси оставила без внимания это предупреждение. Она отказалась также следовать учению даосских монахов о «недеянии», и это выразилось в ее стремлении натравить ихэтуаней на иностранцев. Теперь, когда ее положение во дворце вновь упрочилось, предупреждения прорицателей и даосских монахов уже не играли никакой роли.

Бегство двора из Пекина, подавление восстания ихэтуаней, усиление иностранного влияния, подписание позорного и унижительного

Заключительного протокола — все это показало гнилость и консерватизм маньчжурской династии.

Цыси понимала, что возвращение к старому невозможно, что страна действительно нуждается в целом ряде реформ и что близко то время, когда народ потеряет терпение и сам потребует от нее то, что она может дать теперь ему как милость.

Придя к такому выводу, Цыси заинтересовалась проектами сторонников реформаторского движения, начала перечитывать доклады и проекты реформ. Многие из них могли быть осуществлены, но, конечно, не безвольным Гуансюем, а ею лично.

Напуганное растущим антиманьчжурским движением, пекинское правительство во главе с Цыси в 1905 г. издало целый ряд указов о реформах: о реорганизации армии по европейскому образцу, об отмене государственных экзаменов при занятии чиновничьей должности, об упразднении написания сочинений в стиле багу, о преподавании наряду с конфуцианскими канонами истории, географии и других наук. Создавались школы для учащихся всех возрастов, в том числе женщин; разрешалось открывать школы с современной системой образования, поощрялось развитие торговли и промышленности, намечалось строительство железных дорог, запрещалось курение опиума, поощрялась посылка маньчжурских и китайских студентов на учебу в США, Европу и Японию за счет правительства.

Заигрывая с китайцами, маньчжурские правители в январе 1902 г. издали указ, согласно которому отменялся закон, запрещавший брачные союзы между маньчжурами и китайцами — такие союзы даже стали поощряться. Только император по-прежнему обязан был выбирать жен из знатных маньчжурских семей. Тем же указом осуждался обычай уродования ног китайским женщинам.

После поездки по железной дороге Цыси стала проявлять интерес к современной технике. В 1905 г. Юань Шикай послал ей в дар трехколесный

велосипед. Эта диковинка настолько заинтересовала ее, что она с помощью евнухов прокатилась на нем по двору.

В следующий раз Юань Шикай прислал ей автомобиль, вызвавший у Цыси неопиcуемый восторг, однако воспользоваться им ей не пришлось: никто из евнухов не умел водить машину.

Чувствуя новые веяния в стране, деспотичная повелительница Китая решила изобразить себя смелым реформатором. В 1905— 1907 гг. в европейские страны и США был направлен ряд комиссий и отдельные государственные деятели для изучения конституционного строя в этих странах.

Комиссия во главе с князем Цзай Цзэ в 1905 г. была направлена в Европу для изучения конституционной системы правления европейских стран. Цзай Цзэ после возвращения рекомендовал ввести в Китае конституцию. Цыси согласилась с этим предложением, но заявила, что надо к этому подготовиться.

В августе 1907 г. Цыси перенесла слабый паралич, и это можно было увидеть на ее слегка перекошенном лице. Недуг, однако, не отразился на ее умственных способностях: она по-прежнему оставалась настойчивой и деспотичной при решении государственных дел. Чтобы ослабить оппозиционные настроения, вдовствующая императрица обнародовала указ с обещанием дать Китаю конституцию и заявила, что будет председательствовать на заседании первого китайского парламента.

19 августа 1907 г. был обнародован императорский указ, в котором Цыси обещала провести реформы государственного управления. «Конституционное правление, — говорилось в императорском указе, — представляет форму единения государя с народом, при котором посредствующие между ними власти ограничены общественным мнением — оно принимается правительством во внимание, и все вопросы разрешаются в согласии с голосом народа».

Императорский указ от 17 сентября 1907 г. признавал необходимость

введения конституционного режима, но предусматривал проведение некоторых подготовительных мер вплоть до 1916 г. Форма правления страной предполагалась конституционно-монархическая, которая обеспечивала за императором большие права: 1) император является на вечные времена главой государства, наследующим престол из поколения в поколение по мужской линии; 2) священная особа монарха неприкосновенна и пользуется наивысшим почетом; 3) монарх имеет право издания законов и законодательной инициативы, право открывать, закрывать и распускать парламент, распоряжаться вооруженными силами страны и т. п.

Что же побудило вдовствующую императрицу, поклонницу абсолютизма, жестоко расправившуюся в свое время со сторонниками реформ, заговорить о конституции? Напрасно мы бы стали искать в этом шаге престарелой правительницы Китая гуманные побуждения, желания наибольшего блага своим подданным. Цыси руководствовалась опасением за целостность трона и династии. По всему было видно, что в Китае назревало революционное брожение, которое с Юга стало проникать на Север. Подавить брожение вооруженной силой маньчжурское правительство не смогло. Указом о даровании Китаю конституции Цыси рассчитывала потушить народное недовольство существующим режимом в стране. Сделать это не удалось: династия переживала смертельную конвульсию.

НАСЛАЖДЕНИЕ ВЛАСТЬЮ И БОГАТСТВОМ

О властолюбии и жестокости Цыси много написано в исторической и мемуарной литературе после ее смерти. Возможно, не все отражено точно: вдовствующая императрица старалась скрыть свои злодеяния от общественной огласки. И тем не менее, как говорят, нет дыма без огня — эти описания в целом соответствовали действительности.

Последний маньчжурский император Пу И о властолюбии Цыси писал:

«Она никак не могла упустить полученную однажды власть. Для нее принципы морали и законы предков существовали только для удовлетворения собственных интересов, и Цыси не могла позволить, чтобы они хоть в чем-либо ее сковывали. Все, кто потакал ей — будь то ее близкие родственники или придворные сановники, — процветали, а кто становился на ее пути — гибли».

Обычно человек, с которым Цыси разговаривала, не мог называть себя местоимением первого лица «я»: надо было говорить «раб» или «рабыня» (нуцай). Как-то Цыси спросила жену маньчжурского посланника:

— Я слыхала, что немецкие дворцы обставлены очень просто. Это правда?

Жена посланника ответила ей:

— Рабыня не бывала в немецких императорских дворцах, поэтому ничего не может сказать.

— Вам нравится эта музыка? - спросила Цыси одного сановника во время представления китайской оперы:

— Музыка очень приятная, — последовал ответ, — только раб не особенно разбирается в музыке.

Коленопреклонение и челобитье, как уже говорилось, были неременным правилом для всех, в том числе и для самых высокопоставленных сановников.

Впереди возвышенного трона в часы аудиенции клали на пол пять подушечек специально для членов Верховного императорского совета. Ближе всех к трону находилась подушечка для главы Верховного императорского совета: она всегда была на одном и том же месте, в то время как другие подушечки передвигались.

Чиновники пониже рангом становились коленями на каменный пол без всяких подстилок. Чтобы облегчить свое челобитье, они часто обертывали свои колени толстым слоем ваты, и это не было видно под длинным халатом. Иногда подкупали евнухов: те незаметно подставляли подушечки под колени

совершавшим челобитье.

Расстояние между тронном и прибывшим на прием было не настолько близким, чтобы он мог подслушать разговор между вдовствующей императрицей Цыси и императором Гуансюем, голос которого всегда был слабым и невыразительным. Подкупленный сановником евнух мог передвинуть подушечку, и тогда посетитель оказывался ближе к трону.

Аудиенция происходила примерно в таком порядке. Чиновник прибывал в Тронный зал в сопровождении евнуха: тот открывал огромные двери тронной комнаты, становился на колени у порога, объявлял имя и должность прибывшего и удалялся, закрывая за собой дверь. После этого чиновник переступал порог Тронного зала и становился на колени перед возвышенным императорским тронном.

Восседавшая на троне Цыси и сидевший несколько в стороне и сзади Гуансюй выслушивали прибывшего, задавали ему вопросы. Когда заканчивался прием, он вставал и удалялся.

Если императорский указ обнародовался в отсутствие Цыси, то сановники все равно должны были становиться на колени, словно при таком торжественном акте находилась сама вдовствующая императрица.

Цыси всегда подчеркивала свое верховенство над Гуансюем. Если она сидела, то он оставался стоять на несколько шагов позади нее и никогда не осмеливался сесть без ее приглашения. Когда вдовствующая императрица приглашала его отведать трапезу за одним столом, он преклонял колени и ел стоя только то, что она ему предлагала.

Во время государственных приемов Цыси старалась не отпускать от себя Гуансюя. Как-то во время такого приема Цыси в разговоре с иностранными дипломатами затронула вопрос о движении ихэтуаней, сокрушалась, что вынуждена была отрезать свои длинные ногти, говорила о своей вере в гадания. Несколько позади нее стоял Гуансюй и молча наблюдал за беседой. Ему, очевидно, это надоело, и он направился в императорский театр, где как раз шло представление.

Увлеченная беседой, Цыси вначале не обратила внимания на исчезновение Гуансюя. Затем, обнаружив его отсутствие, сильно забеспокоилась и громким голосом спросила стоявшего рядом главного евнуха Ли Ляньиня: «Где император?» Евнухи засуетились, побежали в разные стороны искать императора. Найдя его в театре, они вернулись и доложили об этом повелительнице Китая. Цыси сразу же успокоилась и поручила евнухам наблюдать за ним.

Почему Гуансюй присутствовал на императорских приемах, если его отстранили от управления страной? Это можно объяснить двумя причинами. С одной стороны, надо было показать, что император Гуансюй не является пленником, заточенным во дворце Иньтай, а с другой — что дела государственные решает не он, а вдовствующая императрица Цыси.

Цыси была необычайно опытна в дворцовых интригах, беспощадно расправлялась со своими противниками как во дворце, так и за его пределами, отличалась холодной жестокостью, вела расточительный и распутный образ жизни. Ее увлечения, писали современники, были столь же многочисленны, сколь и преходящи. Фавориты были ей милы лишь в минуты необузданной оргии, и потому они разделяли с ней только ложе, но не власть. Многие из них трагически поплатились за эту высокую честь. О ее кутежах с евнухами, под видом которых тайком проводились во дворец молодые люди, о красавцах юношах, принимавших участие в этих, оргиях и исчезающих бесследно после каждого такого пиршества, слагались легенды.

От нежелательных людей она обычно освобождалась с помощью яда. С этой целью в императорской аптеке хранились ядохимикаты еще со времени династии Мин, а некоторые из них были привезены иностранными миссионерами из Европы. Сила воздействия яда была различна: от одного умирали сразу, при прикосновении к губам, от другого — в страшных муках.

Как-то главный евнух Ли Ляньин повстречал в одном из пекинских ресторанов официанта по имени Ши, изумительно красивого юношу. Ли Ляньин привел его в Запретный город и представил Цыси. Она была

поражена красотой юноши и определила его обслуживать императорский стол. Так Ши стал фаворитом вдовствующей императрицы под видом официанта. Закончилось это тем, что Цыси забеременела. Тогда ей было 36 лет (1872). Когда родился ребенок, его неудобно было держать во дворце, и он был передан на воспитание ее сестре Дафэн, жившей в западной части Пекина. А чтобы замести следы, юноша Ши был умерщвлен с помощью яда.

В 1881 г. театральный Пекин восхищался самым модным и популярным актером, красивым и очаровательным молодым человеком — Ян Юэлоу. Об этом стало известно Цыси, и она повелела ему явиться в Летний дворец и выступить на императорской сцене. Изысканные манеры юноши, остроумие, а главное — красота пленили повелительницу Китая, и она сделала его своим любовником.

Ян Юэлоу мог навещать покои Цыси в любое время дня и ночи. А чтобы постоянно иметь возлюбленного «под рукой», Цыси назначила его личным телохранителем. И хотя это было грубым нарушением установленных правил, никто из князей и сановников не осмелился ее порицать.

Молодой актер часто проводил ночи в покоях вдовствующей императрицы, но это кончилось для него печально. Однажды вечером сорегентша Цыань неожиданно появилась в покоях Цыси с намерением о чем-то с ней посоветоваться. Она не застала там Цыси, но увидела на ее ложе спокойно лежащего Ян Юэлоу. Сорегентша быстро удалилась, предупредив служанку о своем посещении.

Цыси, вернувшись в спальню, узнала о посещении Цыань. Это могло кончиться скандалом: ведь ее, правительницу Китая, застали с любовником, что означало грубое нарушение заветов предков. И она решила, как всегда в этом случае, действовать незамедлительно. Цыси приказала Ян Юэлоу встать с постели, сказав при этом:

— Моя сорегентша Цыань может скоро вернуться, поэтому тебе лучше всего скорее удалиться. Здесь, на моем столе, находится прекрасный сок,

выпей его и отправляйся домой.

Послушный фаворит сделал так, как ему велели.

Вернувшись домой, он умер в страшных муках: оказывается, в чашке с соком, который ему предложила Цыси, находился разведенный мышьяк.

Жертвой яда стал один из евнухов, по имени Лю, влияние которого на Цыси некоторое время было сильнее, чем влияние главного евнуха Ли Ляньина. Он ненавидел Лю и делал все, чтобы очернить его в глазах повелительницы Китая. И как Лю ни отбивался от клеветнических наветов, в конце концов он впал в немилость Цыси и стал ее жертвой.

Цыси вызвала Лю в свои покои и дала полную волю ярости.

— За твою непочтительность ты заслуживаешь обезглавливания! — прозвучал ее злобный голос.

Лю понял, что судьба его предрешена. Он встал на колени и сказал:

— Ваш раб заслужил смерть, но я умоляю Старую Будду вспомнить, что я служил ей, как собака или лошадь, в течение тридцати лет. Поэтому прошу позволить мне умереть с целой головой.

— Идите и ждите моего приказа, — брезгливо ответила она, повелев служанкам отвести обреченного в отдельную комнату и закрыть ее на замок. Затем, разразившись смехом, Цыси вызвала своих евнухов и служанок и сказала:

— Сегодня у меня есть новая забава для вас.

Одной служанке было велено принести небольшой ларец из спальни вдовствующей императрицы. Цыси открыла его с помощью крохотного ключика, висевшего у нее на поясе. В ларце оказалось около 20 пузырьков. Выбрав один из них, она вылила содержимое его в рюмку, добавила туда воды и приказала служанке отнести рюмку своей жертве.

— Пусть он выпьет и спокойно ложится на кровать, — сделала она последнее распоряжение.

Вскоре служанка вернулась и доложила, что сделала все так, как велела Старая Будда.

Через несколько минут Цыси сказала собравшимся:

— Теперь вы можете убедиться в шутке, которую я вам обещала. Откройте дверь комнаты Лю и посмотрите, что там случилось.

Все направились в комнату: там лежал евнух Лю в безжизненном состоянии — он был мертв без всяких признаков мучения.

Как-то на территории Запретного города были обнаружены трупы двух девушек. На это в обычных условиях, возможно, и не обратили бы особого внимания. Однако обе молоденькие девушки были в услужении у Цыси, поэтому много знали о ее оргиях и эротических похождениях. Чтобы не иметь живых свидетелей, которые могли проговориться, Цыси решила их умертвить. Об этом стало известно князю Дуаню — сыну покойного императора Даогуана и брату Сяньфэна. Осуждая Цыси за деспотизм, он постарался случай с убийством двух девушек сделать достоянием придворных.

Больше всего от жестокости Цыси страдали рядовые евнухи.

Если евнух совершал проступок, его били бамбуковыми палками. За попытку к бегству его также избивали палками. При повторной попытке к бегству на шею евнуха вешали кангу — шейную колодку, состоявшую из двух досок с полукруглыми вырезами для шеи. Такую шейную колодку он носил, не снимая, в течение двух месяцев. При последующей попытке к бегству его ссылали в Мукден — древнюю столицу маньчжуров. Если евнуха уличали в воровстве, его немедленно обезглавливали.

Однажды евнух, составивший императрице Цыси партию в шахматы, сказал во время игры: «Раб бьет коня почтенного предка», на что она в гневе воскликнула: «А я бью твою семью!» Евнуха выволокли из комнаты и избили до смерти.

Вдовствующая императрица очень берегла свои волосы. Евнух, который причесывал ее, обнаружил на гребне несколько волос. Он растерялся и хотел было спрятать их, но Цыси в зеркало увидела это, и евнуха избили палками. С возрастом у нее появился на лице нервный тик, и

она меньше всего хотела, чтобы кто-нибудь это видел. Императрица тщательно скрывала свои лета и старалась заставить приближенных забыть о них. Когда один из евнухов задержал свой взгляд на ее лице, она резко спросила: «Чего уставился?» Тот не нашелся что ответить и тут же получил несколько десятков ударов палкой.

Как-то вдовствующая императрица спросила евнуха: какая на улице погода? Евнух, у которого сохранился еще деревенский выговор, ответил: «Погодка сегодня холодная-прехолодная!» Ей не понравилось выражение «холодная-прехолодная», и евнуха избили.

При Цыси всегда находился желтый мешок с различными бамбуковыми палками: такими палками по ее распоряжению наказывали евнухов. Куда бы она ни отправлялась, этот мешок всюду носили за ней.

С подавлением движения ихэтуаней для Цыси закончились опасные и тревожные дни: завершилось ее «самоизгнание», связанное с различными неудобствами; подписан унижительный Заключительный протокол с державами, наказаны сторонники антииностранного курса. Жизнь вдовствующей императрицы вновь вошла в свою привычную колею.

Любимым местом времяпрепровождения Цыси, особенно в жаркое и знойное время, был дворец-парк Ихэюань, расположенный в 12 километрах к северо-западу от Пекина.

Общая площадь парка 330 гектаров, из них одна пятая часть приходится на горы и около четырех пятых - на водную поверхность. В различных уголках парка разместились дворцы, храмы, отдельные залы, террасы, павильоны, пагоды, ажурные мосты и другие сооружения.

Маньчжурское правительство в 1883 г. выделило большие ассигнования на создание современного военно-морского флота. Значительная часть этих средств была присвоена Цыси и использована для возведения в окрестностях Пекина роскошного летнего дворца-парка Ихэюань.

Последний маньчжурский император Пу И со слов близких о своем

деде — великом князе Чуне писал: «Когда дед отвечал за создание военно-морского флота, то для того, чтобы у вдовствующей императрицы было место для развлечений, он истратил на строительство ее летнего дворца Ихэюань большую сумму денег, предназначенную ранее для организации флота. В самый разгар строительства в провинции Чжили и в окрестностях Пекина произошло крупное наводнение.

Цензор У Чжаотай, боясь волнений среди пострадавших, предложил временно приостановить работы по строительству дворца, но был лишен чиновничьего звания и «дело его передали для дальнейшего разбора». Великий князь Чунь, однако, в поте лица все же выполнил свою миссию. В 1890 г. в летнем дворце Ихэюань были завершены все работы».

При своих огромных размерах и сложной планировке Ихэюань сочетает в себе красоту природную и искусственную: во дворце-парке представлены все характерные ландшафты Китая. Напоминая известные красивые места, он одновременно отличается необыкновенным своеобразием.

Озеро Куньминху, гора Ваныиоушань (гора Долголетия), храм Фосянгэ, пагода Юйцюань, цепь горных хребтов и отвесных скал и затерянные в дымке вершины Западных гор — все здесь слилось воедино, образуя прекрасный фон для парка. Озеро Куньминху у горы как бы открывает красивый вид на весь парк. Трудно поверить, что это озеро, созданное более 200 лет назад, — искусственное «водохранилище» для обеспечения водой города Пекина.

В китайских «парках сооружались галереи, объединявшие основные постройки архитектурного ансамбля. Такие галереи служили защитой от дождя и солнца, местом отдыха, выполняли декоративную функцию.

Гордостью загородного парка-дворца Ихэюань считается галерея Чанлан, или Длинная галерея, - так ее прозвали за большую протяженность. По словам китайского поэта, она «похожа на шелковую ленту, опоясывающую стан красавицы феи».

Галерея Чанлан, пересекая основные постройки архитектурного ансамбля, разноцветной радугой протянулась вдоль озера Куньминху: она начинается на востоке у ворот Яоюэмэнь, проходит у подножия горы Ваньшоушань и кончается у павильона Шичжати на западе. Общая протяженность ее 728 метров.

Вступая под своды Длинной галереи, посетитель видит перед собой теряющуюся вдаль вереницу зеленых колонн. Балки сводов галереи покрыты резьбой и ярким разноцветным орнаментом. Колоннады и стропила также украшены национальным орнаментом.

В каждой из 273 секций галереи потолок и стропила расписаны множеством больших и малых картин масляной краской в традиционной китайской манере. Всего там насчитывалось около 6 тысяч картин, среди них нет ни одной одинаковой.

Содержание картин весьма разнообразно. Темой некоторых из них являются легенды, заимствованные из знаменитого средневекового романа «Путешествие на запад», сюжеты из классических художественных произведений «Троецарствие», «Речные заводи», «Сон в красном тереме». На многих картинах изображены сцены из известных китайских пьес, на некоторых из них - пейзажи южно-китайского озера Сиху, цветы, птицы...

Обе стороны галереи заканчиваются небольшими павильонами с поэтическими названиями: «Павильон застывшей красоты», «Ладья пары чаек», «Павильон, где останавливаются волны», «Павильон осенних вод», «Павильон чистых далей» и др. Каждый павильон отличается своеобразной красотой. Отсюда открывается живописный вид, меняющийся в зависимости от точки наблюдения.

Неторопливая прогулка по Длинной галерее оставляла у посетителя незабываемое впечатление. Можно было одновременно любоваться нарисованными сверху картинами, живописными видами озер и гор, их причудливыми очертаниями.

Центральный храмовой и дворцовый ансамбль начинается с

трехпролетной арки на берегу озера Куньминху. Поднимаясь по лестнице, попадаешь в павильоны - Пайюаньдянь (Павильон заоблачных высей), находящийся в центре горы Ваньшоушань, и Дэхойдянь (Павильон блеска и доблести). Оба они со сверкающими на солнце черепичными двухъярусными крышами, с терракотовыми фигурками на острие скатов, с традиционной росписью фриз и глубокими портиками с колоннами являют собой прекрасные образцы дворцового зодчества периода маньчжурского господства.

Одной из главных достопримечательностей Ихэюаня является огромное сооружение на переднем склоне горы Ваньшоушань восьмиугольного четырехъярусного храма Фосянгэ (Храм воскрешения благовоний в честь будд), который считается эмблемой парка-дворца. В центре храма возвышается позолоченная статуя будды Шакья-Муни, а по сторонам от нее - статуи его учеников. Из беседок, расположенных у основания храма, открывается прекрасный вид на весь парк и озеро Куньминху.

Напротив храма Фосянгэ стоит приземистое здание другого храма — Чжихойхай (Храм моря мудрости и разума), в котором помещена огромная позолоченная фигура лежащей святой с женским ликом - это покровительница женщин, богиня Гуаньинь. Сдержанная улыбка и загадочное выражение лица как бы внушают всем мысль о ее всемогуществе, проницательности и доброте.

Задний склон горы Ваньшоушань обращен в несколько глухое и тихое место. Весной, когда расцветают персиковые деревья, это место напоминает море цветов. Под горой извивается ручей, вытекающий из озера; гора изрезана извилистыми тропинками. Берега озерного ручья как бы вписываются в ландшафт.

У западного склона горы, на берегу озера Куньминху, можно увидеть огромную мраморную ладью с загнутыми вверх носом и кормой. Основание ее было построено в китайском стиле еще при маньчжурском императоре

Цяньлуне (1736—1796). Впоследствии по приказу Цыси ее дополнила двухэтажная надстройка в европейском стиле.

На восточном участке заднего склона горы Ваньшоушань расположен Сад забав (Сицзюй юань). Его центр занимает поросший лотосом пруд, а вокруг — водные павильоны, извилистые галереи, бамбуковые рощи, обломки скал. Здесь все было выдержано в подражание стилю, присущему китайской живописи.

В южной части парка Ихэюань бросается в глаза статуя большого бронзового быка за невысокой оградой. Бык стоит, повернув голову в сторону озера. Его ног не видно, но в линиях крупного тела рельефно передана спокойная сила животного. По поверью, бык наблюдал за злыми духами вод и укрощал их. Здесь же находится одна из достопримечательностей Ихэюаня — Мост 17 арок (Шицикунцяо), похожий на длинную радугу. Его арки напоминают ряд сцепленных и все увеличивающихся к центру колец. Мост выложен брусчаткой, столбики балюстрад украшают каменные львы. На островке, куда перекинулся мост, в густой зелени скрывается группа чудесных по архитектуре строений, среди которых выделяется Храм царя драконов (Лунванмяо).

У главного, восточного входа Дунгунмэнь крытые переходы ведут в Павильон человеколюбия и долголетия (Жэньшоудянь), обрамленного стройными колоннами. Здесь в своих покоях Цыси справляла день рождения и другие знаменательные даты. Около дворцового здания размещены огромные бронзовые курильницы, медные журавль и дракон, глиняные чаны с символическим орнаментом.

Севернее Павильона человеколюбия и долголетия находится Павильон добродетели и гармонии (Дахэюань) с трехъярусной крышей с широкими проемами и свободной планировкой. В нем устраивались театральные представления для Цыси и ее приближенных.

Особо пышно выглядел в Летнем дворце трон вдовствующей императрицы; вырезанный из ценного дерева, он был устлан желтыми

подушками. По бокам находились павлиньи опахала, а сзади, в позолоченной раме — зеркальные заставки, исписанные иероглифами. Перед тронном стояли шесть курильниц для фимиама, чаша для роз и две жаровни для воскурений. Ближе к трону, распустив пышный хвост, величавый феникс словно поджидал свою повелительницу. Здесь же охраняли ее дракон с жемчужиной в одной лапе и мифическое животное цилинь. Трон окружали восемь журавлей и два феникса, искусно сделанные из драгоценной перегородчатой эмали. По сторонам трон украшали роскошные трюмо, картины, вырезанные из камня, вазы, часы с птичками и колокольчиками.

Под узорчатым потолком и на стенах были развешаны вырезанные из дорогого дерева черные и красные надписи, например, такие: «Длится веселье без конца», «Доблесть развеивает, милость орошает», «Любящее сердце — первое счастье». На видном месте красовались иероглифы мистического значения: «фу» (счастье) и «шоу» (долголетие).

10 октября 1894 г. Цыси исполнилось 60 лет. С начала 1894 г. велась деятельная подготовка к юбилейным торжествам по случаю ее дня рождения. Для украшения парка-дворца Ихэюань были истрачены огромные суммы денег. Вдоль всех больших улиц, ведущих к Ихэюаню, а также в западной части Пекина, прилегающей к дворцу, на расстоянии пяти шагов друг от друга ставились украшенные цветами беседки и павильоны, в которых играла музыка и давались представления. Попытки ограничить такие расточительные расходы вызвали гнев Цыси, которая заявила: «Тому, кто сегодня портит мне радостное настроение, я испорчу настроение на всю жизнь».

Цыси полюбился дворец-парк Ихэюань, где она проводила время в бесконечных развлечениях: забавлялась театральными представлениями, устраивала роскошные пиры, предавалась всевозможным оргиям. Ее ублажала многочисленная челядь — евнухи, фрейлины, придворные сановники.

В каких условиях жила повелительница Китая во дворце-парке

Ихэюань? Вся мебель в ее личных апартаментах была сделана из дорогого ароматического сандалового дерева. До выделки дерево длительное время хранили в буддийских храмах, где оно «освящалось».

Все предметы, которыми пользовалась Цыси,— паланкин, кресла, одежда, туфли, носовые платки, посуда и т. п.— имели императорские символы: изображение дракона или иероглифа «шоу» — долголетие. Она увлекалась коллекционированием настольных часов, доставленных из Европы. В ее комнатах Летнего дворца было собрано свыше 80 различных их видов.

Спальня Цыси в Летнем дворце представляла собой комнату с нишей в стене для кровати в виде алькова. Три стороны ниши были увешаны полками, на которых хранились ее любимые вещи — редкие изделия из нефрита, книги, а также 15 различных часов. Ниша отделялась от комнаты занавеской из дорогого с вышивками атласа.

Днем на кровати лежало множество красочно расшитых подушек, но хозяйка спала только на одной, набитой чайными листьями. Говорили, что такая подушка благотворно действовала на ее зрение. И еще одна подушка, набитая сухими цветами, отличалась своей необычностью: в середине ее было сквозное отверстие, к которому Цыси во время сна прислоняла ухо, что якобы позволяло ей слышать даже самые отдаленные шорохи, и в это время никто не мог неожиданно приблизиться к ней.

Высоко над кроватью был прикреплен деревянный каркас, от которого спускались вниз занавески из белого крепа с красивыми вышивками. На них подвешивалось множество шелковых мешочков, наполненных травами, издававшими аромат, что доставляло особое удовольствие Цыси.

Когда Цыси удалялась на покой, двери ее спальни с внешней стороны охраняли шесть евнухов. Они бодрствовали всю ночь. В самой спальне находились два евнуха, две девушки-служанки, две старые служанки и иногда еще две фрейлины. Все они также бодрствовали всю ночь. Девушки-служанки перед сном массировали ноги Цыси, а старые служанки в это время

сидели за их работой. Два евнуха наблюдали за поведением старых служанок, а две фрейлины — за всеми, чтобы никто не допустил злого умысла. В обязанность фрейлин входило каждое утро будить вдовствующую императрицу.

Цыси вставала на рассвете, съедала чашку жидкой каши из клубней лотоса или выпивала чашку горячего молока.

Евнухи выносили во двор и проветривали ее постельное белье, обметали кровать специальным опахалом, а затем стелили войлок, на который клали три толстых матраца, сшитых из желтой парчи. Матрацы накрывали разноцветными шелковыми простынями и все это, в свою очередь, - желтым атласом, украшенным изображениями золотых драконов и голубых облаков.

Предметом особого внимания вдовствующей императрицы были ее туалеты. Она говорила приближенным: «Я люблю сама хорошо одеваться и видеть других изысканно одетыми. Мне доставляет необычайное удовольствие любоваться наряженными девушками. Это порождает во мне мечту быть вновь молодой».

В ее туалетной стояло несколько десятков флаконов с различной ароматической жидкостью и пахучее мыло. Утром, вымыв лицо, она утиралась мягким полотенцем, увлажненным особой жидкостью, приготовленной из меда и цветочных лепестков, пудрила лицо ярко-розовой пудрой с сильным запахом.

Утром Цыси надевала просторный халат и принималась за свой завтрак. Как правило, она завтракала одна — правителям Китая по установленному веками этикету запрещалось разделять трапезу с кем-либо. Природа наделила ее хорошим аппетитом и сном. Она любила изысканную и разнообразную пищу, которой издавна славилась китайская кухня. Ее любимым блюдом был «мягкий цыпленок», сваренный на пару, размельченный и прокипяченный в молоке.

Отведать изысканное блюдо было страстью Цыси. О том, как

завтракала Цыси, можно судить по описанию в книге «Два года в Запретном городе». Ниже приводится с некоторым сокращением рассказ автора книги Дерлин о завтраке Цыси в летнем императорском дворце Ихэюань.

«Ее величество в разговоре со мной сказала: «Право, мне так было интересно беседовать с вами, что я забыла о завтраке». По приказу Цыси евнухи приготовили три больших стола, на которых разместили подносы с едой. Я насчитала на столах примерно 150 различных блюд, которые в пиалах и маленьких тарелках были расставлены в два длинных ряда. На пиалах красовались тонко разрисованные зеленые драконы и иероглиф «шоу». Тарелки, палочки, ложки, которыми она пользовалась, были покрыты серебром. Ее величеству придвинули два столика, заставленных тарелками с различными сладостями: семена лотоса, приготовленные на сахаре, семена дыни, грецкие орехи, особым способом приготовленный сахарный тростник, фрукты в различных видах и другие яства.

Я наблюдала, с какой быстротой Ее величество поглощала эти яства, и удивлялась, как после этого она еще в состоянии завтракать.

Под конец евнухи принесли чай в нефритовых пиалах, покрытых позолоченными блюдцами. В двух специальных чашечках находились лепестки жасмина и розы. Евнухи, держа в руках подносы с этими чашечками, опустили на колени перед вдовствующей императрицей. Она взяла серебряными палочками лепестки цветов и положила их в свою пиалу, отчего чай принял особый аромат.

После чаепития Ее величество предложила нам перейти в другую комнату, где был приготовлен завтрак.

Войдя в комнату, Цыси села за большой стол, а нам предложила завтракать стоя. «Сожалею, что вы должны кушать стоя, — заметила она, — но я не могу нарушать обычаев наших великих предков. В моем присутствии не могут сидеть даже самые высокопоставленные лица». Прежде чем приступить к завтраку, мы сделали перед ней несколько поклонов, затем взяли серебряные палочки для еды.

Во дворце запрещалось есть говяжье мясо: считалось большим грехом убивать рабочий скот. Поэтому пища в основном состояла из свинины, баранины, дичи, домашней птицы и овощей. Подали свинину в различных видах: вырезку, холодную свинину, нарезанную тонкими ломтиками, свинину со специальным соусом, свинину с нарезанными ростками бамбука, свинину, приготовленную с вишней и луком. Затем принесли оладьи с яйцами, грибы, свинину с капустой, брюкву. Домашняя птица и баранина были приготовлены разными способами. В центре стояла широкая чаша с супом, в котором были цыпленок, утка и акулы плавники. Здесь же рядом находились тарелки с цыпленком без костей и жареной уткой: они были посыпаны мелко нарезанными сосновыми иглками, отчего исходил приятный запах.

Ее величество особенно любила отведать корочку жареного поросенка, нарезанную мелкими кусочками, а также различные рассолы. В конце трапезы нам подали кашу, приготовленную из желтого риса и сладких зерен».

Цыси питала страсть не только к изысканным блюдам, но и к дорогим и изысканным нарядам и драгоценностям, особенно к жемчугу и нефриту. Эти бесценные сокровища хранились в 6 тысячах коробок в специальных комнатах. Среди них выделялся один крупный жемчуг искусной работы — Цыси носила его в особо торжественных случаях.

Описание сокровищ вдовствующей императрицы и ее роскошных нарядов приводит в своей книге Дерлин.

«Ее величество ввела меня в комнату, где показала мне свои драгоценности. С трех сторон эта комната от пола до потолка была заставлена полками, на которых находилось большое количество коробок из черного лака — в них хранились всевозможные драгоценности. На некоторых коробках были наклеены желтые ленты с надписями о содержимом. Ее величество, указывая на один из рядов коробок, расположенных с правой стороны комнаты, сказала: «Здесь я храню самые

любимые украшения — их я ношу ежедневно, а в остальных коробках находятся украшения, которые я ношу только в особых случаях. В этой комнате около трех тысяч коробок с "драгоценностями. Еще больше коробок находится в другой комнате, которая охраняется».

Мне было предложено принести пять коробок, стоявших в первом ряду на полке, и поставить на стол.

Она открыла первую из них, и я увидела необычайной красоты пион, сделанный из коралла и нефрита, его лепестки дрожали словно живые цветы - Цыси прикрепила пион к наколке на голове. Затем она открыла другую коробку и вынула из нее великолепную бабочку, также из коралла и нефрита. В двух коробках находились золотые браслеты и кольца, отделанные жемчугом и нефритом. В последних двух коробках были ожерелья из жемчуга. Таких изумительных вещей я никогда не видела.

Одна из фрейлин принесла несколько платьев-халатов для выбора. Ее величество осмотрела эти халаты и сказала, что ни один из них ей не подходит, и велела их унести. Я бросила взгляд на халаты и поразились их совершенной красотой, удивительной расцветкой и красочной вышивкой. Вскоре та же фрейлина вернулась с еще большим количеством халатов, из которых Цыси выбрала один — цвета морской волны, расшитый белыми аистами. Она надела его и, осмотрев себя в зеркале, решила, что нефритовая бабочка ей не подойдет, сказав при этом мне: «Вы видите, я очень щепетильна даже к мелочам. Нефритовая бабочка слишком зеленая, и она безобразит мой халат. Положите ее обратно в коробку и принесите мне жемчужного аиста из коробки номер тридцать пять». Я направилась в комнату, где находились драгоценности, к счастью, быстро нашла коробку № 35 и принесла ее Цыси. Она открыла коробку, взяла аиста из жемчуга, обрамленного серебром, и приколола к волосам. Затем надела короткий розового цвета жакет, разукрашенный вышивками аиста. На ее носовом платке и туфлях также были вышиты аисты. Знаменитый головной убор Цыси украшали 3500 жемчугов, различных по размеру и по форме,

изумительного цвета. Когда Ее величество полностью облачилась в свои наряды, она выглядела словно «дама-аист»».

Наряд Цыси подчеркивал ее несравненное богатство, знатность, блеск и тонкий вкус. Она любила одеваться в дорогостоящий халат — специфическое китайское одеяние, напоминавшее длинное европейское платье, носила накидки, расшитые жемчугом. Голову ее украшала причудливая прическа с обилием наколок на голове. Для официальных встреч вдовствующая императрица надевала красивый атласный или шелковый халат желтого цвета, расшитый золотыми драконами или ярко-розовыми пионами. Ей не нравился желтый цвет. «Я выгляжу в нем, — с досадой говорила она, — слишком некрасивой. Мое лицо сливается с желтым цветом». И тем не менее установленный этикет вынуждал ее соблюдать правила, хотя нередко она их и нарушала.

Для повседневной носки у ней имелось более 300 платьев-халатов, которые хранились в лакированных коробках, обвязанных желтым шелком. Каждый халат отделялся жемчугами и нефритовыми камнями.

Зимой Цыси предпочитала носить халаты из атласа с меховой подкладкой, а летом — халаты из тонкого шелка с вышивками. Рукава халата расшивались тесемками; на шее императрицы-регентши красовались изысканные воротнички.

Чаще всего вдовствующая императрица надевала халат из бледно-зеленого атласа, расшитого иероглифом «шоу» и покрытого драгоценными камнями. Поверх платья-халата она набрасывала накидку в виде сетки, сшитую из жемчугов и отделанную кисточками из нефрита. Накидка затягивалась двумя нефритовыми пряжками. На правом плече с верхней пуговицы свисал шнурок с 18 большими жемчугами, отделенными друг от друга плоскими кусочками блестящего прозрачного зеленого нефрита. Возле этой же пуговицы был прикреплен огромный неяркого цвета рубин, от которого спускалась желтая шелковая кисточка, увенчанная двумя крупными жемчугами.

Однажды, готовясь к встрече с иностранными дипломатами, она велела достать из гардеробной до 30 халатов. Осмотрев все халаты, Цыси нашла, что ни один из них не годится, и велела принести еще несколько. Наконец она надела голубой халат, на котором было вышито 100 драгоценных бабочек.

Особое внимание Цыси уделяла головному убору. Обычно на ее пышных волосах красовалась длинная наколка, отделанная по краям жемчугом и нефритом с изображением бабочки и летучей мыши (символ счастья). С левой стороны наколки свисала кисточка из жемчугов, а в центре красовался нефритовый феникс.

Ее руки украшали два браслета: один из жемчуга, другой — из нефрита. На пальцах было несколько нефритовых колец. Браслеты и кольца имели изображения бабочек. Для предохранения длинных ногтей на среднем пальце и мизинце обеих рук Цыси надевала драгоценные наконечники — футляры длиной до 8 сантиметров. Ее туфли, украшенные маленькими кисточками из жемчуга, были расшиты разноцветным нефритом.

Увлекаясь искусственными украшениями, Цыси тем не менее питала особую страсть к естественным цветам, особенно к белому жасмину. Ее личные апартаменты, тронные залы, театральная ложа были щедро украшены всевозможными цветами. Китайцы не ставили срезанные цветы в воду, а держали их сухими в вазах или горшочках: в таком виде они издавали больше аромата.

На прическе вдовствующей императрицы в любое время года красовались живые цветы. Она не разрешала прикалывать живые цветы молодой императрице-жене Гуансюя и фрейлинам: они могли носить лишь нефрит и жемчуг. И это мотивировалось тем, что ее придворные женщины были молодыми и могли обойтись без живых цветов.

Цыси считала себя хорошим каллиграфом: она писала на свитках кистью и даже щеткой крупные иероглифы, обозначающие «долголетие», «счастье», «мир». Такими свитками награждались ее дворцовые фавориты и даже иностранцы. А чтобы никто не мог спутать ее подарок, на таком свитке

ставилась личная печать Цыси.

Увлекаясь живописью и каллиграфией, Цыси считала себя талантливой художницей. Она содержала при дворе 18 художников, отобранных как самых лучших из многочисленных мастеров живописи и портрета. Им вменили в обязанность рисовать Цыси в разных позах: одну или в окружении близких. Больше всего она любила позировать перед художниками в образе богини милосердия Гуаньинь с четками в руке. Свои портреты Цыси дарила приближенным в знак великого внимания.

Американская художница Катрин Карл в 1904 г. рисовала с натуры портрет Цыси. Она написала два ее портрета: один остался во дворце, а другой был послан на выставку в американский город Сан-Луис. Портрет был вынесен из дворца Цыси с соответствующими церемониями: перед ним было совершено челобитье, в котором принял участие император Гуансюй.

Посредственная художница К. Карл за один лишь портрет запросила с Цыси 100 тысяч американских долларов. Портрет пользовался шумным успехом в США и принес художнице немалый доход.

Катрин Карл была первая европейская женщина, которая длительное время находилась под одной крышей с Цыси, наблюдала за ней, наиболее подробно описала ее внешность в книге «С вдовствующей императрицей Китая». В этом описании сильно чувствуется субъективное восприятие, тем не менее оно представляет определенную ценность как наблюдение очевидца.

«Превосходно сложенная фигура с прелестно посаженной головкой на плечах. Все было при ней: поистине красивые руки, изысканно маленькие и пухлые; симметричная, правильной формы голова с довольно большими ушами; черные как смоль волосы, гладко зачесанные на пробор над высоким широким лбом; тонкие изогнутые брови, блестящие черные глаза, симметрично расположенные на лице; аристократический нос «благородной» формы, как называют его китайцы; верхняя губа подчеркивает ее твердость; довольно большой, но красивый рот с подвижными алыми губами, которые

придают ее улыбке редкое очарование, когда, полуоткрыв их, она обнажает здоровые белые зубы; волевой подбородок, но без намеков на упрямство. Если бы я не знала, что ей около 69 лет, я бы подумала, что передо мной хорошо сохранившаяся 40-летняя женщина».

Цыси увлекалась театральными представлениями, поэтому знала всех знаменитых актеров Пекина. Она не пропускала ни одного популярного театрального зрелища, и артисты должны были играть полюбившиеся ей пьесы в императорском театре. Роли женщин в китайском театре, как правило, исполняли мужчины.

Во время театральных представлений и во дворце она восседала на широком желтого цвета кресле, а император Гуансюй сидел слева от нее на табурете. Его первая жена, «второстепенные» жены, принцессы и фрейлины в нарядных одеяниях стояли рядом, готовые по первому знаку Цыси исполнить ее поручение. Но вот на сцене появились главные актеры и стали отвешивать низкие поклоны. Их игра начиналась с произнесения хвалебных од в честь вдовствующей императрицы.

Если Цыси нравилось представление, она свое удовлетворение выражала словами: «хао, хао» (хорошо, хорошо). Это был сигнал для остальных присутствующих в театре также выразить свое одобрение артистам независимо от того, понравилась им игра на сцене или нет. Никто из них во время представления не имел права показать свое отношение к игре артистов — это считалось бестактным.

Катрин Карл присутствовала на представлении в императорском театре по случаю дня рождения императора Гуансюя. Об увиденном церемониале в театре она писала: «В конце этого пышного зрелища штора, прикрывавшая императорскую ложу, была отодвинута, открылись стеклянные створки дверей, и все увидели Ее величество и императора. Князья и сановники подошли к императорской ложе, трижды стали на колени и каждый раз отвешивали три земных поклона, выражая этим признательность за предоставленную возможность присутствовать на представлении. После того

как они удалились, артисты подошли к краю сцены и совершили такой же ритуал в честь императорских особ».

Одним из любимых развлечений Цыси была прогулка на джонке по озеру Куньминху в Летнем дворце. Белоснежная, словно лебедь, императорская джонка обычно стояла на берегу у мраморной балюстрады; здесь же находилось множество служебных лодок. В джонке вдовствующая императрица садилась на желтый стул, стоявший на возвышении и напоминавший трон; рядом с ней, поджав под себя ноги, садились на подушечки ближайшие ее придворные. Несколько евнухов стояли сзади, держа в руках теплые платки, сигареты, кальян, готовые по первому приказу предоставить все это в распоряжение своей повелительницы. Около них два гребца, двигая длинными веслами, регулировали движение джонки.

Императорскую джонку тянули на буксире две большие лодки, в каждой находилось по 24 гребца, одетых в голубые халаты. За джонкой следовало несколько лодок с множеством евнухов, обязанных служить императрице при выходе ее на берег. На портативной печке кипятили чай, который в любое время могла потребовать повелительница Китая. Евнухи-певчие исполняли старинные напевы под аккомпанемент старинных инструментов.

Иногда императорская джонка приставала к берегу рядом с фруктовым садом. Цыси сходила на берег и совершала прогулку между яблонями. По китайскому поверью, яблоки - символ мира и процветания. Они были предметом жертвоприношения для Будды. Цыси очень любила есть яблоки, ценила в них не только вкус, но и аромат. В ее апартаментах всегда можно было увидеть вазы, наполненные яблоками.

В летнее время озера в Императорском городе и Летнем дворце-парке покрывались широкими листьями лотоса. Лотос издавна почитался китайцами как символ красоты, чистоты и благородства. Своими изящными очертаниями, цветом и ароматом, характерным шелестом листьев он производит непередаваемое впечатление. Лотос — любимый летний цветок

китайцев. Особенно пышно цветет он в жаркие дни июля и августа. Родина лотоса — Индия, однако в Китай он проник давно. Это многолетнее растение с неотмирающим корнем. Листья лотоса круглые. Они похожи на зонтики, установленные над водой, цветы распускаются утром и свертываются вечером.

Цыси любила рано утром кататься на джонке по тихой глади озер и наблюдать, как распускались лотосы при восходе солнца. Причудливые рыбки стаями резвились в водах озер. Они были такими ручными, что брали хлеб из рук человека.

Цыси могла часами кататься по озеру в своей красивой джонке, любоваться лотосом, золотыми рыбками и глазурованной черепицей на крышах дворцов, поблескивающей под лучами восходящего солнца. В такое время она откладывала все свои государственные дела и предавалась созерцанию.

Выезд вдовствующей императрицы в Летнем дворце даже на близкое расстояние обставлялся с большой пышностью. Летом она совершала поездки в открытом паланкине, который несли восемь носильщиков, одетых в красочные, предусмотренные этикетом, одежды. Слева от паланкина шел главный евнух, а справа — его заместитель. Четыре евнуха пятого ранга шли впереди паланкина, 12 евнухов шестого ранга — сзади. Каждый нес в руках что-нибудь из личного туалета Цыси: одежду, туфли, носовые платки, расчески, щетки, коробки с пудрой, зеркала различных размеров, духи, булавки, черные и красные чернила, желтую бумагу, сигареты, кальян, стул, покрытый желтым атласом. Кроме того, паланкин сопровождали две старые женщины и четыре молодые девушки: они также несли что-либо с собой.

Летом 1903 г. длительная засуха поразила поля крестьян Северного Китая. Вдовствующая императрица решила по-своему оказать им «помощь». Вначале она в течение десяти дней совершала молебствия, запрещала громко разговаривать в Летнем дворце, никого не принимала. Молясь о ниспослании дождя, Цыси в течение двух-трех дней не потребляла мясной пищи. По ее

приказу было запрещено резать свиней в городской черте Пекина. Когда это не помогло, она велела обитателям Летнего дворца омыть тело и сполоснуть рот, соблюдать пост и предаваться молению. Таким путем предполагалось вызвать жалость у неба и упросить его послать дождь.

Цыси носила с собой нефритовую плитку, которая напоминала всем о серьезности исполняемого акта. Она облачилась в простой серый халат без всяких украшений, вкалывала в волосы ветку ивы (символ дождя).

Церемония моления происходила так. В небольшом павильоне возле ее дворца был поставлен большой стол с низкими ножками. На нем лежали несколько полосок желтой бумаги и нефритовая плитка, на которую насыпали ярко-красный порошок, заменявший собой чернила, и две кисточки для написания иероглифов. По краям стола стояли две высокие фарфоровые вазы с ветками ивы.

Взяв кусочек сандалового дерева и положив его в жаровню, наполненную древесным углем, Цыси встала на колени на желтую атласную подушечку и произнесла молитву: «Мы молимся небу и просим всех будд сжалиться над нами и спасти бедных крестьян от голода. Мы готовы принести за них жертвоприношения. Умоляем небо ниспослать нам дождь». Молитва повторялась три раза, и каждый раз Цыси и все присутствующие совершали челобитие по три раза — всего девять раз.

В парке-дворце Ихэюань вдовствующая императрица Цыси забавлялась своего рода причудой. Каждый год в день ее рождения она закупала 10 тысяч птиц и отпускала их на волю. Делалось это по такому правилу. В 4 часа пополудни вдовствующая императрица в сопровождении придворных отправлялась на один из высоких холмов, где находился храм. Вслед за ней евнухи несли клетки с птицами. В храме она сжигала сандаловое дерево и молилась духам. Затем евнух с клеткой подходил ко вдовствующей императрице и становился на колени. Она открывала клетку и выпускала на волю птиц, наблюдая за их полетом. При этом она молилась божествам, чтобы этих птиц больше никто не поймал.

Наблюдатель за жизнью маньчжурского трона в начале XX в. писал: «Нигде так хорошо не уживаются высокомерие и раболепие, как в Китае; нигде так прочно не закрепилось право сильного, как в Китае в период последних нескольких лет». Эта оценка имела прямое отношение к порядкам, существовавшим в царствование Цыси.

Страсть к сохранению во дворцах атмосферы слепого повиновения и рабского благоговения, к наслаждению богатством, к удовлетворению необузданного честолюбия, причудливых вкусов и прихотей, к необыкновенной роскоши не покидала вдовствующую императрицу Цыси до последних дней ее жизни.

УГАСАНИЕ

В преклонном возрасте Цыси часто болела: ее особенно мучили головные боли. Тогда приглашали одновременно несколько китайских врачей. Она лежала на кровати, врач подходил к ней и становился на колени. Больная вытягивала руку и клала ее на подушечку. У нее прослушивали пульс, а затем выписывали рецепты. Их передавали лично Цыси: она сама выбирала казавшееся ей лучшим лекарство и повелевала приготовить для приема. Дозу приготовленного лекарства должны были испробовать в ее присутствии врач и двое евнухов, и только после этого она принимала сама.

Большим личным горем для Цыси были два события: смерть ее ближайших советников Ли Хунчжана и Жун Лу.

7 ноября 1901 г. на 80-м году жизни мучительной смертью умер Ли Хунчжан. Перед кончиной он рекомендовал Цыси передать Юань Шикаю свой пост наместника столичной провинции Чжили.

11 апреля 1903 г. на 67-м году жизни скончался Жун Лу — фаворит и незаменимый помощник Цыси начиная с ее восхождения к власти и кончая восстанием ихэтуаней, когда Пекин заняли союзные войска.

Цыси лишилась наиболее опытных и преданных советников, всегда поддерживавших ее в трудные времена.

Среди посетителей чайных и постоянных дворов Пекина в течение всего лета 1908 г. распространялись слухи о том, что вдовствующая императрица чувствует себя плохо, а император Гуансюй серьезно болен. Выдвигались в связи с этим различные версии. Некоторые считали, что если Гуансюй переживет Цыси, то сможет отомстить всем, кто проявил к нему вероломство и жестокость; говорили, что император мечтал пережить Цыси и расправиться со своими недругами. В его дневнике, написанном в заточении, есть такие слова: «Я болен, но чувствую сердцем, что переживу Почтенную Будду» (т. е. Цыси).

Русский китаевед Я. Я. Брандт писал: «Последние месяцы перед смертью и император, и вдовствующая императрица были очень больны, и, в сущности, кончина их ожидалась со дня на день. Рассказывают, что за три недели до этих событий, в день рождения вдовствующей императрицы, император через силу явился поздравить ее. Когда, согласно этикету, он сделал вдовствующей императрице земной поклон, то упал без чувств и в Обмороке был унесен в свои покои. Сей случай очень подействовал на вдовствующую императрицу, увидевшую в этом дурное предзнаменование».

Чем же болел Гуансюй? Какие недуги его одолевали? Об этом можно составить себе представление из указа самого императора, обнародованного в августе 1908 г. В нем говорилось:

«Начиная с августа прошлого года наше здоровье стало ухудшаться. Мы официально повелели маньчжурским генералам, наместникам и губернаторам всех провинций представить способных врачей. Посему наместник столичной провинции Чжили и губернаторы других провинции рекомендовали и направили своих врачей: Чжэнь Бинчжуна, Цзао Юаньвана, Лу Юнбина, Чоу Циндао, Ду Чжунчжуна, Ши Хуана, Чжан Банчяна. Они прибыли в Пекин и лечили нас. Однако их предписания не принесли нам облегчения. Болезнь дает себя знать и снаружи, и внутри; дыхание

затруднено, желудок плохо работает, спина и ноги болят, потерян аппетит. При движении дыхание становится тяжелым, появляются кашель и одышка. Кроме того, мы страдаем от озноба и жары, не можем заснуть, чувствуем общую потерю сил. Мы испытываем боль в сердце. Все это трудно переносить.

Посему ныне повелеваем маньчжурским генералам, наместникам и губернаторам всех провинций найти способных врачей, невзирая на их официальные ранги, и поскорее направить в Пекин для оказания нам медицинской помощи. Если кто-либо из врачей окажется полезным и его лечение даст результаты, он получит чрезвычайно щедрое вознаграждение, а маньчжурские генералы, наместники и губернаторы, рекомендовавшие такого врача, будут удостоены особой милости. Да будет обнародован этот указ».

По сообщению иностранных врачей, Гуансюй страдал от хронического воспаления почек и неврастении, от диабета и ишиаса.

Осенью 1907 г. здоровье Гуансюя резко ухудшилось, и он вынужден был отказаться от исполнения некоторых ритуалов, требовавших от него большого физического напряжения, — жертвоприношения предкам посредством коленопреклонения и неоднократного челобитья. Во дворце утвердилось мнение, что он проживет недолго.

Разгром реформаторского движения, заточение и изоляция от внешнего мира, расправа с его любимой наложницей Чжэнь Фэй, измена Юань Шикая, бегство из Пекина, жестокость и властолюбие Цыси — все это подорвало физически и морально Гуансюя: он напоминал правителя, не имевшего никаких прав и приговоренного к медленному угасанию.

В своем заточении, лишенный элементарных условий для жизни, император медленно умирал от неизлечимого недуга.

В июне 1908 г. Цыси вызвала несколько китайских врачей, получивших образование за границей, с тем чтобы они осмотрели Гуансюя, который к этому времени был крайне истощен. Диагноз его болезни был

поверхностным, так как этикет не позволял врачам осмотреть больного надлежащим образом. И тем не менее было точно установлено, что его сердце слабо пульсировало. Некоторые считали, что подобное медицинское освидетельствование явилось всего лишь фарсом, все были убеждены в скорой кончине императора.

10 ноября 1908 г. доктор Чжоу, освидетельствовав состояние здоровья Гуансюя в его заточении, был удивлен увиденным: императорские апартаменты оказались в крайне запущенном состоянии и отапливались обычными крестьянскими глиняными печами. При топке таких печей древесным углем помещение наполнялось дымом, перемешанным с вредным газом. Его спальное ложе выглядело просто и грубо, словно жилище простолюдина. Желтая скатерть на столе была грязной и, очевидно, не сменялась уже в течение долгого времени.

Если судить по различным источникам, Гуансюй с первых дней своей жизни обладал очень слабым здоровьем и постоянно болел. По словам некоторых врачей, он умер от туберкулеза и общего малокровия. Длительное время у него сильно болели голова и почки; он жаловался на чрезвычайную слабость. В последние дни своей жизни он не мог держаться на ногах.

Угасание Гуансюя шло одновременно с медленным увяданием Цыси. Всю зиму 1907 г. и весну 1908 г, вдовствующая императрица чувствовала себя вполне здоровой.

В апреле 1908 г. она, как обычно, отправилась в Летний дворец, где проводила наиболее жаркий сезон пекинского лета. Но с наступлением жары стала страдать от дизентерии и перенесенного легкого паралича.

Последним наиболее важным событием в жизни Цыси была встреча с живым воплощением будды, главой ламаистской церкви 33-летним Далай-ламой, прибывшим в сентябре 1908 г. из Тибета в Пекин.

Как известно, одной из разновидностей буддизма является ламаизм (или тибетский буддизм). Между ламаизмом и буддизмом существенной разницы нет: вся теория и философия буддизма является теорией и

философией ламаизма; весь пантеон будд, бодисатв, святых и священных стражей в равной мере относится как к буддизму, так и к ламаизму. Различие между ними не в содержании, а в форме. Ламаизм в Китае стал религией императоров и высших сановников. Вот почему Цыси проявляла горячую приверженность к этой религии.

Среди многочисленных святых буддийского пантеона особое место занимает божество Гуаньинь. Его изображали по-разному. По утверждению индийских буддистов, это божество считалось мужского пола. В Китае вплоть до династии Тан (618—906) его рисовали в образе мужчины и в таком виде выставляли в буддийских монастырях. Затем, однако, оно было отнесено к женскому полу. Богиня Гуаньинь, изображенная с распущенными волосами и с ребенком на руках, считалась покровительницей матерей и детей. Ее называли также «цзю-ку, цзю-нань», что означало «спасительница от страданий, спасительница от несчастий».

По традиционным верованиям, тот, у кого случилось горе, должен всем сердцем взывать к Гуаньинь, и, если божество услышит голос несчастного, на него снизойдет утешение. Божеству Гуаньинь приписывалась чудесная способность к перевоплощению. В облике женщины она могла появляться повсюду, чтобы приносить утешение, избавление от мук, чтобы прощать и любить. Ей молились женщины, мечтавшие иметь дочь или сына: они верили, что если Гуаньинь услышит их, то родится добродетельный и мудрый сын, а если родится дочь, то и она будет полна достоинства и целомудрия.

Цыси любила сравнивать себя с богиней милосердия. Она внушала себе мысль и убеждала других, что является земным воплощением этого божества. Часто на дворцовых маскарадах она исполняла роль Гуаньинь.

Резкая и азартная по натуре и чрезвычайно суеверная, вдовствующая императрица цинично относилась к буддизму. Считая себя буддисткой, она не разделяла буддийской проповеди о самоотвержении — это противоречило ее эгоистической натуре, поглощенной мыслями о земных наслаждениях и

обогащении.

Цыси верила в различные приметы. Особое благоговение она питала к иероглифу «шоу» (долголетие). Везде, где только можно, в ее апартаментах вешали изображение этого иероглифа или писали его красками на стенах и потолке. На ее халатах, кофточках и туфлях также красовался золотом вышитый иероглиф долголетия.

Дурным предзнаменованием повелительница Китая считала пожары, возникшие в Пекине в марте 1908 г. Астрономическая обсерватория при дворе объяснила причину этих пожаров тем, что дух огня спустился с неба на землю, где будет находиться в течение 100 дней, и пожары прекратятся только тогда, когда он покинет землю и вернется на небо.

Главный евнух Ли Ляньин уговаривал свою повелительницу отменить визит Далай-ламы по той причине, что одновременное нахождение в Пекине «живого будды» и Сына неба будет дурным предзнаменованием. На это она отвечала, что болезнь молодого императора неизлечима, поэтому нет причин отменять этот визит. Будучи крайне суеверной, она проявляла большой интерес к встрече с главой ламаистской церкви.

Приезд Далай-ламы был совершен неспроста. Его популярность среди верующих поддерживалась изоляцией Тибета от внешнего мира. В связи с его приездом в Пекин «Китайский благовестник» писал: «Ежегодно сотни тысяч паломников бредут в Тибет со всех концов буддийского мира, переходят неизвестными путями громадные пространства, испытывают невероятные лишения, своими костями устилают дороги, сотнями гибнут от голода и усталости и всюду разносят славу «живому богу», а он таинственно, в недостижимой европейцам глуши, сидит, окруженный несметной толпой лам, живущих эксплуатацией его имени».

Эксплуатируя религиозные чувства верующих, Далай-лама считал свои владения независимыми от других стран. Но вот возникла непредвиденная беда: англичане задумали построить железную дорогу до самой границы Тибета. Ламы поняли, что свисток паровоза разбудит мирный сон степей, а с

ним рассеется вся поэзия жизни кочевников. Это означало, что все богатство животного мира Тибета — шерсть, пушнина, мясо — потечет в чужеземные страны. Стада диких яков, аргалей, верблюдов и антилоп будут обогащать не лам, а чужеземцев. Так могла быть подорвана единоличная власть «живого бога».

Пытаясь найти благоприятный выход из столь затруднительного положения, Далай-лама решил искать защиту от англичан в Пекине. Маньчжурское правительство, со своей стороны, рассчитывало через Далай-ламу укрепить свое влияние в Тибете среди других последователей ламаизма.

Далай-лама прибыл в Пекин по железной дороге в специально отведенном для него железнодорожном составе. Его сопровождали 14 высших сановников, 27 чиновников, 99 лам, 119 слуг и 80 человек конвоя. Вместе с ним в вагонах находились 45 лошадей, 13 повозок и багаж весом до 350 пудов.

На железнодорожной станции Баодинфу, недалеко от Пекина, для его встречи построили нарядные павильоны. Их сделали из соломенных циновок, разрисованных цветами и драконами, а вход, окна и карнизы украсили жгутами из красной, желтой и зеленой материи.

Далай-лама прибыл в парадной жреческой шапке и одежде из желтого шелка, затканного золотыми нитями с изображениями восьми драконов. Ему было немногим более 30 лет; лицо смуглое, худощавое, прыщеватое, с выдающимися скулами; с выступающей вперед челюстью, взор пронизательный и строгий; вид воинственный. Как только он вошел в павильон для отдыха, его встретили знатные пекинские ламы и приветствовали коленопреклонением. Они кланялись поочередно, а он рукой прикасался к их головам. Затем все вышли из павильона и направились к паланкинам. Для Далай-ламы приготовили императорский паланкин, обтянутый желтой материей, но он пожелал ехать верхом на лошади: так его могли увидеть многие пекинцы, столпившиеся на улицах. Когда весь кортеж двинулся, впереди шли китайские и тибетские музыканты, а сзади следовали

чиновники и солдаты.

По случаю прибытия в Пекин Далай-ламы Палата церемоний разработала подробный церемониал его приема в императорском дворце: предполагалось, что он совершит челобитье перед императором Гуансюем, затем Сын неба сойдет с трона и пригласит Далай-ламу сесть рядом с собой. Однако серьезно ослабевший от болезни император не мог принять «живого будду». Последний был крайне удручен этим, и ему пришлось ограничиться поклонением перед пустым императорским тронном. Гуансюй вынужден был также отказаться присутствовать на специальном приеме, устроенном во дворце в честь Далай-ламы. Высшие ламы, не предупрежденные об этом отказе, стояли на коленях у входа во дворец в ожидании императора и возжигали большое количество курительных свечей.

По другим источникам, Гуансюй принял Далай-ламу. После совершения челобитья его пригласили сесть рядом с императором, дабы восстановить высокое духовное достоинство, несколько поправленное челобитьем.

Маньчжурский двор настаивал, чтобы Далай-лама совершил челобитье и перед Цыси, хотя это считалось грубым нарушением буддийских догм, согласно которым не положено преклоняться перед женщиной. Он вынужден был подчиниться этому. Чтобы успокоить его обиженный дух, в императорском дворце в его честь дали грандиозный, небывалый по своей пышности банкет, на котором исполнялись буддийские религиозные танцы с заклинаниями из священных книг. Эти ритуальные танцы так понравились Цыси, что она объявила Далай-ламу самым высшим духовным лицом среди буддистов всего мира и значительно увеличила государственные субсидии в пользу буддизма. В ответ на это Далай-лама заверил, что будет постоянно молиться за ее здоровье, процветание и долголетие.

Говорили, что после этого банкета Цыси сильно заболела, несколько раз теряла сознание. Она жаловалась на дизентерию, считавшуюся простонародной болезнью, недостойной благородного человека. Узнав об

этом, Далай-лама приготовил лекарственную настойку из знаменитых тибетских трав и преподнес ее Цыси, которая, приняв настойку, якобы быстро поправилась.

«Медицинская» помощь, оказанная Гуансюю «живым буддой», не возымела действия: его болезнь все более прогрессировала. Сообщить об этом Цыси евнухи не осмеливались: она всегда приходила в ярость, когда ей говорили о плохом состоянии Гуансюя. Не признавая серьезность его положения, вдовствующая императрица повелела ему быть на двух банкетах в честь Далай-ламы. Сама же она не пожелала присутствовать, чтобы не показать Далай-ламе свое болезненное состояние. Ослабевший от болезни Гуансюй вынужден был присутствовать на банкете, но после этого он, поддерживаемый евнухами, с трудом добрался до своего постоянного жилища во дворце Иньтай. Больше он никогда не оставлял его до самой смерти.

30 октября 1908 г. Цыси покинула Летний дворец-парк и отправилась в Пекин по каналу на роскошной джонке, разукрашенной драконами и фениксами. Вдовствующая императрица сидела в камышовом кресле на верхней палубе в окружении любимых фрейлин и евнухов. Сойдя на берег и поддерживаемая двумя евнухами, она села в паланкин и направилась в Храм императорского долголетия, где совершила жертвоприношение и попросила монахов помолиться за ее долголетие в связи с приближающимся днем рождения.

В Пекине развернулась шумная подготовка к празднованию юбилейной даты: 3 ноября 1908 г. повелительнице Китая исполнялось 73 года. По случаю такого торжества главные улицы столицы были разукрашены китайскими традиционными нарядами. Зимний дворец приобрел праздничный вид, в нем шли театральные представления.

В день своего рождения вдовствующая императрица весь вечер провела в маскарадных забавах, наряжалась в одеяние богини милосердия Гуаньинь, любовалась фантастическими костюмами князей, фрейлин,

наложниц и евнухов.

В хорошем расположении духа Цыси совершила прогулку по озеру, во время которой сильно простыла, и ее болезнь, говорили, осложнилась тем, что она съела сбитые сливки и дикие фрукты — это вызвало сильную дизентерию. На следующий день Цыси, как обычно, занималась государственными делами, знакомилась с донесениями и приказами, принимала решения. Но 5 ноября 1908 г. ни она, ни император Гуансюй уже не были в состоянии встречаться с членами Верховного императорского совета, поэтому решения всех государственных дел отложили на два дня.

Узнав о болезни вдовствующей императрицы, Далай-лама подарил ей золотого будду и просил незамедлительно поставить его на алтарь ее мавзолея. Этот будда якобы обладал таинственной силой, способной преодолеть несчастливое созвездие, угрожавшее долголетию Цыси.

Слова Далай-ламы о мистической силе золотого будды ободрили суеверную Цыси, и она повелела князю Цину (И Куану) как можно скорее доставить это чудесное божество в ее посмертное жилище и установить там на алтаре. По некоторым источникам, Цыси направила князя Цина в Восточные горы, к местонахождению ее мавзолея, с тем чтобы он не смог присутствовать при избрании наследника престола.

Князь Цин с неохотой согласился выполнить ее поручение, осмелившись при этом спросить, действительно ли она желает, чтобы ее верноподданный покинул столицу в то время, когда император и вдовствующая императрица оба серьезно больны. Он боялся, что, в случае ее смерти его могут обойти при распределении новых постов. Понимая смысл колебания князя Цина, Цыси резко прервала его:

— Я не собираюсь умирать. В последние дни чувствую себя гораздо лучше. В любом случае вы сделаете то, что вам было сказано.

Князь Цин вынужден был отправиться в путь, чтобы выполнить волю Цыси. Но не прошло и суток, как Верховный императорский совет направил на его имя депешу, прося незамедлительно вернуться в столицу: его

присутствие, как главы Верховного императорского совета, настоятельно требовалось при решении дел большой государственной важности: речь шла о назначении наследника трона.

Находясь в пути ночью и днем, князь Цин прибыл в Пекин и поспешил в императорский дворец, где 13 ноября 1908 г. состоялось важное заседание под председательством Цыси. Князю по возвращении в Пекин ничего не оставалось, как только признать уже совершившийся факт.

Хотя в последние дни Цыси сильно ослабела, выглядела утомленной и дряхлой, но, преодолевая недуг, держалась твердо, говорила ясно и четко.

Цыси настояла, чтобы наследником трона стал двухлетний Пу И. Причины этого можно понять, ознакомившись с его родословной.

Дед Пу И был младшим братом императора Сяньфэна и имел почетный титул великого князя Чуня (И Хуань). Он родился в 1842 г. и умер в 1890 г. В 1861 г. великий князь Чунь по настоянию Цыси женился на ее младшей сестре Дафэн. От этого брака родился сын по имени Цзай Тянь, которого в четырехлетнем возрасте Цыси взяла во дворец и сделала императором Гуансюем.

От второй жены великого князя Чуня осталось три сына: Цзай Фэн, Цзай Сюнь и Цзай Тао. После смерти их отца его титул получил старший сын Цзай Фэн, поэтому его называли, как и отца, — «великий князь Чунь», а его младшие братья Цзюй Сюнь и Цзай Тао были пожалованы в князья императорской крови шестой степени. Великий князь Чунь доводился младшим братом умирающему императору Гуансюю.

Великий князь Чунь принимал участие в открытии мемориальной арки (пайлоу), сооруженной после подавления ихэтуаней по требованию союзных войск на месте гибели в Пекине германского посланника Кеттлера. Арка была сделана из белого тесаного камня и имела два боковых прохода для пешеходов и средний — для проезда транспорта. На боковых и центральной частях сделаны надписи на немецком, китайском и латинском языках следующего содержания:

«По повелению императора Китая сей монумент сооружен в память кавалера ордена Милосердия германского посла Кеттлера, который на этом месте 20 июня 1900 г. погиб от злодейской руки убийцы. Так увековечена память Кеттлера и выражен гнев императора по поводу подобной жестокости».

При открытии мемориальной арки присутствовали все члены дипломатического корпуса, в том числе их жены и дети, а также много официальных лиц, представлявших столицу, правительство и министерство иностранных дел.

Проведение траурной церемонии было возложено на великого князя Чуня. Он зачитал на китайском языке от имени богдыхана повеление о сооружении памятника погибшему барону Кеттлеру, в котором выражалось сожаление о случившемся и надежда, что впредь ничего подобного более не повторится. Речь князя, переведенная на немецкий язык, заканчивалась выражением добрых чувств. После этого последовала ответная речь германского поверенного в делах барона Гольца, сказанная по-немецки и переведенная затем на китайский язык.

В конце траурной церемонии великий князь Чунь совершил возлияние жертвенного вина из старинного треножного сосуда.

Добавим к сказанному, что после Великой Октябрьской революции, влияние которой распространилось и в Китае, возбужденная антиимпериалистически настроенная толпа разрушила арку, сооруженную в память Кеттлера.

Как уже говорилось, 7 сентября 1901 г. был подписан унижительный для Китая Заключительный протокол, одна из статей которого гласила, что Китай обязан послать в Германию искупительную миссию по поводу убийства германского посланника Кеттлера. Командующий союзными войсками в Китае во времена восстания ихэтуаней немецкий фельдмаршал Вальдерзее предложил великому князю Чуню поехать в Германию и от имени императора принести извинения в связи с убийством германского

посланника Кеттлера. В Германии Чуню был оказан восторженный прием, что обеспокоило Цыси и усилило ее подозрение к политике Германии. При возвращении в Китай великий князь Чунь повстречался в Кайфэне с императорским кортежем, который следовал в столицу. Он доложил вдовствующей императрице о почестях, оказанных ему в Германии. В ноябре 1901 г. вместе с кортежем Чунь добрался до Баодина, где его застал высочайший указ о женитьбе.

Цыси повелела молодому великому князю Чуню (Цзай Фэну) взять в жены дочь сановника Жун Лу. По утверждению некоторых источников, это была родная дочь Цыси, рожденная от ее фаворита Жун Лу. Девочка появилась на свет при таинственных обстоятельствах в апартаментах Цыси и вскоре была передана в семью Жун Лу, где она воспитывалась до замужества. От брака с дочерью Жун Лу у великого князя Чуня было два сына: старший Пу И, родившийся в феврале 1906 г., и младший — Пу Цзе.

Если верить этой версии, то Пу И доводился Цыси внуком, и, чтобы сохранить родство своего клана, она решила сделать его наследником умирающего императора.

В связи с тяжелым состоянием Гуансюя Цыси повелела подыскать специальную кормилицу для сына великого князя Чуня — младенца Пу П. Это означало, что он должен унаследовать трон Гуансюя. Придворные сановники неоднократно просили ее официально объявить имя наследника трона, но она отказывалась, так как считала это нарушением установившихся древних обычаев, по которым имя наследника объявлялось только в том случае, если царствующий император находился в «критическом состоянии».

И вот настало «критическое состояние» царствующего императора.

Заняв свое место на троне, Цыси обратилась к членам Верховного императорского совета с такими словами:

— Много лет тому назад по моему велению дочь Жун Лу была отдана в жены великому князю Чуню. Я решила назначить наследником престола Пу И — старшего сына от их брака, выражая этим признание преданности Жун

Лу и его больших заслуг перед маньчжурской династией, особенно во времена восстания бунтовщиков-ихэтуаней. Он спас маньчжурский трон, предложив прекратить штурм иностранных посольств.

Пу И писал о том времени: «В день объявления меня наследником императора Цыси еще не думала о своей скорой смерти. Спустя два часа после кончины императора Гуансюя она приказала моему отцу, князю-регенту: «Ты будешь управлять государственными делами, как я тебе велю».

Великий князь Чунь верой и правдой служил вдовствующей императрице, и она в долгу перед ним не осталась: ему пожаловали титул двойного великого князя и разрешили въезжать в Запретный город в паланкине с четырьмя носильщиками. По приказу Цыси члены Верховного императорского совета обязаны были во всех важных государственных делах прежде всего советоваться с великим князем Чунем.

Несмотря на предоставленные привилегии, Чунь всегда испытывал страх перед Цыси. Она позволила ему и его жене ездить в паланкине абрикосового цвета, однако он ни разу не осмелился воспользоваться этим разрешением.

Такая боязнь и осторожность проявлялись не только в его речах и поступках — они оставили свой отпечаток даже на убранстве его дома. Помещение, в котором жил великий князь Чунь, называлось «Зал смиренных мыслей», а рабочий кабинет — «Кабинет осознанных ошибок»; на его столе стоял кубок, на котором была выгравирована надпись: «Пресыщение ведет к оскудению, а скромность — к благополучию». В комнатах детей висели различные наставления. И среди них было такое: «Когда богатство велико и много денег, беды для внуков и детей не миновать. И если спросите вы, в чем же здесь причина, отвечу: деньги смелость придают и не боятся никаких великих дел, пока себя и всю семью не погубят». Все эти наставления были написаны из боязни, как бы не накликать беду.

Не все на Верховном императорском совете были согласны с мнением Цыси. Князь Цин и генерал Юань Шикай предлагали в наследники трона Пу

Луня — сына князя Цзай Чжи, который, в свою очередь, являлся старшим сыном императора Даогуана, но это предложение вызвало гнев вдовствующей императрицы, и она, обращаясь к Юань Шикаю, сказала:

— Ты думаешь, я стара и выжила из ума. Так знай же, что я еще в здравом уме, и никто не остановит меня в моем намерении. В такой критический момент для государства, молодой наследник может стать источником борьбы за власть, но не забывай, что я еще смогу помочь князю-регенту Чуню в решении государственных дел.

Цыси тут же предложила Верховному императорскому совету обнародовать от имени умирающего императора Гуансюя два указа: первый — о назначении великого князя Чуня князем-регентом; второй — о возведении его малолетнего сына Пу И на престол.

Эра правления Пу И получила наименование «Сюань-тун» (Всеобщее единение).

Цыси настаивала на принятии этих указов не потому, что собиралась умирать. Напротив, она цеплялась за жизнь. Малолетний император и его безвольный отец были бы послушными исполнителями ее воли.

Объявив членам Верховного императорского совета о своем намерении, она повелела немедленно привести во дворец Пу И.

О том, как в семье великого князя Чуня встретили известие о назначении Пу И императором, и о его первой встрече с Цыси можно судить по следующему описанию в книге Пу И «Первая половина моей жизни»:

«Вечером 20-го числа девятого месяца по лунному календарю в тридцать четвертый год правления императора Гуансюя (13 ноября 1908 г.) резиденция великого князя Чуня была охвачена паникой. Моя бабушка, не дослушав высочайшего указа, который привез с собой новый регент, упала без чувств. Евнухи и служанки бросились наливать настойку из имбиря, кто-то побежал за доктором. Из угла доносился плач ребенка, вокруг которого суетились взрослые, пытаясь его успокоить. Князь-регент совсем сбился с ног. То он велел пришедшим вместе с ним членам Верховного

императорского совета и евнухам одеть ребенка, забыв, что бабушка лежит без сознания; то его звали к бабушке, и тогда он забывал, что его ждут сановники, которым велено отвести наследника престола во дворец. Тем временем бабушка, наконец, очнулась, и ее проводили во внутренние покои, где будущий император по-прежнему «противился указу». Он кричал благим матом, отбиваясь от евнухов, которые с усмешкой смотрели на членов Верховного императорского совета. Последние не знали, как поступить, ждали князя-регента, чтобы с ним посоветоваться, но князь-регент был способен только кивать головой».

Цыси повелела Чуню немедленно доставить его сына Пу И во дворец. Прибыв домой, он увидел жену, которая забавлялась с любимым чадом. Узнав о решении Цыси, взволнованная женщина схватила мальчика и решила убежать из дома. Этому помешал ее муж, великий князь Чунь.

— Если приказ исходит от императрицы-регентши Цыси,— сказал он, — то кто же может противиться этому?

Чунь, не вдаваясь в рассуждения, схватил сына, вышел из дому, посадил в паланкин и направился во дворец.

«Китайский благовестник» в 1908 г. писал: «Супруга князя-регента не хотела отдавать своего сына Пу И для возведения на престол, зная, что, по обычаям старины, она уже не увидится с ним более. Да и что станет с ребенком во дворце в руках чужих людей, евнухов? Как мать она для него уже не существует, а он ей не сын, и когда повзрослеет, то никто ему не откроет тайны под страхом смерти. Несчастливая мать в день восшествия на престол своего сына в слезах отчаяния; муж долго уговаривал ее еще раньше, но безуспешно, а теперь вынужден был силою вырвать ребенка из рук матери и везти его во дворец».

Мать великого князя Чуня, она же бабушка малолетнего Пу И, была сильно взволнована таким оборотом событий. Она горячо любила внука и не хотела с ним расставаться. Когда же мальчика уводили из родного дома, бабушка вышла на балкон и ее взгляд устремился к паланкину, где сидел

внук. Говорили, что она перед собравшейся любопытной толпой в гнев обвинила женщину, под которой имела в виду свою сестру Цыси, такими словами: «Женщина, которая погубила моего сына (императора Гуансюя), теперь собирается погубить моего внука. Злая женщина, действительно, расставила западню для нашей семьи, связав ее с порочной родословной. Боги оказались бессильными. Если это не так, то почему же тогда они разрешают этой женщине-дьяволу совершать так много злодеяний».

Чунь доставил своего сына в уже опустевший дворец: Цыси после принятия опиума настолько ослабела, что удалилась в свои покои. Мальчика встретила Лун Юй, жена умирающего императора, которая обещала хорошо к нему относиться и отвела его в покои Цыси. Последняя, обласкав малолетнего императора, якобы сказала:

— Мой мальчик, ты будешь счастлив. Ты предназначаешься к великим свершениям, к более великим, чем был удостоен твой дядя.

Став регентом малолетнего императора, Цзай Фэн (князь Чунь) назначил одного брата, Цзай Сюня, министром военно-морского флота, а другого брата, Цзай Тао,- начальником Генерального штаба армии.

О своем отце великом князе Чуне Пу И оставил следующее воспоминание: «Мой отец отнюдь не был человеком, лишенным каких-либо устремлений. Все его помыслы прежде всего были направлены на то, чтобы захватить в свои руки военную власть. Это было нужно для поддержания господства императорского рода. Из своей поездки в Германию он усвоил, что армия обязательно должна находиться в руках императорской семьи, а ее члены должны быть военачальниками. Эту идею он проводил до конца».

«Он, - говорил Пу И, - не отвергал того, что остальные почтенные сановники считали странным и загадочным. Резиденция великого князя была первой при цинской династии, в которой появился автомобиль и были установлены телефоны. Косы там были срезаны раньше, чем у остальных, и первый, кто надел европейскую одежду, был все тот же великий князь Чунь. Но насколько отец разбирался в заморских вещах, можно судить хотя бы по

тому, как он надевал европейскую одежду. Однажды, походив уже несколько дней в европейском костюме, он удрученно спросил моего брата:

— Почему у тебя рубашка как рубашка, а моя вечно длиннее пиджака на целый кусок?

Брат, посмотрев, увидел, что рубашка у отца была выпущена поверх брюк, и так отец ходил уже несколько дней».

Являясь главой государства и мечтая иметь в руках современную армию, великий князь Чунь в то же время был крайне невежественным и суеверным человеком, о чем свидетельствуют признания Пу И:

«Когда моя бабушка страдала от язвы груди, которую не могли вылечить врачи китайской народной медицины, отец послушался совета своих братьев и пригласил доктора-француза. Тот решил делать операцию, что вызвало бурный протест всей семьи князя. Доктор зажег спиртовку, чтобы продезинфицировать необходимые инструменты. Отец до смерти был напуган этим и бросился к переводчику со словами:

— Э... э... Это зачем же? Будут еще жечь?

Пораженный таким невежеством, один из моих дядюшек, стоя за спиной отца, стал подавать переводчику знаки, чтобы тот не вздумал переводить эти слова доктору».

Пу И о своей первой встрече с Цыси вспоминает: «Встречу с Цыси я уже смутно помню. Внезапно я оказался среди множества незнакомых людей. Передо мной находился темный полог, из-за которого выглядывало ужасно уродливое худое лицо — это была Цыси. Говорят, что, увидев ее, я стал опять реветь. Цыси приказала дать мне засахаренные фрукты на палочке, но я бросил их на пол и продолжал громко кричать, что хочу к няне. Цыси сделала недовольное лицо.

— Какой непослушный ребенок, — сказала она. — Возьмите его, пусть пойдет и поиграет».

По некоторым источникам, назначение регентом великого князя Чуня считалось далеко не добровольным актом покойной Цыси: она еще при

жизни относилась к нему с недоверием. И если Чунь стал во главе империи, то он обязан этим глубокой ненависти вдовствующей императрицы к претенденту на престол — Пу Луню (ставленнику великого князя Гуна).

По утверждению современников, регентство великого князя Чуня было встречено в стране сочувственно: он считался сторонником реформ. Однако были у него и ярые противники: это прежде всего князь Цин (И Куан) — упорный реакционер, глубоко презиравший всякое новшество и ставивший личное благо превыше всего. Являясь приближенным вдовствующей императрицы, князь Цин в последние годы фактически управлял страной, и все ответственные посты в столице и провинциях были заняты его ставленниками.

Всем обитателям дворца, начиная от высших сановников и кончая рядовыми евнухами, было ясно, что и вдовствующая императрица, и император Гуансюй умирали медленной смертью. Гуансюй доживал последние дни в запущенных комнатах дворца Иньтай одиноким императором-узником, заброшенным всеми, кроме единственного преданного евнуха Ван Аня. Цыси уходила в «мир теней» в роскошных апартаментах, в окружении князей, сановников, фрейлин, дворцовых служанок, готовых в любую минуту выполнить ее каприз. Для Цыси готовили самые изысканные блюда. Гуансюя же кормили простой грубой пищей.

Старый, 70-летний евнух Ван Ань, прислуживавший императору со дня его рождения, был единственным человеком, с которым он постоянно общался. Говорили, что Ван Ань несколько раз спасал Гуансюя от самоубийства, напоминая ему, что он — наследник великой ветви маньчжурских императоров, поэтому не имеет права просто так уйти из жизни. После смерти Цыси он, император, по предначертанию богов, должен занять законное место на троне, как правитель Китая. Если же покончит с собой, откажется от своего места и обязанностей, то что же он скажет своим предкам в загробном мире?

Такие рассуждения евнуха ставили в тупик Гуансюя, и он ничего не мог ответить: это побуждало его отказываться от самоубийства.

Гуансюй часто говорил Ван Аню:

— Я ненавижу себя за то, что родился горемычным императором и стану одиноким духом после своей смерти. На это евнух отвечал:

— До тех пор, пока с вами находится ваш слуга, вы не будете одиноким духом.

Этим евнух Ван Ань хотел пояснить, что на том свете он будет сопровождать императора.

До последних дней жизни Гуансюй помнил о предательстве Юань Шикая и чувствовал враждебное отношение Цыси. Об этом свидетельствуют его предсмертные слова: «Мы были вторым сыном великого князя Чуня, когда вдовствующая императрица избрала нас на трон. Она всегда ненавидела нас. За наше несчастье в последние десять лет в ответе Юань Шикай и другие. Когда придет время, я желал бы, чтобы скорее обезглавили Юань Шикая».

13 ноября 1908 г., за день до смерти императора Гуансюя, от его имени был обнародован указ, в котором говорилось: «Наше телосложение от природы слабое. Заболев с осени прошлого года, мы лечились до сих пор, но наше пищеварение расстроилось, чувствовалась боль в пояснице, ноги ослабли, страдаем от кашля и одышки; болезни возникали одна за другой и с течением времени усиливались. Наше здоровье подорвано, и положение сделалось безнадежным. Разве это не воля неба? Размышляя о важности иметь преемника трона, мы в настоящее время получили указ императрицы Цыси о назначении Пу И — сына регента Цзай Фэна нашим преемником на трон, который, будучи послушным и умным, сможет успокоить сердце императрицы и, получив это назначение, с усердием будет управлять государством».

Чувствуя, как тают ее силы, Цыси не хотела, уходя в «мир теней», оставить трон Гуансюю. По утверждению ряда источников, она распустила

слух о том, что он гаснет с каждым днем и часы его жизни сочтены.

Некоторые иностранные послы в Пекине, узнав о серьезной болезни императора Гуансюя, выразили готовность прислать европейских врачей для оказания необходимой медицинской помощи. Такие предложения были вежливо отклонены.

О чем думал и что чувствовал император в эти трагические дни? Возможно, он думал о своих друзьях, жестоко поплатившихся за горячее желание обновить свою родину; о своей любимой наложнице Чжэнь Фэй, с которой так жестоко расправилась Цыси; о вероломном отношении к нему Юань Шикая.

Когда стало ясно, что Гуансюй доживает последние дни, его хотели перенести из дворца Иньтай в Павильон спокойствия и долголетия, где положено находиться императору Китая перед кончиной. Однако Гуансюй, придя в сознание после длительного забытья, решительно отказался и пожелал умереть в месте своего заточения. Он также не захотел надеть предсмертный «халат долголетия», положенный в этом случае умирающему императору.

Говорят, что перед смертью Гуансюй, на стене, рядом со своим спальным ложем, пальцем, смазанным сажей из печки, написал слова: «Дружеские отношения между мною и Цыси восстановлены, почему же моей жене не разрешается навестить меня, пусть даже между нами нет любви. Почему мой младший брат редко навещает меня?»

Его младший брат великий князь Чунь как-то без разрешения Цыси попытался навестить Гуансюя, однако был задержан евнухами, когда переходил мост, ведущий ко дворцу заточения Иньтай.

Жена императора Гуансюя Лун Юй тайно навестила своего мужа и нашла его в тяжелом состоянии: он находился при смерти. Ей об этом сообщил находившийся здесь доктор. Лун Юй, вернувшись во дворец, рассказала о виденном Цыси, и тогда она велела великому князю Чуню немедленно навестить умирающего брата. Чунь, войдя в опочивальню

императора-узника, опустился на колени перед кроватью больного и стал горько плакать. Гуансюй спокойно реагировал на поведение брата и якобы сказал ему: «Я занимаю трон дракона 34 года, но у меня нет сына. Мой брат должен согласиться с тем, что выбор наследника престола по желанию Цыси пал на его сына». А затем, указывая пальцем на свое жалкое ложе, добавил: «Запомни это».

Великий князь Чунь о всем пережитом и виденном сообщил Цыси, которая восприняла такое сообщение с напускным драматизмом. Всхлипывая, она несколько раз громко произнесла: «Цзай Тянь, Цзай Тянь» и потеряла сознание. Такой драматический жест Цыси вовсе не был навеян ее сочувствием к Гуансюю. Современники оценили его иначе: Цыси воспринимала свою смерть и смерть императора Гуансюя как дурное предзнаменование — конец царствующей династии, а это означало, что ее дух не заслужит уважения предков, с которыми она встретится на том свете.

В то время как Цыси и ее окружение были поглощены делами, связанными с назначением нового наследника, император-узник Гуансюй в маленьком дворце Иньтай прозябал в одиночестве. Рано утром 14 ноября 1908 г. дворцовый слуга, как обычно, отправился с пирожными для императора и был поражен увиденным: у дворца Иньтай лежал евнух Ван Ань без признаков жизни — он покончил с собой. Слуга несколько раз постучался в дверь, но ответа не последовало. Об этом тотчас же сообщили жене императора Гуансюя — Лун Юй. Возбужденная полученным известием, она осмелилась без разрешения войти в покои Цыси, разбудить ее и, став на колени, произнести: «Позвольте мне посетить моего мужа во дворце Иньтай и оказать ему внимание». Цыси спросонок пробормотала что-то вроде: «Я не запрещаю тебе посетить его, и возьми с собой кого хочешь».

Лун Юй в сопровождении приближенных поспешила во дворец Иньтай. Открыв двери императорских комнат, она обнаружила в них ужасное запустение.

Бумага на окнах, заменявшая стекло, была порвана, и ее пожелтевшие

от времени ключья издавали шелест при слабом порыве ветра. Углы потолка были опутаны паутиной. Пронизывающий сквозняк продувал мрачное и запущенное помещение. Лун Юй отодвинула занавеску, закрывавшую императорское ложе, и увидела там мертвого Гуансюя, скончавшегося несколько часов тому назад. Это случилось 14 ноября 1908 г.

По поводу кончины Гуансюя распространялись всевозможные версии. Невозможно подтвердить абсолютную истинность ни одной из них, поэтому приведем некоторые версии, зафиксированные в исторической и мемуарной литературе.

Последний маньчжурский император Пу И в своей книге «Первая половина моей жизни» высказал такое предположение:

«Я сам слышал от старого евнуха Ли Чананя о загадочной смерти императора Гуансюя. По его словам, Гуансюй за день до смерти был совершенно здоров. Его здоровье ухудшилось после того, как он принял лекарство. Лишь потом стало известно, что это лекарство прислал Юань Шикай. Обычно, когда император заболел, лекарство, которое ежедневно выписывал главный доктор, должно было делиться для приема между сановниками Департамента двора, и если болезнь считалась серьезной, то и между членами Верховного императорского совета. Родственник одного из сановников Департамента двора рассказывал впоследствии, что перед смертью у Гуансюя была обычная простуда. Он просмотрел рецептуру лекарств, прописанных Гуансюю, и диагноз, поставленный врачами, в котором указывалось, что пульс у императора был нормальным. К тому же кто-то видел накануне Гуансюя вполне здоровым, стоявшим в комнате и с кем-то разговаривающим. Поэтому все были крайне удивлены, услышав о тяжелой болезни императора Гуансюя. Еще более странным было то, что не прошло и двух часов с момента сообщения о его болезни, как распространился слух о кончине императора. Так или иначе, смерть Гуансюя произошла при весьма странных обстоятельствах. Если верить словам старого евнуха Ли Чананя, у Юань Шикая и князя Цина были тайные планы

(устранение императора Гуансюя и назначение наследником престола сына князя Цина), и причем весьма тонко разработанные. По некоторым источникам, Юань Шикай подкупил доктора, дав ему 33 тысячи долларов, и тот прибегнул к яду».

Пу И в своих воспоминаниях пишет и другое: «Когда вдовствующая императрица Цыси поняла, что уже больше не встанет с постели, она не захотела умереть раньше Гуансюя и поэтому отравила его. Это тоже вполне вероятно».

Вторая версия. Утром 14 ноября 1908 г. главный евнух Ли Ляньин в сопровождении двух преданных людей явился во дворец Иньтай, где находился в заточении Гуансюй. Он положил перед императором орудия самоубийства: пилюли опиума, тонкий золотой лист (который кладется на губы и при дыхании плотно закрывает дыхательное горло, вследствие чего наступает удушье) и тонкий шелковый шнур. После этого он ушел, заявив, что вернется к часу дня, и если ни один из этих предметов не будет употреблен, то евнухи получают приказ задушить его.

Когда главный евнух вернулся, пилюль на столе не оказалось и Гуансюй лежал со слабыми признаками жизни. Скоро все было кончено.

Третья версия. В 3 часа пополудни 14 ноября 1908 г. вдовствующая императрица Цыси навестила серьезно больного императора Гуансюя во дворце Иньтай. Он находился без сознания и не узнал ее. Позже, когда Гуансюй пришел в сознание, слуги пытались уговорить его надеть церемониальное «одеяние долголетия», как это предписывалось делать правителям Срединного государства перед смертью. Согласно общепринятому обычаю, если возможно, больной должен надеть такое одеяние в самый последний момент расставания с жизнью. Считалось признаком несчастья, если «одеяние долголетия» надевали на человека после его смерти. Однако Гуансюй в знак протеста против грубого обращения с ним уклонился от совершения этого ритуала. В 5 часов вечера он умер в присутствии вдовствующей императрицы Цыси, его первой жены, его

второстепенных жен и нескольких евнухов.

Какие можно сделать предположения из приведенных версий?

Первое предположение. Смерть была насильственной, и виновницей ее была Цыси. Она не могла простить Гуансюю его участия в реформаторском движении, поэтому, чувствуя приближение смерти, не хотела, чтобы власть перешла в руки молодого императора.

Второе предположение. Смерть была насильственной, и виновником ее были сторонники Юань Шикая. Если бы Цыси умерла раньше Гуансюя, то он мог бы отомстить своим противникам — Юань Шикаю и другим за предательство и грубое с ним обращение: насильственная смерть Гуансюя освобождала их от наказания и возмездия.

Третье предположение. Гуансюй крайне ослабел телом, и его жизнь угасала. Смерть не была насильственной, но суровые условия жизни ускорили его кончину, и это было в интересах Цыси и ее приближенных, консервативных элементов.

15 ноября 1908 г. «Китайский благовестник» по случаю смерти Гуансюя опубликовал траурное извещение, в котором было сказано:

«Отличаясь слабой тщедушной комплекцией, государь с весны этого года почти беспрестанно хворал. Особенно тяжело было ему переносить летнюю жару и припадки малярии. К больному были вызваны восемь лучших врачей со всего Китая. Установив симптомы болезни, они предложили императору лекарства, которые не имели решительного действия, и державный страдалец продолжал испытывать страдания: тяжелое дыхание, кашель, отеки ног, ознобы, жар, бессонницу, отсутствие аппетита. Пониженная деятельность нервной системы послужила почвой для атрофии сердца».

Весть о кончине императора Гуансюя быстро распространилась по всему Запретному городу и многими была встречена с искренней печалью. Евнухи и солдаты становились на колени и горько оплакивали покойного повелителя. В глубоком трауре находились члены императорской фамилии.

Даже главный евнух Ли Ляньин — самый преданный слуга вдовствующей императрицы — ходил с покрасневшими и заплаканными глазами.

Эту траурную картину Цыси поняла по-своему: только она питала враждебные чувства к Гуансюю, а большинство проявляли к нему симпатии. По некоторым источникам, Цыси долго плакала и все время повторяла: «Я сделала много ошибок. Я сделала много ошибок».

Врачи, лечившие Гуансюя, подверглись наказанию: они лишились официальной должности и им объявили порицания. Наместники провинций, рекомендовавшие таких врачей, были понижены в должности.

После смерти Гуансюя в его память были устроены большие траурные церемонии. Вдова императора и его наложницы отрезали несколько волос на голове, завернули их в специальную бумагу и вложили в правую руку покойного. Наследник трона Пу И также отрезал кончик своей косички, завернул в бумагу и вложил его в левую руку покойного императора. Гроб с телом Гуансюя был выставлен во дворце Небесной чистоты.

На второй день после смерти Гуансюя князь-регент Чунь от имени малолетнего императора Пу И направил посланникам держав указ. В нем говорилось:

«Я имею честь сообщить Вашему превосходительству, что 14 ноября 1908 г. покойный император вознесся на драконе и стал гостем неба. Мы получили указания Цыси, великой вдовствующей императрицы, взойти на трон в качестве императора. Мы обращаемся с прискорбием к земле и небу. Мы протягиваем наши руки и оплакиваем нашу невозвратимую утрату. Падая ниц, мы уповаем на то, что покойный император занимал трон в течение 34 лет, почтительно придерживался обычаев его предков, получал милостивые указания вдовствующей императрицы; не пропуская ни одного дня, отдавая все свои силы, чтобы выразить почтительность небу; соблюдая законы его императорских предков, посвящал себя с большим усердием делу управления государством и делу любви к народу; распространял добродетель в служебных делах, изменяя законы на земле в интересах могущества

государства, внедрял новые методы управления государством, которые вызывали восхищение как китайцев, так и иностранцев. Все, у кого в жилах течет кровь и сохранилось дыхание, не могут не оплакивать покойного и не быть взволнованными в высшей степени. Мы плачем кровавыми слезами и бьем себя по груди. Как мы можем еще выразить наши чувства!

Мы предаемся мыслям о нашей тяжелой ответственности и нашей слабости. Мы должны полагаться на большие и малые гражданские и военные чины Пекина и провинций, которые обязаны проявить дух бескорыстия и патриотизма, содействовать управлению государством. Наместники и губернаторы должны умиротворять народ, тщательно упорядочивать методы управления, дабы умиловить дух покойного императора на небе. Это наше страстное желание».

Утром следующего дня после кончины Гуансюя вдовствующая императрица выглядела здоровой и даже несколько посвежевшей. Она созвала Верховный императорский совет, на котором выразила соболезнование Лун Юй — вдове покойного императора, говорила с князем-регентом Чунем и его женой. От имени нового императора Пу И был объявлен указ, даровавший Лун Юй титул «новой вдовствующей императрицы» и право принимать участие в выработке важных государственных решений.

Цыси также готовилась покинуть земной мир. Она всю жизнь помнила как дурное предзнаменование поступок цензора У Кэду: он покончил жизнь самоубийством, как уже говорилось, на могиле императора Тунчжи, выражая несогласие с ее желанием сделать своего племянника Гуансюя наследником трона. В 1888 г. от удара молнии загорелся алтарь Храма неба, а затем от молнии сгорели главные ворота Запретного города. В последние годы ее царствования на Китай обрушилось много бед: война с Францией и Японией, движение за реформы под руководством Кан Ювэя, поддержанное императором Гуансюем, агрессия союзных армий восьми держав, унижительный Заключительный протокол 1901 г.

Все эти события рассматривались вдовствующей императрицей как гнев неба, выразившего неодобрение ее поступками.

Стараясь вымолить прощение у неба, Цыси в одном из последних указов писала: «Я, ничтожная личность, получив благословение императора Сяньфэна, заняла возвышенное положение во дворце в качестве его второй жены». И далее: «Вспоминая прошедшие 50 лет, в течение которых неустанно боролась во имя благоденствия нашей страны, отмечаю, каких малых результатов я достигла».

Цыси, как уже говорилось, любила сравнивать себя с богиней милосердия Гуаньинь. Приезд в Пекин Далай-ламы — живого воплощения будды в 1908 г. означал дурное предзнаменование. Два божества — богиня милосердия Гуаньинь и «живой будда» Далай-лама не могли одновременно находиться в одном месте: в таком случае один из них должен покинуть землю, и Цыси пришлось удалиться в мир иной.

О ее последних днях один из свидетелей писал в своем дневнике: «Императрица Цыси страшно сердилась на себя и испытывала сильное страдание. Теперь она мучилась сознанием своей вины: была повинна в смерти императрицы-сорегентши (Цыань), двух императоров (Тунчжи и Гуансюя), одной императрицы (Алутэ), одной императорской наложницы (Чжэнь Фэй), двух других молодых девушек, ставших наложницами. Размышляя о содеянном, она страшилась тяжелого возмездия за все ее преступления. 73-летняя старая женщина настолько была возбуждена, что не раз теряла сознание».

В последние годы жизни вдовствующая императрица пристрастилась к опиуму. Она обычно курила его три раза в день: рано утром, после обеда и вечером перед сном. Особенно много опиума она принимала во время болезни, стараясь забыться от тяжелого недуга. Чувствуя, как силы постепенно покидали ее, Цыси 15 ноября 1908 г. написала прощальный указ на имя малолетнего императора Пу И и его регента князя Чуня, в котором есть такие слова:

«Оглядываясь назад и вспоминая прошедшие 50 лет, я осознаю, какие бедствия нам пришлось пережить внутри страны и от нашествия извне в жестокое время нашего престолонаследия. Моя жизнь никогда не протекала спокойно от забот. Но сегодня сделан определенный прогресс в сторону проведения необходимых реформ. Новый император является всего лишь младенцем. Он находится в таком возрасте, когда мудрое воспитание его имеет чрезвычайно важное значение.

Князь-регент и все наши чиновники должны впредь направить свою совместную бескорыстную деятельность на укрепление основ нашей империи. Его величество должен посвятить себя изучению того, что в интересах государства, и воздерживаться от того, что пойдет ему во вред. Он может направить все свои усилия на учебу и в будущем прославить славные дела предков — я искренне молюсь ныне за это.

Соблюдайте траур обо мне только 27 дней. Сделайте так, чтобы содержание этого указа стало известно повсеместно».

Она написала также следующее послание на имя князя-регента Чуня:

«В данный момент я безнадежно больна и чувствую, что не смогу поправиться. Впредь решение всех государственных дел поручается князю-регенту. Если возникнут серьезные вопросы, то князь-регент должен лично испрашивать советы у новой вдовствующей императрицы Лун Юй». Отправив это послание, Цыси вскоре лишилась сил и в 3 часа пополудни 15 ноября 1908 г. скончалась.

Цыси отчаянно боролась с неотвратимым недугом, однако ни ее воля, ни врачи, ни заклинания буддийских и даосских монахов не смогли предотвратить трагической развязки. И вот как описали эту развязку ее современники.

Когда родственники и близкие вдовствующей императрицы собрались в комнате, где она готовилась отправиться в «мир теней», ее уже одели в «одеяние долголетия» и короткий жакет с золотыми вышивками.

Соблюдая древние обычаи, родственники попросили ее сказать

последнее напутственное слово. Напрягая слабеющие силы, умирающая тихо произнесла:

— Никогда не допускайте женщину к верховной власти в государстве. Никогда не позволяйте евнухам вмешиваться в управление государственными делами.

Затем Цыси вытянулась и повернула лицо в южную сторону, как это положено правителю, ждущему наступления смерти. Напряженно ловя воздух, все еще не желая расставаться с жизнью, которую страстно любила, Цыси постепенно теряла силы. Наконец прекратилось дыхание, но ее рот оставался открытым.

14 ноября 1908 г. на 37-м году жизни не стало императора Гуансюя, а спустя день, 15 ноября 1908 г., на 73-м году жизни удалилась в мир иной вдовствующая императрица Цыси.

Неожиданная смерть императора Гуансюя, назначение малолетнего Пу И наследником трона и кончина Цыси — все эти драматические события в жизни царствующего дома маньчжурской династии произошли менее чем за 30 часов.

«По мнению китайцев, — писал в 1910 г. журнал «Вестник Азии», — императрицу сломил новый дух: она не выдержала натиска новых условий и вместе с собой увлекла того, кто явился виновником ее несчастья на склоне лет, — императора Гуансюя. Смерть императрицы была встречена страной с нескрываемым удовольствием. Считали, что вместе с ней умерли все попытки ее сподвижников вернуть страну на путь старого порядка, вернее — беспорядка».

Для главного евнуха Ли Ляньина смерть Цыси была страшным ударом: он выглядел жалким и беспомощным. Говорили, что, следуя за ее гробом во время похорон, главный евнух непрерывно плакал.

Было ли это чувство искренней скорби по поводу смерти его повелительницы или чувство страха за неясное будущее, никто не мог определенно сказать.

Случилось так, что, оставшись без опоры, этот в прошлом самый влиятельный и грозный человек во дворе лишился почти всего своего имущества: оно было захвачено дворцовыми чиновниками. Только небольшая часть его была оставлена для семьи Ли Ляньина, и то благодаря вмешательству членов императорской фамилии.

Трудно оценить накопленные им несметные богатства. Только под его кроватью обнаружили слитки золота на сумму около 3 миллионов долларов.

Памятуя предательство Юань Шикая по отношению к несчастному императору Гуансюю, князь-регент Чунь отстранил его от всех постов под видом болезни ног и выслал из Пекина: ему предлагалось отправиться для лечения на родину. Юань Шикай поселился в своем поместье в провинции Хэнань, где и ждал счастливой звезды. Его удаление считалось началом энергичной чистки чиновничьего аппарата, освежением затхлой и гнилой атмосферы, царившей вокруг трона.

Регентство великого князя Чуня носило чисто формальный характер: фактически власть в стране перешла в руки его старшего брата князя Цина (И Куана).

В день смерти Цыси от имени двухлетнего императора Пу И был опубликован указ:

«Мы пользовались в нашем детстве любовью и вниманием Цыси, великой вдовствующей императрицы. Наша благодарность безгранична. Нам повелели унаследовать трон. Мы глубоко были уверены, что благородная вдовствующая императрица с ее энергией доживет до 100 лет, поэтому мы хотели лелеять надежду и быть рады почтительно получать ее указания до того времени, когда наше правительство утвердится и государство станет сильным. Однако похоронный звон днем и ночью постепенно ослабил ее. Ей постоянно давали лекарство в надежде на ее выздоровление. Вопреки ожиданию она на драконе взлетела на небо. Мы неистово сетовали и плакали. Мы узнали из ее последнего завещания, что время траура ограничено до 27 дней. Мы не можем быть удовлетворены этим. Полный траур должен

продолжаться в течение 100 дней, а половинный траур — в течение 27 месяцев с тем, чтобы наша горечь могла быть полнее выражена. Чтобы сдержать и рассеять наше горе, на первое место следует поставить дела государства. Мы не осмелимся вместе с тем пренебрегать повелением Цыси. Мы будем стараться сдерживать наше горе и ублажать дух покойной императрицы на небе».

19 ноября 1908 г. в траурном одеянии малолетнего императора Пу И в сопровождении 16 сановников во главе с князем-регентом Чунем в пышном паланкине доставили в павильон покойной императрицы, где они поклонились гробу Цыси, а затем гробу покойного императора Гуансюя. После этого Пу И переодели: сняли траурное одеяние и надели парадный костюм. Его усадили в Тронном зале на престол лицом к югу. Один из сановников зачитал манифест о новом воцарении. Прочитанный манифест вложили в рот сделанной из золотой бумаги мифической птицы феникс, которая была эмблемой императрицы. Это означало, что высочайший манифест объявляется от имени императрицы. Его слушали стоя на коленях. А император-мальчик в это время тоскливо озирался по сторонам, неутешно плакал и все повторял: «Мама, где мама...»

Свое восхождение на трон новый император Пу И, со слов родственников, описывает так:

«На третий день после моего появления во дворце Цыси скончалась. Прошло две недели, и девятого дня одиннадцатого месяца по лунному календарю была проведена «великая церемония восхождения на престол», которую я испортил своим ревом.

Церемония проводилась во Дворце высшей гармонии. Вначале полагалось принять поздравления от офицеров дворцовой охраны, а затем уже принимать поздравления от гражданских и военных чиновников и знати. Короче, когда меня принесли во Дворец высшей гармонии и посадили на громадный высокий трон, терпение мое лопнуло. Отец, стоя на одном колене возле трона, держал меня обеими руками, чтобы я не дергался, а я

сопротивлялся и кричал сквозь слезы: «Не хочу здесь! Хочу домой!» От волнения у отца даже пот на лице выступил. Пока чиновники продолжали отбивать земные поклоны, мой плач усиливался. Отец пытался успокоить меня: «Не плачь, не плачь! Скоро все кончится!»

После церемонии присутствовавшие на торжестве вели в кулуарах такие разговоры: «Как можно было говорить «скоро все кончится?» А что означало «хочу домой?» От этих пересудов веяло пессимизмом, словно было обнаружено дурное предзнаменование».

* * *

Последние 20 лет своей жизни Цыси уделяла большое внимание сооружению мавзолея в Восточных горах, часто навещала это место, давала различные указания по поводу его строительства, не считаясь с расходами. В 1897 г., когда мавзолей был почти готов, она повелела его переделать, так как столбы из тикового дерева оказались недостаточно массивными и внушительными.

Ее мавзолей стоил колоссальных денег — 2,3 миллиона лянов серебра, значительно дороже мавзолея любого предшествующего маньчжурского правителя Китая. Могильный курган по форме напоминал курганы императоров-предков, однако был значительно больше по размеру и богаче по отделке.

Предметом особой заботы Цыси был гроб, который состоял из двух частей: самого гроба и его футляра. Внутреннюю часть гроба сделали из сухих толстых кедровых брусков, пропитанных ароматической жидкостью; его окрасили бледно-желтым лаком и задрапировали ярко-желтым атласом, расшитым изображениями дракона и феникса. На дне гроба разместили всевозможные предметы: нефритовые камни различных цветов, бронзовые сосуды, золотую и серебряную утварь, дорогой фарфор, редкой породы жемчуг.

Пустые места под сокровищами заполнили древесным углем, благовонными предметами: камфарой, мускусом, сандаловым деревом. Это

должно было предохранить тело от гниения и сохранить приятный запах.

Чтобы покойнице было «мягче» лежать, в гроб постелили три матраца: из бархата — подбитый атласом; из желтого атласа — расшитый драконами и облаками; из шелковичных коконов — расшитый девятью драконами.

Исхудалое тело покойной опустили в гроб, у ее изголовья положили нефритовый цветок лотоса, а у ног — нефритовые листья лотоса. Возле ее рук поставили 18 маленьких изображений будд, сделанных из жемчугов. Над ее бровями растянули четки из жемчугов, а все ее тело девять раз обвили длинной лентой с крупными жемчугами. Вокруг нее расставили 108 золотых и нефритовых будд, а у ног — нефритовые дыни, персики, яблоки, груши, абрикосы, финики и нефритовый кубок, из которого спускались драгоценные листья и цветы. По обеим сторонам тела покойной уложили ценное дерево с коралловыми листьями.

На покойную надели желтый атласный халат, отделанный жемчугом и украшенный драконами и буддийскими символами долголетия. Жакет и туфли также были отделаны жемчугом.

Разноцветный шелк разместили между телом покойной и стенками гроба. Сверху положили несколько шелковых одеял, на которых золотыми нитками вышили буддийские изречения.

Покойная стала обладательницей «семи удивительных предметов»: двух длинных связок янтарных бус; одного ожерелья из 180 больших жемчужин и из такого же количества разноцветных драгоценных камней; «наколки-феникса» из 128 жемчужин; двух ослепительно-белых нефритовых браслетов в форме драконов; жемчужных бус из 18 жемчужин особой формы и необыкновенного цвета; выполненных из жемчуга изображений солнца и луны. Эти «семь удивительных предметов» были самыми ценными из всех сокровищ, которые хранились в гробах императорских предков.

Внешнюю часть гроба покрыли лаком и украсили гравюрами с изображением знака долголетия и пионов. Обитый тремя слоями золотых пластин футляр гроба имел внушительные размеры: свыше 16 метров в

длину, более 1,5 метра в ширину и около 2 метров в высоту. Его разукрасили гравюрами и задрапировали атласом с изображением золотых драконов.

Родственники и близкие в знак почтительности к Цыси пожертвовали большое количество ценных предметов, которые были захоронены вместе с ней.

Во Дворце безоблачного неба находился гроб с телом императора Гуансюя, а в просторном Тронном зале, задрапированном во все белое, — гроб Цыси. 20 девушек-служанок и 30 чиновников низшего ранга дежурили у изголовья покойной повелительницы Китая. Все они были одеты в грубые белые халаты с белыми ремнями, белые войлочные туфли. В обязанность девушек-служанок входило возложение жертвоприношений, которые состояли из маньчжурских и китайских блюд, вина, чая и любимых фруктов покойной.

Князья императорской крови поднимали кубки с вином, затем возливали его в специальную чашу, становились на колени и совершали девять земных поклонов. Чиновники из провинций оставались в это время стоять на коленях, снимали головной убор, как бы прося прощения за то, что отсутствовали в столице, когда дух Цыси покинул ее тело. После этого они выливали чашу с вином на лестницу террасы. Это называлось «вскармливать землю», которая якобы породила и правителя и жертвоприношения, и они теперь возвращались снова в землю.

При совершении церемоний попеременно присутствовали три высших буддийских и три даосских священнослужителя, а также 108 буддийских и 108 даосских монахов. Они были одеты в ярко-красные и ярко-желтые одеяния. За стеной Девяти драконов прибывшие из главных храмов Пекина музыканты исполняли траурные мелодии, били в ударные инструменты, играли на длинных тибетских трубах.

В опубликованном указе о траурных церемониях в связи с кончиной императора Гуансюя и вдовствующей императрицы Цыси говорилось:

«Проведение церемоний похорон усопшего императора и усопшей

вдовствующей императрицы возлагается на Приказ церемоний.

Члены императорской семьи будут носить траурные одеяния.

Двухлетний император будет носить траурный халат и ходить с непричесанными волосами.

Женщины, живущие в императорском дворе, и женщины императорской крови будут носить траурные платья и иметь распущенные волосы.

В императорской опочивальне будет вывешен красный флаг и установлен шатер из ткани с вышитым драконом.

Все чиновники должны срезать красные ленты с головных уборов. В течение 27 месяцев никто из членов императорской семьи не имеет права вступать в брак. Чиновники не должны вступать в брак в течение 12 месяцев. Не должно быть никаких банкетов и музыкальных представлений. Члены семей не должны носить украшений.

Все чиновники, конфуцианские ученые и монахи должны собраться в столичном храме Шуньяньфу и в течение трех дней предаться оплакиванию.

Все простолюдины столицы должны исполнить следующее наставление: срезать все красные пуговицы с одежды, 100 дней не устраивать свадеб; не приглашать гостей, не играть на музыкальных инструментах и не брить головы; женщины 27 дней не должны носить украшений.

В течение 27 дней в храмах не разрешается молиться предкам. В каждом храме следует 1000 раз ударить в колокола с тем, чтобы вызвать похоронный звон».

Жены и наложницы не имели права в это время беременеть. Дети, зачатые в дни траура, объявлялись незаконнорожденными.

На территории императорского дворца из бумаги и папье-маше была сделана огромная декоративная лодка. Ее остов и опорные части состояли из дерева и гаоляновых стеблей. Носовую часть лодки украшала массивная золотая голова дракона, а корму — огромный демон с искаженным от ярости ликом. На ее бортах нарисовали волны, на которых плавали цветы лотоса. На

палубе разместили бумажные фигурки моряков, гражданских и военных чиновников, будд, девушек-служанок, поваров, а также императорский трон.

Главным местом на лодке считалась почетная арка, ведущая к строению, напоминавшему фрагменты Летнего дворца. Бумажный дворец был сделан очень искусно, со всеми деталями, включая мебель и все убранство. На мачте лодки развевались флаги императора Гуансюя и вдовствующей императрицы Цыси.

В течение пяти дней эта декоративная лодка стояла для всеобщего обозрения, а затем была предана сожжению.

По обычаям предков, более почетное лицо хоронилось после менее почетного, поэтому император Гуансюй был похоронен 18 апреля 1909 г., а вдовствующая императрица Цыси — 9 ноября 1909 г.

Вначале гроб с телом покойного императора поставили во Дворце безоблачного неба. Князь-регент Чунь, наследник трона Пу И, члены императорской семьи, вдова покойного Лун Юй и высшие сановники совершили прощальный ритуал перед гробом Гуансюя.

18 апреля 1909 г. рано утром гроб с телом Гуансюя поставили на катафалк, задрапированный желтым шелком, и 32 носильщика вынесли его за ворота императорского дворца. Его сопровождал князь-регент Чунь с малолетним императором на руках.

Впервые в китайской истории иностранцам официально разрешили присутствовать при церемонии погребения императора Китая: были приглашены дипломатический корпус и все иностранцы с семьями, проживавшие в Пекине.

Траурное шествие началось примерно в 12 часов дня. Впереди погонщики вели верблюдов и лошадей, навьюченных юртами и мешками со старинной домашней утварью. Эти животные предназначались для жертвоприношений на могиле императора. За ними несли венки под балдахинами, задрапированными желтой материей. За венками следовал отряд монгольских солдат, а за ними — носильщики несли всевозможные

атрибуты похоронной процессии: знамена, зонты, булавы, алебарды, красные, синие, желтые, белые и лиловые знаки из шелковой материи, расшитые драконами, фениксами и цветами.

За носильщиками шли музыканты, а за ними — отряд маньчжурских конников, вооруженных луками и стрелами.

Процессию замыкали послы со свитой, князь-регент Чунь, принцы крови, высшие сановники. За ними на желтых громадных носилках под балдахином, шитым золотыми изображениями пятиглавых драконов, 120 носильщиков в красных халатах несли тело покойного императора Гуансюя. За его гробом шла рота маньчжурских войск.

Во время шествия похоронной процессии разбрасывали «жертвенные деньги», сделанные из бумаги, а бумажные изображения людей, лошадей, верблюдов, зверей, цветов и т. п. были сожжены на могиле покойного.

У ворот Фучэньмэнь вдова императора Лун Юй и ее окружение, встретив гроб на колених, совершили обряд оплакивания. Траурная процессия, сопровождаемая небольшим количеством чиновников и евнухов, направилась к Западным курганам (Силин). Вместе с похоронной процессией сюда была доставлена утварь, которой пользовался покойный в последние дни его жизни. Она ничего не имела общего с императорской и ничем не отличалась от утвари простолюдинов.

Могильный курган для Гуансюя не был готов, поэтому его останки оставили в близлежащем храме, где они находились до захоронения.

Император Гуансюй умер 14 ноября 1908 г., а его погребение состоялось 18 апреля 1909 г. Вдовствующая императрица Цыси скончалась 15 ноября 1908 г., а ее погребение состоялось 9 ноября 1909 г. Столь продолжительный срок между смертью и погребением объяснялся тем, что требовалось время для выбора подходящего дня для захоронения. Этим делом занимались предсказатели.

Траурный ритуал в честь духа Цыси не прерывался ни на один день вплоть до ее захоронения. Один раз в течение 27 дней — в период лунного

месяца — перед гробом раскладывали для пользования покойной в потустороннем мире шелковые и парчовые халаты, золотые и драгоценные вещи. Затем эти предметы клали в жаровню, уносили во двор и предавали огню.

Каждый день в течение года четырьмя князьями императорской крови вменялось в обязанность совершать траурный ритуал перед закрытым гробом: громко плакать и приносить жертвоприношения. Первый князь совершал этот ритуал утром, второй — в полдень, третий — вечером, четвертый — замещал любого в случае болезни.

9 ноября 1909 г. состоялась церемония перенесения покойной Цыси в мавзолей. В 5 часов утра гроб с телом покойной, покрытый желтым шелковым покрывалом, расшитым драконами, на огромном катафалке вынесли из дворца и понесли по направлению Восточных гор, расположенных в 70 километрах северо-западнее Пекина.

Дорога, по которой двигалась похоронная процессия, была посыпана желтым песком на всем ее протяжении. По ее обочинам стояли солдаты и полицейские.

Гроб несли 84 человека — самое большое количество носильщиков, которые смогли пронести эту громоздкую ношу через городские ворота. Но как только похоронная процессия оказалась за пределами городской стены, количество носильщиков было увеличено до 120. Нести такую тяжелую ношу на большое расстояние носильщикам без смены было не под силу: их общее количество превышало 7 тысяч.

Впереди шли великий князь-регент Чунь, его охрана, члены Верховного императорского совета, сопровождаемые штатом чиновников, за" ними — члены дипломатического корпуса. Позади гроба двигалась по-европейски вооруженная кавалерия, а за ней — большое количество верблюдов с погонщиками. Верблюды были навьючены разобранными юртами — они могли быть использованы для отдыха ночью во время четырехдневного шествия к месту захоронения.

Затем несли нарядно разукрашенные зонты, подаренные вдовствующей императрице при ее возвращении в Пекин из города Сианя в 1901 г. (зонты были сожжены во время ее погребения). Далее шествовали главный евнух Ли Ляньин, высшее духовенство ламаистской церкви и служители императорского двора. Они несли маньчжурские жертвенные сосуды, буддийские музыкальные инструменты и ярко расшитые знамена.

Кортеж сопровождали три украшенные колесницы, запряженные лошадьми с нарядными попонами. Колесницы были покрыты балдахином из желтого шелка, разрисованным драконами и фениксами. Несли также два паланкина по форме точно такие же, какие использовала Цыси при ее переездах (они были сожжены возле могильного кургана).

Князь-регент Чунь сопровождал похоронную процессию на небольшом расстоянии за городскими стенами. Затем он вернулся во дворец, а процессия продолжала свой путь.

В 70 километрах от Пекина, в тихом месте, окруженном девственным сосновым лесом, возвышаются Восточные горы. Здесь находился заранее сооруженный для Цыси мавзолей, который примыкал к могиле ее покойного мужа императора Сяньфэна, а в западной части — могила сорегентши Цыань, когда-то делившей с ней власть.

Гроб Цыси поставили на богато украшенное драгоценностями ложе с выгравированными фигурками девушек и евнухов, готовых вечно прислуживать своей повелительнице. Рядом стояли жертвенные сосуды из бронзы и фарфора, покрытые вышитыми свитками. У ее гроба разместили большое количество бумажных жертвоприношений: лодочку, «жертвенные деньги», фигурки чиновников, фрейлин, стражи, служанок, евнухов, трон, дворцовую обстановку и т. п. Эта бутафория под звуки молитв была сожжена со строгим соблюдением установленных обрядов.

Новая вдовствующая императрица Лун Юй — вдова умершего императора Гуансюя и дворцовые дамы выполнили последние церемонии внутри мавзолея Цыси, в то время как мужская часть императорской семьи

совершила траурные поклоны снаружи. После исполнения траурных церемоний огромная каменная глыба, напоминавшая дверь, была спущена сверху вниз, и Цыси навсегда оказалась изолированной от живых.

«Зрелище в целом было чрезвычайно впечатляющим, — писала английская газета «Таймс» 27 ноября 1909 г. — Со времени похорон императрицы У (700 г. н. э.), когда, как повествуют исторические записи, были заживо замурованы возле ее мавзолея сотни слуг, ни одна императрица Китая, говорили китайцы, не была похоронена с такой пышностью и помпезностью».

После захоронения Цыси ее дух «воплотился» в табличку предков, представлявшую собой покрытую лаком простую деревянную дощечку с выгравированными маньчжурскими и китайскими знаками, обозначающими имя усопшей и время ее правления. Такую табличку со всеми почестями надлежало доставить в Храм предков, расположенный в Императорском городе.

Табличку уложили на роскошную колесницу, покрытую балдахином из императорского желтого шелка. Сопровождаемая большим эскортом кавалерии, траурная процессия медленно и торжественно совершила трехдневное «путешествие» от Восточных гор до Пекина. Каждую ночь делали остановки для отдыха, и табличку на это время уносили в специально построенный павильон. Руководитель церемонии, став на колени, почтительно «просил» табличку «покинуть» колесницу и «отдохнуть» в павильоне.

Дорога, по которой «шествовала» табличка духа Цыси, была приведена в образцовый порядок, и никто из простолюдинов не смел ступить на нее ногой.

Когда процессия со священной табличкой приблизилась к воротам столицы, князь-регент и высшие сановники почтительно приветствовали ее, встав на колени; все движение было прекращено и на улицах воцарилась тишина; прохожие становились на колени, чтобы выразить почтительность

покойной повелительнице.

Медленно и торжественно колесница проехала главные ворота Запретного города и направилась в Храм предков императоров маньчжурской династии — самое священное место в империи. Здесь табличку духа вдовствующей императрицы «пригласили» занять соответствующее место среди усопших девяти императоров и их 35 жен.

Но прежде чем поместить табличку духа Цыси, обычай требовал временно «удалить» из храма духов ее сына Тунчжи и ее невестки: считалось непочтительным совершать церемонию по случаю водворения духа родителя в присутствии табличек сына и невестки.

Высшие сановники от имени великого князя-регента Чуня и малолетнего императора Пу И совершили земные поклоны. Было сделано девять челобитий перед каждой табличкой предков — всего около 400 земных поклонов. После этого таблички духов Тунчжи и его жены «попросили» занять прежние места, а табличка духа Цыси была поставлена рядом с табличкой ее сорегентши Цыань.

Упомянутая английская газета «Таймс» об этой церемонии писала: «Перенесение таблички духа Ее величества от могильного кургана в Восточных горах к месту постоянного нахождения — в Храм предков, в Запретный город, представляло собой в высшей степени впечатляющую церемонию и свидетельствовало о том, что культ предков занимает чрезвычайно важное место».

Могильный курган Цыси напоминал собой настоящую крепость: стены и потолок были настолько массивными и толстыми, что, казалось, представляли непреодолимое препятствие. Однако строители гробницы не учли одну важную деталь: они никак не могли предположить, что внутри могильного кургана можно проникнуть снизу, т. е. со стороны пола, который не был достаточно мощным и толстым. Этим просчетом воспользовались грабители: спустя почти 20 лет после захоронения Цыси, в июле 1928 г., они проделали снизу гробницы проход, без особого труда взломали пол и

оказались у ее гроба. Похищенные посмертные сокровища оценивались в огромную сумму — более 750 миллионов долларов!

Об ограблении императорских гробниц в книге Пу И «Первая половина моей жизни» говорилось следующее: «В долине Малань уезда Цзуньхуа провинции Хэбэй находятся Дунлинские гробницы — усыпальницы императора Цяньлуна и вдовствующей императрицы Цыси. Командир дивизии, а затем — корпуса 41-й армии у Чан Кайши, бывший аферист и торговец опиумом Сунь Дяньин под видом проведения военных маневров направил свои войска в долину Малань, где по заранее намеченному плану с помощью своих солдат в течение трех дней и ночей совершил ограбление гробниц».

С покойницы были сняты дорогие украшения и одеяния, и она осталась лежать возле опустошенного смертного ложа, став беззащитной жертвой голодных собак. Когда об этом узнали преданные Цыси евнухи, они, рискуя жизнью, проникли в могильный склеп и осторожно уложили ее останки в опустошенный гроб. Купавшаяся в необыкновенной роскоши и бесценных сокровищах и мечтавшая прожить так же в потустороннем мире, Цыси лишилась всего: она осталась в простом грубом халате и без всяких украшений.

Какая ирония судьбы!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы познакомили читателя с некоторыми сторонами личной и общественной жизни маньчжурских правителей Китая, оговорившись в начале книги о том, что в их жизнеописании факты изложены в разных версиях. Но с какой бы неточностью ни дошли до нас сведения о маньчжурских правителях, они считали китайский народ своими рабами, а Китай — завоеванной страной.

В начале XX в. маньчжуров насчитывалось около 5 миллионов, а китайцев — 400 миллионов. И тем не менее эта многомиллионная масса вынуждена была длительное время находиться под железной пятой сравнительно немногочисленных пришельцев. Кровавое господство завоевателей оставило в сердцах китайцев жгучую к ним ненависть. Веками копившаяся ненависть стала горючим материалом, готовым воспламениться в любую минуту.

«Маньчжурское завоевание Китая, — писал академик С. Л. Тихвинский, — тяжким бременем легло на плечи китайского народа, отбросило экономику Китая назад, привело к укреплению самых отсталых форм феодального землевладения, возрождению крепостничества, натуральных форм ведения хозяйства, затормозило процесс общественного разделения труда и развитие денежно-товарных отношений в сельском хозяйстве Китая».

Появившаяся на политической арене в конце XIX в. китайская буржуазия была крайне неоднородна. Ее наиболее политически зрелой и активной силой стала эмигрантская буржуазия — китайцы, в свое время эмигрировавшие из страны и разбогатевшие в колониальных владениях Англии, Франции, США, Голландии, в Юго-Восточной Азии и в районе Тихого океана.

Эмигрантская буржуазия, соприкасаясь с европейской цивилизацией, видела, насколько Китай выглядел отсталой страной по сравнению с капиталистическими государствами. Она мечтала рано или поздно вернуться в Китай и заняться там капиталистическим предпринимательством. Тем более что любой китаец-эмигрант на старости лет мечтал вернуться в родные места, где его захоронят рядом с усопшими предками.

Однако феодальные порядки в стране, неспособность маньчжурского правительства защитить национальные интересы Китая от иностранного вторжения, его враждебность ко всему прогрессивному и демократическому, консервация всего отсталого и монархического — все это не могло не

вызвать недовольства эмигрантской буржуазии, поэтому она участвовала как в конституционно-монархическом реформаторском, так и в революционно-демократическом движении конца XIX в. — первого десятилетия XX в.

В самом Китае появившаяся мелкая и средняя буржуазия, а также ученое сословие из помещиков (шэнь-ши) находились под сильным влиянием традиций антиманьчжурской борьбы и выступлений тайных обществ против деятельности иностранных миссионеров, насаждавших христианство в Китае и способствовавших укреплению позиций иностранного капитала. Однако эти силы по своей классовой природе не могли быть последовательными, борясь против феодализма, абсолютизма и иностранного засилья, они в то же время идеализировали капитализм, боялись привлекать на свою сторону народные массы, так как это могло привести к серьезным революционным взрывам.

Китайская буржуазия стремилась освободиться от неравноправия и дискриминации, сбросить гнет маньчжурского деспотизма, освободиться от диктата иностранного капитала, сделать Китай независимой страной, свергнуть цинское правительство, которое было послушным орудием иностранных держав. В таких исторических условиях интересы национальной буржуазии шли в русле интересов китайского народа, который активно боролся против маньчжурского господства.

Выдающимся борцом за свержение маньчжурского господства в Китае был великий революционер-демократ Сунь Ятсен. Из передовых представителей китайской интеллигенции и некоторых кругов национальной буржуазии в 1894 г. он организовал «Союз возрождения Китая» (Синчжунхой), который ставил перед собой задачу свержения маньчжурского господства в Китае. Первая попытка поднять антиманьчжурское восстание в 1895 г. в Гуанчжоу потерпела поражение. Сунь Ятсен вынужден был эмигрировать, продолжая руководить организацией антиманьчжурских сил в Китае из-за границы.

В 1904 г. вышла в свет работа Сунь Ятсена «Разрешение китайской

проблемы», в которой разъяснялось, почему маньчжуры смогли завоевать Китай и какое бедствие принесло их господство китайскому народу.

Маньчжуры, писал Сунь Ятсен, были племенем диких кочевников, которые до соприкосновения с китайцами кочевали в пустынных районах Северо-Востока. Они часто совершали набеги на Китай и грабили мирных жителей пограничных районов. К концу минской династии в Китае вспыхнула гражданская война; воспользовавшись беспорядками в стране, маньчжуры захватили Пекин. Это было в 1644 г. Китайцы не хотели быть рабами чужеземцев, поэтому оказали отчаянное сопротивление. Чтобы сломить их сопротивление, маньчжуры вырезали миллионы людей, в том числе воинов и мирных жителей, старых и малых, женщин и детей, предали огню их очаги и принудили китайский народ принять маньчжурские обычаи. Десятки тысяч людей были убиты за неповиновение их приказам носить на голове косы. После сильного кровопролития китайцы вынуждены были подчиниться законам маньчжуров.

Завоеватели прежде всего приняли меры к тому, чтобы держать народ в невежестве. Они уничтожили и сожгли китайские библиотеки и книги, запретили создавать общества и проводить собрания для обсуждения общественных дел. Преследовалась цель низвести патриотический дух китайцев до такой степени, чтобы они с течением времени привыкли повиноваться чужеземным законам.

До Сунь Ятсена идея свержения маньчжуров не имела ясного и определенного выражения, хотя не одно крестьянское восстание потрясло Китай. Никто до него не додумался составить в сжатой форме программу, которая смогла бы побудить Китай пойти по пути революционных преобразований. Именно он является первооткрывателем лозунга, разбудившего Китай от летаргического сна. Этот лозунг состоял всего лишь из четырех слов: тянь минь у чан — мандат Неба не может быть вечным.

Сунь Ятсен понимал, что никто до него не осмеливался открыто выступить против Сына неба, поэтому его призыв был направлен

непосредственно не против императора, а против почитания его трона. Если почитание трона Сына неба будет подорвано, то он потеряет своих покровителей. По китайским обычаям, сыновняя почтительность считалась первым законом в семье, а почтительность к императору — первым законом нации. В сознании китайца Сын неба был выше, чем император. Он был высшим святым на земле и молился за всех его подданных в Храме неба. Любой китайский чиновник мог быть замешан в злоупотреблении, но не Сын неба, так как все его поступки якобы наполнены благосклонностью к подданным, а интересы всего народа ему дороже, чем его собственная кровь.

Лозунг «суверенность народа» не мог быть понятен китайскому народу — слово «суверенность» заимствовано из-за границы. Лозунг же «Мандат Неба не может быть вечным» был понятен даже для забитых кули.

В конце 1905 г. Сунь Ятсен создал новую революционную организацию — «Объединенный союз» (Тун-мэнхой). Это была революционно-демократическая организация, объединившая прогрессивные круги китайской буржуазии и интеллигенции. Ее политическая программа, сформулированная Сунь Ятсеном в 1907 г., состояла из трех принципов: национализм (свержение маньчжурской династии Цин), народовластие (учреждение республики), народное благосостояние (уравнение прав на землю).

Разъясняя принцип национализма, Сунь Ятсен говорил: «Мы отнюдь не питаем ненависти к маньчжурам, как таковым. Мы ненавидим только маньчжуров, угнетающих и ненавидящих нас».

Изгнание маньчжуров и возрождение Китая было важнейшей целью революции, которая определялась как «революция нации». Эта цель стала основным политическим содержанием первого принципа суньятсенизма — национализм.

Принцип народовластия предполагал ликвидацию не только маньчжурской династии, но и монархического строя в целом. «Конечным результатом политической революции, — говорил Сунь Ятсен, — является

создание конституционно-демократического режима, поэтому если бы императором был китаец, то и тогда все равно нельзя было бы отказаться от революции».

В принципе народного благосостояния Сунь Ятсен выразил свое стремление избежать развития капитализма и не допустить, чтобы «кучка богатых монополизировала все богатство страны».

Китайских революционеров прежде всего волновала не столько форма правления страны после свержения маньчжурского господства, сколько восстановление власти китайцев, и это нашло отражение в широко распространившемся призыве — «Свергнем маньчжурскую династию Цин, восстановим китайскую династию Мин».

Китай, призывали они, должен быть государством китайцев, и управлять им должны китайцы.

«С самого основания китайского государства им всегда управляли китайцы, — говорилось в одном обращении китайских революционеров, — и хотя случалось, что власть захватывали иноплеменники, наши предки всегда находили силы изгнать их, возродить славу Родины и сохранить ее для потомков. И ныне провозглашение ханьцами борьбы за справедливость и изгнание варваров — это продолжение славных подвигов предков. В этом великий смысл наших дел».

Сунь Ятсен лучше других своих соотечественников понимал, что маньчжурская династия, завоевавшая Китай в 1644 г., словно глыба лежит на груди китайского народа и что во имя прогресса и процветания родины нужно прежде всего свалить эту глыбу. Первопричину страданий китайского народа он видел в маньчжурском троне, в деспотическом господстве маньчжуров, но при этом упускал из виду и идеализировал неблагоприятную роль империалистических держав в Китае. В то же время Сунь Ятсен понимал, что антииностранные акции правителей маньчжурской династии диктовались вовсе не их стремлением завоевать для Китая подлинный суверенитет, а боязнью капиталистической цивилизации, идущей с Запада,

которая объективно содействовала росту национального самосознания китайского народа, и это в конечном счете могло привести к свержению маньчжурского трона.

Аграрная программа Сунь Ятсена сводилась к идее национализации земли, что означало ломку феодализма и расчищение пути для развития капитализма.

Требования ликвидации маньчжурской династии, установление республики и национализации земли объективно отражали интересы национальной и мелкой буржуазии Китая.

Революция, покончившая с господством маньчжурской династии, называется Синьхайской: она получила такое название от слова «синьхай» — года, который по китайскому лунному календарю приходится на период с 30 января 1911 г. по 17 февраля 1912 г.

В провинции Хубэй, на берегу великой китайской реки Янцзы, находится крупный центр Юга Китая — город Ухань, который объединяет три города — собственно Ухань, Ханьян и Учан. 10 октября 1911 г. в Учане подняли восстание войска, распропагандированные «Объединенным союзом». Учанское восстание считается началом Синьхайской революции.

Восставшие, захватив Учан, а затем Ханькоу, сформировали революционное правительство. 2 декабря 1912 г. был взят Нанкин. Победа в провинции Хубэй всколыхнула антиманьчжурские силы и в других провинциях: Хунани, Шэньси, Цзянси, Шаньси, Юньнани, Гуйчжоу, Аньхое, Цзянсу, Гуанси, Чжэцзяне, Гуандуне, Фуцзяне, Шаньдуне, где создавались независимые правительства.

Пламя революции охватило провинции, расположенные к югу от реки Янцзы: здесь находились крупнейшие промышленные центры — Шанхай, Ханькоу, Гуанчжоу и Нанкин. Революция встретила горячую поддержку со стороны крестьянства, задавленного помещичьим гнетом.

Южный Китай, где взяли верх сторонники буржуазно-демократического строя, противопоставил себя монархическому Северу,

представлявшему маньчжурскую династию Цинь.

Среди революционеров существовало широко распространенное убеждение, что революция, направленная на свержение маньчжурской династии, должна объединить всех китайцев, независимо от их социального положения и политических взглядов. Это привело к тому, что руководство революционным движением оказалось в руках людей, не имеющих никакого отношения к революции. Так, военным губернатором провинции Хубэй был избран командир 21-й бригады Новой армии генерал Ли Юаньхун, чуждый делу революции. И хотя он объявил себя республиканцем, но оставался типичным милитаристом.

Ли Юаньхун, вступив на пост главы Военного правительства провинции Хубэй, по случаю победы восставших обратился с грамотой и жертвоприношениями к основателю китайского централизованного государства императору Цинь Шихуану. В грамоте говорилось: «Мы, предводитель Хубэйской армии Ли Юаньхун и все военные чины, по издревле установленному обычаю с чувством глубокого уважения и почтения приносим жертву духу императора Цинь Шихуана, пребывающему на небе».

25 декабря 1911 г. Сунь Ятсен вернулся из эмиграции на родину. В Шанхае революционеры и народные массы горячо приветствовали вождя революции. Вскоре после этого, 1 января 1912 г., он в сопровождении военного эскорта на экипаже торжественно въехал в Нанкин, в его честь салютовали 21 выстрелом из орудий. Нанкин стал первой столицей Китайской Республики, а ее временным президентом был избран Сунь Ятсен, давший клятву такого содержания:

«Я клянусь свергнуть маньчжурское самодержавное правительство, укрепить Китайскую Республику, заботиться о счастье и благоденствии народа, руководствоваться общественным мнением и волей народа. Обязуюсь быть преданным интересам народа и всегда служить народу».

Так было покончено с монархическим строем, существовавшим в

Китае более двух тысяч лет, что явилось великой победой Синьхайской революции.

Первым актом республиканского правительства было упразднение старого летосчисления, начинавшегося с правления маньчжурских императоров, и введение нового — с первого года победы революции и установления Китайской Республики (т. е. 1911 год).

Революционно-демократическая деятельность Сунь Ятсена не устраивала либеральную буржуазию Юга, которая стремилась к компромиссу с Севером. В такой обстановке он вынужден был заявить, что лично стремится не к президентству: его задача состояла в свержении маньчжурской династии.

Либеральный Юг и монархический Север понимали, что конфронтация между ними может привести к гражданской войне и аграрной революции: этого боялись и национальная буржуазия Юга, и помещики-феодалы Севера. Выход мог быть один — пойти на компромисс: создать республику, но чтобы во главе ее стоял «свой человек». Таким человеком оказался Юань Шикай.

Почти три года Юань Шикай был не у дел, но зорко следил за ходом событий, поддерживал контакты с маньчжурскими сановниками. Он был уверен, что его час придет.

Верхушка маньчжурской династии — малолетний император Пу И, его безвольный отец — регент великий князь Чунь, вдовствующая императрица Лун Юй и, наконец, князь Цин (И Куан) — один из виднейших деятелей династии, председатель Императорского совета, — не способна была организовать сопротивление революции. Все они возлагали надежды на Юань Шикая.

По рекомендации князя Цина, сохранившего связи с Юань Шикаем и после его отставки, князь-регент Чунь согласился на возвращение Юань Шикая, предполагая сделать его «спасителем» маньчжурской династии.

Юань Шикай был типичным карьеристом и милитаристом, преследовавшим свои корыстные цели. С одной стороны, используя влияние

революционной армии, он вынудил маньчжурское правительство передать всю власть в его руки, а с другой — поощрял маньчжурских правителей выдвигать различные требования с целью воспользоваться плодами революции.

27 октября 1911 г. Юань Шикай был назначен на пост главнокомандующего всеми вооруженными силами, а 1 ноября — премьер-министра. Так вся власть в стране — гражданская и военная — оказалась в руках этого человека.

Юань Шикай, обладая властью, старался не допустить победы демократического крыла революции и утверждения власти революционера-демократа Сунь Ятсена.

Вдовствующая императрица Лун Юй от своего имени и от имени малолетнего императора Пу И 30 января 1912 г. обнародовала императорский указ, в котором есть такие слова: «Воля народа — воля неба. Можем ли мы из-за одной семьи противиться желаниям всего населения. Ознакомившись с положением вещей и желаниями населения, мы совместно с императором передаем правительственную власть народу и одобряем введение конституционно-республиканской формы правления. Этим мы желаем удовлетворить чаяния населения, утомленного анархией и желающего мира».

Понятно, что это было сделано не по доброй воле царствующего дома: прогнившая маньчжурская династия оказалась на краю гибели и вынуждена была «удовлетворить чаяния населения».

Как только эхо выстрелов в Учане докатилось до Севера, Юань Шикай понял, что его час настал. Его сторонники были уверены в том, что маньчжурское правительство, желая уйти от смертельной опасности, безусловно, обратится к нему за помощью. Сам Юань Шикай был не против того, чтобы династия Цин ушла со сцены, хотя и желал поражения революции. Поэтому он избрал революцию в качестве своего орудия для свержения династии Цин.

12 февраля 1912 г. последний отпрыск маньчжурской династии Пу И отрекся от престола, а вскоре временным президентом Китайской Республики стал Юань Шикай.

Советский историк-китаевед Г. В. Ефимов дал такую оценку Юань Шикаю: «Юань Шикай был весьма изворотлив и коварен; его беспринципность в политике была доведена до совершенства: способность сегодня поклоняться одному богу, а завтра хладнокровно отказываться от всего того, чему поклонялся вчера; безжалостные и коварные расправы с противниками, готовность идти и подниматься вверх по трупам — всем этим Юань Шикай владел в совершенстве».

15 февраля 1912 г. состоялся торжественный обряд отречения Сунь Ятсена у могилы Чжу Юаньчжана — основателя китайской династии Мин (1368—1644). На южном склоне Пурпуровых гор в Нанкине Сунь Ятсен предстал перед табличкой духа императора, на которой золотом были начертаны слова: «Место Его императорского величества, Великого основателя династии Мин».

Впереди таблички духа императора стоял стол для жертвоприношений, на котором дымились курительные палочки, издававшие ароматический запах. А по сторонам горели толстые красные свечи.

Руководитель церемонии объявил: президент Китайской Республики прибыл, чтобы отдать дань почтительности великому основателю погибшей китайской династии. Президент и сопровождавшие его лица сняли головные уборы и совершили три глубоких поклона перед табличкой духа усопшего императора. Руководитель церемонии зачитал послание президента, обращенное к духу основателя династии Мин и духам усопших предков китайской нации. В нем говорилось об установлении в Китае свободной республики и уничтожении сильного врага нации.

После такой церемонии Сунь Ятсен обратился к народу и армии. Он вкратце объяснил, как была свергнута маньчжурская династия и китайский народ обрел свободу. Он говорил о том, что объединенный и свободный

Китай должен достигнуть славы и процветания. Одобрительные возгласы присутствующих потрясли воздух, и они были заглушены салютами залпов орудий.

Спустя много лет после этих событий Сунь Ятсен писал: «Я был избран президентом. После исполнения обязанностей в течение короткого срока я отказался от поста в пользу Юань Шикая, так как мои друзья, которым я полностью доверял и которые тогда обладали более точным знанием китайских внутренних отношений, чем я, убеждали меня, что Юань Шикай способен объединить страну и обеспечить устойчивость республики, располагая доверием со стороны иностранных держав. Мои друзья теперь признают, что моя отставка была большой политической ошибкой, имевшей в точности такие же политические последствия, которые имели бы место в России, если бы на смену Ленину в Москве пришел Колчак, или Юденич, или Врангель».

1 февраля 1912 г. вдовствующая императрица Лун Юй подписала указ, поручавший Юань Шикаю начать переговоры между Пекином и Нанкином об условиях отречения.

Маньчжурская династия Цин после 267-летнего господства в Китае бесславно закончила свое существование. Ее отречение нашло отражение в трех эдиктах, изданных от имени императора 12 февраля 1912 г. В одном из них говорилось: «Мы, вдовствующая императрица и император, удаляемся в частную жизнь, свободную от общественных обязанностей, надеемся провести наши годы, наслаждаясь уважением народа и наблюдая с удовлетворением за блестящим учреждением и развитием совершенного правительства».

Предусматривалось, что в Храме предков и на императорских кладбищах будут вечно совершаться жертвоприношения, а мавзолей покойного императора Гуансюя будет возведен в соответствии с первоначальным планом. Император слагал с себя власть, но не терял своего титула.

10 марта 1912 г. в Нанкине было созвано Национальное собрание, принявшее временную конституцию и провозгласившее Юань Шикая временным президентом республики.

В декабре 1915 г. под давлением монархических элементов парламент был распущен и официально было объявлено о восстановлении монархии в Китае с Юань Шикаем в качестве императора. Это вызвало массовое антимонархистское движение, в разгар которого Юань Шикай скоропостижно умер (1916 г.): его царствование продолжалось всего лишь 83 дня, после чего вновь и уже навсегда была восстановлена республика.

И хотя маньчжурская династия Цин была свергнута, за малолетним императором Пу И сохранялись значительные привилегии. Согласно «Льготным условиям» они сводились к следующему:

1. После отречения императора от престола его почетный титул сохраняется за ним. В дальнейшем Китайская Республика будет относиться к нему с почетом, как к любому иностранному монарху.

2. После отречения императора от престола двору ежегодно будет выплачиваться 4 миллиона лянов серебра, или 4 миллиона юаней после денежной реформы. Данная сумма будет выплачиваться Китайской Республикой.

3. После отречения императора от престола он временно может жить в императорском дворце. В дальнейшем резиденция императора должна быть перенесена в летний дворец Ихэюань. Его личная охрана может быть сохранена.

4. После отречения императора от престола храмы и гробницы его предков будут сохранены навечно. Их охрану станет осуществлять Китайская Республика.

5. Строительство гробницы императора Дэцзуна (посмертное имя Гуансюя) завершится по намеченному плану. Церемония погребения будет совершена согласно существующему старому ритуалу. Все связанные с этим расходы возлагаются на Китайскую Республику.

6. Может оставаться на работе весь обслуживающий персонал дворца. Прием новых слуг и евнухов не разрешен.

7. После отречения императора от престола его личная собственность станет особо охраняться Китайской Республикой.

8. Прежняя дворцовая охрана будет влита в армию Китайской Республики. Ее численность и размеры жалованья остаются прежними.

Эти «Льготные условия» действовали до 1924 г., то есть до изгнания Пу И из Пекина в Тяньцзинь, куда он перебрался на постоянное жительство.

Малолетний Пу И жил на территории японской концессии, где находился под защитой японских войск и полиции. В сентябре 1931 г. японская военщина оккупировала Маньчжурию, а в марте 1932 г. было создано марионеточное государство Маньчжоу-го. 26-летний Пу И был переправлен туда и объявлен императором Маньчжоу-го.

Пу Цзе — младший брат Пу И — был назначен его телохранителем и получил чин подполковника, часто ездил в Японию, где изучал военное дело. Чтобы «породнить» Японию с Маньчжоу-го, Пу Цзе в 1937 г. в Токио был женат на Сага Хиро — дочери японского маркиза Саги Сантэто. У Пу И не было наследников: в случае его смерти трон оказался бы пустым. Стараясь заполнить эту «пустоту», японские оккупанты приняли «Закон о наследовании престола», по которому брат императора имел право на наследование престола. Так Пу Цзе стал кандидатом на трон Маньчжоу-го.

После объявления 8 августа 1945 г. Советским Союзом войны милитаристской Японии главнокомандующий Квантунской армии генерал Ямада потребовал от Пу И, чтобы он переехал в Корею для последующей отправки в Японию. 12 августа Пу И покинул столицу Маньчжоу-го — Чанчунь и со своей свитой на следующий день прибыл поездом к месту назначения. В это время основные порты Северной Кореи были уже заняты советскими войсками и вояж в Японию был связан с риском. Самолетов для отправки Пу И в Японию на корейских аэродромах не оказалось. Поэтому рано утром 17 августа он был переправлен на самолете в Мукден (Шэньян),

чтобы пересесть на большой самолет и вылететь в Японию.

Утром 17 августа 1945 г. авиадесант советских воинов в сопровождении истребителей высадился на окраине города Мукдена. В 11 часов этого же дня во время ожидания готовящегося самолета на мукденском аэродроме для отправки в Японию советские авиадесантники пленили Пу И и его брата Пу Цзе.

31 июля 1950 г. советская сторона передала Пу И и Пу Цзе властям Китайской Народной Республики: их доставили в тюрьму для военных преступников в город Фушунь, на Северо-Востоке Китая. В 1959 г. они были освобождены по частной амнистии и переведены из Фушуня в Пекин, где Пу И устроился на службу в ботанический сад и занимался литературным трудом — писал свою биографию. В октябре 1967 г., как сообщала китайская печать, Пу И умер, а Пу Цзе продолжал проживать в Пекине.

* * *

Известный китайский историк Ли Шу дал следующую оценку революционно-демократической деятельности Сунь Ятсена и Синьхайской революции.

«Вождь буржуазной революции Сунь Ятсен явился той выдающейся личностью, кто шел в ногу с эпохой. После Октябрьской революции в России он быстро осознал — для того, чтобы одержать победу в китайской революции, необходимо идти по пути русских. Он разработал три основные политические установки: союз с Советской Россией, союз с КПК, поддержка рабочих и крестьян, и дал новую трактовку трем народным принципам, ставшим и теорией демократической революции, необходимой в решительной борьбе против империализма и феодализма. Тем самым Сунь Ятсен внес огромный вклад в дело завоевания победы китайской революции. Все эти сдвиги были сделаны в огромной мере на основе извлечения уроков Синьхайской революции. Синьхайская революция является небывалой в нашей истории великой революцией, важной вехой в новой истории Китая. Ее исторические заслуги никогда не померкнут».

Действительно, Синьхайская революция сыграла большую роль в истории Китая: она освободила китайский народ от национального унижения и дискриминации со стороны чужеземцев-маньчжуров и сбросила монархический строй, существовавший более чем 2 тысячи лет.